

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 5 2015

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава пятнадцатая

ТРЕТЬЯ ВОЙНА. И ПЕРВЫЙ ТРИУМФ

*“Операция, которую я
до сих пор люблю...”*

Однажды в споре историков я услышал такую фразу: “Зрелость Жукова при Халхин-Голе необъяснима”. В развитие этого тезиса снова всплыла версия о том, что якобы и Жукова вместе с “красными маршалами” в конце 1920-х годов или в начале 1930-х обучили искусству вождения войск германские специалисты.

Конечно, это очередные выдумки. Для чего? Да всё для того же, чтобы убедить население, что простой русский юноша из калужской деревни, выходец из бедняцкой семьи, не мог достичь таких высот благодаря лишь врождённым способностям, упорству и рвению, то есть таланту и характеру.

---

* Журнальный вариант. Главы из книги о Маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Повести и рассказы публиковались в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Ясная поляна”, “Воин России”. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

В разговоре, записанном Константином Симоновым, о своей неожиданной командировке на Восток Жуков рассказывал: “На Халхин-Гол я поехал так — мне уже потом рассказали, как всё это получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае-июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: “Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?” — “Комбриг Фекленко”. “Ну, а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал: “Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам”. Тимошенко сказал: “У меня есть одна кандидатура — командир кавалерийского корпуса Жуков”.

“Жуков... Жуков... — сказал Сталин. — Что-то я помню эту фамилию”. Тогда Ворошилов напомнил ему: “Это тот самый Жуков, который в 37-м прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности”. “Ну, и чем дело кончилось?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что ничем: выяснилось, что для привлечения к партийной ответственности оснований не было.

Тимошенко охарактеризовал меня с хорошей стороны, сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура.

Я в это время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, был в окрестностях в полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год всё-таки, думаю, что значит этот вызов? Спрашиваю: “Ты стороной не знаешь, почему вызывают?” Отвечает: “Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова”. — “Ну, что ж, есть!”

Поехал в Москву, получил приказание: лететь на Халхин-Гол, и на следующий день вылетел”.

Прежде чем отправиться к новому месту службы, Жуков навестил московскую родню. Сразу из Генштаба поехал в Брюсов переулок к двоюродному брату Михаилу Михайловичу Пилихину. Родные хоть и не ждали его, да ещё в столь поздний час, но встретили, как всегда, радушно.

Пока Клавдия Ильинична накрывала на стол, а брат бегал в ночной магазин за водкой, Жуков написал жене письмо. Узнав о его вызове в Москву, Александра Диевна разрыдалась — испугалась, что мужа арестуют. Насмотрелась на аресты в гарнизоне. На то, как офицерские жёны и дети в один момент остаются без мужей и отцов, без крыши над головой и средств к существованию... Он с трудом успокоил её, уговорил, чтобы до его весточки из Москвы сидела дома и ничего не предпринимала самостоятельно, ни с кем не обсуждала его отъезд и вообще поменьше разговаривала, даже с самым надёжными подругами. Знал её характер — сгорая могла наговорить много лишнего.

“21.30. 24.5.39. Из Москвы в Смоленск.

Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжать надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжёлая работа, и я, как член партии, командир РККА, должен её выполнить с честью и образцово. Ты ж меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и за дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать себя моим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну, что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок. Ваш Жорж”.

Жуков понял — его посылают на войну. Сомнений не было. Но воевать придётся не кавалерией. Так что по поводу шашки Ворошилов его не обманул. А вначале сердце дрогнуло, когда услышал, что — без шашки...

Нарком вкратце назвал группировку: пехота, артиллерия, авиация, танки и мотомехчасти. Кавалерии совсем мало, несколько эскадронов. По данным разведки, кавалерия была на той стороне, у противника — несколько полков баргутов. Баргуты — древнее племя, когда-то обитавшее в Забайкалье, а теперь живущее во Внутренней Монголии, хорошие воины, прирождённые наездники. В их жилах смешались три крови — монгольская, бурятская и тунгусская. Основной же силой, с которой предстояло драться, были японцы.

Что же предшествовало срочной командировке Жукова на Восток?

В 1937 году Англия начала искать пути дружбы с Германией, даже ценой своих интересов во Франции. 21 мая посол Германии в Англии фон Риббентроп пригласил в посольство для приватной беседы Черчилля, в то время рядового члена парламента. Отстранённый от активной политики, Черчилль основное время проводил в своём имении Чартвилл. Занимался живописью и писал очередную книгу. Одним словом, скучал без дела. Но немцы прекрасно понимали политический вес, влияние в парламенте Великобритании, да и военный потенциал этого человека. Риббентроп заявил, что Гитлер склонен к тому, чтобы гарантировать целостность Британской империи со всеми её колониями. Черчилль в свойственной ему манере даже лаконичные монологи превращать в афоризмы ответил, что “эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот”. Разговор затянулся. В конце концов, Риббентроп подошёл к карте, сказал, что рейх нуждается в жизненном пространстве, и жестом очертил то “жизненное пространство”, в котором “нуждается рейх”: всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию и Прибалтику. Черчилль ответил, что хотя англичане “находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они всё же не ненавидят её настолько”.

— В таком случае, — сказал Риббентроп, — война неизбежна.

Правительство Чемберлена ещё какое-то время пыталось лавировать. Вернее, англичане вкупе с французами, оттягивая неизбежное, потихоньку скармливали молодому хищнику, одетому в униформу цвета фельдграу, Восточную Европу. В сентябре 1938 года по Мюнхенскомуговору, подписанному Англией, Францией, Германией и Италией, германские войска вошли в Судетскую область Чехословакии. Жадные до неосторожности поляки тут же потребовали свою долю от распадающейся Чехословакии — спорную Тихинскую область. При этом Польша пыталась пойти и дальше: обдумывала “возможность присоединения Варшавы к Антикоминтерновскому пакту”, с условием, что Германия уступит ей Украину с выходом к Чёрному морю. Застарелая болезненная мечта Речи Посполитой не давала покоя и толкала поляков на роковые ошибки. Германия же продолжала давить на Англию и Францию, требуя новых уступок и земель. На очереди была проблема “Данцигского коридора”, которую Европе, ступившей на путь компромисса, необходимо было решать в пользу Германии. Более того, в британских газетах появлялись статьи с заголовками вроде “Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?”* Сбылось пророчество Черчилля, произнесённое им в речи в палате общин: “У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну”.

И война началась.

В апреле 1939 года Гитлер отдал приказ о подготовке операции “Вайс” — вторжение в Польшу. Вермахт атаковал польские пограничные заставы 1 сентября. Общее командование блицкригом в Польше осуществлял

---

* Эта фраза принадлежит тогдашнему главному редактору лондонской газеты “Таймс” Джеффри Доусону.

генерал-полковник фон Браухич, армиями и танковыми группами командовали генералы Гудериан, фон Клюге, Лист, фон Рунштедт и фон Кюхлер.

Германские и словацкие дивизии стягивались к польской границе. В состоянии повышенной боевой готовности были приведены и части Красной армии, дислоцированные в западных особых военных округах — Белорусском и Киевском.

Жуков отбыл в противоположную сторону, за тысячи километров от вулкана, где уже созрела лава новой мировой войны. Его задачей было усмирение японцев и их союзников в Маньчжурии. Здесь Япония энергично создавала мощный плацдарм для нападения на СССР, Монголию и Китай.

Летом 1938 года у озера Хасан состоялась проба сил. Японцы атаковали небольшими силами, и их хорошенько оттрепали.

Осенью 1938 года японский Генштаб разработал план полномасштабной войны против МНР и СССР: оккупация Монгольской Народной Республики и советского Приморья. В случае успеха, “если проба сил у Халхин-Гола покажет, что Япония в состоянии победить СССР, то в действие вступал план, согласно которому японский Генштаб планировал перерезать Транссибирскую магистраль, отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза”. Публикации последних лет проливают более ясный свет на замысел этой операции: по свидетельству одного из бывших офицеров японского Генерального штаба, “основной стратегический замысел японского командования по этому плану заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск”.

Начальник штаба Квантунской армии генерал Итагаки говорил, что Монголия очень важна “с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Транссибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без особенных военных усилий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами”.

Замысел японцев был таков: овладеть Монголией, прорваться к Байкалу, перехватить коммуникации, связывающие Дальний Восток с центром, и придушить его в постепенной блокаде. На создание таких колоссальных “котлов” не осмелятся даже немцы в самый пик их военного могущества и успехов на Восточном и Западном фронтах.

Японцы зарились на жирный кусок: руды, железо, уголь, скот, пастбища, лес, железная дорога, территория, равная Германии, Англии и Франции вместе взятым...

Однако большими силами наступать японцы не решались. Конфликт сразу бы перерос в большую войну. Большая война уже вот-вот должна была вспыхнуть на Западе. Стоило немного подождать. Но до этого основательно укрепиться на своих передовых плацдармах, чтобы быть готовыми к нападению.

Поле битвы выбирали японцы. И выбрали его весьма удачно, выгодно расположив свои войска.

Что же представлял собой этот ландшафт, ставший после летне-осенних боёв 1939 года историческим?

Холмистая открытая местность пустыни Номонган. Пески с редкой растительностью. Балки, долины, сопки. И всю эту местность разрезала река Халхин-Гол. Ширина её 100–130 метров, глубина — до трёх метров. Берега крутые, местами заболоченные, а потому труднопроходимые для боевой техники. С востока тянется гряда сопок. Они возвышаются над местностью, главенствуют над окрестными холмами. В реку Халхин-Гол среди балок и песчаных котлованов впадает речка Хайластын-Гол. Именно она, эта небольшая речушка, разделит на две части район предстоящих боевых дейст-

вий. Для советских войск и союзнических монгольских эта речка была помехой: она рассекала фланги, препятствовала взаимодействию частей правого и левого крыла.

Выбирая место для атаки, японцы рассчитывали на то, что в случае неудачи можно будет легко отступить, “не теряя лица”, то есть вывести свои войска из-под удара.

Как отмечают историки, “с формальной точки зрения подобный инцидент выглядел бы как столкновение Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го (марионеточного государственного образования, созданного японцами после оккупации Маньчжурии). Фактически же за их спинами стояли Советский Союз и Япония. В январе 1936 года правительство Монголии обратилось к СССР с просьбой о военной помощи, а 12 марта 1936 в Улан-Баторе был подписан протокол, в соответствии с которым в Монголии были размещены советские войска — 57-й особый стрелковый корпус”.

Кстати, этот корпус формировал из войск группы усиления Монгольской народной армии и частей, дислоцированных в Забайкалье, комдив Иван Степанович Конев. Он был отозван из Белорусского военного округа в августе 1937 года и направлен в Читу. Конев за период с конца августа по начало сентября привёл корпус в Улан-Батор. Это был беспримерный марш-бросок крупного войскового соединения из Кяхты вглубь Монголии. 30 тысяч войск, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолётов различных типов. Части Квантунской армии в то время ничем подобным не располагали. Когда мотомехчасти 57-го особого корпуса закончили сосредоточение в районе города Саин-Шанда, в четырёхстах километрах к югу от Улан-Батора, разведка доложила, что подразделения Квантунской армии не двинулись с места. Все важнейшие коммуникации и перевалы были уже в руках коневцев. Конев за этот марш-маневр получил звание комкор и орден Красного Знамени.

И вот наступало время Жукова. Что чувствовал он накануне сражения, когда готовил войска к первому своему делу? Понимал ли он, осматривая в бинокль песчаные холмы и вереницу японских окопов на склоне Баин-Цагана, что перед ним лежит его Тулон?

Из рассказа Жукова Симонову: “Первоначальное приказание было такое: “Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения”.

Я приехал, в обстановке разобрался, доложил о принятых мерах и о моих предложениях. Получил в один день одну за другой две шифровки: первая — что с выводами и предложениями согласны. И вторая: что назначаюсь вместо Фекленко командующим стоящего в Монголии особого корпуса”.

Прибыв в расположение 57-го корпуса, Жуков застал штаб и войска в полурасхлябанном состоянии.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым — комиссаром корпуса, комбригом А. М. Куцевым — начальником штаба и другими.

Докладывая обстановку, А. М. Куцев сразу же оговорился, что она ещё недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н. В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы всё это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке.

Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М. С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал своё дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочётов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Всё говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нём кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса.

Понимая всю сложность обстановки, я обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части, а также выдвинуть к району боевых действий не менее трёх стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию, без чего, по нашему мнению, нельзя было добиться победы.

Пока небо контролировала японская авиация. Одиночные истребители безнаказанно летали над территорией дислокации 57-го корпуса, гонялись за машинами, расстреливали их с воздуха.росло количество убитых и раненых. Это плохо действовало на общее настроение войск, которым в ближайшие дни предстояло вступить в бой.

Генштаб на предложение усилить группировку отреагировал мгновенно. Из Москвы и военных округов были направлены самолёты, укомплектованные лучшими экипажами. Главную ударную силу составляли асы-истребители — 21 Герой Советского Союза. Почти все прошли Испанию, имели большой опыт боёв. Командовал авиацией в небе над Халхин-Голом Герой Советского Союза “испанец” Яков Смушкевич. Обладая огромным боевым опытом и организаторскими способностями, Смушкевич быстро наладил воздушное патрулирование. Советские лётчики, по сути дела, накрыли непробиваемым куполом район действий наших войск, их сосредоточение и развёртывание.

Здесь непосредственно в бою были испытаны и отлично показали свои технические и огневые качества модернизированные “И-16” и сверхманёвренные истребители-бипланы “Чайка” (И-153). Начались воздушные схватки. Японские лётчики, владевшие небом, конечно же, не хотели его уступать.

Двадцать второго июня с аэродромов противостоящих сторон взлетели 95 советских и 120 японских истребителей. Началась битва за небо. Позже Константин Симонов, наблюдавший события на Халхин-Голе глазами репортёра, напишет, что таких грандиозных воздушных боёв не видел даже во время Великой Отечественной. Бой истребителей длился три с половиной часа. Самолёты по несколько раз садились для дозаправки и пополнения боекомплект. Результат: сбито 32 японских самолёта, наши потери — 11.

Двадцать четвёртого июня японцы, уязвлённые неудачей двухдневной давности, залатали пробоины на крыльях своих истребителей “Накадзима”

Ki-27 и повторили налёт. И снова были избиты. Некоторые горящие машины падали прямо в реку.

В воздушных схватках с 22 по 28 июня японцы потеряли 90 самолётов. Наши потери — 38 машин. В июле напряжение в воздухе заметно ослабло.

На земле среди песчаных барханов и сопок война шла с переменным успехом. Стороны готовились к решающим боям. Накапливали силы, подтягивали войска, укрепляли оборону, подвозили боеприпасы. Усиленно действовала разведка.

Местность в районе боёв была открытая. Все передвижения войск — как на ладони. Разведывательный самолёт поднимался в воздух, набирал высоту и — вот они, колонны противника: наноси на карту направление их движения, примерный численный состав, вооружение, типы танков и орудий...

В начале июля 1939 года 57-й корпус был преобразован в 1-ю армейскую группу. Несколько дней раньше в Чите для обеспечения воюющей армейской группы сформировали Фронтową группу. Первую возглавил командир Жуков. Вторую — командарм 2-го ранга Штерн. Одновременно в районе боевых действий находился заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Кулик. Он выполнял ту роль, которую вскоре будут выполнять на фронтах представители Ставки.

Хроника решающих боёв на песчаных, продутых монгольскими ветрами берегах реки Халхин-Гол такова:

второго июля японцы и баргутская кавалерия начали очередное наступление, противник форсировал реку и на западном берегу овладел господствующей высотой Баин-Цаган;

в тот же день Жуков отдал приказ своему резерву (танковой бригаде и монгольскому бронедивизиону) контратаковать противника;

четвёртого июля японская ударная группировка, оказавшись в полуокружении, понесла огромные потери;

пятого июля “Баин-Цаганское побоище” стихло, и японские войска начали отход;

восьмого июля ночью японцы вновь атаковали и потеснили наши подразделения, находившиеся за рекой на плацдарме;

одиннадцатого июля Жуков подписал жёсткий приказ, после которого ряд командиров, уклонившихся от боя, и бойцов-“самострелов” были преданы суду военного трибунала;

в тот же день была проведена атака прорвавшихся японцев частями 11-й танковой бригады, во время которой погиб её командир комбриг Яковлев;

тринадцатого июля в наиболее напряжённые дни Жуков подписал приказ: “Тов. красноармейцы, командиры и политработники соединений и частей корпуса! На нас, сынов славного 170-миллионного народа, выпала высокая честь защиты трудовых масс МНР от презренных захватчиков, на нас возложена почётная задача разгрома самураев, попирающих мирный труд свободного народа МНР. Призываю вас к отваге, мужеству, смелости, храбрости и героизму! Смерть презренным трусам и изменникам! Суровая рука революционного закона и впредь будет беспощадно сметать с лица земли трусов и изменников. Честь и слава храбрым и смелым воинам нашей славной РККА! Приказ довести до каждого бойца”;

с тринадцатого на двадцать второе июля на фронте наступила пауза, обе противоборствующие группировки использовали её для проведения перегруппировки и отдыха, готовясь к решающему удару;

двадцать третьего июля японские войска провели артподготовку и атаковали плацдарм на правом берегу, но после двухдневных боёв вынуждены были отступить на исходные позиции;

снова начались воздушные бои, в ходе которых с 21 по 26 июля японские лётчики потеряли 67 самолётов, наши — 20;

тридцать первого июля из Москвы пришёл указ о присвоении командиру 1-й армейской группы очередного воинского звания комкор;

в августе шли усиленные консультации в рамках треугольника нарком Ворошилов—Штерн—Жуков по поводу предстоящего наступления, группи-

ровка накапливает силы, боеприпасы, продовольствие, горючее, усиленно работает разведка и штабы;

в штабе 1-й армейской группы подготовлен план операции по разгрому 6-й армии японцев в районе реки Халхин-Гол;

двадцатого августа в 6 часов 15 минут началась мощная артподготовка и авианалёт на заранее разведанные цели, после чего войска Жукова двумя ударными группировками атаковали фланги 6-й японской армии и оборону в центре;

двадцать первого и двадцать второго августа японцы, придя в себя, начали контратаковать, на что Жуков отреагировал введением в дело резервной 9-й мотоброневой бригады;

двадцать третьего августа, в самый пик напряжения, Жуков ввёл в бой свой последний резерв — 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников;

двадцать четвертого и двадцать пятого августа лётчики комкора Смушкевича успешно действовали бомбардировочной и истребительной авиацией: эскадрильи скоростных бомбардировщиков совершили 218 групповых вылетов и сбросили на склады, колонны живой силы и техники, на позиции 6-й японской армии и её тылы 96 тонн бомб, а истребителями в воздушных боях было сбито 70 японских самолётов;

двадцать шестого августа ударные группировки правого и левого крыла армейской группы Жукова сомкнулись позади боевых порядков 6-й японской армии и начали энергично формировать “котёл”;

в этот день Квантунская армия несколько раз предпринимала попытки деблокировать окружённых в районе Халхин-Гола — из Хайлара перебрасывались части 14-й пехотной бригады японцев и вводились в бой на узком участке, но 80-й стрелковый полк, прочно врывшийся на северо-восточной кромке “Больших Песков”, отбил все атаки извне;

двадцать девятого и тридцатого августа бои продолжались на северном участке фронта в районе реки Хайластын-Гол, а к утру тридцать первого августа на территории Монголии не было ни одного вооружённого солдата Квантунской армии — только пленные и мёртвые;

четвёртого сентября два батальона японцев атаковали высоту Эрис-Улын-Обо на правом крыле фронта, но были жёстко отбиты, потеряв убитыми и пленными до 350 человек;

восьмого сентября усиленный батальон японцев снова атаковал правый фланг 1-й армейской группы, и снова был отбит с большими для него потерями.

Вот и всё. Солдаты 1-й армейской группы собирали по оврагам и воронкам в окрестностях Халхин-Гола и Баин-Цагана пленных и трофеи. В штабе Жукова подсчитывали свои потери. А тем временем Япония, разуверившись в силе своего оружия, спешила обезопасить себя иными, политическими средствами — через своего посла в Москве “обратилась к правительству СССР с просьбой о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе”.

Сталин ликовал. Ему очень нужна была именно эта и именно такая, сокрушительная, победа. Победителей ждали награды.

Через несколько дней после того, как смолкли последние залпы, а солдаты трёх армий — Красной, Монгольской Народной-революционной и Квантунской — похоронили своих погибших боевых товарищей, политики подписали “соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол”, которое вступило в силу на следующий день.

Соглашение было подписано 15 сентября 1939 года. В это время далеко на Западе, в Польше, шла война. Германские танковые клинья при поддержке эскадрилий пикирующих бомбардировщиков кромсали польскую армию. Уже была окружена Варшава, шли бои на Побережье. Завершилось окружение польских войск, которые не смогли противостоять германскому блицкригу, в гигантском “котле” между Вислой и Бугом. Солдаты и офицеры Войска Польского, оказавшись в безвыходном положении, сдавались тысячами.

Англия и Франция объявили войну Германии.

Семнадцатого сентября Красная армия перешла польскую границу севернее и южнее Припятских болот. Официальным предлогом было “обеспечение безопасности украинцев, белорусов и евреев, проживающих в восточных областях Польши” в обстоятельствах “полного распада государства”.

Главные события происходили на Западе. Именно там вскипала история. И она ещё призовет Жукова туда, на свои поля раздора. Но пока Жуков занимался последствиями малой войны за тысячи километров от Буга и Сана.

В первые дни наступившей тишины стороны, как уже было сказано, хоронили своих убитых.

Произошёл такой эпизод, который добавляет весьма важный штрих к характеристике Жукова.

Вначале вчерашние неприятели приняли решение об обмене пленными. Потом японцы попросили советскую сторону разрешить им собрать тела убитых своих солдат на территории, которая теперь им не принадлежала. Обычай предписывал: тело погибшего воина должно быть сожжено, а урна с прахом передана его семье. Советскую сторону смутила неожиданная просьба японцев. Побоялись и того, что это одна из уловок разведки Квантунской армии, что, возможно, сражение на берегах Халхин-Гола только начало войны. Переговоры стали затягиваться. Тогда японцы тонко упрекнули советскую сторону в атеизме и снова пояснили — “законы буддизма требуют, чтобы родные могли поклониться праху своих мертвецов”. Переговорщики советской стороны попросили паузу, после которой объявили японской стороне, что согласие командующего войсками армейской группы комбрига Жукова получено и что их санитары могут приступить к сбору тел. Японские офицеры восприняли это решение с глубоким удовлетворением, и дальнейшие переговоры проходили под впечатлением великодушия победителей.

Много лет спустя бывший переводчик японской делегации майор Ньюмура в своих мемуарах рассказал о реакции офицеров и солдат Квантунской армии, когда они узнали о положительном решении советской стороны по поводу просьбы о погребении павших: Жуков признал высшую ценность религии, значит, он в первую очередь воин, и только потом “настоящий коммунист”.

Но ещё сильнее японцев впечатлил разгром их 6-й армии. Танковая атака под Баин-Цаганом. Налёты эскадрилий скоростных бомбардировщиков и губительный огонь советских истребителей. Стойкость пехоты РККА. И мощь артиллерии.

Когда германские войска перейдут границы СССР и в поисках союзников во всю заработает дипломатия Третьего рейха, посол Германии в Японии Отт в ответ на напоминание японской стороне о союзнических обязательствах услышит от принца Коноэ буквально следующее: “Японии потребуется ещё два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Красная армия в боях в районе Халхин-Гола”.

Но и через два года японцы не осмелятся напасть на СССР.

О тех событиях, о военных замыслах японцев маршал спустя годы говорил: “Думаю, что с их стороны это была серьёзная разведка боем. Серьёзное прощупывание. Японцам было важно тогда прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать. И исход боёв на Халхин-Голе впоследствии определил их более или менее сдержанное поведение в начале нашей войны с немцами. Но если бы на Халхин-Голе их дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали”.

Когда дело было сделано, Жуков заскучал по семье. Вспомнил, что сказал брату и его жене, прощаясь с ними перед тем, как уехать на аэродром, где его и других офицеров ждал борт до Читы: “Или вернусь с подарками, или... не поминайте меня лихом”. Клавдия Ильинична тогда ответила: “Лучше уж с подарками”.

Подарки дарить он любил.

Из письма Жукова двоюродному брату М. М. Пилихину от 31 октября 1939 года: “Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора

в Москве, тогда обо всём поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провёл войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подразболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм... если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку”.

Посылка для Пилихиных в Москву была отправлена с оказией.

Бывший адъютант Жукова М. Ф. Воротников вспоминал: “В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами... Провожая, Жуков наказал: “Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живёт он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовском переулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору Центрального Военторга”.

А записка для директора Центрального Военторга свидетельствует о необычайной скромности и одновременно заботливости Жукова о семье: герой Халхин-Гола просил отпустить ему через адъютанта за наличный расчёт несколько отрезков ситца для пошива платьев девочкам двух и одиннадцати лет. Да солёной кильки в банках.

Эра Георгиевна Жукова вспоминала, что “в конце лета отец написал, чтобы мы собирались к нему в Монголию, так как обстановка стабилизировалась. Сборы были суматошными, всем миром обсуждали, что взять с собой. Тем более, что папа в письмах предупреждал, что в Монголии трудности с овощами и фруктами. А ведь у мамы были мы: сестре шёл всего третий год”.

Глава шестнадцатая

КИЕВСКИЙ ОСОБЫЙ

“Обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут”.

В “Личном листке по учёту кадров” дату окончания службы в Монголии Жуков собственноручно пометил апрелем 1940 года.

Когда весной 1939 года Жуков уезжал из Брюсова переулка на аэродром, на вопрос брата, куда же всё-таки его направляют, уклончиво ответил: “Еду туда, где будет либо грудь в крестах, либо голова в кустах...” Вернулся со звёздами.

В начале июня вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной армии” — вводились генеральские звания. Жукову были присвоено воинское звание генерал армии. Командарм 2-го ранга Конев получил звание генерал-лейтенант. Генералами армии стали К. А. Мерецков и И. В. Тюленев.

Жуков перескочил через несколько ступеней и, не износив ромбов ни командарма 2-го ранга, ни 1-го, получил в петлицы сразу пять звёзд генерала армии. Так Сталин и Наркомат обороны оценили его победу на Халхин-Голе.

Назначение на Киевский Особый военный округ (КОВО) Жуков получил в Кремле из первых уст.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на приём к нему шёл, сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнитель и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерётся с фанатическим упорством.

Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед “харакири”. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону”.

Жуков также доложил о состоянии боевой техники и вооружения, привёл сравнительные характеристики наших и японских танков и самолётов. Отметил хорошую боевую работу лётчиков под командованием Смушкевича. Сталин спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья.

Жуков вынужден был доложить и о тех недостатках, которые обнаружились в ходе боёв. Сказал о нестойкости 82-й стрелковой дивизии, развёрнутой накануне монгольских событий и укомплектованной в основном приписным составом, необученным и несклоченным. Отметил умелые действия танковых бригад, особенно 11-й комбрига Яковлева. И отметил, что танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны, что были случаи, когда машины загорались вне боя, на марше. Причина пожаров — несовершенство конструкции моторов и ходовой части. Одновременно отметил эффективность танковых атак, при умелом управлении — их мощь и манёвренность: “Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооружённых сил бронетанковые и механизированные войска”.

Сталин спросил об артиллерии. Жуков ответил, что “артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе”.

“Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, — вспоминал впоследствии маршал, — и мне казалось, что он с интересом слушает меня”.

Сталин слушал с интересом. Кто знает, что думал диктатор, глядя на своего будущего первого маршала? Расстреляв героев гражданской войны и таким образом избавившись от опасности заговора и удара в спину, он был поставлен судьбой и обстоятельствами перед необходимостью замены мятежных маршалов новыми. Пока генералами. Но будущих маршалов он в них уже видел.

В конце марта того же 1940 года из ленинградской тюрьмы “Кресты” вышел Рокоссовский. За него хлопотал Тимошенко. Сталин уступил. Рокоссовского с семьёй сразу же отправили в Сочи — поправить здоровье, успокоиться и подготовиться к службе и новому назначению.

Сталин выслушал Жукова и сказал:

— Теперь у вас есть боевой опыт. Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Жуков, выдержав паузу, спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе? Как в дальнейшем там будут развиваться события?

Сталин усмехнулся. Вопрос генерала армии ему понравился. Он снова набил трубку и раскурил её.

— Французское правительство во главе с Деладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьёзно влезать в войну с Гитлером. — Сталин говорил неторопливо, словно рассуждая; к этой манере длинных монологов Жуков привыкнет, когда ему придётся часто общаться с хозяином кремлёвского кабинета. — Они всё ещё надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Но из этого ничего не выйдет. Им придётся самим расплачиваться за свою недалёковидную политику.

Сталин всё ещё верил в надёжность пакта, заключённого год назад с Германией*.

Возвратившись в гостиницу “Москва”, Жуков долго не мог уснуть, размышляя о беседе с вождём. Об этой первой их встрече маршал написал в мемуарах: “Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность

---

* Имеется в виду Пакт о ненападении, вошедший историю по названию “Пакт Молотова-Риббентропа”, который был заключён между СССР и Германией 23 августа 1939 года.

и глубина суждений, осведомлённость в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление”.

До отъезда в Киев Жуков с семьёй жил в одном из номеров гостиницы “Москва”. Это была самая комфортабельная гостиница, построенная в 1930-е годы архитектором А. В. Щусевым в стиле “сталинского ампира”.

В те дни Жуков был оглушён. Почести, доверие, внимание, новое назначение... Его всё поражало и впечатляло. И Золотая Звезда Героя на груди, и обилие звёзд в генеральских петлицах, и “негромкий голос” Сталина, когда тот обращался к нему, и величавая роскошь гостиницы как символ новой народной империи, и счастливые глаза жены и дочерей — всё это окрыляло его, делало сильным, но он ещё не осознавал своей силы.

В своих воспоминаниях Жуков ни словом не обмолвился о том, с какой целью Сталин посылал его в Киев. А между тем армии самого мощного военного округа должны были обеспечить реализацию одного из пунктов “Пакта Молотова-Риббентропа”, касающегося возвращения Бессарабии и Северной Буковины.

Ночью 27 июня 1940 года нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил к себе румынского посланника Давидеску и вручил ему ультиматум: в течение суток заявить о согласии на передачу Советскому Союзу районов Бессарабии и Северной Буковины.

История спорных территорий такова. В январе 1918 года, воспользовавшись гражданской войной в России и ослаблением Русской армии, Румыния послала свои войска за Дунай и Прут и захватила земли до Днестра. Румыны с боем заняли Кишинёв. Захват земель не был признан Советской Россией. По последней переписи, проведённой в 1897 году, в Бессарабии и Северной Буковине состав коренного населения был таким: молдаване — 47,6 процента; украинцы — 19,6; евреи — 11,8; русские — 8; болгары — 5,3; немцы — 3,1; гагаузы — 2,9 процента.

Сталин собирал растерянные в годы смуты земли бывшей Российской империи, строя свою — советскую.

Правительству Румынии долгое время удавалось лавировать между интересами Англии, Франции, Германии, Италии и удерживать за собой оккупированные области. В 1939 году согласно подписанному пакту спорные территории отходили к СССР. 1 июня 1940 года немцы заявили о своём невмешательстве в случае нападения СССР на Румынию и в то же время усилили поставки в Румынию трофейного польского оружия. Румыны, чувствуя, что старый спор вот-вот может разрешиться не в их пользу, попросили помощи Германии. Но немцы “остались верны” германо-советским соглашениям. Говорят, Гитлер обронил: “Румынию лучше иметь противником, чем союзником”. Видимо, имея в виду, что противник из Румынии слабый, и румынская нефть в виде бензина и масел польётся в баки и моторы самолётов и танков вермахта сразу, когда этого потребуют обстоятельства большой войны. Союзник же всегда склонен выторговывать условия своего союза.

Двадцать восьмого июня 1940 года войска Жукова взяли под свой контроль мосты и переправы через реки Черемош, Прут и Днестр, переправились и колоннами двинулись дальше в южном, юго-западном и западном направлениях. Начался Прутский поход советских войск. Жуков провёл его стремительно, в несколько суток.

Получив указание из Москвы действовать по “мирному” варианту, войска Жукова начали операцию. Вперёд двинулась лишь часть группировки. Румынские пограничники и войска снимались с позиций и отходили в тыл, а части Южного фронта занимали оставленную территорию. Разминировались мосты. Советские войска вступили в Хотин, Кишинёв, Бельцы, Бендеры, Аккерман.

Двадцать девятого июня 204-я воздушно-десантная бригада в количестве 1372 человека десантировалась в районе города Болграда с приказом занять города Рени и Кагул. Вечером того же дня советские войска вышли к реке Прут, перехватили коммуникации и установили погранпосты с целью проверки румынских войск и изъятия у них награбленного имущества,

которое принадлежало местному населению. В освобождённом советскими войсками Кишинёве состоялся митинг: перед 100-тысячным собранием горожан выступили Хрущёв и Тимошенко, а также председатель Бессарабского Временного революционного комитета Бурлаченко. Советские газеты сообщали, что народ встречал Красную армию с ликованием.

Тридцатого июня десантники 204-й воздушно-десантной бригады вошли в город Рени, где завязалась короткая перестрелка с румынскими пограничниками. В этот же день 44 самолёта десантировали в районе Измаила части 201-й воздушно-десантной бригады. К исходу дня авангарды Южного фронта вышли к реке Прут на новую советско-румынскую границу.

Первого июля ночью с румынской территории был открыт огонь. Один красноармеец получил ранение. Войска Красной армии не отвечали. Утром с рассветом части 204-й воздушно-десантной бригады заняли Кагул и пресекли грабёж местного населения отходящими частями румынской армии. К исходу дня новая граница по рекам Прут и Дунай полностью контролировалась войсками Южного фронта.

Второго июля румыны потребовали от советской стороны возвращения оружия и боеприпасов, захваченных на территории Бессарабии и Северной Буковины. В 22.00 с румынской стороны было произведено шесть одиночных выстрелов из винтовки. Ответный огонь не последовал. Красноармейцы и пограничники строго исполняли приказ Жукова огня не открывать. На заявление советских пограничников о произошедшем инциденте делегаты румынской стороны ответили, что “румынские солдаты чистят оружие и от неосторожности происходят выстрелы”.

Третьего июля — шестой и последний день похода — из Румынии депортированы 134 бывших солдата румынской армии, мобилизованных в районах, отошедших к СССР. Граница через реки Дунай и Прут окончательно закрыта. По нарушителям пограничники открывают огонь. В Кишинёве состоялся парад войск Южного фронта и демонстрация по поводу присоединения Бессарабии к СССР.

Четвёртого июля румынские войска числом до двух рот вышли на правый берег Прута и начали окапываться напротив погранпоста. В ответ на этот демонстративный манёвр Жуков приказал выкатить на прямую наводку несколько орудий под прикрытием бронемашин. Через несколько часов румынские солдаты покинули свои позиции и ушли в глубь своей территории. В этот же день в город Кагул вошли части 25-й стрелковой дивизии. 204-я воздушно-десантная бригада отведена в Болград, там погрузилась в вагоны и по железной дороге перебросана в Бендеры.

Пятого июля начальник штаба Южного фронта генерал Ватутин передал ответ румынскому генералу Красна, что оружие у румынских солдат насильственно не изымалось, а “брошенное разбежавшимися солдатами румынской армии” советские воины собирать не обязаны. Войска Южного фронта приказом Жукова переведены “в состояние обычной готовности мирного времени”.

Седьмого июля расформировано полевое управление Южного фронта. Из Одессы в Аккерман прибыли первые грузовые суда с продовольствием для жителей Бессарабии.

Восьмого июля пограничные отряды НКВД — 120 погранзастав — заступили в наряды по новой линии демаркации между СССР и Румынией. Войска расформированного Южного фронта начали возвращаться к местам постоянной дислокации.

Девятого июля Гитлер объявил Румынию государством, находящимся под защитой Германии.

Второго августа VII сессия Верховного Совета СССР приняла Закон “Об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики” в составе СССР. В состав Молдавской ССР включены шесть из девяти уездов бывшей Бессарабской губернии, входившей в состав Российской империи, — Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишинёвский с городом Кишинёв, Оргеевский, Сорокский, — а также Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский с городом

Тирасполь районы бывшей Молдавской АССР, в 1918 году оккупированной румынской армией. Аккерманский, Измаильский и Хотинский уезды Бессарабии отошли к Украинской ССР. Войска, дислоцированные в новых лагерях на присоединённых территориях, получили указание Политуправления Красной армии разъяснить всему личному составу, что *“благодаря мудрой сталинской внешней политике мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путем”*. Войскам приказывалось *“сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения”*.

Восьмого октября маршал Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой о вводе германских войск в Румынию *“для защиты нефтеносного района Плоешти и обучения румынских войск”*. Через четыре дня корпус вермахта взял под контроль все нефтяные месторождения Румынии. Риббентроп в своём письме Сталину объяснил действия Германии заботой о недопущении венгеро-румынского конфликта из-за спорных территорий и утверждал, что *“германо-итальянские гарантии Румынии вовсе не направлены против СССР”*.

Шестнадцатого октября правительство маршала Антонеску дало согласие на присоединение Румынии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

После того как немецкие солдаты вошли в Румынию, *“еврейские беженцы массово хлынули в СССР, все они оседали в новообразованной Молдавской ССР и Аккерманской области УССР”*.

Сталин был очень доволен своим генералом. Тем, что не ошибся в Жукове, доверив ему *“блицкриг”* в Бессарабии. Тем, что земли советской империи прирастают некогда утраченными областями. Тем, что Красная армия занимает более выгодные позиции и районы для возможных боевых действий в ближайшее время. Войска в Бессарабии теперь надёжно обеспечивали южный фланг — выстраивалась во всех отношениях удобная линия обороны по Карпатам и устью Дуная. К тому же теперь рядом находились нефтяные промыслы Плоешти. Больше половины горюче-смазочных материалов для танков, авиации и транспорта Германия получала именно отсюда. Насколько массированных налётов бомбардировочной авиации — и... Сталина согрело и это — возможность контролировать Гитлера, пусть косвенно, посредством возможного влияния на поставки румынской нефти.

Любопытный факт: многие будущие главные маршалы и генералы большой войны были уже здесь. Командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Рокоссовский командовал 5-м кавалерийским корпусом, который был срочно переброшен в КОВО и после Прутекого похода был дислоцирован в Славуте и окрестностях.

Ватутин руководил штабом округа, а во время похода — штабом Южного фронта.

Катуков командовал танковой дивизией, дислоцированной в районе Шепетовки.

Черняховский — танковой бригадой в Белоруссии.

Конев ещё служил в Забайкалье, но в Наркомате обороны ему уже был заготовлен приказ о назначении в Северо-Кавказский военный округ, где совсем скоро он приступит к формированию 19-й армии. Летом и осенью 1941 года 19-й армии придётся стоять на самых опасных участках фронта, прикрывая смоленское, а потом и московское направления.

Баграмян служил в штабе 12-й армии КОВО. Вскоре он будет переведён в штаб округа и возглавит оперативный отдел.

Итоги шестидневного похода Жукова не радовали. А большая война, уже год сотрясавшая Европу, подступала к рубежам СССР. Войска надо было готовить к самой трудной войне. Она уже тогда, осенью 1940-го, многим казалась неминуемой.

Глава семнадцатая

ГЕНШТАБ

“Если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй...”

Хорошим генштабистом Жуков так и не стал. Кажется, он и сам в какой-то момент понял, что попал не в свою стихию. Но школу Генштаба пройти ему всё же довелось. И она, эта суровая и напряжённая школа рядом с Верховным главнокомандующим, стала для него одной из необходимых ступеней роста.

В Генштаб Жукова пригласили в феврале 1941 года.

Осенью и в начале зимы в КОВО кипела работа. Жуков накручивал командный состав, торопил, всячески подгонял. В его руках был самый крупный военный округ. Да и географически он лежал на пути всех неприятелей, которые когда-либо вторгались в пределы России. В декабре Жуков отбыл на совещание высшего командного состава РККА. В Москву поехал с докладом. Текст выступления ему помог подготовить начальник штаба 12-й армии и бывший однокашник полковник Баграмян.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании всё время присутствовали члены Политбюро А. А. Жданов, Г. М. Маленков и другие...”

Мой доклад “Характер современной наступательной операции” был также встречен хорошо. Участники совещания сделали ряд ценных дополнений и критических замечаний.

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придётся иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась её оснащённость бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны.

Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжёлой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет всё необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооружённым силам придётся так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжёлое поражение и вынужденно отходить вглубь страны.

Все выступавшие считали необходимым и в дальнейшем продолжать формировать танковые и механизированные соединения типа дивизия—корпус, с тем, чтобы иметь равное соотношение в силах с немецкой армией. Много говорилось о реорганизации, перевооружении ВВС, противовоздушной и противотанковой обороны войск, а также о необходимости перевода артиллерии на механическую тягу, чтобы повысить её подвижность и проходимость вне дорог.

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего состава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чём я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать всё, что мне посылают, — вспыхнул И. В. Сталин. С. К. Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьёзнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил он.

— Завтра утром, — ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за “синюю” сторону, кто за “красную”?

— За “синюю” (западную) играет генерал армии Жуков, за “красную” (восточную) — генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, всё время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым; они “подыгрывали” за юго-западное стратегическое направление. “Синяя” сторона (немцы) условно была нападающей, “красная” (Красная армия) — обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытий и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона — свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. После двух-трёх резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привёл данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

— Откуда вы берёте такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав ещё несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск “красной” стороны? — спросил он.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведённой игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, И. В. Сталин спросил:

— Кто ещё хочет высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укреплённых районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укреплённые рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго держаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнём.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укреплённые районы строятся по утверждённым планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, — резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место. Затем по ряду проблемных вопросов выступили ещё некоторые генералы...

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16—18 тысяч и ратовал за артиллерию на

конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрой механизации войск. Один Кулик всё ещё путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Это замечание И. В. Сталина как-то не увязывалось с его прежней точкой зрения по этому вопросу. Как известно, в ноябре 1939 года были сформированы наши танковые корпуса, и высшим танковым соединениям было приказано иметь танковую бригаду.

В заключение И. В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приемную. К. А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И. В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен...

На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове “решило”.

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И. В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева”.

Теперь назначениями и перемещениями Жукова по иерархический лестнице стал управлять Сталин.

Сталин, как отмечают все его биографы, был хорошим психологом и, говоря современным языком, великолепным менеджером. Вот почему его кадровые перестановки оказывались в большинстве случаев правильными, точными, своевременными. Из длинной шеренги маршалов и генералов, из этого послушного и верного строя, который был уже очищен расстрелами 1937-го и 1938-го годов, он выхватывал по одному самых талантливых и надёжных и расставлял их, думая о предстоящей войне: кого на округ или на фронт, кого на армию, корпус, дивизию. И в этой напряжённой и опасной игре, где ставка — будущее, Сталину нужен был один, самый энергичный и надёжный, самый талантливый и удачливый, который всегда, в самый трудный момент, находился бы рядом. И Сталин его выбрал.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

“Таково указание товарища Сталина...”

В Европе Гитлер развёртывал всё новые и новые дивизии, тайно перебрасывая их к границам СССР.

Англичане флиртовали с фашистской Германией, уступая ей то Чехию, то Австрию. Нашёптывали Гитлеру пойти походом на Восток, надеясь на то, что он не решится воевать на два фронта, а значит, ринувшись на Советский Союз за хлебом, лесом, рудами и нефтью, оставит в покое Англию и даже, быть может, союзную Францию.

Сталин нервно наблюдал за этой вознёй. Все предложения советской стороны приструнить Германию, создав антигитлеровскую коалицию, отвергались англичанами под различными предлогами. Немецкая дипломатия, не желая этого союза, начала усиленно искать пути сближения с Советским Союзом. Сближения, как оказалось вскоре, временного. Сталин, понимая, что с Англией и Францией не договориться, согласился заключить с Германией пакт о ненападении. Он как мог оттягивал начало войны, зная, что Красная армия ещё не готова в полной мере к схватке с вермахтом.

Эта пауза нужна была всем — и Германии, и Советскому Союзу. Гитлер всё ещё надеялся впрячь в свою огненную колесницу, уже стоявшую у советской границы, и английских коней. А Сталин, чувствуя коварство англичан, которые были всегда непредсказуемы в своём выборе, пытался умиротворить Германию. Сталин знал историю: англосаксы никогда не ценили союза со славянами, в особенности с Россией, они не стремились к такому союзу даже в самые трудные времена...

В исторической драме нападения немецких армий на СССР 22 июня 1941 года до сих пор не хватает каких-то деталей, из-за чего почти самопроизвольно рвётся логическая нить, распадается при первой же попытке тщательного рассмотрения деталей. По этому поводу историк Андрей Ильич Фурсов в одном из своих интервью весьма точно отметил: “Гитлер не пересекал Ла-Манш, потому что он не хотел завоевать Англию, но всё время ожидал, что англичане объединятся с ним в войне против России. Англичане очень долго водили его за нос. По совокупности косвенных доказательств совершенно ясно, что Гитлер никогда не осмелился бы напасть на Советский Союз, если бы он о чём-то не договорился с англичанами, которые, естественно, с самого начала его обманывали. Им нужно было толкнуть Гитлера на Советский Союз, чтобы потом раздаться с Германией как с потенциальным конкурентом”.

В 1946 году во время суда в Нюрнберге генерал-фельдмаршал Паулюс, отвечая на вопросы советской стороны по поводу полёта Рудольфа Гесса в Англию и его секретных переговоров, обмолвился: “Я думаю, что “миссия Гесса” не окончена и по сию пору. В том случае, если Гитлер сочтёт, что война не может быть им выиграна, он уйдёт, передав свои полномочия Гессу...” И ещё: “Лондон был заинтересован в войне между Германией и Советским Союзом. Столкнуть лбами своих врагов и отойти в сторону — это так по-английски!..”

Этот “неожиданный” для Берлина полёт вполне логично укладывается в концепцию А. И. Фурсова. 10 мая 1941 года рейхсминистр, рейхслайтер, обергруппенфюрер СС Гесс вылетел на “мессершмитте-110” с военного аэродрома в Аугсбурге, в Южной Германии, и взял курс на север. Самолёт пересёк Ла-Манш и на последних каплях топлива, запас которого в баках был рассчитан почему-то только на полёт в один конец, едва дотянул до Шотландии, где находилось имение лорда Дугласа Гамильтона. Лорд был приятелем Гесса. Они познакомились во время Олимпийских игр в 1936 году. Лорд Гамильтон должен был устроить Гессу встречу с той частью британского истеблишмента, которая находилась в оппозиции к Черчиллю и желала его устранения. Но что-то пошло не так. К Гамильтону Гесс не попал.

Гесс был превосходным пилотом. В Первую мировую воевал в составе авиаэскадрильи “Рихтгофен”, получил два ранения и два Железных креста. При подлёте к контрольной точке в баках двухмоторного “мессершмитта” закончилось топливо. Пилот выпрыгнул с парашютом и сдался в плен шотландским фермерам. В результате Гесс попал в руки людей Черчилля. То есть совершенно не в те руки.

Гитлер, немного выждав, объявил Гесса сумасшедшим. Ведь не мог же он в канун вторжения в СССР признать факт переговоров с Англией, а стало быть, и явную подготовку к войне на Востоке. Передислокация войск у границ с Советским Союзом была временно приостановлена и возобновилась только 18 июня. Перед атакой советских границ Гитлеру нужны были гарантии, что британские дивизии не ударят в спину. Тогда он ещё отдавал себе отчёт: война на два фронта однажды уже погубила Германию.

Историки говорят, что Сталин знал об интриге, что донесения он получал едва ли не со стола переговоров Гесса. Правда, не с той стороны, на которую миссия Гесса была рассчитана в Берлине. У Гитлера был свой план, который он решил реализовать именно теперь. Сформулировал он его ещё в своём манифесте “Mein Kampf”: “Только с Англией в качестве союзника, с прикрытой спиной, можно начать новое германское вторжение в Россию”.

Бывший нарком иностранных дел СССР Молотов в одной из бесед с писателем Феликсом Чуевым рассказал о реакции Сталина на историю с Гессом: “Когда мы прочитали об этом, то прямо ошалели. Это же надо! Не только сам сел за управление самолётом, но и выбросился с парашютом, когда закончился бензин. Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика? Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро способен решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал в ЦК над авиацией... Сталин предложил сбросить Маленкова на парашоте к Гитлеру, пусть, мол, усюветит его не нападать на СССР...”

В ответ на вероломную дипломатию Германии, которая, в случае её успеха, могла обернуться для Советского Союза катастрофой, Сталин предпринял весьма рациональный и, пожалуй, единственно верный в тот момент шаг: 13 июня 1941 года по радио было передано срочное сообщение ТАСС. Оно прозвучало вначале по зарубежным каналам, а 14-го числа вышло в печати — в “Правде”, “Известиях” и других центральных газетах.

В заявлении говорилось, что “СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными”, а также то, что, “по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям”.

Гитлер на заявление не ответил. И Сталин понял — война у порога.

Но заявление ТАСС было игрой — долгой и многоходовой: в большей степени оно адресовано не Гитлеру и даже не Черчиллю, а Рузвельту, американцам. Ещё в 1937 году президент США заявил: если Германия нападет на Советский Союз, то Соединенные Штаты будут поддерживать Советский Союз; если же Советский Союз станет на путь агрессии, то Соединенные Штаты поддержат сторону, подвергшуюся атаке, а именно Германию.

Как отметил профессор Фурсов, “нападение на Германию означало бы для Советского Союза войну со всем миром...” А воевать со всем миром, даже с прекрасно оснащённой и вооружённой, отмобилизованной и укомплектованной специалистами армией, было бы безумием. На такой шаг Сталин не пошёл. Попутно, и именно здесь, стоит напомнить о нелености самого существования теории “превентивного удара”, к которому якобы готовили, в том числе и Генштаб, всю группировку войск, стянутую к западным границам с целью уничтожения дивизий вермахта в районах их сосредоточения.

Из беседы Молотова с Феликсом Чуевым: “Это дипломатическая игра... Не наивность, а определенный дипломатический ход, политический ход... это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они (немцы) отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам... Это действительно очень ответственный шаг. Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания. Если бы мы шелохнули свои войска, Гитлер бы прямо сказал: “А, вот видите, они уже там-то войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия!” Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе — дали повод! А в это время готовились максимально.

У нас другого выхода не было. Так что, когда нас упрекают за это, я считаю, это гнусность. Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство... И получилось, что двадцать второго июня Гитлер перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники”.

Англия же, удерживая в Тауэре ценнейшего узника, по сути исполняла некие договорённости — с Гитлером! — ещё три долгих года, когда, наконец, решилась на открытие второго фронта.

Англосаксы обещали своим союзникам, и прежде всего СССР, что начнут высадку в континентальной Европе в 1942 году. Не высадились. Потом — в 1943-м. Имитировали локальную высадку и снова замерли — аж до 1944-го. Большая игра. Как заметил немецкий фельдмаршал, прошедший окопы Сталинграда: это так по-английски...

Только когда стало очевидным, что Красная армия берёт верх, союзники организованно высадились в Нормандии, чтобы не остаться на островах и других архипелагах, когда русские, пусть и с большими потерями, доберутся до “догова”.

О подписании Гитлером плана “Барбаросса” советская разведка узнала через две недели. В марте 1941 года начальник разведуправления Генштаба генерал Голиков доложил Сталину: германские войска тремя группировками сосредоточены в пограничных районах, удары следует ожидать одновременно на Ленинград, на Москву и на Киев.

Но Сталину важно было начать войну так, чтобы первый удар нанесла Германия и чтобы удар этот не был спровоцированным. Во всяком случае, чтобы не выглядел таковым.

Понимал это и Гитлер, и потому в первый удар 22 июня 1941 года вложил всю силу своих войск, всю мощь вооружения, опыт своих генералов и солдат.

Жуков в эти дни работал по 15–16 часов в сутки. И часто ночевал прямо в рабочем кабинете. Донесения из штабов Западного особого и Киевского особого военных округов свидетельствовали о том, что гроза вот-вот разразится в набувшем войсками и военной техникой пространстве между Чёрным и Балтийским морями. Теперь его больше беспокоил вопрос: где именно?

Сталин не хотел этому верить. У него были свои мотивы, которыми он, как и разведанными, не только с начальником Генштаба, но и вообще ни с кем не делился.

Жукову и тогда, накануне войны, и десятилетия спустя, когда засел за мемуары, поведение Сталина казалось похожим на нерешительность.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не даётся та информация, которая направляется И. В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили:

— Таково указание товарища Сталина.

Мы как-то с С. К. Тимошенко рискнули серьёзно поговорить с И. В. Сталиным. С присущим ему лаконизмом он ответил:

— То, что вам следует знать, вам будет сообщено.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и наркому обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передаёт очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны".

В мемуарах Жукова глава "Накануне Великой Отечественной войны" — одна из самых объёмных и обстоятельных. В ней даётся целый очерк экономического состояния страны. Чувствуя и свою личную ответственность за неудачи лета 1941 года, Жуков пытался объяснить трагедию начального периода войны объективными причинами и предпосылками. Что ж, это вполне понятно.

Наркомат обороны и Генштаб сделали всё, что могли. И, быть может, больше. С поправкой на решения Сталина, порой нелогичные, казавшиеся военным опасными. Но оспорить их было невозможно. Жуков и Тимошенко несколько раз пытались это сделать, но Сталин их резко и даже грубо осаживал.

Тем не менее, под давлением Тимошенко и Жукова Сталин разрешил провести ограниченную мобилизацию резервистов. "Сначала наша просьба была отклонена, — вспоминал маршал. — Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек".

Спустя несколько дней из военкоматов хлынула новая волна — 300 тысяч — повесток: призывали специалистов — связистов, строителей, водителей, авиационных техников. Ими доукомплектовывали подразделения укрепрайонов, инженерных войск, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил.

Уже тогда, в канун войны на западных границах определились будущие танковые командиры, которые спустя годы и битвы будут кромсать боевые порядки противника под Курском, Орлом, на Днепре, под Киевом и Берлином. 9-м мехкорпусом командовал Рокоссовский, 11-м — Мостовенко, 21-м — Лелюшенко. Летом 1941-го все они будут хорошенкo биты. Но опыт и злость от первых неудач и поражений им ещё очень пригодятся.

Жуков с присущей ему волей, выполняя приказ наркома, давил на своих подчинённых. Танков не хватало. Промышленность не удовлетворяла потребностей. Пришлось изымать боевые машины из танковых батальонов стрелковых дивизий и из танковых полков кавалерийских дивизий. Одно строили, другое ослабляли. Стрелковые и кавалерийские дивизии оказались лишёнными своей главной ударной силы и броневой поддержки.

Из "Воспоминаний и размышлений": "Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда, доставало и технических, командных кадров".

Вдобавок ко всему, Сталин колебался. Долго вчитывался в план Жукова по созданию мехкорпусов. Его смущала невозможность в самое ближайшее время полностью оснастить эти новые соединения. Наконец, в конце марта план подписал. С апреля началось массовое развёртывание корпусов.

К 22 июня удалось сформировать 29 механизированных корпусов. Все они были в различной степени укомплектованы. Именно мехкорпуса, их жертвенные контратаки в первые недели войны внесут поправки в немецкий "блицкриг" и в дальнейший ход боёв на советско-германском фронте, задержат движение немецких танков в глубину страны — к Москве, к Волге и на Кавказ.

Пятого мая генерал Голиков доложил Жукову: количество немецких дивизий, переброшенных к советской границе из внутренней Германии, Франции и Греции, достигло 103–107, из них 23–24 — в Восточной Пруссии, 60–63 — в Польше, 14–15 — в Румынии и Венгрии.

Жуков перечитал донесение, подошёл к карте. И спросил начальника разведуправления:

— Можно ли верить заверениям германских властей и военных, их газетам и листовкам, что такая масса войск для нападения на Англию им нужна именно у наших границ? Как вы думаете?

— Трудно в это поверить, — ответил Голиков. — Но товарищ Сталин так считает.

— Политика политикой, Филипп Иванович, а мы — военные. И обязаны выполнять свою работу, а не просто заниматься статистикой, когда враг у ворот.

Голиков промолчал. Вскоре он ушёл. Жуков знал, что начальник разведуправления, который ежедневно доставлял сводки Сталину, ничего существенного в качестве комментария к ним Хозяину не скажет. Это раздражало.

Он вызвал к себе Ватутину и Василевского. Когда генералы оперативно-го управления вошли в кабинет, он указал на карту:

— Вот последние данные о концентрации немецких войск с привязкой к конкретным районам. Я думаю, уже совершенно очевидно, что они сосредоточены здесь для нападения на нас. Что необходимо: ускорить реализацию плана стратегического развёртывания, срочно, до утра, с учётом последних разведданных, подготовить предложения правительству для принятия решительных контрмер.

Через час Жуков встретился с Тимошенко. Совещались недолго. Соследились на одном: чтобы избежать катастрофы, ударить первыми. Идея превентивного удара и раньше обсуждалась ими. Этого требовали уставы: атаковать противника, где бы он ни находился. А ударить именно теперь, когда леса по ту сторону Буга и Прута забиты техникой, складами с горючим и боеприпасами, означало лишить его наступательной силы и ресурса.

Глава девятнадцатая

“ПЛАН ЖУКОВА”

“Сталин подошёл к Жукову и начал на него орать...”

“Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть, — размышлял в своих мемуарах маршал. — Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!”

Он снова и снова переживал те последние мгновения источающегося мира, который уже зримо уходил в прошлое, и это прошлое, как потом оказалось, было лучшим, что подарила жизнь им, тому могучему поколению — поколению юношей гражданской войны. И оно не вернулось уже никогда. Ничего подобного той жизни, которую они прожили и полюбили в довоенные годы, они не увидят никогда. Даже победив. Победив, чтобы вернуть из прошлого всё хорошее, скомканное войной и наполовину убитое.

Семья Жукова из Киева переехала в Москву.

Из воспоминаний Эры Георгиевны: “Поселились мы на улице Серафимовича в знаменитом мрачном Доме правительства, заасфальтированный двор которого произвёл на меня с сестрой довольно тягостное впечатление. Как он отличался от зелёных, близких к природе, к земле дворов Слуцка, Минска! От жизни в этом доме у меня не сохранилось сколько-нибудь ярких впечатлений.

Последнее, предвоенное лето мы провели в живописнейшем месте Подмосковья — в Архангельском, где папе предоставили дачу. Непосредственно к участку примыкал сильно заросший пруд. Через дорогу совсем близко была река Москва, где можно было купаться, кататься на лодках и вообще интересно проводить время”.

В Киеве семья Жукова жила в двухэтажном особняке. Раньше его занимала семья Тимошенко. Жуковы заняли один этаж, комнат вполне хватало. На другом этаже жила семья члена Военного совета Борисова. Дети Жуковых и Борисовых сразу подружились, вместе играли во дворе, а по утрам ходили на ближайший пруд удить рыбу.

В Киев Жуков привёз мать Устинью Артемьевну. Привыкшая к деревенскому простору, она вскоре заскучала по своей Стрелковке, по огороду и хозяйству, которые оставила на дочь Марию Константиновну. Сюда же, в Киев, на каникулы приехала из Москвы племянница Рита Пилихина. Жуков по-прежнему, как мог, опекал родню.

Конец мая. В правительственных кабинетах и коридорах Наркомата обороны ещё не улеглись разговоры о прилёте немецкого “Ю-52” — 15 мая, через пять дней после ночного полёта обергруппенфюрера Гесса через Ла-Манш в Шотландию немцы отправили такой же “неожиданный” рейс на восток. “Юнкерс” появился в воздушном пространстве СССР в 7 часов 30 минут в районе Белостока.

Судя по оперативным сводкам, самолёты люфтваффе нарушали советскую воздушную границу почти ежедневно. Но этот “юнкерс” был особенным. Его топливные баки были рассчитаны на дальний перелёт, так что его пилотам и пассажирам не пришлось выбрасываться с парашютами на подлёте к месту прибытия.

Ни одна из зенитных установок на новой границе СССР не произвела ни залпа. Ни один истребитель не взлетел на перехват нарушителя. Немец взял курс на Минск, затем на Смоленск и, благополучно миновав и эти контрольные пункты, в 11 часов 30 минут вошёл в зону московской ПВО. Никто и ничто не препятствовало его полёту и здесь. Вскоре он сел на военном аэродроме в Тушино. Командант аэродрома полковник Никитин каких-либо действий по пресечению посадки чужого самолёта, предусмотренных инструкцией, не предпринял. Похоже, что рейс был запланирован, и этот “юнкерс” ждали. Последующие события зависели от результатов того загадочного полёта...

Долгие годы перелёт “юнкерса” оставался засекреченным эпизодом нашей общей с Германией истории. Тайна до конца не раскрыта до сих пор.

В середине 1990-х, когда завеса на некоторыми секретными историями Второй мировой войны немного приподнялась, одновременно в нашей и западной прессе появился ряд публикаций о перелёте 15 мая 1941 года. В 2003 году в Волгограде на научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Победы, маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов зачитал собранию военных историков и краеведов текст письма Гитлера Сталину. Письмо датировано 14 мая 1941 года, доставил его в Москву якобы тот самый загадочный транспортник с неизвестными пассажирами на борту.

“Уважаемый господин Сталин!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения её как государства...

Однако чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о “народах-братьях”, применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, ещё раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самым своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моём распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство. При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооружённого конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдёт на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от её судьбы и сорвать мои планы. Речь идёт всего об одном месяце.

Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года”.

Подлинника письма Гитлера до сих пор обнаружить не удалось. Но это не сильно меняет обстоятельства. Ведь подлинников секретных протоколов, являющихся, как свидетельствуют специалисты, приложениями к пакту Молотова-Риббентропа, тоже пока нет. Однако в их подлинности принято не сомневаться.

Это письмо, как некий некогда потерянный, а теперь найденный пазл, точно входит в пустующую нишу и прекрасно соотносится со многими обстоятельствами кануна немецкой атаки советских границ 22 июня.

Во-первых, становится понятным поведение Сталина, который до конца верил, что в ближайшее время Германия не нападёт на СССР. И Жуков в своих мемуарах, и многие, кто в те дни был рядом со Сталиным, твердили почти в один голос: “Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моём присутствии в кругу близких ему людей, я пришёл к твёрдому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки её начала и уверенностью в том, что ему это удастся” (Жуков).

Во-вторых, в ту же логическую цепочку ложится факт появления немногим меньше месяца спустя сообщения ТАСС.

В-третьих, записи в дневнике министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса, сделанные 31 мая 1941 года, обретают более конкретный смысл: “Подготовка к операции “Барбаросса” идёт полным ходом. Теперь начинается первая волна дезинформации. Задействуется весь государственный и военный аппарат. Об истинном положении вещей осведомлено лишь несколько человек. Я вынужден направить всё своё министерство по ложному пути, рискуя в случае неудачи потерей собственного престижа. За дело! Понемногу развертываем тему вторжения. Я приказал сочинить песню о вторжении. Предложен новый мотив. Широко использованы английские радиопередачи... Всё дело должно быть раскрыто в течение двух недель. Всё это потребует много энергии, людей и денег, но всё окупится. Учитывая небольшой круг посвящённых, можно рассчитывать, что обман удастся. Марш вперед!”

Итак, ведомство Геббельса вовсе сочиняло “песню о вторжении” в Англию, но на самом деле всё обстояло иначе: дула орудий были направлены на восток. И письмо Гитлера Сталину вполне ложилось в ту “волну дезинформации”, которую разогнали по пути от Берлина до Польши так мощно, что она, конечно же, переклестывала границу и долетала до Москвы. Ведь именно там, в Кремле, сидел, выжидая, главный адресат всех информационных потоков.

В этой загадочной истории можно приводить аргументы и в-четвёртых, и в-пятых. Но пока не открыты архивы, в том числе и английские — документы по полёту Гесса, протоколы его допросов, засекреченные на 50 лет, — остаётся только гадать о тех недостающих звеньях в цепи нашей истории.

А поскольку все эти белые (или тёмные) пятна связаны с Жуковым-героем прямо или косвенно, мы не можем пройти мимо, не попытавшись хотя бы взглянуть на них с любопытством.

В середине 1960-х годов Жуков рассказывал Константину Симонову об одной из встреч со Сталиным. По словам маршала, когда разведка донесла о сосредоточении крупных сил вермахта у границ Советского Союза, “Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру, сообщив ему, что нам это известно, что нас это удивляет и создаёт у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное и, как он подчеркнул в тексте, доверительное. В этом письме он писал, что наши сведения верны, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдёт дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, что он намерен строго соблюдать заключённый им пакт, в чём ручается своей честью главы государства. А войска его в Польше сосредоточены в других целях. Территория Западной и Центральной Германии подвергается сильным английским бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на восток, с тем чтобы иметь возможность скрыто перевооружить и переформировать их там, в Польше. Насколько я понимаю, Сталин поверил этому письму”.

Из беседы Жукова с Константином Симоновым можно предположить, что “Ю-52” 15 мая 1941 года доставил ответ Гитлера на письмо Сталина. Конспект письма Гитлера в изложении Жукова вполне увязывается с текстом, который сейчас гуляет по различным изданиям и который приведён выше.

Примерно в 1966 году с Жуковым встречался писатель Лев Безыменский. Впоследствии о своей беседе с маршалом он рассказывал, в частности, следующее: “Жуков был вызван в кабинет к Сталину. Тот сидел за столом. Открыв средний ящик стола, Сталин вынул лист бумаги и протянул его Жукову, произнеся: “Читайте!” По свидетельству Жукова, это было письмо Сталина к Гитлеру с выражением советских тревог. Затем Сталин вынул из того же ящика стола другой лист и также дал его Жукову на прочтение. Это было ответное письмо Гитлера. По словам Жукова, он по давности лет не помнил точных выражений, зафиксированных в этих письмах. Однако маршал

добавил, что, открыв спустя несколько дней (14 июня 1941 г.) “Правду”, он увидел там сообщение ТАСС, в котором была точно воспроизведена аргументация Гитлера”.

Бог любит троицу. Третьим свидетелем признаний Жукова о том, что он держал в руках письмо Гитлера, была писательница Елена Ржевская. В повести “В тот день, поздней осенью” она фактически пересказала слова маршала, которые слышал и Лев Безыменский, но уже с обобщением: Гитлер вёл заведомо нечестную игру, а Сталин поверил его слову. По словам Жукова, как писала Елена Ржевская, “Сталин не хотел воевать и готов был идти на уступки”.

Шестнадцатого июня 1941 года в дневнике Геббельса, конечно же, обратившего внимание на Заявление ТАСС, опубликованное в советских газетах, появилась запись: “Россия—Германия — большая тема. Опровержению ТАСС никто не верит. Кругом строят догадки, что могла бы значить моя статья в “*Völkischer Beobachter*”. Источник всех слухов — Лондон. Очевидно, нас хотят выманить из норы, но это им никоим образом не удастся сделать. Мы храним полное молчание. Так что никакой ясности у противоположной стороны не будет. А между тем военные приготовления продолжаются без перерыва”.

Сталин, конечно же, ожидал, что Гитлер вылезет “из норы”. Но Заявление ТАСС на него не подействовало. Слишком многое стояло на кону, чтобы за несколько суток до начала общей атаки на восток играть в рискованную дипломатию. Время обмена посланиями по секретной почте между Берлином и Лондоном, Берлином и Москвой прошло.

И Сталин это понял, к сожалению, слишком поздно. Однако, если снова иметь в виду США и то, что вся политика диктатора в эти дни была повернута в сторону Рузвельта, обстоятельства складывались хоть и скверно, но всё же по одному из вариантов, предусмотренных Сталиным. Войну развязал Гитлер — германские войска напали на Советский Союз и агрессор для мирового сообщества стал очевиден.

Для Сталина, советского правительства, Наркомата обороны СССР, и даже для Красной армии нападение не было неожиданным; неожиданными явились масштабы и степень поражения наших войск в первые часы и дни войны.

Военным, не посвящённым в тайны сложных дипломатических и политических расчётов Сталина и членов Политбюро, в обстоятельствах надвигающейся грозы виделись свои варианты предотвращения агрессии, в том числе и радикальные. Устав и та наука, которую Жуков вынес из своих постоянных штудий классиков военной мысли и личного опыта четырёх войн, подсказывали ему очевидное: идею упреждающего удара.

Так появился документ под названием “Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза”. По сути дела, это был конспект примерного плана, написанный от руки генерал-майором Василевским, судя по всему, после консультаций с Жуковым, Ватутиным, Мерецковым и наркомом обороны маршалом Тимошенко. Сразу замечу, что этот рукописный конспект не был подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. Но в военную историографию, тем не менее, он вошёл как “план Жукова” — “ибо именно в функции Жукова входило военное планирование”^{*}.

“План Жукова” (авторами которого, по всей вероятности, были и Жуков, и Тимошенко) был адресован Сталину. Германия развернула “около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия, а всего 120 дивизий”.

Задача штабов, как известно, — планирование военных действий. Штабы должны иметь десятки планов и вариантов действий, чтобы эффективно применить один, самый рациональный и самый подходящий в предложенных обстоятельствах.

---

^{*} Безыменский Л. А. О “Плане Жукова” от 15 мая 1941 года. — Новая и Новейшая история, 2000, № 3. С. 58–67.

Поводом для создания “Плана Жукова” послужили разведанные, свидетельствующие о неминуемой схватке, а также выступление Сталина перед выпускниками военных академий, где совершенно определённо прозвучало: финская кампания показала неготовность Красной армии к большой войне, но партия и правительство принимают “экстренные меры” для повышения боевой подготовки войск и оснащения их техникой и оружием, которые превосходят германские образцы. “Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоёванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина, — сказал Сталин, поднимая тост за молодых офицеров. — Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне”.

Для военных, которые обязаны мыслить конкретно и совершенно определёнными категориями, тост Сталина в Георгиевском зале Кремля перед выпускниками военных академий 41-го года был сигналом к действию. За наступление — так за наступление...

В “Плане Жукова” идея упреждающего удара обосновывалась следующим образом: Германия полностью отобилизовала свою армию, тылы её развёрнуты, и существует опасность того, что она может опередить Красную армию в общем развёртывании войск. “Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск”. И Жуков, и Тимошенко настаивали на необходимости, не медля, провести ряд необходимых мероприятий, обеспечивающих безопасность страны. Среди них два основополагающих, без которых немислимо всё остальное: всеобщая мобилизация и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Вот с этими предложениями и черновиком плана Жуков и Тимошенко явились на доклад к Сталину. Сталин выслушал их. Реакция его была неожиданно резкой. Во всяком случае, так показалось военным, не посвящённым в его политические расчёты и замыслы.

Никакого упреждающего удара! Более того, Сталин не разрешил привести в боевую готовность войска приграничных западных округов, чтобы ни одним неосторожным движением не спровоцировать Германию на агрессию.

Во время этой встречи произошла первая серьёзная стычка Жукова со Сталиным.

После войны Тимошенко в приватной беседе рассказывал, что после доклада Жукова Сталин пришёл в состояние крайнего эмоционального возбуждения, граничащего с яростью. По словам Тимошенко, Сталин “подошёл к Жукову и начал на него орать: “Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград или званий?” Жуков потерял самообладание, и его отвели в другую комнату. Сталин вернулся к столу и грубо сказал: “Это всё Тимошенко, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку ещё с гражданской войны”.

Тимошенко, видя, что дело плохо и к чему всё идёт, по-солдатски прямо сказал Сталину:

— Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий.

— Вот видите! — взмахнул трубкой Сталин, обращаясь к членам Политбюро. — Тимошенко здоровый, и голова большая. А мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднять. А вам надо понимать, что Германия никогда не пойдёт одна воевать с Россией! Это-то вы должны понимать!

Далее Тимошенко вспоминал: “Он ушёл, но вскоре вернулся и произнёс: “Если вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду”.

Генштаб успел осуществить в этот короткий период некоторые мероприятия, которые очень скоро окажутся спасительными для Красной армии

и которые во многом определяют хронику событий лета и осени 1941 года.

В военные округа Генштаб направил директиву, согласно которой предусматривалась вероятность отвода войск в глубь страны в случае внезапного нападения противника, эвакуации складов и промышленных предприятий. Оборона получала оперативную глубину, определялись три её рубежа: фронтовой — по линии демаркации; стратегический — по линии рек Западная Двина и Днепр; государственный — Осташков, Сычёвка, Ярцево, Рославль, Почеп, Трубчевск. Директива предписывала: штабы округов в кратчайшие сроки должны представить на утверждение оперативные планы обороны. Некоторые историки называют эти мероприятия, конечно же, отфильтрованные осторожным Сталиным, скрытой мобилизацией. Из внутренних округов на стратегический рубеж перебрасывались и развёртывались несколько армий. В частности, в те дни из-под Ростова-на-Дону на линию Киевского укрепрайона привёл 19-ю армию генерал Конев.

Именно в эти последние сутки наши оборонительные линии непосредственно у границы были более или менее усилены. Оперативная плотность порядков войск КОВО, где ожидался основной удар, составляла от 70 до 160 километров на одну дивизию. Чтобы сразу отбросить все мудрствования по поводу сталинского превентивного удара и планах наступления на Прагу и Берлин, необходимо напомнить читателю, что для успешного наступления Красной армии необходимо было иметь как минимум дивизию на пять-семь километров фронта. Яско-Кишинёвская операция, которая служит неким эталоном удачно проведённых наступательных операций с последующим окружением и уничтожением войск противника, потребовала, к примеру, доведения оперативной плотности до 6,8 километра на одну дивизию при огневой поддержке восемнадцати орудий и двух танков или самоходки на один километр фронта. При том, что часть немецких войск, оказавшихся в ходе операции в “котле”, всё же смогла вырваться и избежать уничтожения и пленения.

Единственное, чего смогли перед немецким ударом добиться военные, — немного уплотнить войска первой фронтовой линии.

Тимошенко и Жуков почти ежедневно бывали у Сталина. Докладывали. Напоминали. Настаивали на более радикальных мерах. Выслушивали очередную нотацию по поводу возможной провокации, уходили оглушённые. А на следующий день снова шли и обосновывали необходимость приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы что же, — нервно пыхал трубкой Сталин, — предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

За три дня до начала войны Сталин согласился на некоторые уступки военным: политбюро приняло решение о создании второго стратегического эшелона вдоль Днепра. Становилось очевидным: такую махину, какая скопилась по всей линии советско-германской границы, в приграничной полосе не удержать, так что война “малой кровью, на вражеской территории” была оставлена политрукам и корреспондентам газет.

В тот же день Жуков направил командующим войсками западных округов телефонограммы: фронтовые и армейские управления вывести и развернуть на полевых пунктах.

Глава двадцатая

ПЯТАЯ ВОЙНА

“Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...”

Как ни странно, но для штабистов войны начинаются не тогда, когда тишину раскалывает первый залп и первая серия снарядов ложится на позиции противника. Для них война начинается раньше, иногда всего лишь за несколько часов до конца тишины.

Вечером 21 июня в Генштаб позвонили из Киевского Особого военного округа. Голос начальника штаба округа генерала Пуркаева был подчёркнуто спокойным, но в этом спокойствии читались ответы на многие вопросы минувших дней. Пуркаев доложил Жукову, что пограничники в районе Сокала задержали перебежчика.

— Перебежчик показывает: сегодня во второй половине дня командир роты лейтенант Шульц отдал приказ приготовиться — сегодня ночью после артиллерийской подготовки их полк начинает форсирование Буга на плотках, лодках и понтонах. Кроме того, перебежчик сообщил, что их артиллерия заняла огневые позиции, а танки и пехота сосредоточены у бродов и переправ.

В те минуты, когда генералы разговаривали о перебежчиках, немецкие танкисты по ту сторону Буга и Прута дозаправляли топливные баки, проверяли боекомплекты и удаляли лишнюю смазку с трущихся деталей курсовых пулемётов. Лётчики уже получили приказ, нанесли на полётные карты боевые маршруты, а также объекты для огневого воздействия и стояли возле своих самолётов в ожидании приказа: “По машинам!” Пехотинцы, навьючив на себя снаряжение, коробки с пулемётными лентами и минами для ротных миномётов, смотрели на противоположный берег реки и застёгивали ремешки стальных шлемов. Для солдат Германии, которая все эти годы последовательно и энергично освобождалась от “версальского комплекса”, начинался поход к новой, более масштабной катастрофе.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через сорок пять в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам ещё раз его прочитав, внёс некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Директивы, уходящие в округа, а там растекающиеся по армиям, корпусам и дивизиям в виде конкретных приказов, к сожалению, катастрофически опаздывали. Командирам частей практически приходилось принимать решения, исходя из той обстановки, которую они либо наблюдали в бинокль, либо видели вокруг уже невооружённым глазом. Так, в первые сутки воевали многие, кто не был сразу же разбит, смят, захвачен врасплох и пленён. Многие отходили, самовольно оставив позиции. Некоторые из них в ярости и сумбуре первых неудач были вскоре расстреляны работниками НКВД, поспешно и зачастую несправедливо.

Катастрофу первых дней усугубило ещё и то, что из штабов, по существу, шли два потока документов на исполнение. Первые, порой подспудно, требовали повышения бдительности, усиления работы всех служб. Они соответствовали обстановке и настраивали войска быть готовыми в любой момент занять окопы и открыть огонь на поражение. Другой поток — сдерживающий — “не поддаваться на провокации” и “не провоцировать самим”.

Вернувшись от Сталина в свой кабинет, Жуков понял: поздно, слишком поздно ушла в округа их директива. Пока получают, пока отдадут распоряжения, пока поднимут солдат, пока те займут районы сосредоточения...

На рассвете 22 июня, словно пули в окна с разных сторон, в Генштаб полетели звонки.

В 3 часа 07 минут — с командного пункта Черноморского флота: со стороны моря приближается большое количество неизвестных самолётов.

В 3 часа 30 минут — из штаба Западного Особого военного округа: генерал Климовских сообщал о бомбардировке немецкой авиацией белорусских городов.

В 3 часа 35 минут — из штаба КОВО: налёты немецких самолётов на города Украины.

В 3 часа 40 минут — командующий войсками Прибалтийского военного округа доложил: авиация противника бомбит Каунас и другие города Прибалтики.

Первый звонок имел следующие последствия. Командующий Черноморского флота вице-адмирал Октябрьский доложил о приближении к району базирования кораблей флота большой группы самолётов противника. Воздушные цели обнаружила радиолокационная система крейсера “Молотов”. Тут же объявили тревогу. Боевые расчёты зенитных установок заняли свои позиции. Но как стрелять? Накануне из Москвы и штаба округа пришло столько бумаг, напоминавших командирам об ответственности за действия, которые с той стороны могли использовать как повод для провокации...

Доложив о самолётах, приближающихся к базе кораблей, Октябрьский сказал:

— Жду указаний.

Жуков, словно пытаясь оттянуть неизбежное, осторожно спросил:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолёты огнём противовоздушной обороны флота.

— Действуйте и доложите своему наркому, — сказал Жуков.

Авианалёт был успешно отбит. Кроме того, авиация Черноморского флота в тот же день нанесла ответные удары по румынским городам Констанце, Плоешти и Сулину.

Но единичные эпизоды боёв, когда немцы нарывались на заранее подготовленную оборону, почти не повлияли на общий ход первых дней войны.

Для наших войск всё складывалось по худшему варианту.

Двадцать второго июня в полдень по Всесоюзному радио выступил Молотов, и вся страна услышала: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”. В выступлении Молотова прозвучало давно известное русскому сознанию историческое сочетание слов, уже омытое кровью поражений и побед, — “Отечественная война”. Авторство основных и самых эмоциональных фрагментов речи Молотова приписывают Сталину.

Молотов впоследствии рассказывал Владимиру Карпову: “После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: “Вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет ещё время и повод, и мне придётся выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, разорались... Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определённые обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, всё равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия”.

Согласно журналу посещений кремлёвского кабинета, 22 июня Жуков был у Сталина дважды. Утром с 5.45 до 8.30 вместе с Тимошенко, Молотовым, Берией и Мехлисом. И после полудня с 14.00 до 16.00. Встреча происходила после выступления Молотова и касалась положения на фронте. В совещании приняли участие также Шапошников, Тимошенко и Ватутин.

Хрущёв рассказывал, что в первый день войны Сталин растерялся и чуть ли не впал в прострацию, что уехал из Кремля и делами не занимался и что Хрущёв с членами Политбюро якобы его с дачи привезли на службу управлять делами войны. Всё это ложь, которая в “исследованиях” некоторой части наших “историков” обросла ещё пущей ложью.

В завершение этой главы необходимо сказать, что 22 июня было сделано ещё одно обращение к народу. Вот его текст:

“ОБРАЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО, ГЛАВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ СЕРГИЯ К “ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ”

22 июня 1941 г.

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснётся нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровавыми заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред Родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, учёным, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше себя любве никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорчённого не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснит-ся ещё и лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу,

поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради хлеба куса”, как выражался святитель Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский”.

Узнал ли Жуков об обращении к православному воинству митрополита Сергия в тот же день или позже, или вовсе не узнал и не читал этих проникновенных слов местоблюстителя, историю, которая сложилась, это обстоятельство уже не изменит. Но совершенно определённо можно сказать: всю войну, от первого её часа до последнего, Жуков действовал так, как будто Сергей Старогородский обратился в тот день именно к нему и на него как на полководца и на его несокрушимый полк возложил всю тяжесть ратной ноши.

А если соскоблить пафос, то остаётся суть: Сталин всю войну посылал своего верного Илью Муромца то под Киев, то в Ленинград, то в район Ельни, то снова под Киев, на Днепр и, наконец, на Берлин.

Глава двадцать первая

КОНТРУДАР, КОТОРЫЙ НЕ УДАЛСЯ

“Повторяю: прочно закройте с севера подходы на Ковель, не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки без танков...”

В мемуарах свою миссию на Юго-Западном фронте маршал очертил лишь пунктиром — бегло, с неопределёнными целями. Что же кроется за этой недоговорённостью?

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлём Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущёвым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдёмся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили лётчики, угостившие меня крепким чаем с бутербродами”.

Самым мощным перед началом германской агрессии и в первые дни войны был Киевский Особый военный округ — Юго-Западный фронт. Четыре общевойсковые армии, множество других частей фронтового подчинения. По линии демаркации была развёрнута 5-я армия генерала Потапова, 6-я армия генерала Музыченко, 26-я армия генерала Костенко и 12-я армия гене-

рала Понеделина. В резерве фронта: 31-й, 36-й, 37-й, 49-й стрелковые и 9-й, 15-й, 19-й, 24-й механизированные корпуса, а также 14-я кавалерийская дивизия. Войска были расположены в два эшелона. Южный фланг Юго-Западного фронта прикрывала 9-я армия — три стрелковых корпуса, один кавалерийский и один механизированный. На Крымском полуострове и в резерве под Одессой ещё три корпуса.

С такими войсками, казалось, можно было выполнить задачу любой сложности. Но Халхин-Гола под Киевом не получилось. Хотя начало было успешным.

Судя по телеграфным переговорам Жукова с командующими армиями, он, как представитель Ставки, быстро овладел ситуацией. Настроение его было решительным и вполне соответствовало духу Директивы № 3. Хотя в мемуарах он от неё, по прошествии лет, изгибно откrestился. Мемуары, как известно, — это либо попытка, либо подспудное желание переиграть свои битвы и войны задним числом. У истории, конечно же, нет сослагательного наклонения, но всё же...

А если бы контрудар мехкорпусов, 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта оказался удачным и перерос в контрнаступление наших войск по всему периметру границы? Да “с выходом на территорию противника”?

Правда, по всей вероятности, уже к утру 23 июня всем в штабе фронта стало ясно, что Директиву № 3 в полном объёме наличествующими силами выполнить не удастся, что контрудар может иметь, в лучшем случае, ограниченные цели. Ни о каком Люблине речи быть уже не могло. Но мехкорпуса всё же должны были пойти вперёд. Потому что в сложившихся обстоятельствах наилучшим использованием механизированных резервов, насыщенных бронетехникой, оставался контрудар.

Единогласного, цельного удара не получилось. Мехкорпусам пришлось совершить изматывающие марши в сотни километров, прежде чем выйти в заданные районы сосредоточения и занять исходные позиции. Сразу же сказались нехватка горючего. Многие боевые машины, в особенности старые, выработавшие свой моторесурс, отстали из-за поломок. Запозданием в сосредоточении воспользовались немецкие штабы: люфтваффе бросило против мехкорпусов, находившихся на марше и в районах сосредоточения, свои штурмовые эскадры. Ещё до соприкосновения с наземными силами противника танковые дивизии понесли огромные потери.

И всё же 24 июня к исходу дня штаб Юго-Западного фронта собрал боеспособные механизированные соединения, сосредоточил их в заданных районах. Вечером Жуков ознакомился с боевым приказом № 0015 на атаку и внёс кое-какие поправки.

Из воспоминаний маршала Баграмяна, в те дни начальника оперативного управления штаба фронта, полковника: “Жуков поинтересовался, имеем ли мы проводную связь с Музыченко. Получив утвердительный ответ, генерал армии сказал, что побывает у него, а пока переговорит с ним. Кирпонос распорядился немедленно вызвать командующего 6-й армией к аппарату. Выслушав доклад командарма о состоянии войск, о противнике, Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии”.

Когда Жуков командовал кавалерийской дивизией в Белорусском военном округе, Музыченко был у него командиром кавполка. В КОВО они тоже служили вместе. И вот на 6-ю общевойсковую армию согласно общей расстановке сил ложится огромная ответственность. Ключевая роль отводится 4-му механизированному корпусу генерала Власова.

Странная история произошла с этим генералом, “восходящей звездой РККА”, и его корпусом в те дни под Киевом.

4-й механизированный корпус был самым мощным в составе Юго-Западного фронта. Формировать его начал генерал Потапов. В корпус направлялась самая лучшая, новейшая по тем временам боевая техника и вооружение, новое снаряжение. Потапов создавал лучший в РККА мехкорпус. В январе 1941 года, назначенный на 5-ю армию, он передал корпус генералу Власову.

К 22 июня 1941 года 4-й механизированный корпус представлял собой такое мощное соединение, что, казалось, способен был решать самые сложные тактические задачи в ходе и армейских, и фронтовых операций. В его арсенале было столько же танков, сколько едва насчитывали все остальные мехкорпуса фронта. 979 танков (из них 313 — новых Т-34 и 101 — КВ), 175 бронеавтомобилей, оснащённых пушками и пулемётами, 134 орудия, 152 миномёта разных калибров. 2854 автомашины и 274 трактора, более тысячи мотоциклов. Численный состав — 28 098 человек. К осени под Москвой такими по численности станут некоторые армии, при том что количество танков у них будет раз в 20 меньшим. Правда, задачи они будут выполнять более масштабные.

В истории контрудара мехкорпусов Юго-Западного фронта много неясного, противоречивого и не поддающегося логике. Сейчас, когда опубликованы некоторые документы полуоткрытых архивов, кое-что прояснилось.

Ударные соединения фронта не смогли вовремя перегруппироваться, не наладили взаимодействие не только с авиацией, но и со стрелковыми частями и даже между собой. Единого и согласованного удара с общими задачами не получилось. В контрударе участвовали только четыре мехкорпуса. Но и их действия свелись к изолированным контратакам на различных направлениях с частными и ограниченными целями, а порой просто к ударам в пустоту. Результатом этих сверхусилий, оплаченных десятками тысяч убитых, пленных, брошенной вдоль дорог и сожжённой техники стала недельная задержка наступления 1-й танковой группы фон Клейста, что повлекло за собой срыв всех ближайших планов южной группы войск противника.

На войне никакое усилие, даже самое малое, ни один выстрел, произведённый даже мимо цели, а уж тем более ни одна солдатская жизнь, отданная в бою за Отечество, не бывают напрасными.

Действия некоторых подразделений во время контрудара заслуживают самой высокой оценки. К примеру, превосходно действовали части 8-го корпуса генерала Рябышева. Танки корпуса смяли порядки 57-й пехотной дивизии и потеснили танковые части 48-го моторизованного корпуса. Клейст вынужден был перебросить сюда свои резервы. Судя по дневниковым записям начальника штаба сухопутных войск генерала Гальдера, этот танковый удар для немцев стал первым сильным впечатлением: “На фронте противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твёрдое руководство. Противник всё время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешёл в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено продвижение”.

Фон Клейст потом скажет, словно оправдываясь перед собой, своим древним прусским родом и историей: “Основная причина нашей неудачи заключалась в том, что в том году зима наступила очень рано, а русские постоянно отступали, не давая вовлечь себя в решающую битву, к которой мы так стремились”.

Для справки: среднестатистические наблюдения дают картину наступления в России в 1941 году более поздней зимы, чем это бывало обычно. Русские же, действительно, отступали, “не давая вовлечь себя” в бои на уничтожение, используя тактику мощных контрударов.

Но самым непреодолимым для немецких генералов и солдат оказалась стойкость русских и то, что в Красной армии появились молодые и талантливые генералы, такие, как Жуков, Рокоссовский, Конев, что дивизиями командовали полковники, будущие танковые генералы Катюков, Баданов и другие.

Здесь, под Киевом, Жуков встретил многих своих сослуживцев по Белоруссии и Монголии.

5-й армией командовал генерал Потапов. Земляк из Юхнова, надёжный боевой товарищ и командир, хорошо знавший танковый манёвр. На Халхин-Голе Жуков и Потапов всегда были рядом. Познакомились в Белоруссии в конце 1930-х. В то время Жуков укомплектовывал свою кавдивизию по новым штатам. На должность командира 11-го механизированного полка в дивизию прислали тридцатипятилетнего майора, выпускника Военной ака-

демии механизации и моторизации РККА Михаила Ивановича Потапова. Жуков и Потапов оказались земляками.

В “Воспоминаниях и размышлениях” маршал упоминал своего боевого товарища не раз: “Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на правом крыле фронта”. Это — о Халхин-Голе. А вот краткая характеристика из 1941 года: “Потапов был смелый и расчётливый командарм, отличался невозмутимым характером, ничто не могло вывести его из равновесия”.

Именно такой и нужен был в те дни на рубеже Влодава—Крыстынополь. Потапов со своей 5-й армией держал фронт протяжённостью 174 километра.

В начале осени, когда положение под Киевом вновь крайне обострилось, многие войска Юго-Западного фронта по вине Ставки окажутся в окружении. В Киевском “котле” погибнет и 5-я армия. При попытке вырваться из кольца будет убит дивизионный комиссар Никишев. Генерал-майор танковых войск Потапов, раненый и контуженный, попадёт в плен. Его будет допрашивать Гудериан, танки которого замкнут кольцо окружения за спиной дивизий 5-й армии. Потом лагеря Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур. В одном из лагерей Потапов будет сидеть в одной камере со старшим лейтенантом Яковом Джугашвили и делить с ним свою генеральскую пайку.

После освобождения из плена и проверки в фильтрационном лагере Потапова восстановят в звании и возвратят в войска.

И во время проверки Потапова органами контрразведки, и позже Жуков проявит к его судьбе самое пристальное и доброе внимание. Известно, какое отношение после войны было к пленным. На всех уровнях.

Потапов уже служил, командовал войсками, но долгое время ему отказывали в восстановлении в партии. Тогда он обратился к Жукову с просьбой дать ему рекомендацию. И маршал тут же сел за стол и написал: “...Что касается командирских качеств, то товарищ Потапов был лучшим командармом, а части и соединения, которыми он командовал, всегда были ведущими. В пограничном сражении 5-я армия дралась с исключительным упорством и доблестью. Отходя под воздействием превосходящих сил противника, она неоднократно контратаковала и наносила поражения немцам. Товарищ Потапов армией управлял блестяще. Ещё скажу, что он был большой души человек, которого любили все подчиненные за его доброжелательность и понимание”.

Говорят, уже после войны они порой сидели вместе где-нибудь на даче, вспоминали свою кавалерийскую юность, Белоруссию, Халхин-Гол, Украину и пели любимую песню: “Ой вы, кони мои вороные, чёрны вороны, кони мои...”

Избездились их кони, ускакали в смутную даль времён...

Двадцать шестого июня, когда мехкорпуса начали действовать, Сталин неожиданно отозвал Жукова в Москву. Телефонный разговор произошёл на командном пункте Юго-Западного фронта под Тернополем.

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка, — сказал Сталин. — Противник подошёл к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Может вы немедленно вылететь в Москву?

Глава двадцать вторая

КАТАСТРОФА ПОД МИНСКОМ И РАССТРЕЛ ГЕНЕРАЛОВ

“...арестовать и судить как труса и предателя”.

Нередко слышишь категоричное: Жуков был человеком Сталина и выполнял то, что ему приказывал Верховный. Это верно. Но лишь отчасти.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете

И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — И бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте”.

Предложения военных “И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями”.

И Генштаб, и Ставку беспокоили события, происходившие в Белоруссии и Прибалтике. Серия запланированных контрударов силами механизированных корпусов вылилась в несогласованные между собой попытки сбить темп немецкого наступления и ничего, кроме колоссальных потерь в живой силе и технике, Красной армии не принесла. Донесения свидетельствовали о низкой активности авиации, которая должна была прикрывать механизированные корпуса на марше, когда они особенно уязвимы, а также взаимодействовать с танками и бронетехникой на поле боя. Ничего этого не получилось. Почти везде катастрофически отставали от танков пехота и артиллерия. И те удары, которые удалось осуществить, проходили практически без артиллерийского обеспечения. За исключением нескольких эпизодов, когда особенно результативно проявили себя истребители танков.

На гродненском направлении удалось на короткое время приостановить немецкое наступление.

Контрудар Северо-Западного фронта из района Каунаса закончился полным провалом.

Тем временем на постоянные запросы доложить обстановку штаб Западного фронта и штабы армий, действующих в районе Белостока и Минска, отвечали то невнятицей, то немотой. Молчали и представители Ставки, посланные туда. Жукова беспокоило, что штаб Западного фронта, возможно, потерял управление, что действия армий и корпусов, брошенных в бой, скорее всего, носят характер беспорядочного сопротивления. Вот почему молчит Кулик, посланный разобраться в происходящем. Вот почему молчит Болдин.

Посоветовавшись с Тимошенко и своим штабом, Жуков доложил обстановку и предложил в качестве срочной меры создать группу резервных армий Главного командования. В состав резерва включить 19-ю, 20-ю, 21-ю и 22-ю армии. Этими сильными армиями заставить рубеж Невель—Витебск—Могилёв—Жлобин—Гомель—Чернигов и далее по Днепру до Кременчуга. Одновременно создавался тыловой оборонительный рубеж по линии Селижарово—Смоленск—Рославль—Гомель. Сюда предполагалось срочно передислоцировать дивизии двух резервных армий Ставки.

Создавался Резервный фронт. Командовать им было поручено маршалу Будённому.

Сталин с неохотой соглашался на предложения военных о переходе к обороне. Долго думал, ходил вокруг карты. Наконец кивнул:

— Хорошо, мы подумаем. Товарищ Жуков, что ещё можно сделать для выправления положения на фронте и улучшения ведения боевых действий нашими армиями?

Следующее предложение, высказанное начальником Генштаба на том совещании, заставило многих вздрогнуть:

— В сложившихся обстоятельствах считаю необходимым срочно пересмотреть дела незаконно арестованных генералов и офицеров Красной армии. Их возвращение в войска существенно поможет общему делу.

Вскочил Каганович. Напрягся и заёрзал на стуле Ворошилов. У Берии задрожало пенсне.

— Разве у нас есть незаконно арестованные?! — почти в один голос воскликнули они.

— Есть, — неожиданно встал Тимошенко. — Есть незаконно арестованные. Среди них прекрасные командиры, толковые специалисты. Они нужны сейчас на фронте, в штабах. Ни в каких разговорах они не участвовали, это честные патриоты, преданные партии и Красной армии люди.

— Вы можете подготовить такой список, товарищ Тимошенко? — неожиданно спокойноотреагировал Сталин.

— Да, могу, — твёрдо сказал Тимошенко.

И Сталину, и всем членам Политбюро стало ясно, что этот вопрос начальник Генштаба и нарком обороны внесли, предварительно договорившись и тщательно продумав все детали. И список у них наверняка уже подготовлен...

Несогласные ждали реакции Сталина. И Сталин уступил военным.

— Хорошо, — кивнул он. — Давайте список. Мы подумаем.

Но пока Жуков докладывал, пока Ставка совещалась и принимала решения, события развивались с молниеносной быстротой, и многие расчёты, только что доложенные Генштабом в качестве предупредительных мер, оказались попросту смятыми гусеницами немецких танков.

И вот тут-то произошло второе серьёзное столкновение двух характеров.

Известно, что 28 июня Сталин провёл основной приём посетителей до 23.00, только Берия и Микоян вышли из его кабинета после полуночи.

Двадцать девятого июня канцелярия Сталина не зарегистрировала ни одного посетителя. Именно это обстоятельство дало некоторым исследователям повод предположить, что Сталин в этот день был настолько расстроен, что впал в транс. Нет записей о посещении кремлёвского кабинета Сталина и за 30 июня.

Но вот что пишет в своих мемуарах Микоян: “29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда ещё не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил нам всем поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить её не могли. Потом Сталин и другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но, сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около полудня поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошёл за ним.

Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были ещё мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдёт Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внёс я. Главное тогда было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручён”.

Колоритная картина, не так ли? Но сразу вылезает наружу кавказский акцент. Хотя не это главное в воспоминаниях Микояна. “Энергичный, сме-

лый, расторопный” Туманян на фоне плачущего, “как баба” начальника Генштаба — это всего лишь слабость. Сила же Микояна в другом. Он был человеком Хрущёва. В том числе и в мемуарах. Политики такого уровня, как известно, в отставку не уходят — они пишут мемуары, которые работают и после их ухода. На преемников, на семейный клан, наконец. Хрущёву выгодно было показать Сталина ничтожеством, в трудный момент растерявшимся человеком, которого надо было вытаскивать с дачи и заставлять руководить страной. Вот мы сейчас как раз и рассматриваем дни “растерянности” Сталина.

Так что верить Микояну можно до определённой степени.

Молотов, обычно весьма сдержанный в характеристиках, в своих беседах с писателем Феликсом Чуевым и об этом дне, и Микояне сказал буквально следующее: “И сам-то Анастас был гнилой. Микоян очень связан с Хрущёвым. Я думаю, что он настраивал Хрущёва на самые крайние меры”.

Совершенно иначе пересказал эту историю со слов Молотова писатель Иван Стаднюк. Иван Фотиевич, работая над романом “Война”, встречался со свидетелями и героями тех событий, в том числе и с Молотовым. “Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским войскам на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооружённых Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжёлыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как всё происходило, я, работая над второй книгой “Войны”, написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж в очень грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах вёлся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения”.

Нет, это была не просто ссора по поводу, а принципиальная схватка, которая определяла дальнейшие взаимоотношения... И потом: что значит, “Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать...” Вежливо сказали: мол, пожалуйста и прочее?... Нет, там, во время этого разговора, видимо, стены тряслись, так что двери сами собой открывались... Кто-то должен был отступить. Самый мудрый. И он отступил.

Историк Николай Зенькович, уже со слов Стаднюка, пересказывает историю схватки в наркомате так: “Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сторяча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу”.

Похоже, именно с дачи Сталин в этот день и приехал в наркомат. Вместе с членами Политбюро.

По воспоминаниям тех, кто в тот день сопровождал Сталина, он в сердцах выпалил: “Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, всё это просрали”. Разговор с военными впечатлил его сильно.

Вот так, от микояновской политкорректности в пользу Хрущёва история отточивалась к жуковским матюкам.

Сам же маршал в своих мемуарах продемонстрировал верх сдержанности: “Ставка и Генеральный штаб тяжело восприняли известие о том, что нашими

войсками оставлена столица Белоруссии”. И далее, уже ближе к теме: “29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении”.

Ни о “портяночниках”, ни о “писаришках” маршал вспоминать не захотел. И уж тем более — о том, в каких выражениях сам “разговаривал” со Сталиным.

Все эти тяжёлые беседы и матерные консультации всплывут позже, после войны. Жукову не простят ничего.

А Тимошенко будет молчать.

Двадцать седьмого июня Жуков связался по “Бодо” с начальником штаба Западного фронта генералом Климовских. Генерал докладывал, что Минск ещё наш, что немцы у Смолевичей высадили десант, но части 44-го стрелкового корпуса его уже добивают, что противник подошёл к укрепрайону, что “Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши...”

Вопросы Жукова были кратки, но объёмны:

— Где Кулик, Болдин, Коробков?

— От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска. Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам.

Климовских докладывал о 6-м генерала Хацкилевича и 13-м генерала Ахлюстина механизированных корпусах 10-й армии. Хацкилевич погибнет в эти дни при попытке вырваться из окружения. Ахлюстин — через месяц, в районе Пропойска, при форсировании реки Сож. В плен попадёт командир 4-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал Потатурчев. После допроса немцы его поставят к берёзе, но пуля, пробив грудь, не заденет жизненно важных органов, и он выживет. В январе 1942 года он выйдет под Тулой на позиции 50-й армии, которой в то время будет командовать генерал Болдин. Выручить его Болдин не сможет или не захочет. Потатурчева арестуют. Умрёт он в тюрьме в 1947 году. В 1953 году его реабилитируют, вернут звание и орден Красной Звезды, вдове назначат пенсию.

1941 год был годом множества трагедий. И они, в своём множестве, срастались в одну, общую, гигантскую. Вот с нею-то, как с драконом, и схватился Жуков, ещё не зная, уцелеет ли его голова в той смертельной схватке...

— Где тяжёлая артиллерия? — продолжал Жуков.

— Большая часть тяжёлой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

В завершение Жуков предостерг:

— Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошёл с севера. Закройте направления Логойск—Зембин—Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня всё. До свидания.

Так и случилось. Через несколько часов немецкие танки при поддержке мотопехоты обошли Минский укрепрайон с севера и атаковали порядка 100-й стрелковой дивизии генерала Руссиянова в районе Острошицкого городка. Дивизия дралась храбро и умело. Было подбито около 100 танков противника. Но сила силу ломит, вскоре дивизию Руссиянова оттеснили, и немецкие танки хлынули в северный пригород Минска.

В ту ночь Жуков почти не спал. Прилёг в кабинете на диване около 5.00. В 6.00 был уже на ногах. Сердце было не на месте. В 6.45 по телефону связался со штабом Западного фронта. Потребовал командующего. Павлов ответил.

Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка. Прошу доложить по существу вопроса.

Павлов: В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилёвского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов—Червень. В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишечы. В районе Бобруйска сегодня в четыре часа противник навёл мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков: Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в район Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что всё это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков: Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного Командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в район Бобруйска и в район Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша—Могилёв—Жлобин—Рогачёв. Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы всё это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всём доложите.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу”.

Странное впечатление производит этот разговор. Жуков пытается узнать у командующего Западного фронта, в каком состоянии его войска. Тот отвечает неконкретно либо конкретно, но говорит не о столь несущественном. О танковой колонне, которая напрямик шла к Бобруйску, он упомянул вскользь и почти пренебрежительно: проскочили, мол, 12 танков... При этом обещал драться за Бобруйск и послать туда едва ли не последний свой резерв. А между тем немцы были уже в Бобруйске!

С занятием Бобруйска рухнуло всё оперативное построение наших войск на возможный отвод частей на тыловой рубеж и эвакуацию складов и тяжёлого вооружения. Генерал Модель овладел крупнейшим железнодорожным узлом, где сходились также шоссеиные дороги. Таким образом, у противника появилась возможность беспрепятственно наступать, ломая уже не боевые порядки, а тылы южного фланга Западного фронта. 24-й моторизованный корпус 2-й танковой группы Гудериана, авангардом которого была дивизия Моделя, мгновенно воспользовался ситуацией, и через четверо суток немецкие танки и мотоциклисты были уже на Днепре и с ходу попытались захватить плацдармы на восточном берегу, но были отбиты решительными действиями 63-го стрелкового корпуса под командованием комкора Петровского.

Тридцатого июня Сталин, по всей вероятности, ещё не окончательно погасив в себе ярость и уже приняв для себя решение по поводу судьбы командования Западного фронта, позвонил Жукову и приказал вызвать генерала Павлова.

Можно себе представить, что происходило в душе Жукова, когда он связался со штабом Западного фронта и приказал генералу Павлову срочно прибыть в Москву.

Жуков был неглупым человеком и “тайны кремлёвского двора” постепенно постигал, хотя, надо признать, всегда старался держаться от них в стороне. Раньше обречённых вытаскивал своим звонком из военных округов в столицу нарком Ворошилов. Так было с командующими округами Якиром, Уборевичем, Великановым, Ефремовым. Последнему, к счастью, ареста, пыток и расстрела удалось избежать.

И вот “работу” Ворошилова должен был сделать он, Жуков.

В своих мемуарах маршал о приезде Павлова написал очень коротко, но с явным сочувствием к обречённому: “На следующий день генерал Д. Г. Павлов прибыл. Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны. В тот же день он был отстранён от командования фронтом и вскоре предан суду. Вместе с ним по предложению Военного совета Западного фронта судили начштаба генерала Климовских, начальника войск связи генерала Григорьева, начальника артиллерии генерала Клич и других генералов штаба армии”.

В те дни Военным советом Западного фронта был Мехлис, он и писал предсмертные “реляции” на генералов штаба Западного фронта.

Шестого июля Мехлис, оперативно “во всём разобравшись”, телеграфировал в Москву: “Москва, Кремль, Сталину. Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжёлое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й <стрелковой> дивизии Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

3) Нами арестованы начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин”.

У Жукова с Мехлисом были всегда плохие отношения. Началась эта неприязнь ещё на Халхин-Голе, когда начальника Главного политуправления РККА прислали в Монголию в район боевых действий “проверить” Жукова. Видимо, уже тогда между ними произошло нечто похожее на “разговор” с Куликом или со Штерном. Мехлис начал энергично давать советы штабу 1-й армейской группы, как лучше бить японцев. Его сдержанно выслушивали, но поступали так, как считали нужным. Вскоре он был отозван из зоны боевых действий. К 1941-му году взаимная неприязнь между Жуковым и Мехлисом приняла характер устойчивый и, как впоследствии оказалось, непреодолимый. Судя по их стычкам, Мехлис считал, что Жуков держит камень за пазухой, то есть является замаскированным врагом. А Жуков презирал Мехлиса как бездарного военного, комиссара по особым поручениям, и не пропускал случая остудить его комиссарский пыл. Но, странное дело, фрагмент “Воспоминаний и размышлений” почти повторяет, пусть в урезанной редакции и более сдержанном тоне, телеграмму Мехлиса Сталину.

Время было суровое, жестокое и требовало адекватных решений, и мы должны быть благодарны своим дедам и прадедам за то, что тогда, в тех страшных обстоятельствах у них хватило силы воли и характера переломить ход событий, выправить положение на фронтах и победить.

Постепенно обстановка стабилизировалась. Отступление Красной армии замедлялось. Сопротивление усиливалось.

Но жертвы были огромными. В Белостокском и Минском “котлах” сгинули 11 стрелковых, две кавалерийские, шесть танковых и четыре механизированных дивизии. Погибли трое командиров корпусов и двое командиров дивизий. Попали в плен двое командиров корпусов и шестеро командиров дивизий. Пропали без вести один командир корпуса и двое командиров дивизий. В сводке германского Главного Командования 11 июля 1941 года были подведены итоги боёв группы армий “Центр”: в Белостокском и Минском “котлах” взято в плен 324 тысячи человек, в том числе несколько старших генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи. В результате “ослабления мобилизационной готовности войск” Белорусского Особого военного округа со стороны штаба округа под Белостоком, а затем западнее Минска в Налибокской пуще немцы окружили, уничтожили и пленили основные силы 3-й, 4-й, 10-й и 13-й армий Западного фронта.

Глава двадцать третья

ЕЛЬНЯ

“Покончить с ельнинской группировкой противника...”

Теперь, когда стало очевидным, что основной удар немцы наносят в центре и танковый клин моторизованных корпусов нацелен на Москву, Ставка перебрасывала резервные армии на линию Западного фронта. 19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии занимали оборону перед приближающимися колоннами группы армий “Центр”. Это был, по сути дела, новый фронт, который так же, как и прежний, рухнувший и сгоревший в контратаках, назывался Западным.

Прежний штаб был расстрелян. Павлов, Климовских, Григорьев, Клич, Коробков. Командующий ВВС Западного Особого военного округа генерал Конец сумел предупредить арест и унижительные допросы: 22 июня он на самолёте поднялся в воздух, облетел аэродромы и, увидев чудовищные разрушения авиабаз и гибель авиационных полков и дивизий, вечером застрелился в своём кабинете.

Новым командующим Западного фронта назначили маршала Тимошенко.

Похоже, Сталин не забыл военным нервного разговора в Генштабе. К тому же часть вины за поражение армий в Белоруссии он возлагал на Наркомат обороны и Генштаб. Вот и отправил под Смоленск исправлять положение руководителя первого из них. Вскоре в помощь ему пришлёт и второго.

Напряжения на фронте не ослабевало. Обстановку тех дней весьма точно охарактеризовал в своих мемуарах Баграмян: “Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать. Все понимали, что укрепленные районы, расположенные на линии старой государственной границы, ещё не готовы принять войска и обеспечить надёжную оборону. А времени и сил на приведение их в боевую готовность было слишком мало”.

Новый Западный фронт уже окапывался под Оршей, Витебском и Великими Луками.

Жуков всматривался в опасную конфигурацию Юго-Западного фронта, следил за продвижением немецких войск. Фон Клейст снова начал давить, концентрируя удары на нескольких направлениях. И вскоре стало очевидно: немцы стараются опередить Кирпоноса, отсесть армии Юго-Западного фронта от линии укрепрайонов и навязать им бой в не защищённом и не оборудованном для обороны пространстве.

По воспоминаниям Баграмяна, штаб Юго-Западного фронта 30 июня получил приказ, “в корне менявший ранее утверждённый план действий. В телеграмме указывалось, что войскам Юго-Западного фронта до 9 июля надлежит отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов. В связи с этим и примыкавшая к нашему левому крылу 18-я армия Южного фронта должна была отвести свои правифланговые войска в Каменец-Подольский укрепленный район (по реке Збруч). С целью постепенного выравнивания линии отходящих войск нашему фронту было приказано до 6 июля удерживать промежуточный рубеж: Сарны, река Случь, Острог, Скалат, Чортков, Коломыя, Берхomet”.

Первого июля Жуков позвонил Пуркаеву:

— Учитывая стремление противника отрезать шестую, двадцать шестую и двенадцатую армии, необходимо проявить исключительную активность и изобретательность в руководстве отходом войск. Иначе не миновать катастрофы. Отвод войск необходимо прикрыть авиацией. Всю противотанковую артиллерию держать в непосредственной близости к наиболее опасным участкам и направлениям.

“Войска начали отход, — вспоминал Баграмян. — К этому манёвру было приковано не только наше внимание. Им интересовались и Ставка, и Генеральный штаб. По несколько раз в день Москва вызывала на провод то Кирпоноса, то Пуркаева. Утром 1 июля мне довелось присутствовать при

разговоре нашего начальника штаба с Жуковым. С первых же слов стало ясно, что Ставку тревожит угроза, нависшая над сильно отстававшими войсками 26-й и 12-й армий. Жуков и начал с того, что спросил Пуркаева, какое принято решение относительно левофланговых армий фронта. Выслушав ответ, он подчеркнул опасность отсечения наших главных сил от линии укреплённых районов”.

Но фон Клейст опережал Кирпоноса.

Жуков позвонил командующему Юго-Западного фронта в полночь 6 июля:

— Примите все меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы двадцать шестую и двенадцатую армии. Спешите с отводом за УР.

Седьмого июля танки Клейста овладели Бердичевом и прошли через укрепленный район, не занятый войсками.

В эти же дни с территории Румынии позиции войск Южного фронта были атакованы румынскими и немецкими дивизиями. Положение Юго-Западного фронта значительно осложнилось.

Западнее Смоленска положение по-прежнему оставалось на грани критического. В десятых числах июля авангарды моторизованных корпусов группы армий “Центр” были уже на Днепре, Десне и Западной Двине, в некоторых местах с ходу форсировали реки и попытались развить наступление дальше на восток, в направлении Москвы. Началось Смоленское сражение, которое будет длиться два месяца.

Ожесточённые бои почти одновременно вспыхнули сразу на трёх главных направлениях — великолукском, смоленском и рославльском. Первые же несколько суток противостояния донесения штабов армий и данные авиаразведки выявили контуры замысла немецких штабов: 2-я танковая группа (Гудериан) и 3-я танковая группа (Гот) ударили одновременно из района Витебска на Духовщину и из района севернее Полоцка на Великие Луки. Фланговые удары этих двух группировок были направлены на Кричев—Рославль и на Ельню. Таким образом, фон Бок намеревался ещё одним мощным ударом охватить группировку наших 19-й, 20-й и 16-й армий и придушить их в Смоленском “котле”.

Первые же бои продемонстрировали превосходство германской армии — и моральное, и численное.

Против пяти армий Западного фронта, расположенных в два эшелона, действовали 28 дивизий, в том числе девять танковых и шесть моторизованных, а также одна моторизованная бригада. Во втором эшелоне двигались 34 дивизии и две бригады. К началу Смоленского сражения немцы превосходили наши армии в 1,6 раза в живой силе, в 1,8 раза — в орудиях и миномётах, в 4 раза — в самолётах. Маршал Тимошенко, вступивший в командование войсками Западного фронта, добился превосходства только в танках — в 1,3 раза, что, конечно же, немаловажно.

К сожалению, ни командование Западного фронта, ни Генштаб не смогли вовремя развернуть новый фронт в полосе от Идрицы до Речицы, чтобы прочно закрыть Смоленские ворота. 22-я армия вскоре оказалась расчленённой и вынуждена была частью войск драться изолированно, а частью с боями и большими потерями вырываться из окружения. 19-я армия была ещё в эшелонах, когда часть её сил во главе с командармом Коневым вступила в бой под Витебском. Именно к этим дням относится эпизод из фронтовой биографии Конева, когда ему, бывшему артиллерийскому фейерверкеру*, пришлось вместе с уцелевшим заряжающим наполовину погибшего, а наполовину разбежавшегося расчёта противотанковой пушки стрелять по колонне немецких танков. К середине июля немцы, постоянно наращивая удар за счёт 9-й полевой армии, к тому времени подошедшей своими основными силами к театру военных действий, завершили охват смоленской группировки части наших войск и ворвались в Смоленск. В эти же дни пали Орша, Кричев, Пропойск, Ельня.

---

* Фейерверкер — буквально “работник огня” — унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях старой армии.

Но Западный фронт по-прежнему сражался. Большинство дивизий смогли отойти на новые оборонительные рубежи, избежав уничтожения и пленения. В окружении на южном фланге продолжал драться Могилёв. Более того, войска Тимошенко постоянно контратаковали, и противник нёс всё новые и новые потери в живой силе и технике. По мере продвижения вермахта вглубь территории СССР компенсировать эти потери Гитлеру было всё сложнее. Мы ещё подойдём в своём повествовании к тому моменту, когда потери германской армии именно на Восточном фронте станут непреодолимым препятствием на пути Гитлера к победе. Немецкий дух, немецкий “орднунг” и рейнский металл иссякнут именно в России. Надлом произойдёт здесь, на Востоке, на Русском фронте.

Ставка создала ещё один фронт. Резервные армии заняли окопы на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Рославль—Брянск.

Сталин тяжело переживал падение Смоленска. Какое-то время он даже не разрешал публиковать в печати и передавать в радиоэфир сообщение о сдаче этого города. Потеря, без сомнения, была огромной. Слишком много ассоциаций она вызывала — поляки, французы, отданная тем и другим Москва...

Сталин в ярости от неудач на Западном фронте требовал отбить Смоленск, вернуть контроль над Смоленскими воротами.

Жуков со своими офицерами разработал новую операцию. 20 июля в войска ушла директива за его подписью о проведении контрудара с целью окружения и разгрома противника в районе Смоленска. Из дивизий фронта резервных армий, стоявших во втором эшелоне, создавалось пять оперативных групп. Они передавались в состав Западного фронта с задачей: нанести серию согласованных ударов с целью охвата смоленской группировки противника с северо-востока, востока, юго-востока и юга.

Контратаки в направлении Смоленска были проведены всемерно, согласованности достигнуть не удалось. В итоге все они были отбиты противником. Но и фон Бок, и Гитлер оценили упорство и решительность русских — на московском направлении немцы остановили наступление и перешли к обороне.

Из дневника фон Бока: “28/7/41. Поздно вечером приехал адъютант фюрера Шмундт и от имени фюрера сообщил мне следующее: наша главная задача — захват Ленинграда с прилегающими к нему районами, потом на повестке дня стоит захват источников стратегического сырья в районе Донецкого бассейна, Москва как таковая большой ценности для фюрера не представляет. Зато для него приобретает большое значение Гомель, захват которого обеспечит проведение масштабных операций в направлении Донецкого бассейна. Это несколько отличается от того, что говорится по поводу задач и целей группы армий в директиве Верховного командования сухопутных сил”.

Жуков по-прежнему беспокоился за южный фланг фронта. Как только противник прекратил давление в центре, сразу стало понятно, что надо ждать удара в другом направлении. Скорее всего, на юге.

Двадцать девятого июля 1941 года Жуков позвонил Сталину, доложил, что имеет важное сообщение, и попросил принять его безотлагательно.

Сталин ответил:

— Приходите.

Личный шофёр Жукова Александр Николаевич Бучин рассказывал, что по Москве и за город начальник Генерального штаба передвигался в кортеже из двух машин. В первой “эмке” ехал Жуков. Вторая, на “хвосте” — охрана. Охранников, не считая водителя, было трое. Вооружены автоматами ППД. У водителя — револьвер “наган” и финский нож. “...Жуков ездил мало, — вспоминал Бучин. — Маршрут обычно: Генштаб—Кремль и обратно. Квартира и дача, конечно”.

В тот день в кабинете у Сталина находились Маленков и Мехлис.

Жуков разложил на столе карту и приступил к докладу. Как всегда, начал с северо-западного направления и закончил юго-западным. На карте указал расположение немецких войск, уточнил их основные группировки и высказал свои предположения о возможных и явно возможных, исходя из

логики последних событий, намерениях противника. Сталин внимательно слушал, попыхивая трубкой.

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — спросил Мехлис, словно устав слушать докладчика.

— Мне неизвестны планы противника, но исходя из анализа сложившейся обстановки, немцы будут действовать, скорее всего, именно так, — не скрывая напряжения, ответил Жуков.

— Продолжайте, — будто не замечая напряжения, сказал Сталин и указал трубкой на карту.

— На московском стратегическом направлении, — продолжил Жуков, — немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий “Центр”. На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий “Юг”. Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши Тринадцатая и Двадцать первая армии, прикрывающие направление на Унечу—Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева. — И Жуков резко чиркнул по карте указкой с севера на юг.

Именно так вскоре и ударит Гудериан своей 2-й танковой группой, отрезая армии Юго-Западного фронта от тылов.

— Что вы предлагаете? — спросил Сталин.

— Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трёх армий, усиленных артиллерией. Одну армию — за счёт западного направления, другую — за счёт Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, считаете возможным ослабить направление на Москву? — удивился Сталин.

— Нет, так не считаю. Но противник, по нашим расчётам, здесь пока вперёд не двинется, а через двенадцать-пятнадцать дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такой маневр не ослабит, а усилит московское направление.

Мехлис язвительно бросил:

— А Дальний Восток отдадим японцам?

Жуков решил на эту реплику не отвечать и продолжил:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

Сталин в упор посмотрел на начальника Генерального штаба:

— А как же Киев?

Вот и наступил момент истины.

— Киев придётся оставить, — уверенным тоном произнёс Жуков.

В кабинете Сталина повисла тишина, как перед артподготовкой или атакой.

Жуков преодолел себя и продолжил доклад:

— На Западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Именно Ельнинский плацдарм противник может позднее использовать для нового наступления на Москву.

И тут Сталин пришёл в себя.

— Какие там ещё удары! Что за чепуха! — вспыхнул он. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать.

Снова наступила тишина. Жуков понял, что продолжать доклад уже не нужно. И в следующее мгновение Сталин закричал:

— Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?!

Смоленск и Киев, так же, как Ленинград и Москва, имели для Сталина не столько военное, сколько политическое значение. Он только что принял английского посла Криппса и на этой важной для обеих сторон встрече ещё раз напомнил о необходимости военной помощи, в которой остро нуждается Советский Союз. Через два дня после визита английского посла Черчилль направил Сталину, к тому времени уже Верховному Главнокомандующему, письмо с согласием на поставку воюющей Красной армии вооружения, боеприпасов, снаряжения, продовольствия, а также необходимых материалов для военной промышленности СССР. В тот же день Черчилль продиктовал письмо, адресованное военно-морскому министру и начальнику военно-морского штаба: “Если бы русские смогли продержаться и продолжить военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества... Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, что я вполне сознаю, ради того, чтобы поддержать их дух...”

В те же дни состоялся визит Гарри Гопкинса, посланника Рузвельта. Гопкинс внимательно изучал обстановку. Когда заговорили о возможной помощи США, Сталин неожиданно попросил высокооктановый бензин для самолётов и цветные металлы. Это произвело на американца впечатление: Гитлер уже пролез в Смоленские ворота, а русские просят не солдат и даже не оружие — они озабочены перспективой, а значит, отчётливо видят её...

Вот когда, ещё в июле, когда фронты трещали и их нужно было постоянно латать новыми дивизиями и подпирать резервными армиями, Верховный Главнокомандующий одержал одну из главных побед в той войне. Вполне понятно, что большего, почти невозможного, он требовал и от своих генералов и маршалов.

Но вернёмся к докладу Жукова.

Он не был таким терпеливым и покладистым, каким на должности начальника Генерального штаба окажется потом Василевский. Впоследствии Жуков сам признается, что “не смог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине”.

После очередной тяжёлой паузы Сталин заговорил уже спокойней:

— Вы не горячитесь. А впрочем... мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдёмся...

“Без Ленина” — это был, несомненно, сильный оборот речи. Пожалуй, самый сильный в устах Верховного.

Через полчаса Жуков получил новое назначение — под Ельню.

Отправляясь на фронт, Жуков, в первую очередь, позаботился о семье. Понимал, что случиться может всякое.

Эра Георгиевна вспоминает, что с эвакуацией они тянули до последнего, что погреб на даче оборудовали под бомбоубежище и надеялись так пережить самые трудные дни войны. Но “в конце июля 1941 года мы, спешно собравшись и взяв самое необходимое, поездом отправились в Куйбышев”. В одном вагоне с Жуковыми в эвакуацию ехали семьи председателя Госплана и члена ГКО Вознесенского и генерала армии Тюленева. В Куйбышеве Жуковых поселили по соседству с семьями Тимошенко и Будённых. Они общались, дружили, “поддерживали друг друга”.

Штаб фронта находился близ Гжатска в лесу в тщательно замаскированных землянках. В штабной землянке Жукова встретил начальник штаба фронта генерал Ляпин и командующий артиллерией генерал Говоров. Жуков выслушал доклад Ляпина и сразу же выехал в сопровождении Говорова в расположение 24-й армии. “Ехали при мрачном отблеске пожаров, полыхавших где-то под Ярцевом, Ельней и западнее Вязьмы, — вспоминал маршал. — Что горело — мы не знали, но вид пожарниц создавал тяжкое впечатление. Гибло в огне народное добро...”

Напротив Ельнинского выступа оборону держала 24-я армия генерала Ракутина.

Командарм-24 произвёл на Жукова двойственное впечатление. “Чувствовалось, — писал он впоследствии в “Воспоминаниях и размышлениях”, — что оперативнo-тактическая подготовка у него была явно недостаточной. К. И. Ракутину был присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних дел, которым почти не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства”.

Жуков изучил обстановку, осмотрел передний край. Буквально использовал его на животе. Побывал на полковых и батальонных наблюдательных пунктах. Поговорил с солдатами и командирами. И 21 августа отдал Ракутину приказ: атаки прекратить, они только истощают силы, потому что противник залёг на плацдарме основательно, в несколько эшелонов и при мощном огневом обеспечении; произвести перегруппировку и готовить войска к новому наступлению.

Ельнинский выступ, образовавшийся в ходе летних боёв за Смоленские ворота, был не просто выступом. Немцы захватили на левом берегу реки Десны выгодный плацдарм, накачали его войсками и огневыми средствами, хорошо укрепили. К тому же, овладев Ельней, фон Бок заполучил в своё распоряжение узел дорог, которые теперь мог контролировать и которыми мог пользоваться как выгоднейшей рокадой в своём тылу — по этой рокаде он мог перебрасывать войска, технику и грузы в любую точку довольно большого периметра по всему Ельнинскому выступу. Бездорожье и неблагоприятные погодные условия в России превратили войну для германских войск в постоянную, практически не прекращающуюся битву за коммуникации, за плацдармы и дороги.

Изучив карту порядков своего и соседних фронтов и оценив действия противника, который активизировался на Южном направлении, Жуков 19 августа отправил Сталину шифровку:

“1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолуцкую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника:

Разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс.

2. Считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крупную группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реке Десна.

В группировку необходимо включить:

- 1) до 1000 танков, которые собрать за счёт мехкорпуса Закавказского ВО, танков РГК и в дальнейшем 300 взять с Дальнего Востока;
- 2) до 10 стрелковых дивизий;
- 3) 3-4 кавалерийских дивизий;
- 4) 400—500 самолётов.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому крайне опасному плану противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собрать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг.

Не ожидая сосредоточения брянской группировки, необходимо усилить войска Западного фронта четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями, восемью — десятью тяжёлыми артполками РГК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк—Витебск—Смоленск.

Командующий Резервным фронтом генерал Жуков”.

В тот же день Жуков получил ответ: “Ваши соображения насчёт вероятного продвижения немцев в сторону Чернигов—Конотоп—Прилуки считаю

правильными. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход киевской группировки с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Ерёменко. Принимаются и другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин”.

Маршал Василевский, в присутствии которого проходило назначение А. И. Ерёменко на должность командующего войсками Брянского фронта, после войны напишет в своих мемуарах: “Сталин сказал, что хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правифланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого всё же надо. Исходя из этого обязательная задача Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надёжно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что в ближайшие же дни, безусловно, разгромит Гудериана”.

Двадцать четвёртого августа по прямому проводу Сталин — Ерёменко: “Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать Брянскому фронту ещё несколько полков авиации и несколько батарей реактивных установок РС. Ваш ответ?”

Ерёменко — Сталину, уверенно и твёрдо: “Подлеца Гудериана безусловно разобью. Для этого прошу подчинить мне 21-ю армию вместе с 3-й”.

Сталин немедленно отдал распоряжение о переподчинении штабу Брянского фронта 21-й и 3-й армий.

Как известно, “подлеца Гудериана” Ерёменко не разбил, наоборот — сам был разбит им.

“А как иначе я мог отвечать Сталину? — оправдывался после войны Ерёменко в одном из частных разговоров. — Шапошников и Василевский, несомненно, лучше знали общую обстановку, чем я, только что прибывший с Западного фронта, где занимался совершенно конкретным делом. Они могли бы меня поправить и сказать Верховному, что у них есть на сей счёт другое мнение”.

Вот почему Маршалом Победы стал тот, кто не давал пустых обещаний.

Шла война на уничтожение. Россия — не Польша и уж тем более не Франция, здесь позволялось всё. Из рассказа Бучина: “Прохладный денёк в конце лета. С запада беспорядочной стаей возвращались наши истребители И-15 и И-16. Машин с десяток. Наверное, они летали на штурмовку и израсходовали боезапас. А вокруг носились два “мессера”, подбивавшие пушечно-пулемётным огнём наших по очереди. Особенно жалко выглядели бипланики И-15; получив очередь, самолёт клевал носом, входил в штопор и, как сорванный лист, устремлялся к земле. Из одного И-15 успел выпрыгнуть лётчик. Над ним белым облачком развернулся парашют.

Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасётся. Но в ту же секунду мелькнул “мессер”, вцепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропах парня и ушёл. Парашют как-то бережно опустил тело лётчика на землю недалеко от нас. Подошли. Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал предать земле с почестями, повернулся и пошёл прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели”.

Не об этом ли окровавленном мальчике в синем лётном комбинезоне и кожаном шлеме на пыльной траве под Ельней вспомнит маршал весной 45-го, оглядывая в стереотрубу горящую столицу Третьего рейха, когда из его уст сорвётся жестокое и справедливое: “Развалинами Берлина удовлетворён”.

Двадцать пятого августа штаб Западного фронта получил директиву Ставки: “...30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, для чего:

а) 24-й армии в составе восьми сд, одной тд, одной мд концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на фронт ст. Большая Нежда, Петрово, Строина; в дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи;

б) 43-й армии, оставив 22-ю и 53-ю сд на занимаемом фронте обороны и главные силы армии на обороне спас-деменских и кировских позиций, двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями 30 августа перейти в наступление в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на фронт Хиславичи, Петровичи...”

Это было именно то, чего он ждал все эти дни и к чему готовил свои войска.

В период подготовки к операции Жуков основательно перетряс командный состав. Замены произошли в штабах, в дивизиях, в полках. Некоторые генералы за бездеятельность и халатность угодили под следствие. Эта “жестокость” командующего впоследствии выплзет в мемуары некоторых из отстранённых и отданных под суд.

Первая самостоятельная операция, разработанная и проводимая под руководством Жукова, действительно во многом напоминала Халхин-Гол. Охват сильными ударными группами, сосредоточенными на флангах, при активных действиях в центре.

Соотношение сил было примерно равным, при небольшом перевесе немецкой стороны в живой силе (70 тысяч солдат и офицеров против шестидесяти тысяч наших) и в танках (40 против тридцати пяти). Однако Жукову удалось достичь перевеса в артиллерии: 800 орудий, миномётов, установок реактивной артиллерии против пятисот немецких.

Тридцатого августа после мощной артподготовки дивизии генерала Ракутина атаковали немецкие позиции перед своим фронтом. Драка была яростная. Немцы с плацдарма уходить не хотели. В ходе сражения начали вводить в дело резервы второго эшелона. Все контратаки были отбиты. Порой с очень большими жертвами.

Второго августа фон Бок записал в своём дневнике: “Вопрос о сдаче Ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью. Ещё раз посоветовавшись с Клюге, я решил Ельнинский выступ оставить”.

Порой эта запись комментируется исследователями Ельнинского сражения как повод для облегчённого вывода: мол, немцы сами ушли из Ельни и оставили неудобный для обороны выступ...

Ушли — после нескольких суток упорных боёв, когда упорство стало перерастать в угрозу окружения на плацдарме основных сил 20-го армейского корпуса генерала Матерны — четырёх пехотных дивизий.

Пятого сентября 19-я стрелковая дивизия вошла в Ельню.

Восьмого сентября Ельнинский выступ был срезан.

Жуков докладывал Верховному: “Всего за период боёв в районе Ельни противник потерял убитыми и ранеными 45—47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулемётов, миномётов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд миномётов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3—5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность. <...> Очень хорошо действовала вся артиллерия даже молодых дивизий. РС своими действиями производят сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым вёлся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов. <...> Преследуя противника, 7.9 наши части вышли на р. Стряна, захватили её и с утра 8.9 имеют задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой Собенникова. <...> В результате этой операции во всех войсках поднялось настроение и уверен-

ность в победе. Сейчас части увереннее встречают контратаки противника, бьют его огнём и дружно, в свою очередь, переходят в контратаки”.

Ельня помогла в октябре и ноябре выстоять под Москвой. Потому что битва за Москву началась уже там, на Десне и Хмаре.

Возможно, для вермахта неудачи в районе Ельни действительно не выглядели большим поражением, но для Красной армии контрнаступление на смоленской земле на центральном участке советско-германского фронта стало колоссальной победой. Здесь начали расправляться крылья наших войск, укрепился дух нашей армии.

Когда военные историки и публицисты, рассуждая о сражении под Ельней в августе-сентябре 1941 года, пытаются оценить эту победу или, напротив, обесценить, приводя цифры из арсенала сторон, безвозвратных и санитарных потерь, то они проходят мимо главного, что было добыто армией — всей Красной армией, сражавшейся в те дни на огромном фронте, а не только на периметре Ельнинского выступа, — они пытаются не заметить самого факта одержанной победы. Локальная, хотя и фронтовая, она в космосе всей войны, полыхавшей в те дни и в Африке, и в океанах, и на островах, стала тем поворотным фрагментом истории, после которого вермахт вступил в череду поражений. Победу под Ельней невозможно исчислить в цифрах. Там родился дух новой армии, которая завершит войну далеко на Западе, в Берлине. И Жуков, своим чутьём полководца, поцелованного Богом, мгновенно уловил это покуда ещё лёгкое движение, которое к 1944 году будет разогнано до мощнейшего урагана танковых прорывов на Запад. Своё донесение Верховному он подытожил значением именно “морального фактора”.

Глава двадцать четвёртая

ЛЕНИНГРАД

“Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет...”

Когда Жуков прибыл из-под Ельни в Москву и услышал от Верховного, что дела под Киевом очень плохи, он подумал, что теперь его ждёт Юго-Западный фронт.

Верховный расспросил его о 24-й армии, о дивизиях, которые особо отличились в боях за Ельню. И вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придётся лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

— Готов выполнить любое задание.

— Город почти в безнадежном состоянии. Если немцы возьмут Ленинград и соединятся с финнами, они тут же с северо-востока, в обход, ударят на Москву. — Сталин сделал паузу. — Имейте в виду, в Ленинград вам придётся перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Верховный взял со стола блокнот и быстро что-то в нём написал, затем вырвал лист, сложил его и подал Жукову:

— Лично вручите товарищу Ворошилову. — И, раскурив трубку, сказал: — Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан позже, когда придёте в Ленинград.

На вопрос Сталина, какие будут просьбы, Жуков ответил, что ему в помощь нужны два-три генерала. Сталин кивнул:

— Берите кого хотите.

Настроение Верховного было подавленным. И он снова заговорил о Киеве:

— Плохо складываются дела на Юго-западном направлении. Мы решили заменить там главкома. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршала Тимошенко, — не раздумывая сказал Жуков.

Сталин посмотрел на Жукова вопросительно, ожидая пояснения. И Жуков продолжил:

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо.

— Рекомендуете Тимошенко?

— Да.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему Девятнадцатой армией генерал-лейтенанту Коневу.

Как впоследствии вспоминал маршал, Сталин сразу же отдал по телефону распоряжение начальнику Генштаба Шапошникову вызвать в Москву Тимошенко и готовить приказ о назначении Конева.

Тема встречи была исчерпана, но Верховный не отпускал генерала.

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника? — спросил он.

— Группа армий “Центр”, вышедшая в район Чернигов—Новгород-Северский, может смять Двадцать первую армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта, — ответил Жуков. — Уверен, что группа армий “Юг”, захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьёзная угроза. Ещё раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днепра и за её счёт создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придётся оставить. Иного выхода у нас нет.

Сталин снова связался по телефону с Шапошниковым, спросил:

— Что будем делать с киевской группировкой? Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести её. — И, выслушав ответ начальника Генштаба, сказал: — Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом.

В тот же день Жуков заехал в Генштаб. Зашёл к заместителю начальника Генштаба Василевскому. Разговаривали, конечно же, о Ленинграде, о сложившейся там обстановке в результате последних немецких ударов. Расставаясь, Жуков спросил о юго-западном направлении.

— Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр, — сказал Василевский.

Состоялся разговор и с маршалом Шапошниковым. Борис Михайлович подробно рассказал о том, что происходит в районе Ленинграда: ещё к концу августа немцы вышли к Неве, 8 сентября заняли Шлиссельбург и вышли к Ладожскому озеру, полностью блокировав город с суши, так что теперь сообщение с городом осуществляется только по воде и по воздуху. Командующий войсками Ленинградского фронта маршал Ворошилов отдал приказ уничтожить самые важные объекты и начал готовить город к эвакуации. Но комиссия во главе с Молотовым, которая только что завершила свою работу, пришла к выводу, что действия и планы Ворошилова мало согласуются с реальной ситуацией, что командующего необходимо срочно заменить.

Шапошников сказал, что положение Ленинграда не такое уж безнадежное, и дал несколько советов по поводу расположения и использования войск, а также возможных действий противника. Советы Шапошникова Жуков всегда ценил.

По словам Бедова, перед тем, как сесть в самолёт, Жуков сказал генералам, которые должны были лететь вместе с ним: “Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжёлые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет. Кто согласен, проходите в самолёт”.

К самолёту пошли все.

В Тихвине ЛИ-2 сделал посадку, дозаправился и снова взлетел, взяв курс на Ленинград. Его сопровождали три звена истребителей ЛаГГ-3. Перед вылетом местные лётчики предупредили командира экипажа транс-

портника: “Трасса трудная, опасная, “мессершмитты” всё время шныряют”.

Истребители сопровождения принадлежали 3-й резервной авиагруппе Ставки Верховного Главнокомандования. Их задачей было обеспечить перелёт транспортника из Тихвина на Комендантский аэродром в Ленинграде. Перед вылетом на построении командир авиагруппы полковник Холзаков предупредил своих “соколов”: “Сейчас поведёте этот “дуглас”. Любой ценой. Понятно? Если не доведёте транспортника до Комендантского, домой не возвращайтесь...”

Погода была нелётной. Низкая облачность. Дождь.

Транспортник тянул низко над лесом курсом на северо-запад. Девятка истребителей шла выше. Вот как рассказывал об этом полёте маршал авиации Силантьев, в то время младший лейтенант, пилот одного из истребителей сопровождения: “Вылетели двумя группами. Первая, в которой находился и я, состояла из двух звеньев — впереди и сверху “дугласа”. Возглавлял её опытный боевой лётчик, штурман полка капитан Паниюков. Вторая в количестве одного звена под руководством комиссара эскадрильи Николая Киянченко непосредственно прикрывала сопровождаемый самолёт. На всём пути к Ладожскому озеру было пасмурно, накрапывал дождик. Но над озером погода оказалась безоблачной. “Дуглас” перешёл на бреющий полёт, чтобы не привлечь к себе внимание постоянно шнырявших в этом районе вражеских истребителей. Минут через пять полёта над Ладогой с северо-запада на встречно-пересекающихся курсах появилась четвёрка “мессершмиттов”, а за нею — другая. Наша группа с ходу их атаковала, стремясь оттянуть как можно дальше от “дугласа”. Замысел удался. Постепенно бой переместился к Карельскому перешейку. В районе мыса Кюля мне удалось сбить один “мессершмитт”. А всего противник потерял в этом бою два истребителя. Вторая группа, отбивая непрерывные атаки “мессершмиттов”, довела транспортный самолёт до Комендантского аэродрома, расположенного в черте Ленинграда”.

В Ленинграде на Комендантском аэродроме генералов никто не встретил. Не поступило никаких распоряжений и начальнику гарнизона аэродрома. В Смольный поехали, можно сказать, на попутке. Жукова это, конечно же, взвинтило. Но пока он держался. Правда, как вспоминал потом начальник охраны, фуражку надвинул на глаза — это означало, что туча сгустилась в грозовую...

Дальше — больше. Во двор Смольного машину не пропустили. Остановили возле ворот и потребовали пропуск. Начальник охраны ответил коротко: “На вас пропуска нет — пропустить не могу”. Жуков, не выходя из машины, потребовал вызвать начальника караула. Через некоторое время появился старший лейтенант. К нему вышел Бедов, показал своё удостоверение и пояснил, кто находится в машине. Но старшего лейтенанта это не смутило. Он следовал уставу и стал звонить по телефону начальству. Наконец, получив разрешение, предложил прибывшим выйти из машины и следовать за ним. В приёмной история повторилась.

Тогда Жуков надвинул фуражку ещё ниже и пнул дверь ногой. Он вошёл в кабинет комфронта, холодно кивнул присутствующим и, не раздеваясь, сел на свободный стул.

В кабинете маршала Ворошилова шло заседание Военного совета фронта: Жданов, Кузнецов, Исаков, Клементьев... Жуков сразу уловил нить проблемы, которую решали собравшиеся: как уничтожить важнейшие военные и промышленные объекты города, поскольку, как они полагали, удержать позиции вокруг осаждённого Ленинграда уже невозможно.

Жуков достал записку Сталина и молча передал её Ворошилову. Текст записки был таким: “Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву”. Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта прибыл чуть позже. Сталин не объяснял своих действий по этому поводу, но они были вполне понятны: если бы немцы сбили транспортник, на котором летели генералы, направленные в Ленинград приказом Ставки, погиб бы не просто генерал Жуков, в то время ещё не особенно известный, а командующий войсками Ленинградского

фронта. Это обстоятельство ещё сильнее воодушевило бы немцев, а обороняющихся деморализовало.

Ворошилов прочитал записку и сразу сник. Возможно, смысл записки Сталина испугал его. За подобный провал генерал Павлов заплатил головой.

Видя замешательство Ворошилова, Жуков встал и, прервав заседание, сам представился как новый командующий войсками Ленинградского фронта. После этого предложил закрыть совещание Военного совета и с этой минуты прекратить любые разговоры о сдаче города, но немедленно озаботиться тем, как отстоять Ленинград. Закончил своё вступление в должность такой фразой:

— Будем защищать Ленинград до последнего человека!

И только после этого снял фуражку и шинель.

Константину Симонову маршал рассказывал о том памятном заседании Военного совета фронта так: «Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуну: «Как командующий фронтом запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектков! Я сказал им: «Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя». И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со всех кораблей, что они просто-напросто бежали. Ещё бы! Шестнадцатидюймовые орудия! Представьте себе, какая это силища!»

С моряками Жуков поговорил на том совете, видимо, хорошо. Взаимоотношения натянулись надолго. Возможно, именно отсюда проистекает столь критичное отношение некоторых флотских мемуаристов к Жукову.

Откровения Константину Симонову по поводу судьбы балтийских кораблей вообще выводят на глубокие размышления о характере и судьбе нашего героя. Умереть в бою или выстоять! Третьего не дано. Именно так он строил свою войну, в том числе и под Ленинградом. Не удержки измотанные дивизии фронт в районе Пулковских высот и Урицка, рухнула наша оборона, и что бы тогда грозило командующему фронту за оставление боевых кораблей противнику? В эти дни расстреливали за брошенную на поле боя винтовку...

Соперник у Жукова под Ленинградом был матёрый. Жуков ещё не родился, когда фон Лееб поступил на военную службу и стал фанен-юнкером. А когда Егорик брыкался в мокрых пелёнках, будущий фельдмаршал и командующий группой армий «Север» уже получил своё первое офицерское звание.

Под Ленинградом их поединок начался практически в первые же часы прибытия нового комфронта в Смольный.

В дневнике фон Лееба, опубликованном на русском языке совсем недавно, записи, датированные началом сентября, полны предвкушения скорого падения северной столицы русских: «...если Ленинград вследствие голода изъявит желание сдаться, то нужно будет лишить его возможности вновь оказать сопротивление: отправить в лагеря военнопленных всех солдат и военнообязанных, собрав при этом всё их наличное оружие...», «русские части, окружённые севернее Луги, всё ещё продолжают попытки вырваться...», «...сегодня мой день рождения — 65 лет. Полковник Шмундт передал поздравление от фюрера и денежный подарок — 250 000 марок».

Фон Лееб уже размышлял о том, кого назначит комендантом Ленинграда и как лучше поступить, когда русский гарнизон выбросит белый флаг, войти в город или подождать, удерживая блокаду, когда там все перемрут...

Но уже скоро тон записок меняется.

«*Воскресенье, 14 сентября 1941 г.* Сегодня я побывал в расположении 4-й танковой группы. Там узнал от начальника штаба, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укреплённый район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения,

как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить 41-й корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему приказано пока оставаться у дальнего рубежа окружения, исключая Пулков.

20 сентября 1941 г. В 17.00 у меня был разговор с генерал-полковником фон Кюхлером. Он подчёркивает, что в боях под Ленинградом пехота уже очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление. Более оптимистичен командир 50-го корпуса. Генерал-полковник фон Кюхлер также придерживается мнения, что окружение Ленинграда нужно сделать более плотным. Он жалуется на большой урон от огня тяжёлой артиллерии русских боевых кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат. Из-за этого резко сокращается численность боевого состава. В том случае, если бы появилась необходимость усилить наступление на ближний рубеж окружения или придать дополнительные силы 39-му корпусу, подкрепление можно было бы выделить только за счёт Кронштадтской наступательной группировки. Но затем возник бы вопрос, каким образом можно будет вести наступление на самом Кронштадтском направлении.

Вторник, 23 сентября 1941 г. Положение в полосе ответственности 39-го корпуса по-прежнему неудовлетворительное, так как корпус, вынужденный перейти к обороне, должен отражать многочисленные атаки противника, а плацдарм у Выборгской на Неве всё ещё удерживается противником. Исходя из этого, необходимо ввести на этот участок дополнительные силы.

Среда, 24 сентября 1941 г. Напряжённая ситуация в полосе 39-го армейского корпуса приобрела кризисный характер. 8-я танковая дивизия сегодня вновь несколько раз подвергалась сильным атакам и вынуждена была отойти за реку Чёрная. 39-й армейский корпус перешёл к обороне, наступление прекращено.

Общая обстановка складывается следующим образом: ...атаки противника направлены, в первую очередь, против 39-го корпуса с тем, чтобы вывести Ленинград из осады...

В группе армий "Север" резервов больше нет. То, чем она располагала, пришлось отдать. 39-й армейский корпус, исходя из этого, может опираться только на наличные силы. Позднее ускоренным порядком будет выведена из Кронштадтской группировки одна из дивизий, которая совершит марш в направлении 39-го корпуса. Это создаёт предпосылки к тому, что как кронштадтская, так и ленинградская группировки, в конечном итоге, перейдут к обороне.

Пятница, 3 октября 1941 г. Противник не оставляет попыток разорвать кольцо вокруг Ленинграда. Об этом свидетельствуют создание плацдарма у Ивановского на Неве, а также сильные атаки на Урицк и высадка десантов западнее Урицка".

Город был на волосок от катастрофы. И возможно, моряки наиболее реально оценивали обстановку, минировав корабли. Но новый командующий приказал: драться до последнего солдата, до последнего матроса.

Генерал Федонинский был назначен на 42-ю армию с категоричной задачей: не пропустить противника к Ленинграду через Пулковские высоты. Там создалось особенно тяжёлое положение.

Вице-адмирал Трибуц получил приказ: разминировать корабли, подойти ближе к южному берегу Финского залива и, взаимодействуя с командармами, крушить боевые порядки противника из всех калибров. Основные направления огня — Пулковские высоты и Урицк.

На танкоопасных направлениях Жуков приказ строить оборону и эшелонировать её в глубину. Зенитки использовать в качестве противотанковой артиллерии.

Каждый день Жуков связывался со Ставкой, с Генштабом. Докладывал, советовался с маршалом Шапошниковым. Приходилось буквально на ходу исправлять ошибки, допущенные штабом маршала Ворошилова. Особенно уязвимым город оказался с юга. Сюда была брошена авиация флота и последний резерв — дивизия войск НКВД с артиллерийским усилением. По-

этому 14 сентября, докладывая Шапошникову, Жуков попросил срочно помочь авиацией, особенно бомбардировочной и штурмовой. Разговор был нервный. Жуков сообщил о фактах нестойкости некоторых подразделений, о дезертирстве с боевых позиций и завершил доклад такими словами: “Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Если придётся, не остановимся ни перед какими мерами”.

Храбро дрались дивизии 54-й армии, которые занимали оборону по обрезу правого берега реки Волхов за пределами кольца и пытались деблокировать города с востока. Армией командовал маршал Кулик. Но в какой-то момент Жуков почувствовал, что командарм сосредоточен на безопасности собственных позиций, отодвигая на второй план задачи защиты Ленинграда. В ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом и приказал ему начать наступление. Однако занятый отражением локальной немецкой атаки на своём правом фланге, Кулик ответил, что в назначенные комфронта сроки перейти в наступление не может, поскольку “не все части вышли на исходное положение” и “не подтянута артиллерия”...

Разговаривали на повышенных тонах. Жуков пытался сдерживаться. Всё-таки на другом конце провода был маршал Советского Союза.

Жуков — Кулику: “Противник не в наступление переходил, а вёл ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы, прежде всего, заботитесь о благополучии 54-й армии, и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный манёвр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего наилучшего!”

Вскоре маршал Кулик был заменён генералом Хозиным.

Тем временем на юге танковые авангарды 1-й и 2-й танковых групп фон Клейста и Гудериана сомкнулись в районе Лохвицы и завершили окружение основных войск Юго-Западного фронта. К 15 сентября в “котёл” угодили и полевые управления армий, а также штаб фронта вместе с командующим. Через несколько суток генерал Кирпонос погибнет во время боя на прорыв.

А под Ленинградом в эти дни положение обострилось до предела.

Фон Лееб сформировал мощную ударную группировку — около шести дивизий с усилением, — и после сильнейшего огневого налёта предпринял атаку на узком участке фронта в районе Пулковских высот. Армия генерала Федюнинского истекала кровью. Немецкая штурмовая авиация почти постоянно висела над обороной 42-й армии. Жуков хорошо чувствовал организм войны, течение боя, его направления, повороты и изгибы. Он знал: вероятность того, что немцы прорвут оборону и хлынут в город, очень велика.

Семнадцатого сентября, в самый пик кризиса ленинградской обороны, из штаба фронта в войска ушёл приказ.

“ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 42-й и 55-й АРМИЙ

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушеры, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить”.

И что, спросите вы, расстреливали? Конечно, расстреливали. Как говорил Суворов: напролом идут — голов не жалеют.

И город не сдали. Не дали задуть Ленинград и уничтожить ленинградцев голодной блокадой.

Находясь в позиции обороняющейся стороны, Жуков постоянно бросал войска в короткие контратаки. Они, несомненно, истощали силы, но ещё сильнее действовали на врага.

Пятого октября 1941 года начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер записал в своём дневнике: “Группа армий “Север”. ОКХ отодвинуло срок начала наступления на ладожском участке фронта (оно было намечено командованием группы армий на 6.10) и отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счёт перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть.

Генерал Бранд доложил о соотношении сил артиллерии в районе Ленинграда. Согласно этому докладу, противник имеет в районе Ленинграда 16 батарей и на кронштадтском участке фронта — 12 батарей. Наша артиллерия значительно превосходит по численности артиллерию противника на обоих участках фронта. Нам недостаёт лишь единого руководства и единой службы наблюдения”.

Таким образом, начальник немецкого Генштаба признал эффективность действий советского военного руководства в Ленинграде.

Гитлер на одном из совещаний в “вольфшанце” в те дни, в сущности, это подтвердил: “Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. А будет ли взят Ленинград штурмом, никакой уверенности нет. Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Он более не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо умирить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу”.

Жуков свою задачу, таким образом, выполнил. Соединения немецких и финских войск не произошло. Стойкость ленинградской обороны значительно облегчила судьбу Карельского фронта. И судьбу Москвы.

Немецкие атаки стали ослабевать. Разведотдел фронта доложил: моторизованные и танковые части противник отводит к Пскову; там танки грузят на железнодорожные платформы для отправки в неизвестном направлении.

Как вскоре выяснилось, танки 4-й танковой группы Гитлер направлял в район Рославля для предстоящего “решающего удара” на Москву.

Читая сводку разведотдела, Жуков понял, что выстоял. Но с танками 4-й танковой группы генерала Гёпнера ему предстояло встретиться очень скоро.

Глава двадцать пятая

УДАР “ТАЙФУНА”

“Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетеневка (Калужский сектор) отбиты...”

Второго октября, за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий “Центр” зачитали обращение Гитлера:

“Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я ещё 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить

в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьёзные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберёт наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой “рай для рабочих и крестьян”. В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своём смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том, и в другом случае — одни и те же: евреи и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом отвести ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времён. Прошло немногим более трёх месяцев, и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счёт которых наш противник жил и восполнял потребности своей гигантской военной индустрии в сырье самого различного вида.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!

<...>

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара ещё до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано всё необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего её союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжёлые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая, затаив дыхание, будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы добьётесь не только победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!”

Началась операция “Тайфун” — наступление группы армий “Центр” на Москву. Двумя днями раньше из района Шостки в орловском направлении атаковала 2-я танковая группа Гудериана. 3-я танковая группа нанесла удар из района Духовщины. 4-я — из района Рославля вдоль Баршавского шоссе.

Сразу же была прорвана наша оборона. Танковые клинья разрезали рядки армий Западного, Резервного и Брянского фронтов и устремились

к Вязьме, Брянску и Орлу. Танковый удар поддерживали пехотные дивизии 9-й, 4-й и 2-й полевых армий. Уже к 3 октября глубина прорыва немцев в полосе Западного фронта достигла 50 километров, Резервного — 80 километров, Брянского — до 200 километров. Танки Гудериана ворвались в Орёл.

Пятого октября Сталин позвонил Жукову в Ленинград: "...не можете ли сесть на самолёт и приехать в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова, Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах. За себя оставьте кого-либо, может быть, Хозина..." Жуков попросил разрешения вылететь завтра утром на рассвете.

Пятого октября авиаразведка обнаружила колонны немецкой бронетехники в районе Юхнова. Доложили Сталину. И ему, как всегда в трудные минуты, стало не хватать Жукова. Верховный понял: случилось самое страшное, возможно, уже непоправимое. Но он знал, что есть один человек, которому он уже несколько раз поручал непоправимое, и тот поправлял. Юхнов — маленький районный городишко на Варшавском шоссе в двухстах километрах от Москвы. Для немецких мотоциклистов — три часа пути...

Шестого октября в Москве Жукова встретил начальник охраны Сталина, сказал, что Верховный болен и ждёт его на квартире.

Сталин был простужен, выглядел неважно. Когда Жуков вошёл, сразу же указал ему на карту:

— Вот, смотрите. Здесь, в районе Вязьмы, сложилась очень тяжёлая обстановка. Я не могу добиться ни от Западного фронта, ни от Резервного исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять никакого решения, пока не знаем, где и в какой группировке наступает противник, и в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, на месте тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда сразу, как только добьётесь какой-то ясности. Звоните в любое время. Я буду ждать.

Жуков уже собрался уходить, когда Верховный усталым голосом спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет, — ответил Жуков. — Противник понёс большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда? — Сталин смотрел на карту.

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

— Кажется, они уже действуют. — И Сталин указал на участок Западного фронта. — Здесь.

Перед выездом из Москвы Жуков побывал в Генеральном штабе.

Шапошников его встретил словами:

— Только что звонил Верховный, — сказал он, — приказал подготовить для вас карту Западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

И протянул распоряжение Ставки.

"Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии т. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования

начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м".

Шапошников угостил Жукова крепким горячим чаем и пожелал доброго пути. Большого он сделать для него не мог.

А путь предстоял смутный. Где армии? Где противник? Если немецкие танки на дороге от Юхнова на Медынь, то в любой момент можно наскочить на разведку противника или на усиленное головное охранение. Неужели катастрофа фронтов достигла таких масштабов? В какой-то момент Жуков подумал о матери и семье сестры, которые наверняка никуда не выехали из родной Стрелковки и теперь ждут своей участи. Или его помощи... И он машинально посмотрел в окно, в крошечную темень, где, в полутора десятках километров, не больше, стояла на берегу Протвы его деревня. А может, они ушли в сторону Москвы с обозом беженцев? От этой мысли сжалось сердце. Он знал, как беззащитны на дорогах войны бегущие от неё. Не раз видел на обочинах и в кюветах тела расстрелянных самолётами людей, трупы лошадей, брошенные телеги, разбросанные пожитки...

Чтобы не клонило ко сну, Жуков несколько раз останавливал машину и делал небольшие пробежки. Начальник охраны всякий раз тоже выскакивал из машины сопровождения и трусил следом. Жукова это и раздражало, и забавляло. Думал: пускай промнётся...

Жукову почти всегда доставались тяжелейшие задания и трудные соперники.

Ночью из штаба Западного фронта он позвонил Верховному, доложил:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

— Где сейчас Шестнадцатая, Деятнадцатая и Двадцатая армии Западного фронта? Где группа Болдина? Где Двадцать четвёртая и Тридцать вторая армии Резервного фронта? — нервно спросил Сталин.

Где армии, о которых спрашивал Верховный, и в каком они состоянии, Жуков пока точно не знал. Но знал главное о них.

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Будённому, разберусь с обстановкой и позволю вам.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Будённому и оттуда сразу же позвоните мне.

Всё было скверно. Вдобавок ко всему пошёл дождь. Чай у Конева пить не стал. Надвинул фуражку глубже на глаза и сдержанно попрощался.

Из "Воспоминаний и размышлений": "...густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подъезжая к полустанку Оболенское, мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Я спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта и С. М. Будённого.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведён сюда два часа назад и размещён в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машина повернула обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Л. З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днём он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семёном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они ещё не вернулись.

Обращаясь ко мне, Л. З. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

— Приехал как член Ставки по поручению Верховного Главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л. З. Мехлисом и А. Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил своё детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил её вдоль и поперёк. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и её четверо детей. Как они? Что, если захватят? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжён был и дом моей матери”.

Та памятная поездка на запад от Москвы в поисках своих штабов и войск запомнилась и водителю Бучину: “...мы объезжали штаб за штабом на Западном направлении. Жуков каким-то неведомым чутьём отыскивал очередной штаб, они были замаскированы от врага, а в данном случае и от своих. Чем дальше мы ехали по прифронтовой полосе, тем больше Георгий Константинович мрачнел. После переезда Нары машина охраны отстала, и наш доблестный ГАЗ-61 в одиночку рыскал по разбитым дорогам. В опустевшем Малоярославце, где, казалось, сбежали все, включая власти, у райисполкома увидели две шикарные машины. Жуков вышел, растолкал дрыхнувшего шофёра и узнал, что это машины маршала С. М. Будённого. Иномарки, конечно, на других пролетарский стратег не ездил. А его-то как раз и искал Георгий Константинович.

Примерно через полчаса Георгий Константинович вышел подтянутый, с каким-то пронзительным выражением в глазах. А за ним вывалился обмякший Будённый, знаменитые усы обвисли, физиономия отёкшая. С заискивающим видом он пытался забежать впереди Жукова и что-то лепетал самым подхалимским тоном. Георгий Константинович, не обращая внимания, буквально прыгнул в машину. Тронулись. В зеркале заднего вида запечатлелся замерший Будённый с разинутым ртом, протянутой рукой, которую Жуков не пожал. Маршал! За ним толпились выкатившиеся из двери охранники полководца.

В странствиях 6—8 октября Жуков неожиданно появлялся в войсках, что немедленно вселяло уверенность как в толпы отходивших красноармейцев, так и в высшие штабы. В последних Жукову предлагали закусить. Отступление отступлением, а животы штабные не подводили. Георгий Константинович холодно отказывался. Наверное, не хотел сидеть за столом с “бездельниками”, допустившими разгром и окружение немцами большей части войск Западного и Резервного фронтов. Да и относился он безразлично к тому, что ел. Георгий Константинович, бывало, повторял: “Щи да каша — пища наша”. Соблазнять его обильным застольем, да ещё с выпивкой, было бесполезно.

Проезжали мы в этот пасмурный нехороший день поблизости от деревни Стрелковка, где родился Жуков. Он вспомнил детство, в нескольких

словах рассказал о речке Протве, в которой мальчишкой рыбу ловил. Посетовал, что в Стрелковке остается мать да и родственники, а немцы подступают. Как-то глухо произнёс: “Видите, что они, сволочи, наделали в Медыни”. В том городке, разбитом немецкой авиацией, мы попытались было распрощаться с старухой. Оказалось — безумная, под обломками дома у неё погибли внуки. Доехать до Стрелковки тогда было бы пустым делом, но Жукову было не до этого. Мать генерала армии удалось вывезти через несколько дней буквально под носом у немцев. Ездил Чучелов”.

Возле Медыни кортеж представителя Ставки остановил патруль в необычной форме — в комбинезонах и танковых шлемах. Так Жуков оказался в зоне ответственности 17-й танковой бригады. Лейтенант проверил документы и сказал:

— Дальше ехать нельзя. Дальше — противник.

17-й танковой бригадой командовал майор Клыпин. Он доложил обстановку: Юхнов захвачен противником, немцы навели переправу через Угру в районе деревни Палатки и перебрасывают на левый восточный берег бронетехнику и артиллерию; в районе деревни Воронки усиленный артдивизион и рота курсантов подольских артиллерийского и пехотно-пулемётного училищ окопались на восточном берегу реки Извери и держат оборону; в стороне Калуги действует 5-я гвардейская стрелковая дивизия, но связи с ней нет.

Из беседы с майором Клыпиным и офицерами штаба 17-й танковой бригады Жуков понял, что части, которые находятся в районе Калуги, Медыни и Можайска, общего боевого порядка не имеют, слабоуправляемы, и, если не принять срочных мер, кратчайшие пути на Москву закрывать будет попросту нечем и нечем.

17-я танковая бригада и её командир, боевой офицер, Герой Советского Союза, произвели на Жукова хорошее впечатление. Здесь не было того беспорядка и уныния, граничащего с паникой, которые он увидел в штабах, расположенных восточнее.

Жуков отдал распоряжения “сосредоточиться на восточном берегу реки Извери и, ведя сдерживающие бои, изматывать противника”. Предупредил майора Клыпина, чтобы в затяжной бой не ввязывался, а действовал больше из засады короткими ударами. Указал на карте линию, дальше которой отходить нельзя. На прощание сказал:

— Берегите танки. И людей. Ваша бригада нам ещё понадобится.

Они снова встретятся в середине октября, в самые тяжёлые дни московского противостояния и позже, зимой, когда начнётся контрнаступление. Бригада майора Клыпина проведёт совместную атаку с курсантами подольских училищ и десанниками капитана Старчака. Только на Варшавском шоссе они уничтожат из засады 19 танков противника.

Пока Жуков колесил по калужским дорогам, пришла директива из Москвы.

“8 октября 1941 г. 3 час. 00 минут.

Ставка Верховного Главнокомандования:

1. Освобождает командующего Резервным фронтом Маршала Советского Союза тов. Будённого от обязанностей командующего Резервным фронтом и отзывает его в своё распоряжение.

2. Командующим Резервным фронтом назначает генерала армии тов. Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Ленинградским фронтом”.

Тем временем штаб Западного фронта переместился в Красновидово западнее Можайска. 10 октября на вновь обустроенный командный пункт из Ставки прибыли Ворошилов, Молотов, Василевский. Маршал Конев впоследствии вспоминал: “По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развёртывания на Можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск ещё до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой

резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только усложняло и без того трудную ситуацию...

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Коневу первым заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

10.10.41 года”.

Подписи Жукова на этом документе нет. Достоверность документа вне сомнений, цитируется по подлиннику.

Маршал Василевский в своих мемуарах подтвердил и версию Конева, и суть вышеприведённого документа, также прояснил спорное место, касающееся присутствия Жукова на том совещании, а точнее, его неприсутствия: “Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединённым фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта”.

Как уже говорилось, назначение Жукова на Резервный фронт состоялось 8 октября. Недалеко от Калуги кортеж представителя Ставки догнал офицер связи и вручил пакет. В нём была телефонограмма с текстом той самой директивы Ставки об освобождении маршала Будённого от должности командующего Резервного фронта и о назначении Жукова.

Одиннадцатого октября Жуков вступил в должность и к вечеру отправил в Ставку первое донесение.

“Донесение командования войсками Резервного фронта в Ставку ВГК от 11 октября 1941 г. об обстановке в районе г. Медынь и принятом решении: т. СТАЛИНУ, ШАПОШНИКОВУ

1. Противник силою 50 танков, 2-3 пех. полк[ов] в течение 10.X наступал со стороны Юхнова и пытался захватить Медынь.

В результате упорного боя сводного пехотного отряда в 1000 человек и 17 танковой бригады противник остановлен западнее р. Шаня, что западнее Медыни.

К 16 часам 11.X в район Медыни подтягиваю 53 сд без одного стр. полка.

Западнее Калуги в 30 километрах обнаружено сосредоточение танков и 400 автомашин. Обе эти группировки с утра 11.X буду бить авиацией.

2. 31 кд, усиленная пехотным отрядом, ведёт наступление на Козельск.

3. Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетеневка (Калужский сектор) отбиты”.

Двадцать шесть лет назад здесь, в гарнизоне при артиллерийских складах под Калугой, он надел первую свою армейскую шинель, ещё не подозревая, что она станет его судьбой. И теперь он — генерал армии — командовал фронтом, полем боя которого стала его Родина. Эти поля и перелески в золоте уходящей осени, речные излучины и поймы, уставленные копнами сена из родного и милого до боли пейзажа в одно мгновение превратились в ландшафт, где ему предстояло расположить свои войска, чтобы остановить рвущегося к Москве врага.

Глава двадцать шестая

РАССТРЕЛИВАЛ ЛИ ЖУКОВ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ И ПОЛКОВНИКОВ?

“...и перед строем расстрелять!”

Когда немцы ворвались в Калугу, Жуков сразу же — 13 октября — телеграфировал командарму 49 генералу Захаркину:

“Копия т. Сталину.

1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военного Совета фронта и со штабом сами уехали в г. Таруса.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение: в противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны...”

Калугу Захаркин не вернул. Но Жуков, как известно, его не расстрелял. Даже от командования не отстранил. Хотя грозился и арестом, и расстрелом не раз.

Что и говорить, это стало своеобразным стилем Жукова: когда дела на фронте складывались особенно скверно, он, как правило, “расстреливал” много и часто.

В тот же день, 13 октября, Жуков издал приказ: “Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине. В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникёров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа. Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЕД, ЗА РОДИНУ!”

И там же: “Учитывая особо важное значение укреп. рубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военного совета фронта и армии подлежат расстрелу”.

Недавно в одном серьёзном издании прочитал статью некоего “военного историка” — статья подана как исследование, и вот что там говорится: в период битвы за Москву на Западном фронте “...были преданы суду военного трибунала: командующий 43-й армией генерал-майор Собенников П. П., зам. начальника оперативного отдела штаба Резервного фронта полковник Новиков И. А., командующий 31-й армией генерал-майор Долматов В. Н., а некоторые из них, такие, как командир 17-й стрелковой дивизии полковник Козлов П. С. и военком дивизии бригадный комиссар Яковлев С. И., были расстреляны перед строем личного состава”.

Проверим же с документами в руках этот список, эту “скрытую правду войны”, под которой явно просматривается злобешая тень “кровавого Жукова”.

Жукову не раз приходилось выправлять чужие грехи, результаты чужой бездарности, слабости и откровенной трусости. В том числе и при помощи крайних мер.

Среди “расстрельных” особо известен приказ от 22 октября 1941 года: “43-я армия. Голубеву.

1. Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 ещё раз категорически запрещаю.

2. На 17 сд немедленно послать Селезнёва. Командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10. Тарутино во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования.

Самому находиться (КП) в районе боевых действий...”

Нынешние читатели этого и подобных ему документов наверняка разделятся на две категории. Одни увидят в приказе жёсткие, на грани жестокости, но вполне соответствующие времени и обстоятельствам требования командира к своим подчинённым. Другие — разнuzданную жестокость командира-тирана, приказывающего “арестовать и перед строем расстрелять”, возможно, ни в чём не повинного “командира 17 сд”.

Что же произошло на участке 17-й стрелковой дивизии и за что её командир был отдан под трибунал?

17-я стрелковая, бывшая Москворецкая дивизия народного ополчения, почти полностью погибла в самые первые дни прорыва под Рославлем 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Командовал дивизией полковник П. С. Козлов, комиссар — бригадный комиссар С. И. Яковлев. Однако часть дивизии всё же вырвалась из окружения. Остатки её вскоре сосредоточились в пункте сбора — в селе Белоусове, что в нескольких километрах от Угодского Завода. Здесь полки переформировали, пополнили вышедшими из окружения бойцами, а также маршевыми ротами, и таким образом восстановленную дивизию поставили в оборону на стыке 49-й и 43-й армий как раз в районе Стрелковки, со штабом в Угодском Заводе. При первом же незначительном нажиме немцев дивизия побежала. Затем её кое-как собрали по окрестным лесам и поставили в оборону на новом рубеже. Но и новый рубеж дивизия оставила сразу, как только противник совершил авианалёт. Бегущие оставили историческое Тарутино и оголили фланги соседних дивизий, которые стояли как вкопанные. На войне, как и в драке: бьют не того, кто сбежал, а того, кто стоит и обороняется. Того, кто сбежал, добивают потом.

Бегущих надо было останавливать. Приводить в чувство. Возвращать в окопы.

Так появился приказ комфронта от 22 октября: “...и перед строем расстрелять”. И он, надо честно признать, остановил тогда, под Москвой, многих. Подобный приказ в сентябре остановил наши отступающие войска под Ленинградом. Теперь всё повторялось под Москвой.

Но был ли расстрелян полковник Козлов, который, судя по документам, явно заслуживал пули комендантского взвода?

Из донесения генерала Голубева Жукову 31 октября 1941 года: “...Докладываю о преступном факте. Сегодня на месте установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян перед строем, а бежал от конвоя. Назначаю следствие”.

Сюжет для военно-приключенческого романа...

Но читатель скажет, мол, ладно, этот от расстрела бежал, а как же другие?

Заглянем в историю всё той же 43-й армии. В самый канун немецкого наступления на Москву за провал операции в районе Ельни с должности командующего армией был снят и отдан под суд с угрозой расстрела генерал-майор Селезнёв. Однако никакого суда не было. Как мы уже знаем, в октябре “расстрелянный” Жуковым Селезнёв его же приказом сменил полковника Козлова.

Следующим командующим 43-й армией стал генерал-майор П. П. Собенников.

В начале октября 43-ю армию генерала Собенникова буквально раскромсали танки 4-й танковой группы генерала Гёпнера — три корпуса, каждый из которых по огневой мощи не уступал всей 43-й армии. Когда в штаб Собенникова поступил приказ контратаковать немцев, в его распоряжении уже не было ни одной боеспособной дивизии и даже полка.

Десятого октября генерала Собенникова, отстранённого от командования армией, уже допрашивали следователи. Спустя некоторое время Президиум Верховного Суда, рассмотрев все материалы дела, вынес постановление о его помиловании и возвращении в армию с понижением в звании до полковника. Войну Собенников закончил генерал-лейтенантом в должности заместителя командующего 3-й армией.

В те же октябрьские дни был отстранён от должности, отдан под суд и приговорён к расстрелу, но с отсрочкой приговора, командир 53-й стрелковой дивизии полковник Н. П. Краснорецкий. Остатки своей дивизии полковник Краснорецкий вывел из-под Спас-Деменска. 53-я занимала оборону севернее Варшавского шоссе и правее 17-й стрелковой дивизии. Судьбы их оказались схожими. Вместе с остатками передового отряда курсантов Подольских военных училищ дивизия вышла к Белоусову, здесь была пополнена и заняла оборону по восточному берегу реки Протвы. Не выдержала удара немецких моторизованных частей и попятилась, частично оставив свои позиции.

Двадцать первого октября телефонограммой из штаба Западного фронта в штаб 43-й армии ушёл следующий текст:

“ВОЕННОМУ СОВЕТУ 43 А.

В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд

ПРИКАЗЫВАЮ:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надёжных бойцов...

Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех бросающих поле боя.

О сформировании отряда донести”.

Полковник Краснорецкий погиб на следующий день в бою во время контратаки в районе деревни Чернишни неподалёку от родной деревни командующего Западного фронта. Полковник получил возможность умереть в бою.

Не расстреляют и вышеупомянутого генерала Долматова. Его 31-я армия будет разгромлена тогда же, в октябре, в районе Ржева. Жуков отстранил Долматова от командования армией, отдал под трибунал. Но суд не найдёт его смертельной вины. Впоследствии генерал Долматов будет успешно командовать стрелковыми дивизиями и с одной из них дойдёт до Победы.

Но вернёмся к загадочной судьбе командира и комиссара 17-й стрелковой дивизии.

Козлов Пётр Сергеевич. 1905 года рождения. В Красной армии с 1926 года. Член ВКП(б) с 1928 года. Участник советско-финляндской войны. Отличился в боях, за что награждён орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Был инструктором парашютного спорта. В короткий срок изучил немецкий язык, почти в совершенстве овладел разговорной речью.

Прекрасный послужной список! Молод, умён, физически крепок. Судя по тому, какую энергию он проявил в изучении немецкого языка и парашютного дела, обладал волевым характером. Некоторое время среди исследователей битвы за Москву бродили версии о том, что таким образом (инсценировкой расстрела) разведотдел то ли 43-й армии, то ли Западного фронта провёл операцию глубокого внедрения своего агента в структуру немецкой разведки. И действительно, в одной из разведшкол Абвера появился бывший советский полковник П. С. Козлов. По сведениям, которые удалось получить в архивах ФСБ, к тому времени он был человеком сильно пьяющим, имел кличку “Быков”, но с советской разведкой связан не был...

Судьба бригадного комиссара Яковлева такова: он был лишён наград, понижен в звании и направлен на Ленинградский фронт, служил в должности старшего инструктора политотдела 46-й стрелковой дивизии 52-й армии.

Конечно, были и расстрелянные. Потому что были и предатели, и трусы.

Правее позиций 17-й стрелковой дивизии в это время основные силы 43-й армии отчаянно дрались с немецкими танками и мотопехотой противника. И там тоже без крайних мер не обошлось.

“21 октября 1941 г.

К 11-00.

Генеральный штаб РККА, штаб Западного фронта.

Генералу армии Жукову.

Идёт бой в лесу восточнее Воробьи. Для наведения порядка расстреляно перед строем 20 человек. В одном случае пришлось применить массовый расстрел 10 человек. Противник ведёт сильный огонь по району Бухаловка.

Командующий 43-й армией Голубев”.

Шла война. И солдатами на ней были не ангелы. Не ангелами были и командиры. И с той, и с другой стороны.

Но суть Жукова — и под Ленинградом, и во время подмосковного противостояния — не в жестокости или милости к своим подчинённым, которые порой забывали об уставе и воинском долге. Таких, обладающих твёрдым характером и быстрым умом, профессионально состоятельных и умеющих брать на себя всю ответственность за возможные результаты своих решений, сейчас называют критическими менеджерами. Так вот, Жуков был лучшим критическим менеджером Сталина. И Сталин переиграл своего главного противника, Гитлера, в том числе и потому, что у фюрера за всю войну не нашлось критического менеджера такого уровня ответственности в сочетании, разумеется, с высокими профессиональными, интеллектуальными и волевыми качествами. Был какое-то время Манштейн, очень талантливый и мудрый полководец, но Гитлер его оттолкнул. Был Роммель, но фюрер заподозрил его в участии в заговоре. И если Сталин по ходу войны всё глубже овладевал вопросами тактики, при этом на поле боя предоставляя всё больше инициативы военным, то его vis-a-vis всё сильнее наполнялся недоверием к своим генералам и фельдмаршалам. Гитлер не верил ни в их лояльность, ни в профессиональные способности, отстраняя от командования и отправляя в отставку, зачастую с позором, одного за другим: фон Клейста, Гёпнера, Гота... Сталин тоже убирал с фронта и отправлял во внутренние округа менее способных: Голубева, Пуркаева, Ротмистрова. Но смело выдвигал на должности командующих армиями и фронтами молодых, энергичных, честолюбивых: Рокоссовского, Черняховского, Рыбалко, Лелюшенко, Ватутина, Горбатов...

Глава двадцать седьмая

БИТВА ЗА МОСКВУ

“Я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...”

К середине октября положение к западу от Москвы настолько осложнилось, что из столицы в Куйбышев решили эвакуировать “часть центральных учреждений, весь дипломатический корпус, а также вывезти особо важные государственные ценности”. 15, 16 и 17 октября Москву охватила паника. Руководители предприятий, высокопоставленные чиновники города, пользуясь своими возможностями, грузили на служебный транспорт ценные вещи, некоторые под шумок прихватывали заводские кассы, забивали мешки и контейнеры продуктами длительного хранения и бежали из города. Народ взбунтовался. Начались погромы. Только расстрелы остановили хаос.

В эти дни произошёл кризис в районе Варшавского шоссе на кратчайшей дороге на Москву. Части 43-й армии дрогнули и стали отходить. Немецкие танки и мотопехота в разных местах начали просачиваться через многочисленные брешки. Создавалась угроза распада центрального участка Западного фронта. Если бы это произошло, немецкие войска уже беспрепятственно хлынули бы на неприкрытый Подольск и далее до самой Москвы.

Жуков в эти дни постоянно находился то в штабе, то в войсках. Спал час-полтора. Осунулся, похудел. Штаб перебрался на новое место — в Перхушково.

На самом же деле все ключевые службы находились во Власихе. А Перхушково — это условное название дислокации штаба Западного фронта.

И вот вести о московской панике дошли до штаба фронта. Жуков послал в Москву своего начальника охраны, чтобы тот лично разузнал, что там происходит.

Из рассказа Бучина историку Яковлеву: “Не знаю, что там доложил Николай Харлампьевич Жукову, а я убедился — Москва стоит и будет стоять. Что до испуганных людей, так это пена, которая схлынет. Да и пусть убираются, не болтаются под ногами. Со всей ответственностью должен сказать, такое настроение было в войсках, разумеется, в первую голову у русских. Они стойко переносили всё...”

Двадцатого октября, на второй день после введения в Москве осадного положения, “Красная звезда” на первой странице опубликовала портрет генерала армии Г. К. Жукова. Фронтвики, вспоминая те дни, говорят, что на них в окопах публикация портрета командующего фронтом подействовала так, как если бы в газете был напечатан портрет Суворова и им сказали бы: “Ребята, Суворов с вами!” Но сам Жуков этой публикации не обрадовался. Уже после войны в разговоре с писателем Давидом Ортенбергом, который в октябре 1941 года был главным редактором “Красной звезды” и хорошо запомнил, как спешно, по звонку Сталина они готовили макет первой страницы с портретом Жукова, маршал сказал ему: “Сталин не раз звонил мне и всё спрашивал: удержим ли мы Москву? И хотя я его убеждал: не сдадим столицу, уверенности у него в этом всё же не было. Он и подумывал, на кого бы в случае поражения свалить вину. Вспомним историю с генералом Павловым...”

Звонил Верховный Жукову действительно довольно часто. Однажды прислал в Перхушково Молотова. Людмила Лактионова, друг семьи Жуковых, передала слова маршала: “В критический момент обороны Москвы ко мне в штаб фронта приехал В. М. Молотов, который потребовал от меня ни одного шагу назад не отступать. При этом Молотов, в случае моего отступления, грозился меня расстрелять. Я ему на это ответил: вначале вы лучше себя расстреляйте, а затем и меня. В дальнейшем Молотов у меня в штабе фронта не появлялся”.

Можно себе представить, что они тогда наговорили друг другу, Жуков и Молотов, в каких выражениях произошла их словесная схватка.

Офицер для особых поручений штаба Западного фронта — майор в отставке Н. Козьмин — рассказал такую историю: “4 декабря 1941 г. мы находились в бомбоубежище. Там Г. К. Жуков проводил совещание с командующими армиями фронта. В это время позвонил Сталин и начал с Жуковым говорить. Смотрим: у Жукова на щеках заходили желваки и появились красные пятна на лице. Тут в ответ Жуков произнёс Верховному: “Мне лучше знать, как поступить. Передо мной четыре армии противника и свой фронт”. Сталин, видимо, что-то возразил. Тут Жуков взорвался: “Вы можете в Кремле расставлять оловянных солдатиков, а мне некогда этим заниматься”. Затем Жуков выпустил обоим брани и бросил телефонную трубку. Слышал ли Сталин брань Жукова в телефонную трубку, установить было трудно. Может, и слышал, но промолчал. Сталин позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: “Товарищ Жуков, как с Москвой?” Жуков: “Москву я не сдам”. Сталин: “Тогда я пойду отдохну”. Жуков в те дни был молчалив, неразговорчив. Ночами не спал. От дремы отбивался холодной водой, баней или гонял по кругу на коне”.

Но был и такой момент, когда Жуков, похоже, дрогнул, и Верховный вовремя укрепил его силы жёстким окриком. Немцы подошли к деревне Крюково на Ленинградском шоссе, и штаб фронта оказался в полуокружении. Разведка доносила о приближении немецких колонн, небольших групп и отрядов пехоты. Уже охрана вступила в бой. Начался ропот среди офицеров штаба: в целях безопасности разумнее было бы отойти к Москве... И тогда Жуков позвонил Сталину и попросил разрешения перевести свой штаб из Перхушкова на Белорусский вокзал. Сталин после небольшой паузы ответил: “Если вы попытаетесь... Если отойдёте до Белорусского вокзала... Тогда лучше я займу ваше место в Перхушкове”.

В эти дни и недели противостояние на всём протяжении Западного, Калининского и Брянского фронтов достигло такого напряжения, что, казалось, сведи противник ещё один резервный батальон — и наш фронт рухнет. Судьба Москвы решалась буквально везде, на участке обороны каждого взвода. Не удержись этот истрёпанный, наполовину зарытый в кровавом снегу и мёрзлой глине, полуживой взвод, уступи врагу свою позицию, и через эту брешь, как вода через щель в плотине, пойдёт вся сгрудившаяся по фронту мощь. Ответственность лежала на каждом солдате, на каждом лейтенанте и капитане, не говоря уже о полковниках и генералах.

Особенно сильное давление противник оказывал на флангах. Правое крыло прикрывала 16-я армия Рокоссовского. В нём Жуков был уверен, как в себе самом. Умрёт, а немецкие танки не пропустит. Но наступил момент, когда и надёжный Рокоссовский, как показалось Жукову, начал пятиться и оставлять позиции.

Двадцатого ноября Рокоссовский, войска которого немцы прижали к реке Истре в районе Истринского водохранилища, принял решение об отводе своих войск за водный рубеж.

Из воспоминаний Рокоссовского: “Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами...”

Всесторонне всё продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом Г. К. Жукову и просил его отвести войска на истринский рубеж...

Командующий фронтом (Г. К. Жуков) не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

...Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Спустя несколько часов получили ответ. В нём было сказано, что предложение наше правильное и что он как начальник Генштаба его санкционирует.

Настроение у нас повысилось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы поломают себе зубы. Их основная сила — танки — упрётся в непреодолимую преграду... Радость, однако, была недолгой. Не успели ещё все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова:

“Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков”.

Споры о том, кто больше прав в сложившейся ситуации, кипят давно и не утихают до сих пор. Менее всего желая подливать масла в огонь, всё же должен сказать, что отвод войск за Истринское водохранилище противоречил планам обороны, разработанным штабом Западного фронта. Убеждать командарма-16, при всех его талантах и положительных качествах, как командирских, так и человеческих, комфронта было некогда, и он просто отдал категоричный приказ: держаться во что бы то ни стало!

Спустя пять дней, когда кризис миновал, Жуков отдал приказ Рокоссовскому отвести войска на восточные линии Истринского водохранилища.

Штаб фронта в эти дни работал с особым напряжением. На самые трудные участки в помощь командармам постоянно перебрасывались резервы. А когда они оскудели, по приказу Жукова снимались с более или менее спокойных участков и перебрасывались на фланги вначале дивизии, потом полки, потом батальоны и отдельные роты. Во время работы над книгой о 33-й армии, которая в те дни сражалась под Наро-Фоминском, мне довелось читать архивные документы, в том числе приказы и распоряжения, подписанные начальником штаба Западного фронта генералом Соколовским. Среди них такие: выделить из состава такой-то дивизии стрелковый взвод, укомплектовать его лучшими бойцами, вооружить автоматическим оружием, выдать боекомплект и направить в распоряжение штаба 16-й армии, сформир-

ровать отделение бронбойщиков, выдать новые противотанковые ружья и боекомплект...

Тем временем на левом крыле было не легче. Там сражалась 50-я армия генерала Ермакова. Действовала армия хорошо. Но у неё был опытный противник — 2-я танковая группа генерала Гудериана. Тем не менее, Ермаков смог остановить танки Гудериана и успешно сдерживал их до середины ноября. При этом укрепил Тулу и отражал все атаки на флангах.

После перегруппировки Гудериан повёл новое наступление, ударил южнее Тулы и прорвал фронт у Сталиногорска. К исходу 18 ноября авангарды 2-й танковой группы захватили Дедилово, Узловую и угрожали глубоким прорывом в направлении Каширы и Зарайска. Обороной Тулы занимался не только штаб 50-й армии, но и Тульский обком ВКП(б). Был создан городской комитет обороны. Тульские большевики сформировали ополчение. Рабочий полк сражался на окраинах родного города. На заводах ремонтировали оружие и боевую технику. Выпускали боеприпасы и снаряжение. Взаимоотношения первого секретаря Тульского обкома Жаворонкова и командарма 50 Ермакова не сложились. В ночь на 21 ноября городской комитет обороны Тулы по инициативе Жаворонкова направил ГКО и лично Сталину телеграмму: “Командование 50-й армии не обеспечивает руководства разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть characterized как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас, товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии. В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский”.

Двадцать второго ноября генерал Ермаков был освобождён от должности командующего 50-й армией “за невыполнение директивы ставки ВГК о переходе в наступление и за непринятие всех мер к приостановлению наступления немцев в районе г. Сталиногорска и его оставление”.

Новым командармом Ставка назначила генерала Болдина. Жуков считал эту кандидатуру не лучшим вариантом. Но он терпел, потому что назначение командармов находилось не в компетенции комфронта. Ставке и Верховному — виднее. Тем более что ему предложить было некого, да и о письме секретаря обкома он узнал только потом.

Однако войска южнее Тулы генерал Ермаков отвёл самовольно, без разрешения штаба фронта. И Жуков тотчас выслал в Тулу комиссию для расследования обоснованности приказа на отход. Комиссия пришла к выводу: оставленные частями 50-й армии позиции в районе Сталиногорска можно было удержать. На докладе комиссии Жуков собственноручно написал: “Командующего армией предать суду”.

Генерала Ермакова судили. Приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с разжалованием и лишением всех наград. Однако прямо на суде председательствующий предложил осуждённому написать прошение о помиловании. Прошение было рассмотрено, и спустя несколько месяцев — ещё гремела битва за Москву — Ермакову вернули генеральские звёзды, орден Ленина, полученный за финскую кампанию, и направили в распоряжение Управления кадров РККА, а затем на фронт.

Офицера на войне, а тем более, генерала, было не так-то просто расстрелять. Если это не был спонтанный выстрел в порыве гнева.

Но были на Западном фронте в период битвы за Москву и расстрелы. В ноябре перед строем командного состава за сдачу Рузы были расстреляны исполняющий обязанности 133-й стрелковой дивизии 5-й армии подполковник А. Г. Герасимов и комиссар дивизии бригадный комиссар Г. Ф. Шабалов. В те же дни перед строем расстреляли командира 151-й мотострелковой бригады 33-й армии майора Ефимова, старшего батальонного комиссара Пегова, комиссара 455-го батальона той же бригады старшего политрука Ершова — “за то, что батальон, поддавшись панике, оставил занимаемый рубеж обороны и отошёл без приказа назад, увлекая за собой другие подразделения”. “За сдачу врагу занимаемого рубежа и позорное бегство с поля боя” были расстреляны командир 601-го стрелкового полка 82-й дивизии 5-й армии майор П. А. Ширяев и политрук Р. Е. Колбасенко.

Расстрельные приказы подписывали командармы Говоров, Ефремов, Голубев. Подписывал и Жуков. И конечно, и им тоже, как и генералу Хлудову из пьесы Михаила Булгакова “Бег”, пришло время, снились кошмарными ночами безжалостные монологи-проклятия солдата Крапилина... Но это их страдания, их крест. И они его несли. Каждый — свой. В мемуары эти душевные муки, конечно же, не попали.

“Тайфун”, по замыслу его творцов и исполнителей, должен был железными клещами танковых групп замкнуть кольцо вокруг Москвы и в гигантском “котле” покончить с последними дивизиями и боеспособными частями Красной армии. Поэтому такая яростная драка происходила именно на флангах.

Однако и на центральном направлении бои не утихали. Там наступала самая мощная в группе армий “Центр” армия — 4-я полевая, у которой танков было не меньше, чем у любой из трёх танковых групп, действовавших в те дни на московском направлении. Не случайно именно здесь немцы предприняли последнее усилие с целью пробить оборону и организовать брешь для решающего прорыва на Москву.

Тридцатого октября Жуков прибыл в расположение 43-й армии. Вместе с ним были начальник штаба фронта генерал Соколовский и член Военного совета Булганин. Жуков приказал проводить его на позиции первого эшелона.

С КП первого батальона 120-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии он долго осматривал предполье, воронки, брошенные окопы, наполовину сожжённую деревню на противоположной стороне. Это была его родина. Здесь он знал каждую тропинку, каждый изгиб реки. И то, что враг был остановлен войсками его фронта именно здесь, в окрестностях Угодского Завода и Малоярославца, волновало особенно.

Вечером Жуков собрал на совещание всех командиров, до командира полка включительно. Выслушал доклады и предложения. Поставил задачи. Главной задачей было — держаться там, где стоишь, ни шагу назад. Неустойчивые будут отданы под суд и расстреляны перед строем. Это он повторил несколько раз. Командиры смотрели на него молча. Многие из них расстрелы перед строем уже видели. А он в те минуты видел глаза людей, готовых на всё. Вот почему с такой твёрдой уверенностью спустя несколько часов во время очередных переговоров с Верховным он скажет, что враг не пройдёт, что Москвы немцам не видать.

Перед совещанием состоялся разговор с командармом Голубевым. Жуков всё ещё сомневался в том, что противник выдохся и остановлен здесь, на Стремилевском рубеже, на подступах к Подольску.

— И всё же, — сказал он, — что произошло на вашем рубеже обороны? Доложите более подробно. Сегодня я буду докладывать о положении на вашем участке Верховному.

— Войска противника остановились, — ответил Голубев.

— Чем это можно подтвердить?

— Сегодня в 7.00 артиллерийской подготовки по нашим позициям не было. В 8.00 противник в наступление не перешёл. Не появилась и его авиация. Наши наблюдатели отметили следующее: в 8.50 в центре и на левом фланге противник приступил к совершенствованию своей обороны. На правом фланге части Пятьдесят седьмого моторизованного корпуса тоже приступили к строительству оборонительных укреплений.

— Что сообщает разведка?

— Войсковая, армейская и авиационная разведка, а также командиры переднего края на 19.00 ещё раз подтвердили, что войска Девяносто восьмой и Тридцать четвёртой пехотных дивизий Двенадцатого армейского корпуса в течение суток создали оборону на всю глубину своих боевых порядков. Танковые подразделения второго эшелона Пятьдесят седьмого моторизованного корпуса от населённого пункта Воробы повернули направо в направлении посёлка Балабаново и двигаются дальше. Сегодня утром в полосе обороны нашей Пятьдесят третьей стрелковой дивизии её разведкой был захвачен офицер Двести восемьдесят девятого пехотного полка Девяносто восьмой пехотной дивизии. Он показал следующее: в пехотных ротах его полка

осталось по 15–10 человек, всё обмундирование летнее, оборванное, питание плохое. Лошади почти все убиты и съедены. Людской состав переносит боеприпасы и другие грузы на себе, таким же способом перетаскивает орудия и миномёты. Настроение солдат, да и младших офицеров, подавленное. Ключе обещал, сказал он, что у русских нет сил для обороны, что через день-два мы будем в Москве, но мы, солдаты, этому не поверили. Ещё сказал следующее: такого мощного сопротивления они не испытывали с начала кампании на Востоке.

— Какие вы делаете выводы из происходящего?

— На наш взгляд, противник измотан. Думаю, что немцы понимают, что дальнейшее наступление на Москву по Варшавскому шоссе через Подольск перспективы не имеет. Докладываю, что в районе Варшавского шоссе, включая Подольск и окрестности, создаётся Подольский боевой участок. Центральная ось боевого участка — шоссе и прилегающие населённые пункты. В настоящее время ведутся усиленные работы по совершенствованию обороны Подольского боевого участка и эшелонирования его в глубину. — И командарм показал на карту, на которую штабными работниками была нанесена схема боевого участка и обозначены линии обороны стрелковых частей, ПВО, противотанковые районы и ловушки, минные поля и проволочные заграждения.

В публикациях многих исследователей истории боёв 43-й армии период конца октября (после смены командующего армии и “расстрела” полковников) — начала ноября характеризуется как непродолжительная оперативная пауза, возникшая вследствие усталости наступавшей стороны и упорства оборонявшейся. Немцы проводили частичную перегруппировку для нового броска вперёд.

Действительно, под Малоярославцем и Тарутином наступило относительно затишье. Обе стороны готовились к новым боям.

Из отчёта, подготовленного офицерами Генштаба в ноябре 1941 года по итогам минувших боёв, которые уже тогда называли первым этапом Московской битвы: “Начатое 2 октября немцами наступление на Москву к концу октября выдохлось, и ослабленные в результате октябрьских боёв немецкие дивизии вынуждены были прервать своё наступление...”

Второй удар, ноябрьский, Западный фронт выдержал уже увереннее. Подошли резервы. В районе Серпухова произошла проба сил — 49-я армия генерала Захаркина, усиленная 2-м кавалерийским корпусом и 112-й танковой дивизией, своим правым крылом атаковала из района Серпухова в направлении Кремёнок и Высокиничей. Ударная группировка была подчинена командиру кавкорпуса генералу Белову.

Это был лихой конник, решительный командир и храбрый солдат. Его звезда ещё блеснёт в районе Юхнова и Вязьмы в 1942-м, под Жиздрой и Хотынцом во время битвы на Курской дуге в 1943-м, в операции по блокированию Курляндской группировки в 1944-м. Войска генерала Белова первыми из группировки 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова в 1945-м форсируют Одер и захватят плацдармы, необходимые для атаки на Берлин.

Но до Берлина, и даже до Одера, было ещё далеко.

Из мемуаров генерала Белова: “9 ноября 1941 года корпус был включён в состав войск Западного фронта. В тот же день я был вызван к командующему фронтом генералу армии Г. К. Жукову.

Беседа в штабе фронта длилась недолго. Командующий сообщил мне, что создаётся группа войск под моим командованием; основой её будет 2-й кавалерийский корпус, придаются 415-я стрелковая и 112-я танковая дивизии, две танковые бригады, 15-й полк гвардейских миномётов — “катыш” — под командованием подполковника Дегтярёва и другие части.

Замысел предстоящей операции состоял в том, чтобы нанести контрудар по противнику в районе Серпухова в полосе 49-й армии совместно с нею, а потом прорваться в тыл немцев. Контрудар приходился на то время, когда немцы ещё наступали и держали в своих руках инициативу действий на советско-германском фронте.

Командующий показал мне на карте район намечаемой операции. Моя конно-механизированная группа, взаимодействуя с 49-й армией, должна была нанести главный удар в полосе шесть километров по фронту. Местность лесистая, с редкими населёнными пунктами. По данным штаба фронта, этот участок слабо прикрыт гитлеровцами, у них выявлено здесь всего два или три пехотных батальона, в позициях противника есть свободные промежутки, что облегчает прорыв вражеской обороны и позволяет направить в тыл к немцам диверсионные отряды наших войск.

Я попросил разрешения выехать на рекогносцировку. Но командующий запретил, сославшись на нехватку времени. В целях сохранения тайны он приказал никого, даже штабных командиров, не посвящать в замысел операции. План приказал разработать мне лично. Срок — один день.

Как бы там ни было, а к вечеру план был готов. В общих чертах он сводился к следующему. Под прикрытием обороняющейся 49-й армии моя группа сосредотачивается на левом берегу реки Нары в районе Булычево, Клейменово, Лопасня. Войска передвигаются скрытно, по лесам, и только в ночное время. Второй этап операции — занятие исходного положения на правом берегу реки Протвы. В 12 часов 13 ноября начинается наступление хорошо знакомая с местностью ударная группировка 49-й армии. Она способствует вводу в бой главных сил корпуса. После прорыва обороны противника корпусом войска 49-й армии расширяют прорыв вправо и влево и прикрывают фланги конно-механизированной группы. На третьем этапе группа развивает успех, выходит в тыл противника, совместно с войсками 49-й армии окружает 13-й армейский корпус немцев и уничтожает его.

Жуков ознакомился с моим планом и утвердил его.

— Завтра едем в Москву, к товарищу Сталину. Будьте готовы, — предупредил он на прощание.

В 15 часов 45 минут я подъехал к условленному месту на улице Фрунзе. Пасмурный холодный день близился к концу, наступали ранние осенние сумерки. Вскоре появилась машина Жукова, и я пересел в неё.

Въехали в Кремль через Боровицкие ворота. Небольшой отрезок пути прошли пешком. Шагали молча и быстро. Только в одном месте командующий чуть задержался, показал рукой на круглую яму:

— Авиабомба.

Воронка была большая. Я прикинул на глаз — не иначе как от полутонной бомбы.

Неподалеку от воронки — вход в подземное помещение.

Мы спустились по ступенькам и очутились в длинном коридоре. Справа двери, как в купированном вагоне. Много охраны.

Жуков оставил меня в одном из “купе”, а сам ушёл. Я снял шинель и фуражку. Разумеется, перед встречей с Верховным Главнокомандующим испытывал некоторое волнение и беспокойство. Осмотрел себя. Вид у меня был не совсем подходящий для такого приёма: красноармейская гимнастерка, охотничьи сапоги с отворотами. “Если спросят, почему не по форме одет, отвечу, что форма износилась, — успокаивал я себя. — Да и не очень-то повоюешь сейчас в хромовых сапогах...” Едва успел подумать об этом, как появился секретарь Сталина, поздоровался и повёл за собой.

В самом конце коридора — открытая дверь в просторную, ярко освещённую комнату. В дальнем левом углу её — большой письменный стол. Несколько телефонов. Жуков представил меня Сталину, стоявшему посреди кабинета.

Сейчас, воспроизводя в памяти прошлое, я невольно припоминаю мелкие, на первый взгляд не очень значительные детали, удивившие тогда меня, вызвавшие недоумение.

В те годы много писали о Сталине в газетах, называли его твёрдым, прозорливым, гениальным, — одним словом, на эпитеты не скупились.

Я не видел его с 1933 года. С тех пор он сильно изменился: передо мной стоял человек невысокого роста с усталым, осунувшимся лицом. За восемь лет он постарел, казалось, лет на двадцать. В глазах его не было прежней твёрдости, в голосе не чувствовалось уверенности. Но ещё больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в повелительном тоне. Впечат-

ление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное. Иногда на лице его появлялась даже какая-то растерянность.

Верховный ознакомился с планом намечаемого контрудара, одобрил его. Выделил для участия в операции группу из трёх авиадивизий. Потом были уточнены сроки.

Верховный Главнокомандующий приказал отложить начало наступления на сутки. Оказывается, к контрудару готовилась также действовавшая значительно правее нас армия генерала К. К. Рокоссовского. Операция должна была начаться на обоих участках одновременно, чтобы помешать противнику маневрировать резервами”.

Наступление под Серпуховом не принесло успеха Западному фронту. Ударная группа, двигаясь по глубоким снегам и лесистой местности, пересечённой глубокими оврагами, к тому же плотно насыщенной войсками противника, которые успели хорошо укрепиться и насытить свою оборону огневыми средствами, быстро израсходовала свой наступательный ресурс и вскоре выдохлась. Немцы серией коротких контрударов быстро выправили положение и отбросили и кавалеристов, и танкистов, и пехоту 49-й армии на исходные.

Итак, донесения командармов и атака под Серпуховом показали, что противник ещё силён, укрепился на достигнутых рубежах основательно, но наступать уже не намерен. Стало понятно: немцы выдохлись, атаковать у них сил нет.

В эти дни Жуков, находясь на северном крыле в 16-й армии, заехал в расположение 78-й стрелковой дивизии, недавно прибывшей с Дальнего востока. Дивизией командовал полковник Белобородов. В штаб армии пришло сообщение, что захвачен пленный. Жуков решил допросить его лично.

На КП Белобородова он приехал вместе с Рокоссовским. Афанасий Павлантьевич устроился с сибирской основательностью: просторная землянка, сухая, хорошо натоппенная, на две половины; в первой — связиисты, во второй — штаб. Пока генералы, сидя у железной печки, отогревались с дороги крепким горячим чаем, привели пленного. Увидев немца, Белобородов замахал руками и сказал с укоризной конвоирам:

— Эх, вы... Ну, ладно, он не понимает. Ну, а вы-то? Хоть бы веником обмели...

Немец выглядел жалко: в летней шинели, в пилотке, нахлобученной на уши, плечи укутаны женской шалью; по пилотке и по плечам густыми ордами ползали вши.

Генералы переглянулись. Жуков засмеялся:

— Вшивая армия — факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий. Опишите, какой он есть. Пригодится историкам.

По дороге в Перхушково, как рассказывал потом Бучин, Жуков несколько раз произнёс:

— Вшивая армия...

В те дни немецкие штабы получили любопытный документ:

“78-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ.

Отдел разведки и контрразведки.

9.11.1941.

Генерал-армии Жуков, который, в соответствии с английскими радиоотчётами, заступил на место Тимошенко на центральном участке фронта, родился в 1896 г. Его отец был сапожником. Он рано вступил в ряды армии и к 1915 году дослужился до чина фельдфебеля. 1919 г. — вступил в большевистскую партию. Участвовал в гражданской войне и боролся против Белой армии, будучи унтер-офицером и младшим офицером. Затем дослужился до командира бригады на Кубани. 1939 г. — командующий Армейским корпусом на восточной границе (против Японии). Потом стал главнокомандующим и генералом армии в Киеве. 28.7.40 — прибыл в Бессарабию и с февраля 1941 г. является начальником Генерального штаба Красной армии и исполняющим обязанности народного комиссара обороны. Жуков является авторитетным командиром и считается способным офицером и хорошим организатором”.

Хотя сведения в этом документе грешат некоторыми неточностями, немцы уже тогда совершенно точно определили, кто из советского генералитета для них представляет наибольшую опасность.

Жуков продолжал действовать короткими контрударами, терроризируя противника, истощая его ресурсы, уничтожал в немецком солдате, сутками сидящем в мёрзлом окопе, веру в то, что хотя бы остаток зимы он проведёт в тёплых квартирах. Дикий холод в промёрзших на метровую глубину русских полях лишал германского солдата не только веры в победу, но и элементарного самообладания.

Из дневника фон Бока: “9/11/41. Положение Гудериана завидным никак не назовёшь. Противник подтянул свежие части и продолжает упорно атаковать южный фланг его танковой армии”.

“18/11/41. Гальдер хочет, чтобы 4-я армия атаковала всеми своими силами. Я против этого. В секторе XIII корпуса сложилось такое серьёзное положение, что армия даже подумывает об отходе с Протвы. XII корпус тоже основательно потрёпан атаками русских, а резерв, находившийся ранее во второй линии XX корпуса, передвинут в южном направлении, так что я не знаю, способен ли XX корпус атаковать при таких условиях. Атака силами всех остальных корпусов намечена на завтра. Гальдер сказал, что положение противника куда хуже нашего, и мы должны это понимать. По его мнению, последние сражения в секторе 4-й армии стратегического значения не имеют и направлены скорее на изматывание противника. Нельзя, однако, забывать, что русские после Смоленска перебросили из Сибири 34 свежие дивизии; из них 21 дивизия противостоит сейчас войскам группы армий”.

“20/11/41. Вечером пришло известие, что Гудериан хочет наступать главными силами через Михайлов в направлении Рязани. Я уже собрался было обсудить по телефону эту новость с Грейффенбергом, когда последний прервал мои рассуждения словами о том, что, согласно только что полученному рапорту от Гудериана, 2-я танковая армия выполнить поставленную перед ней задачу не в состоянии!”

“21/11/41. Поехал из Гжатска в расположение XII корпуса. Командир корпуса явно находится под впечатлением от имевших место ожесточённых сражений и самыми мрачными красками описывает состояние своих дивизий, чьи возможности, по его словам, полностью исчерпаны.

Потери, в особенности в офицерском составе, дают о себе знать. Многие лейтенанты командуют батальонами, один обер-лейтенант возглавляет полк. Численность некоторых полков сократилась до 250 человек. Личный состав страдает от холода и неадекватных условий размещения. Короче говоря, корпус, по мнению его командира, как боевая единица больше функционировать не в состоянии”.

“27/11/41. “Чёрный” день для 2-й танковой армии! Поначалу противник начал оказывать мягкое давление на её правый фланг. Потом он неожиданно нанёс удар большой силы с севера через Каширу против передовых частей танковой группы Эбербаха. Одновременно русские стали наступать из района Серпухова в южном направлении через Оку”.

“3/12/41. Около полудня позвонил Клюге и сказал, что вынужден настаивать на отводе передовых частей LVII и XX корпусов за Нарю из-за создавшегося тяжёлого положения на этом участке фронта. Я отложил решение по этому вопросу до 17.00, так как хотел дожидаться дневного рапорта о результатах атаки северной группы. Но в 16.00 Клюге доложил, что атака с северного направления против левого крыла XX корпуса до такой степени усложнила обстановку, что он был вынужден дать приказ об отходе на свой страх и риск”.

“7/12/41. Трудный день. В течение ночи правое крыло 3-й танковой группы начало отход. Дают о себе знать неприятные вклинивания противника на северном крыле танковой группы. Противник также значительно усилил давление на правое крыло 9-й армии. Я отослал всё, что мне удалось собрать на скорую руку, в распоряжение 3-й танковой группы; полк 255-й дивизии направлен на грузовиках — по батальону за один рейс — в сторону Клина, куда первый батальон прибыл этим утром. Единственный резерв,

какой только удалось наскрести 4-й танковой группе, представляет собой усиленную роту. Моторизованный инженерный батальон, который ранее предполагалось отправить в Германию, был остановлен и также направлен в распоряжение 3-й танковой группы. 9-й армии придётся полагаться исключительно на свои собственные силы.

2-я танковая армия получила по носу у Михайлова, в результате чего передовой батальон 10-й моторизованной дивизии, лишившись большей части своего снаряжения, вынужден был оставить город. Если не считать этого, отход 2-й танковой армии осуществляется в соответствии с планом.

2-я армия, которая, несмотря на все предупреждения, продолжает продвигаться в Восточном направлении, ввязалась в кровопролитные бои с крупными силами противника. Холод тоже становится причиной многих человеческих бедствий и жертв: один полк докладывал, что лишился 318 человек из-за обморожений. К нынешнему серьёзному кризису привели три обстоятельства:

1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги.

2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы.

3. Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части.

В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось”.

Таким образом фон Бок признаёт, что удары советских войск практически свели на нет результаты всех предыдущих успехов, достигнутых в ходе операции “Тайфун”.

Немцы ещё в ноябре, перед вторым ударом почувствовали твёрдость русской обороны и поняли, что, возможно, не смогут её пробить и на этот раз. Гальдер записал в своём дневнике: “Если развёрнутое сейчас на Москву наступление не будет иметь успеха... то Москва станет вторым Верденом, т. е. сражение превратится в ожесточённую фронтальную бойню”.

Так и произошло. И эта фронтальная бойня, этот подмосковный Верден заставил фон Бока израсходовать последний мизерный резерв. А потом начались мощные контрудары русских. И для немцев ситуация стала малоуправляемой, при которой некоторые командиры отказывались выполнять приказы и самовольно отводили свои войска на более выгодные позиции.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления.

И. В. Сталин слушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошёл к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощён. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счёт северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьёзно осложниться.

И. В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом.

Я попросил начальника штаба фронта В. Д. Соколовского, который также считал, что пора вводить в действие наши резервные армии, связаться с Генштабом и поддержать наше предложение о целесообразности начала незамедлительного контрнаступления.

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями. Подробностей от нас не требовалось, поскольку всё основное было заранее оговорено лично с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским. Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василев-

скому: “Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой”.

Пятого декабря войска Калининского фронта генерала Конева, а 6 декабря резервные армии Западного фронта генерала Жукова и правофланговые Юго-Западного фронта маршала Тимошенко пошли в контрнаступление. Так началась грандиозная операция, продлившаяся до двадцатых чисел апреля 1942 года. О ней весьма точно сказал немецкий историк Блюментрит, в те дни генерал и начальник штаба группы армий “Центр”: “Это был поворотный пункт нашей восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя”.

О том, как начиналось контрнаступление и как оно задумывалось, маршал рассказал после войны в беседе с военными историками: “Контрнаступление под Москвой не было похоже на контрнаступление под Сталинградом или в другом районе. Под Москвой контрнаступление вылилось из контрударов. Его развитию, конечно, способствовал ввод новых соединений и удары авиацией по войскам противника. Были ли у нас в штабе фронта и в Ставке разговоры о контрнаступлении? Такие разговоры, конечно, велись. Например, заместитель начальника Генерального штаба Василевский вёл разговор с командующим войсками Калининского фронта с И. С. Коневым о том, что этому фронту надо тоже включиться в контрнаступление. Этот разговор, как видите, носит чисто агитационный характер и свидетельствует о том, что заблаговременного разработанного плана не было ни в штабе Калининского фронта, ни в Ставке Верховного Главнокомандования. Насколько мне помнится, Калининскому фронту никаких средств усиления не передавалось.

В первой половине декабря контрнаступление на флангах фронта развивалось весьма успешно. Например, на левом крыле фронта перед войсками 10-й и 50-й армий и группы Белова противник временами просто бежал. Поинтому складывалась обстановка на центральном участке фронта. Здесь мы его медленно вытесняли. И это объяснялось тем, что в армии, действовавшие в центре фронта, при переходе от контрударов в контрнаступление, мы не дали ни одного солдата, ни одного пулемёта, ни одной пушки. Всё, что нам поступало из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, мы передавали во фланговые группировки. Мы стремились в максимальной степени ослабить и обескровить танковые армии противника и выйти на фланги и в тылы группы армий “Центр”.

Когда под Москвой всё задвигалось, запылало и загромыhalo, когда армии правого и левого крыла, а потом и центра начали докладывать об освобождённых городах и захваченных трофеях, Жуков, в эти дни почти не смыкавший глаз, лёг на свою походную солдатскую кровать, укрылся шинелью и уснул так, что его не могли добудиться несколько суток. Даже когда позвонил Верховный, его не смогли поднять на ноги. Через несколько часов Сталин позвонил снова. Но и в этот раз мертвецки спящего комфронта растолкать не удалось. Так и доложили. Тогда Сталин сказал: “Пусть спит, пока сам не проснётся”.

В те дни в жизни Жукова появилась женщина.

Почти у всех старших офицеров на войне были фронтовые подруги. А уж у генералов, командующих армиями и фронтами — как правило. Некоторые на своих фронтовых любимых потом женились. И счастливо прожили жизнь, нарожали и вырастили детей, нянчили внуков. К примеру, маршал Конев. Другие своих подруг впоследствии устроили в жизни, позаботились о жилье и достатке, обеспечивали детей, если они рождались. Как, к примеру, маршал Рокоссовский.

У нашего героя всё вышло иначе.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Лида Захарова появилась в нашей маленькой группе обслуживания Жукова в дни битвы под Москвой, осенью 41-го года. Георгий Константинович тогда расхворался, и к нему прикомандировали фельдшера — младшего лейтенанта медслужбы Захарову. Худенькая, стройная, она была для нас, как солнечный лучик. Более незлобное существо трудно себе было представить. К ней быстро привязались мы все, в том числе и Жуков. Но она никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем генерала армии. Поэтому не отходила от него ни на минуту. Застенчивая и стыдливая, она терпеть не могла грубостей и сильно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от её заботы. Иной раз уходила от него в слезах. Свой нрав Жуков не укорачивал даже с ней, хотя и любил Лиду, но как-то по-своему, сурово. И тиранил её, бывало, и по-солдатски подсмеивался над ней, но от себя никуда не отпускал. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы, но Лида оставалась. На людях Лида постоянно соблюдала дистанцию. В машине с нами не ездила. Только сзади, с охранниками. Жила, правда, в одном вагоне с Жуковым. Но там же жили и три генерал-лейтенанта. Однажды, в июле 43-го, в нашей маленькой группе был праздник: мы поздравляли Георгия Константиновича с награждением второй медалью “Золотая Звезда” Героя Советского Союза. И Лиде поручили вручать Жукову громадный букет. Видели бы вы это вручение! От смущения она была просто пунцовой, не смела даже поднять глаз на своего кумира. Как в тот момент Лида была трогательна в своём отглаженном форменном платьице с лейтенантскими погонами, орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”! Даже взгляд Жукова потеплел. Нам показалось, что в тот момент он был гораздо счастливей, чем когда-либо”.

Лидия Захарова была рядом с Жуковым всю войну. Затем последовала за ним в Одессу, после Одессы в Свердловск. Это тихое, кроткое существо сопровождало маршала и в годы его славы и великого триумфа, и в период опалы. Человек величайшей внутренней культуры и такта, она не переступала ту грань, за который её кумир мог бы увидеть претензию на что-то большее, чем то, что между ними произошло. И тем была счастлива.

Была ли любовь? Была. Долгая и мучительная. В середине 1950-х годов, когда Жуков вернулся в Москву и занял пост министра обороны СССР, он разыскал Лидию и выхлопотал ей новую квартиру. Лидия работала по специальности — фельдшером в сельском медпункте в том самом подмосковном Перхушкове, неподалёку от которого когда-то находился штаб Западного фронта. У Жукова тогда уже была Галина. Лидия к тому времени вышла замуж. Жила вполне счастливо. За квартиру была благодарна. А он в какой-то мере успокоил свою совесть.

Когда врага от Москвы отогнали, из эвакуации вернулась семья — Александра Диевна с дочерьми, мать Устинья Артемьевна и сестра Маша с детьми. Как вспоминает Эра Георгиевна, в один из дней по приезду из Куйбышева они отправились к отцу в Перхушково. По всей вероятности, Жуков прислал за ними машину. Пробыли они в Перхушкове недолго, день или два, и вернулись в Москву.

Когда началось наступление, штаб фронта тоже вслед за войсками переместился на запад к станции Обнинская. Это уже была родина. Сюда Жуков ходил пешком из Стрелковки. Отсюда шли поезда в Москву. Сюда же он приезжал из Москвы, сходил с поезда и шёл домой, буквально летел, как на крыльях, тащил тяжёлый чемодан с городскими подарками...

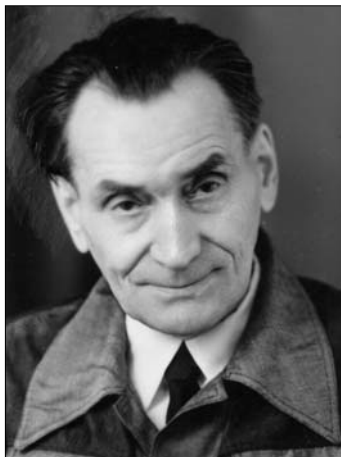
Деревни в окрестностях были сожжены. Местные жители ютились в наспех отрытых землянках. Еду готовили в чудом уцелевших печах прямо на улице. Смотреть на страдания земляков было больно.

Река Протва протекала недалеко от штаба. Иногда он спускался к ней, чтобы подышать влажным воздухом родины.

(Продолжение следует)

ФЁДОР СУХОВ

“В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ УСОПШИХ...”

“Не могу сказать, сколько времени я пролежал в ромашковой затиши..., утешая себя тем, что ещё живу, хожу по земле, гляжу в выцветшее до белизны небо... Дышу... Живу... И с самого детского возраста страдаю неизлечимой болезнью перебирать какие-то слова, укладывать их в какие-то строки, надеясь, что эти слова, эти строки кого-то утешат, обрадуют, освежат, как лепестки ромашки, чью-то душу” (Ф. Сухов “Ивница”, ч. 1). “Ромашковая затишь” — это то место близ села Волоконска. Курской области, где противотанковый взвод лейтенанта Ф. Сухова впервые принял боевое крещение, где навсегда остались русские, немецкие, мадьярские парни и куда через двадцать лет вернулся поэт, чтобы задуманная им хроника о войне обрела живые краски. Хочется вновь напомнить любителям чистого русского слова выстраданные поэтом строки. Стихотворения, представленные читателю, взяты из последней книги Фёдора Сухова “Вербное воскресенье”, вышедшей к его 90-летию. В книгу вошли стихи, и до этого не публиковавшиеся, и хорошо известные ещё при жизни поэта. Стихи, посвящённые Великой Отечественной войне, написаны поэтом между 1944–1991 годами. На протяжении всей своей жизни Фёдор Сухов пытался найти сокровенные слова, чтобы выразить всю горечь, испытанную русским народом в те страшные годы.

Елена Сухова

* * *

Эти горести и эти беды,
Этот голубеющий причал...
Радость завоёванной Победы
И её великая печаль.

Возложу печаль свою на камень,
На безмолвно стынущий гранит,
Снова повстречаюсь с земляками
Возле наших сельских пирамид.

Что скажу я? Что я проглаголю?
Бедная, не шевелись, трава,
— Неубитому, живому горю
Не нужны убитые слова.

1977

СЕСТРИЦА

Возвратилась сестрица с войны
К незабытому холоду-голоду.
Принесла только раны свои
Да свою неубитую голову.

И никто-то её не встречал,
Васильками никто не одаривал.
Хорошо, что есть дом, есть причал,
Что когда-то без спроса оставила.

Ни у матери, ни у отца
Не спросила она разрешения.
Убежала с родного крыльца
Без отцовского благословения.

Да и мать не просила припасть,
Прикоснуться к святому распятию.
Потайная стезинка-тропа
И с отцом разлучила, и с матерью.

Распрощалась с родной стороной,
Молодая взвихрилась черёмуха!
Всё слышней под ущербной луной
Ядовитая чуялась по́моха.

Надвигалась так лихо беда,
Нависала зловещими тучами.
Все-то веши и все города
Захлебнулись слезами горячими.

А сестрица успела явить,
Возвеличить своё милосердие.
Чуткий лес. А в лесу — соловьи,
Может, первые, может, последние.

На рассветной случилось заре,
Умывался росой соловушка,
Пунцовел, землянично алел,
Молодой хорохорился кровушкой.

И тогда-то вдруг грохнулся гром,
Ослепляя, ударила молния...
Молодую певучую кровь
Остудила лесная промоина.

Принакрыла лесная листва,
Что круглилась, как чьи-то оладыши.

Тихо-тихо слезился, лился
Свет зари на понурые ландыши.

Лебединая их белизна
Непорочной слезой осчастливлена.
А пропащая чья-то весна
Одинокой кручинится ивиной.

Та весна, что сумела явить,
Возвеличить своё милосердие.
Отхрипели её соловьи,
Отцвели незабудки последние.

Непокрытой светясь сединой,
К непригубленной тянется горечи,
Под ущербной гуляет луной,
На моей пропадает подгорице.

1980

22 ИЮНЯ 1941

Не забываю и — не забуду,
До гробовой не забуду доски,
Как к комариному долгому гуду
Липло дыханье зелёной тоски.

Грусти зелёной кукушечьи вздохи
Стыли на ранней рассветной заре.
Дух прошлогодней печёной картохи,
Он в неостывшей томился золе,

Он на ладони парнишки-подпaska
Вместе с рассветной зарёй холодел...
Дивного утра волшебная сказка
Переливалась в ликующий день.

Располюхался, зарделся шиповник
По бечеве ободневшей реки.
Друг мой, мой сверстник, ты знаешь, ты помнишь,
Как положились в лугах кулики.

Как коростели истошно кричали,
Чуяли лёзо отбитой косы,
Слышали голос великой печали
И грохотанье великой грозы.

Друг мой, мой сверстник, ты знаешь, ты помнишь,
Как колотились в холстину тропы,
По луговой проскакавшие пойме,
Колокола лошадиных копыт.

Били в набат, нестихаемо били,
Виделось полымя близкой беды.
Ясень тянулся к поникшей рябине
Возле речной потемневшей воды.

И тополя, их пороша, их заметь,
Поземь их липла к укронной скамье.
Иволги — вдруг захлебнулись слезами,
Всей своей болью припали к земле.

К лику былинной, полынной России
Крылья свои опустили они.
И голосили, и голосили
Все-то все ночи, все-то все дни...

1985

ПОБРАТИМЫ

Справляют юбилеи старики,
Печалят зазимевшие седины...
Мои окопники, фронтовики,
Былого лихолетья побратимы.

Они и ныне — на передовой,
Готовятся к очередному бою...
Своею горечью, своей травой
К возвышенному припадают полю.

Сигнала ждут — сигнал условный дан.
Зелёная возвысилась ракета!
Дивизии стрелковой капитан
В своё двадцатое уходит лето.

Кидаются в объятия друзей
Его помолодевшие седины.
Всё возвращается к былой стезе,
Стези-дороги — исповедимы.

Любой просёлок — исповедим,
Подстерегают всякие колдобы...
Пороховой не оседает дым,
Задебренные половодит доли.

Полынью неприкаянной горчит,
Засвинцовело поле от полыни.
И кажется, не головни — грачи
На скошенной чернеют луговине.

Уходят в ночь бывалые стрелки,
Уносят зазимевшие седины
Мои окопники, фронтовики,
Былого лихолетья побратимы.

7 января 1992

* * *

“Возникший спор не разрешай железом”, —
Так говорил, так завещал Господь.
Когда грохочет гром — уйди из леса,
Убереги тоскующую плоть.

От молнии убереги, от грома,
Да не сразит ни молния, ни гром
Плывущего по озеру парома,
К косе песчаной движется паром!

И не паром — ковчег, что от потопа
Упас всех обитателей земли.

Всесветный ливень унялся, оттопал,
Возвысили свой голос журавли.

Взывающие приподняли трубы,
Печалются над заводью речной.
Деревьев захолонувшие трупы
Прибрежной оmyваются волной.

Кидается на каменистый берег,
О берег разбивается волна.
В глубокой расплывается купели,
Хохочущая видится луна.

От молнии уберегли, от грома
Свой неуёмный полуночный смех.
Не из ковчега — вроде бы из гроба
Поднял бродяжий посох человек.

Явил себя у сумрачного леса
Земной юдоли сникший старожил,
Возникший спор не разрешил железом —
Протянутой рукою разрешил.

13 февраля 1991

В ДЕНЬ ПОМИНОВАНИЯ

В День поминовения усопших
Я, усопший, на ноги встаю.
Слышу я, как на Десне, на Соже
Ветер просыпается, тревожит,
Овекает голову мою.
Голова моя была убита,
Я носил её и не сносил...
Не стихает давняя обида,
Кованные грохают копыта
В мороси трясущихся осин.

В голенастой пестряди берёзок
Кони топают к передовой,
Топора отточенное лёзо
К раздожившимся припало лозам...
Месяц родился молодой.
Нависает кособокий месяц
Над блескучей серебряю реки,
Белорусские печалит веси,
Знаю я, я ведаю — в Залесье
Дивные синеют васильки.

Не во ржи, не в жите — середь сосен
Васильковая храбрится синь.
В Беловеже — к партизанке Зосе
На зелёном заливном покосе
Утренняя прикоснулась стынь.

Холоднее сделалось на Соже,
Лихорадит блёккую струю...
В День поминовения усопших
В заповедной, невеликой роще
Я, усопший, на ноги встаю.

22 июня 1991

ДМИТРИЙ РОГОЗИН

БАРОН ЖОЛТОК

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РОССИИ

ОТЕЦ

Ближе к весне мне приходилось прилетать в Москву всё чаще. Отцу становилось день ото дня хуже, и я боялся, что, когда наступит развязка, меня не окажется рядом. Лечащий врач, военный медик с вечно грустными глазами и мягким голосом, убеждал меня, что успеет предупредить об ухудшении состояния отца, — мол, столько генералов провожал и знает, что Смерть — старуха педантичная. Всё у нее по часам, всё выверено, хозяйство плановое. Никто еще с таким тяжелым заболеванием с ее крючка не соскакивал, но и раньше положенного ею не умирал.

Но, как говорится, нет правил без исключений. Батя оказался человеком крепкого тела и воли, и он вовсе не собирался уступать даже такой уважаемой даме, как Смерть. Врачам и правда было чему удивляться. Его сердце не сдавалось, несмотря на лошадиные дозы обезболивающего. Обычно человек в его возрасте после таких инъекций не протянул бы и двух недель, а этот боролся, сердце его качало жизнь в мозг, мозг продолжал мыслить, анализировать всё, что случилось со старым генералом, для которого госпитальная койка стала последним рубежом обороны.

РОГОЗИН Дмитрий Олегович родился 21 декабря 1963 года в Москве в семье крупного организатора советской оборонной промышленности и военной науки О. К. Рогозина. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор философских наук, специальность “философия и теории войн”. Автор ряда книг по вопросам военной стратегии и политики. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации. Первый заместитель председателя Организационного комитета “Победа”.

Палата представляла собой небольшую комнату с кроватью, на которую был брошен дополнительный матрац. Узкий холщовый-пенал с разобранным креслом, убогим журнальным столиком и усталое дребезжащее холодильником соединял ее с больничным коридором. По нему то и дело с грохотом проезжали тележки с какими-то подносами, стаканами, баночками и скляночками. Это медсестры развозили по палатам лекарства и еду для больных, кто уже ослаб настолько, что не мог себе позволить доковылять до столовой, расположенной на этом же этаже — за лифтовым холлом. Старики возмущались этим грохотом робко — они не хотели портить отношения с медперсоналом, от которого они зависели буквально во всем. Врачи, сестры и сиделки убирали за прикованными к кровати бывшими героями и кумирами. Они кормили их с ложечки, вливали в дряблые и прилипшие к костям вены глюкозу, приносили скудный, подчиненный диете обед и протирали их тела на ночь влажной губкой. Что говорить — не все родные морально были готовы так ухаживать за своими стариками, так что грех было сердчать на грохочущие тележки и громкие разговоры в госпитальных коридорах. Шум ремонтных работ в соседнем корпусе, закрытом на реконструкцию, и звон провозимой мимо палат посуды будил больных, но и сообщал им одновременно, что они еще живы.

Так в этом Центральном военном клиническом госпитале имени П. В. Мандрыки, спрятанном в Сокольниках, доживали свой век последние генералы Советской армии.

Чуть ли не через день в палату отца заглядывали его коллеги-сослуживцы, друзья и бывшие подчиненные, считавшие себя его учениками. Все они, как могли, пытались поддержать генерала, при этом старались придать себе излишне беззаботный вид, будто батя вот-вот поправится и скоро все снова встретится дома у моих радушных родителей. Мне же и сестре Татьяне гости наперебой рассказывали, “какой у нас отец”, охотно вспоминая при этом, как когда-то он им здорово помог. В эти тяжелые для всей семьи дни я много хорошего узнал об отце.

Иногда в палату заходили и вовсе не знакомые нам люди, посчитавшие своим долгом засвидетельствовать ее хозяину свое почтение. Возможно, лишь праздное любопытство толкало их в эту комнату, куда госпитальное начальство помещало смертельно больных знаменитостей и просто уважаемых в Вооруженных Силах людей. Как-то раз начмед госпиталя, который пришел проводить отца и деловито пощупать его пульс, торжественно объявил, что именно на этом матраце скончался митрополит Питирим. Отец тогда явно не понял историчности момента и лишь внимательно слушал оживленную беседу сопровождавших своего начальника врачей, охотно вспоминая обаятельного владыку Питирима, оставившего о себе среди медперсонала самые теплые и сильные впечатления. Именно тогда мне показалось, что существует разница в восприятии смерти среди тех, кто готовит своих пациентов к встрече с ней, и тех, кто этой встрече хотел бы избежать.

Мама не оставляла отца ни на минуту. Для нее это был священный долг и акт самопожертвования — оставаться со своим любимым другом, с которым она счастливо прожила 57 лет. Она уклонялась от предложений врачей самой пройти обследование в госпитале и будто не слышала наши увещания съездить домой на пару дней, чтобы привести себя в порядок и наконец выспаться на нормальной кровати. Никто так и не смог ее переубедить, и три самых страшных месяца в своей жизни она не отходила от постели отца, урывками спала в холщовике на кресле-раскладушке, то и дело вздрагивая и просыпаясь то от стонов мужа, то от судорог старого холодильника. За это время она совсем высохла, осунулась, боясь думать о надвигающемся одиночестве.

Родителей я навещал раз в месяц — это точно. То командировку в Москву оформлю, то отпуск за свой счет возьму. Так дня на три-четыре и прилетал регулярно. Деловые встречи планировал после обеда, но с утра, заскочив по дороге в магазин, мчался к родителям в Сокольники — в госпиталь. Отец практически уже ничего не ел, поэтому просил привезти ему некоторые продукты так — на пробу, чтоб запомнить навсегда их вкус. Съест несколько красных икринок, выпьет глоток пива, понюхает кусочек буженины, и всё. Радости жизни.

“Это он когда вас видит, у него и аппетит просыпается, и тяга к жизни. Вы ему радость привозите”, — сказал мне как-то печальный доктор и тут же ретировался, оставив меня наедине с батей. Мама, расцеловав меня с дороги, тоже обычно уходила куда-нибудь. Все в семье: и жена, и сестра, и тетка, — все понимали — нам с отцом есть что сказать друг другу, и не хотели нам мешать. Сын Алексей с невесткой вообще приезжали к деду часто, но так, чтобы со мной не пересекаться. Мы все хотели, чтобы “наш генерал”, как мы звали его в семье, никогда не оставался один на один со своими мыслями. Надеюсь, что мы поступали правильно.

“Присядь. Подай мне с тумбочки очки, нет, не те, а в прозрачной оправе. Ну выкладывай, как дела, сын?” — отец берет меня за руку, и я, заранее приготовив повествование, начинаю свой доклад. Его большие, немного слезящиеся глаза смотрят внимательно. Такое впечатление, что он меня запоминает. Отец то и дело переспрашивает, уточняет какие-то заинтересовавшие его детали. Наконец, дождавшись, когда я окончательно увлекусь рассказом и уж точно не собьюсь, он на секунду прерывает меня, прося перевернуть его на бок и помассировать затекшую спину.

Отца интересовало всё, что имело отношение к его прежней военной службе и к делам семьи. Мои отчеты по работе сменялись рассказом о ремонте старенькой куцей дачи на Луговой в Подмосковье, которая вкупе с прохудившейся крышей и скандальными разборками с соседями по какому-то дурацкому поводу досталась ему от моего деда Константина. Эта дача на четырех сотках — половина старой избы и недавно отстроенная банька — по завещанию доставались мне в наследство. Это всё, что в материальном плане было у отца.

Но я рассчитывал на другое наследство, и я его получил.

Прослужив верой и правдой своей Родине, отдав ей свое здоровье, отпуска и выходные, дослужившись до звания генерал-лейтенанта, заработав репутацию исключительно порядочного человека и крупного военного ученого, отец оставлял мне свой главный капитал — книги по военной стратегии, словари по оборонной терминологии, свои воспоминания.

Когда болезнь сразила его и уложила в постель, он решил написать свою последнюю книгу — книгу об истории нашего рода. Но силы его уже оставили. Глаза стали быстро уставать, пальцы плохо подчинялись и роняли карандаш. В общем, отец поручил это дело мне. Причем чем слабее становился отец, тем больший интерес он проявлял к моим поискам в российских и зарубежных архивах всё новых исторических документов, окунавших в тайны прошлых веков и деяния наших предков. Знакомя отца с содержанием фотокопий найденных в архивах свидетельств, я видел, что помогаю ему хоть ненадолго забыть боль и отогнать тяжелые мысли. Мы как бы отправлялись с ним на машине времени в увлекательное путешествие, становясь живыми участниками великих событий отечественной истории. Это был наркотик сильнее того, что давали ему врачи.

История — это вообще наркотик и сильнейший антидепрессант. Но одно дело — листать, позевывая, фолианты профессиональных историков или наслаждаться по ТВ львиной гривой и артистизмом отдельных из них, и совсем другое — выпарапывать из чудом сохранившихся архивов документы, знакомящие вас с вашей же родословной, с тайной происхождения вашего рода, а значит, и с вашей личной тайной.

Уверен, что многие из нас, узнав, что в их жилах течет кровь Великих предков, Защитников рода, племени и всего тысячелетнего Отечества, Богатырей и Творцов, Граждан, которыми подобает гордиться их потомкам, сами меняли свое отношение к жизни, себе и своей стране, становились чище и благороднее. Иваны, родства не помнящие, — разве не они сносили храмы и дорогие русскому сердцу отеческие камни, разве не они сочли чванливо, что история России если и начинается, то непременно с них самих, а до них и не было ничего, кроме “кровавого царизма” и каких-то там “блаженных” да “пожарских”?

Нет, надо знать свой Дух и Корень, знать, откуда пришли мы и какая судьба уготована Богом стране нашей. Без этого — никак нельзя. Нельзя лю-

бить Россию, не зная, что у нее есть не только милые сердцу березки и овражки, но и душа ее и боль ее. Березки и овражки встречал я и на чужбине, в той же Европе, где я сейчас живу, да России иной нет нигде. Такую вторую не сыщешь. Историю ее не повторишь. И не исправишь.

БАБУШКА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

Бабушка Наташа была очень сильным человеком. Только представьте себе: заболев полиомиелитом, который скрутил все ее конечности в штопор, она последние 9 лет жизни провела в постели в своей старой московской квартире, но я ни разу не видел ее удрученной и жалующейся на жизнь. Наоборот, бабуля была главным оптимистом и шутником в семье. Она знала бесчисленное количество всяческих анекдотов и забавных историй, прекрасно умела их рассказывать, а потом заходилась таким заразительным смехом, что тетке Тане приходилось ставить раскаленный поднос с капустным пирогом на пол, а самой бежать к матери и просить, чтобы та остановилась, дабы “как бы чего не вышло”. В общем, бабка была талантливой артисткой-комедиантом.

Это не мешало ей быть строгой и властной с отцом, даже иногда жесткой. Я всегда поражался тому, как мой всегда уверенный в себе батя, тогда еще молодой красавец генерал, жесткий на службе, да и в семье, из кабинета которого, как мне рассказывали, некоторые нерадивые сослуживцы вылетали в минуты его гнева как пробка из бутылки шампанского, короче, этот мой глыба-отец если и не дрожал перед своей парализованной матерью, то уж точно — трепетал.

Сюда, на улицу Дурова, мы ездили регулярно — строго по раз установленному расписанию — аккуратно после обеда каждую субботу и так засиживались часов до 9 вечера. Честно говоря, пока я был маленький, бабушка Наташа большого внимания на меня не обращала, и я сновал по комнатам и просторному коридору в поисках чего-нибудь мальчишке интересного. Иногда возвращался в большую комнату, где в углу стояла бабушкина кровать и рядом сидели и что-то обсуждали мои родители. В этот момент бабуля навела на меня свои голубые глаза и орлиный нос и, указывая на какую-нибудь статуэтку, вдруг начинала сухо чеканить: “Этот фарфор, между прочим, держал в своих руках Александр Сергеевич Пушкин”. Если же я, изнемогая от скуки, плюхался в старое кожаное кресло, баба Наташа говорила: “Не продырявь! В этом кресле любил сидеть Сергей Есенин!” Несмотря на свое малолетство, я уже тогда относился к словам взрослых с изрядным скептицизмом, а потому строгим указаниям бабушки следовал, но на ее исторические экскурсы применительно к посуде или мебели в доме на улице Дурова не реагировал вовсе. Бабушка же была умелая рассказчица, вот я и думал, что есенинское кресло и пушкинская статуэтка — это всё так, для красного словца.

Шло время. Я перешел в 9-й класс, сильно вытянулся и окреп. Наталья Борисовна с удовлетворением отмечала мое превращение в юношу. В мой адрес то и дело сыпались бабушкины комплименты, перемежаемые поучениями. Мне казалось, что вот-вот она позволит мне присесть к ее кровати и выслушать целый набор нотаций. Для меня это было важно, так как для остальных членов моей семьи сия её милость означала бы мой переход в возрастной цenz “человека разумного”.

Люди не могут не чувствовать приближения своего конца. Даже если все вокруг, в том числе и врачи, говорят, что “всё как всегда”. Как-то в один из традиционных субботних вечеров отец раньше обычного засобирался домой. В воскресенье он должен был лететь на Дальний Восток, вставать надо было на заре, чтобы успеть на аэродром в Жуковский к назначенному на раннее утро спецрейсу. Мама вместе с теткой понесла чайный сервиз на кухню. Я подошел к бабушке, наклонился над ней, чтоб поцеловать ее щеку, но она своими худыми изогнутыми пальцами стиснула мою руку, велела присесть и кое-что важное послушать. Это было настолько ново и непривычно, что я запомнил наш разговор с фотографической и магнитофонной точностью.

ястреб, делая боевой круг перед падением камнем на свою жертву, жандарм вдруг почувствовал, что старый друг стал ему совершенно безразличен. Кровь, которую он хотел выпустить из его разорванных клювом жил, будила в нем азарт охотника. Он наслаждался мгновением перед неминуемой развязкой своей встречи с противником, заранее сдавшимся на милость победителю. Он вообще перестал что-либо чувствовать к своему собеседнику и полностью отдался инстинкту, воспитанному в нем годами службы в тайной полиции и жандармерии.

— Друг мой, Александр Александрович! Я только что ознакомился с составленным вами рапортом. Потрудитесь объяснить, как вам, человеку опытному и предусмотрительному, в голову пришло возглавить толпу на ее пути к дому генерал-губернатора? А как, позвольте полюбопытствовать, должны вести себя жандармские части и казаки, получившие приказ рассеять толпу, когда они видят в ее голове его превосходительство господина градоначальника, то есть вас, мой дорогой друг? Да самый ленивый и темный из бунтовщиков резонно предположит, что коли в толпе вышагивает сам Адрианов Александр Александрович, то, стало быть, погромы дозволены и проводятся по Высочайшему указу! Мда-с! Скажите на милость, Александр Александрович, на вас затмение нашло али хворь какая? Сброд, всякая сволочь, подобно узурпатору, грабит и поджигает нашу Москву, а вы их вовсе не разгоняете! Нет, что вы, как истинный друг народа и знаток потаенных струн его, вы чинно ступаете во главе колонны черни, причем самой что ни на есть подлейшей из подлейших. Вы вместе с этими, простите, мерзавцами и христопродавцами распеваете то “Боже, Царя храни!”, то “Спаси, Господи, люди Твоя!”, да всё это — под портретом государя, да с хоругвями и образами! Ах, славный, добрый, православный наш народ, вот вышел на прогулку, мирную, так сказать, демонстрацию, а то, что фабрикантов камнями побили да под мостом утопили, так это, можно сказать, высшее проявление патриотических чувств и солидарность с воюющим за Россию фронтом! Ваше превосходительство, я правильно читаю ваши мысли-с? Не так ли? Нет, нет, голубчик, не отводите глаз! Как старый друг скажу вам прямо: то, что вы изволили допустить-с, это — позор мундира! Нет-нет! Не затыкайте уши! Прошу вас дослушать до конца сие моё крайнее возмущение вашим удивительным и ничем не объяснимым поведением! Не первый год мы знаем друг друга, никогда не испытывал я к вам чувств иных, кроме дружеской теплоты, а потому уж прошу вас не прерывать меня и не показывать всем видом своим, сколь противны вам мои слова!

— Владимир Федорович! Сделайте милость, пожалейте меня, мой друг! Неужто вы и в самом деле встали на сторону тех, кто во всех этих страшных событиях усматривает лишь мою вину? Вот уж и князь Юсупов...

— Ах, кстати. До императрицы дошли слухи, что в силу присущей вам беспечности вы настолько розово смотрели на вещи, что чуть не обрекли на верную смерть ее сестру-бедняжку. Подумать только: вы даже не пытались убедить великую княгиню остаться в ее Марфо-Мариинской обители и не ехать на Тверскую. Мол, заседание Красного Креста без родной сестры императрицы ну никак не обойдется! Вы в самом деле не видели оснований опасаться за эту поездку? Поймите, Александр Александрович, безопасность вдовы московского генерал-губернатора, как, впрочем, и иных важных особ, проживающих в Москве, всецело лежит на ваших плечах. Мало ли на нашей памяти кровавых преступлений, направленных против членов семьи государя императора? Еще кровь великого князя Сергея Александровича запечась не успела, а вы столь опасно рискуете жизнью его вдовы! Неудивительно, что сам князь Феликс Феликсович Юсупов отменил ее поездку на собрание. Его супруга поведала мне о том, что была вынуждена рассказать о случившемся императрице. В вашу защиту я добавил лишь, что именно усилиями полиции была спасена от погромов Ордынка и сама Марфо-Мариинская обитель, основанная Елизаветой Федоровной, но не думаю, что это позволит смягчить гнев Ее Величества. Вы же знали с Севенардом, что Елизавета Федоровна своим гессенским происхождением не снискала себе уважения среди патриотических масс! Севенард, этот ваш любимчик, этот прохвост — он-то себя

успел обезопасить. Вот, попробуете, его записочка княгине Юсуповой. Читайте, без очков не видите? Сейчас я вам ее прочту: “Ваше сиятельство, это нелегко, великую княгиню по дороге убьют”. Граф Толстой ваш Севенард, а не полицмейстер! Ну ежели Севенард понимает обстановку в Москве лучше вас, может, его и назначить градоначальником? Может, тогда придется меньше опасаться за Белокаменную? Милостивый государь, Александр Александрович, вам плохо? Так попейте водички! Ох, Александр Александрович, за столько лет вашей безупречной службы ни мне, ни нашему министру Маклакову, ни покойному Петру Аркадьевичу Столыпину, который безмерно уважал вас, не приходилось сомневаться в вашей способности надежно поддерживать безопасность в Москве, а тут такое разочарование!

Адрианов вспыхнул от ударившего в голову гнева. Смущение прошло. Ему на смену шел протест. Еще никогда ранее Джунковский не позволял себе так обходиться с ним. Даже обстоятельства сего дела не давали ему оснований разговаривать с ним, московским градоначальником, подобным образом. Да, он, конечно, понимал, что именно ему придется отвечать за гибель гражданских лиц, да еще и женщин. Морально он был к этому готов. Вести о приезде Джунковского в Москву означали для него лишь то, что наступает развязка трагедии, жертвой которой стал и он сам. Позорная отставка была бы наименьшим злом, но и судебное преследование исключать было нельзя.

Будучи генералом Свиты Его Величества, Адрианов не мог не знать о крайнем раздражении царя его поведением, хотя и считал сие мнение несправедливым и основанным на поверхностном восприятии случившегося в Москве несчастья. Тем не менее примириться с вызывающей сожаление, с учетом столько лет прежнего знакомства, позицией своего старого знакомого и приятеля — генерала Джунковского — он не мог. Всё в нем заклокотало, забило, и еле сдерживая волнение, градоначальник перешел в контратаку:

— Милостивый государь! Вы желали бы, чтобы я отдал приказ стрелять в безоружных людей? Залить Москву кровью? Да-с, они погромщики, но все же люди, а не враги Отечеству. Вы, должно быть, забыли баррикады и кровь девятьсот пятого года? А я не забыл! И не хочу ее! Слышите, не хочу! Мы не каратели, нет! Мы стражи закона и порядка. Насилие порождает насилие, и тогда мы с вами разбитыми лавками не отделаемся. Да-с, представьте себе, и я скорблю по невинно убиенным. Но могло быть хуже, много хуже! И не вам, ваше превосходительство, меня попрекать либерализмом! Не вы ли, Владимир Федорович, своим решением запретили институт секретных сотрудников в армии и на флоте, уволив сотни блестящих профессионалов?! Не вы ли ликвидировали агентуру среди учащихся в учебных заведениях? Вам ли бросать мне упрек в лицо после того, как именно по моему настоянию в Москве и Петрограде удалось отстоять охранные отделения, кои вы порушили по всей Империи? Вы лишили нас зрения, понимания того, что реально происходит по всем этим подвалам и чердакам, по всем этим марксистским рабочим кружкам! Мы же ослепли, потеряли слух, обоняние! Может, вам более известны эти настроения? Так поделились бы уже! Я вам так скажу: в волнениях по всему чувствовалась чья-то направляющая рука и закономерность. Жандармы, увещевая возбужденную толпу разойтись, своими глазами видели повсюду снующих студентиков и прочих подстрекателей и провокаторов. Но по вашей милости, лишившись глаз и ушей, мы были слишком поздно предупреждены о грозе, надвигавшейся на город. Да-с! Не говоря уж о масштабах волнений!

Я, конечно, отвечу за всё. Чинить препятствий в порученном вам расследовании этих трагических событий не собираюсь. Понимаю, к чему вы клоните. Я собственноручно и немедленно напишу прошение об отставке, но запомните, генерал Джунковский, уходом моим вы грозу не остановите. Именно грозу, страшную грозу, идущую на Россию. Прошу вас, Владимир Федорович, лишь об одном: полно и беспристрастно разобраться в действиях моих подчиненных, ибо в них я нахожу примеры преданности нашему делу, мужеству и профессионализм. Честь имею!

Генерал-майор Адрианов встал из-за стола. По всему было видно, что ему с трудом удавалось сохранить даже видимость самообладания. Не протя-

гивая руки Джунковскому, он как-то неестественно распрямился, не поднимая глаз, повернулся к выходу и уже успел сделать пару шагов, как вдруг остановился:

— Да, совсем забыл... Здесь на столе материалы прокурорской проверки действий полицмейстера 4-го отделения генерал-майора Миткевича-Жолтка. Обычная история, знаете ли: невинных карают, непричастных награждают. Владимир Федорович, я уж на дальнейший ход дела по Николаю Антоновичу повлиять не могу, так уж вы сами определитесь, наказать Миткевича или наградить.

Адрианов наконец поднял тяжелый взгляд на безучастно наблюдавшего за ним Джунковского, что-то, видимо, еще хотел добавить, но осекся, помывшись, засобиравшись и, неловко зацепив плечом вешалку у двери, покинул кабинет.

Джунковский оставался равнодушным. Демарш Адрианова никак его не тронул, ни разозлил, ни разжалобил. Ему было невыносимо скучно. Будто желая удостовериться, что он не спит, жандарм по привычке дернул себя за правый ус. Затем он до хруста расправил плечи, подошел к столу, отпил из стакана успевший остыть чай и тяжело опустился в опустевшее после ухода хозяина кожаное кресло. Он неспешно раскрыл плотно забитый бумагами портфель и достал оттуда дело с пометкой: “Спешное. Секретно”. Оно касалось обстоятельств тех самых кровавых немецких погромов 26–29 марта 1915 года, в которых ему поручено тщательно и объективно разобраться, “желательно без нагнетания”, как того пожелал государь. Полным ходом шла война с Германией и Австро-Венгрией, русская армия несла страшные потери на западных границах Империи, но Москва после беспорядков выглядела так, будто кайзеровская авиация сбросила на нее тысячу зажигательных бомб. Поиски “немецких шпионов” среди фабрикантов из числа эльзасских немцев вывели на улицы Замоскворечья, в Лефортово, на Лубянку, Мясницкую и даже на Красную площадь десятки тысяч погромщиков и мародеров. Волнения охватили даже ближайшее Подмосковье — деревни Свиблово, Ростокино, Всехсвятское. Согласно отчету сенатской комиссии, в ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы.

Жандарм раскурил папиросу, подошел к окну, распахнул его в наступившую ночь, затем вновь погрузился в кресло, наклонился к столу и вытряс на него всё содержимое своего портфеля. Несколько прокурорских запросов и объяснительных Департамента полиции слетело на пол и запорхнуло под массивную дубовую тумбу. Помогая себе ногой, Джунковский извлек из-под тумбы бумаги, поднял их и сложил в одну стопку, смешав тем самым свои бумаги и документы, оставленные на столе Адриановым. Тяжело вздохнув от осознания того, что все сие сочинения ему придется осилить непременно сегодня, жандарм решил читать всё подряд — в том случайном порядке, как листы попали в стопку.

Поверх вороха бумаг лежало адресованное ему письмо прокурора Московской судебной палаты в связи с “неправомерными действиями полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка”. “Что ж, голубчик, с тебя и начнем!” — генерал развернул лампу так, чтобы свет ее падал на желтые листы прокурорского запроса, и принялся читать.

“Милостивый Государь Владимир Федорович,

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию сообщения Прокурора Московского Окружного Суда от 29 мая сего года за № 5268 на имя Московского Градоначальника о неправомерных по службе действиях полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка. При этом, вполне соглашаясь с приводимому в означенном сообщении квалификацией допущенных полицмейстером Миткевичем-Жолтком действий и полагая, что таковые действия в связи с условиями сопровождавшей их обстановки требуют к ним особо строгого отношения, —

считаю долгом просить Ваше Превосходительство, в случае возбуждения против генерал-майора Миткевича-Жолтка уголовного преследования, одновременно устранить его от должности согласно 1100 статье Устава Уголовного суда, или, не возбуждая уголовного преследования, подвергнуть его изысканию по всей строгости, соответствующей серьезности допущенных им нарушений.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности”.

“Сколько же расшаркиваний и подлых гримас в этих прокурорских депешах!” — Джунковский потянул из стопки следующий лист. Это было письмо прокурора Московского окружного суда от 29 мая 1915 г., где “прегрешения” полицмейстера рисовались более хлестко:

“Господину Московскому Градоначальнику

...Около 11 часов вечера 28 мая к Управлению I участка Пятницкой части подошла толпа и потребовала от пристава Подполковника Танасюка немедленной выдачи спрятавшихся будто бы в арестном помещении немцев и освобождения лиц, арестованных за разгром конторы фабрики Винтера. После разъяснения пристава об отсутствии в Управлении участка таких арестованных, а также и немцев, в толпе послышались крики: “поверим приставу”. В это время подъехал полицмейстер генерал-майор Миткевич-Жолток, к которому толпа обратилась с тем же требованием, высказывая подозрение, что чины полиции говорят неправду, и заявляя о необходимости личного осмотра арестного помещения. Это незаконное требование толпы генерал-майор Миткевич-Жолток нашел возможным удовлетворить и разрешил толпе осмотреть камеры. После этого толпа двинулась к арестному помещению, дверь которого по приказанию помощника пристава Барабаша была открыта, и толпа, проникнув внутрь помещения, освободила из числа заключенных 6 арестантов”.

“С полицмейстером переговорю лично. А сии прокуроры — форменные черти! Скольких офицеров уже сожрали, так подавай им еще! Прежде чем везти Миткевича к государю, надо самому разобраться и для себя принять решение. А Николаю Антоновичу порекомендую представить государю подробнейший доклад, иначе его голова полетит вслед за адриановской. Так мы всех дельных людей разгоним, а работать-то кому? Всё! Читать всю сию писанину нет никакой возможности!” — и будучи довольный своим решением, Джунковский встал из-за стола и решительно направился к выходу.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ

— Подними меня повыше и подложи под спину подушку, да, эту, всё, спасибо. — Отец поморщился от боли, но тут же улыбнулся, показывая свое расположение к продолжению разговора. Он поджал здоровую ногу и подтянул одеяло, чтобы было удобно просматривать фотокопии привезенных мной документов. — Как ты вышел на Николая Антоновича, просто расскажи технологию? Я, честно говоря, крайне удивлен. Где ты всё это достал? Смотри, здесь документы из Смоленского архива, Могилевского. Варшавский архив... Удивительно, как они все не сгорели и не потерялись после стольких войн. Я ж был в Смоленске в 43-м, тебе рассказывал. Города-то не было вовсе, всё разбито, одни дымящиеся трубы. Наверное, всё же удалось что-то вывезти до захвата города немцами.

— Пап, я нашел след твоего прадеда случайно. Как-то раз копался в Интернете, зашел в базу hronos, там про 3-е Жандармское отделение и Департамент полиции есть кое-какая информация и фотографии. Смотрю, в перечне ссылок значится: “Миткевич-Желток Николай Антонович, полицмейстер Москвы, генерал-майор”. Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать. Тут же вспомнил, что мне бабушка Наташа перед смертью сказала, будто дед ее был полицмейстером. Я тогда подумал, что наша бабуля немного прифантазировала, ан нет, оказалось, правду говорила. Мол, даже ты не всё должен был знать, иначе в сталинское время не смог бы поступить в военное училище.

— Нет, ну я знал, конечно, что мой дед Борис был дворянином, а после революции остался в России и помогал Красной Армии готовить молодых летчиков. Он же тогда в 41-м, когда наш дом на Смоленке немцы разбомбили, отыскал нас и нагрянул к нам на дачу, где мы первую военную зиму надеялись пережить. Он нас забрал и отправил в Горный Алтай в эвакуацию. Мы там больше года провели. Нас он, в общем-то, спас. А в Москву уж весной 43-го вернулись. Я оттуда на фронт в Смоленск и сбежал. Так что деда Бориса я помню. Высокий был, под два метра ростом.

— Ну а про своего отца он тебе что-то рассказывал?

— Нет. Не помню. Баба Лиза была с ним в разводе, она как-то намекала, что ее свекор возглавлял московскую полицию, да после будто осеклась и только отшучивалась. Ну так расскажи, интересно ведь знать, кто у нас там в роду был.

— Я за эту информацию в интернете ухватился как за ниточку и потянул. Напряг пару своих знакомых депутатов, они по старой дружбе подписали запросы в различные московские архивы, ну а дальше оставалось только ждать. Примерно через месяц звонит помощник из Москвы и говорит, что получил первую порцию документов, да каких! Личное дело полицмейстера 4-го отделения Московской полиции Николая Антоновича Миткевича-Жолтка 1866 года рождения. Вот смотри: “Кавалер орденов Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-й и 4-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени” — и это данные на начало 1915 года. “Из Могилевских дворян” — это зацепка, где дальше искать, — то есть в белорусских архивах, прежде всего в Могилевском и Минском. Фамилия польская, значит, надо взбодрить и польских коллег. Тут же направляю запрос в Польскую миссию при НАТО. Плюс запрос в ГУВД Москвы, с просьбой покопаться в столичных милицмейских архивах, и в Центральный военно-исторический архив, где хранятся документы по Русской Императорской армии — вплоть до 1918 года. Затем в Красногорский центральный военный архив — это уже по делу его сына и твоего деда — Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, который, как ты говоришь, служил в РККА. Кстати, в личном деле Николая Антоновича значится, что “женат он первым браком на девице Екатерине Николаевне Сорокиной, дочери почетного потомственного гражданина Российской империи, дворянке Смоленской губернии”, а детей у них было трое. Старший Борис 1890 года рождения — отец бабушки Наташи, мамы твоей. Потом в 1891 году родилась его сестра Вера. Дополнительно от руки вписан еще один ребенок — Михаил, 1900 года рождения. Все — “вероисповедания православного”. Но, знаешь, я даже узнал, где они жили!

— Где? В Кремле? — отец наконец улыбнулся.

— Нет, не в Кремле, а в Замоскворечье. Там же, в интернете, нашел “Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов”. Большого труда не составило разыскать адрес Миткевич-Желток Екатерины Николаевны, жены генерал-майора, и ее сына Михаила — Ремизовский, 4. Есть даже телефон — 108-51. Кстати, вторую часть фамилии всё время путают, пишут то Жолток, то Желток...

— Ремизовский — это где? Это старое название?

— Старое. Теперь это 1-й Люсиновский, рядом с метро “Добрынинская”. Знаешь, у Николая Антоновича биография до боли напоминает историю Эраста Петровича Фандорина — героя романов писателя Бориса Акунина. Сначала военная карьера: пехотное училище, служба в Бобруйской крепости, учеба в столичной престижной военно-юридической академии, Русско-японская война, где он — военный прокурор в Маньчжурии, демобилизация и работа в Москве — в генерал-губернаторстве. В 1908 году “числящийся по армейской пехоте” штаб-офицер по особым поручениям при московском градоначальнике возвращается на действительную службу, но уже жандармскую, и назначается в особо тревожное время полицмейстером Москвы. Забавно.

— Он так и служил в жандармерии вплоть до революции?

— Нет. Я так понял, что после немецких погромов в Москве в мае 1915 года все причастные и деепричастные должностные лица Москвы ухо-

дят в отставку. Тут же еще фактор времени сказался — первая империалистическая, поражение русских армий на фронтах, активизация профессиональных революционеров... Поэтому царь снес всю верхушку московского начальства, и дед, давай называть его так, ушел на фронт...

— Между нами говоря, я про эти погромы в Москве во время Первой мировой войны ничего не слышал. Это что, немцев били или всех, как обычно?

— Представь себе, били немцев, эльзасских немцев, бежавших в Россию. Многие из них были подданными союзной нам на тот момент Франции. Потом начали бить тех, у кого немецкая фамилия, хоть и обрусели они лет сто назад. Затем досталось всем, у кого схожая фамилия, — шведская, например. Кстати, евреев не трогали. Был любопытный эпизод во время этих погромов. Разгромили дачу у еврея — барона Гинцбурга, и то только потому, что толпа просто не поверила, что баронский титул мог быть присвоен еврею. В остальных случаях погромщики сначала желали убедиться, что та или иная аптека или магазин принадлежат еврею, а не немцу, и только тогда проходили мимо. Редкая толерантность.

Отец улыбнулся.

— Да уж. Я-то только про еврейские погромы слышал, а тут, оказывается, своя специализация присутствовала. Вообще всё это странно. Ведь немцев-то среди дворянства, я про царскую семью и не говорю, много было...

— А я и не исключаю, что погромы инспирировались антимонархическими силами. Никогда не верил в набор случайных чисел в истории. Марксисты всегда вынужденно признавали роль личности в истории, хотя для них механический взгляд на движение масс был более естественен. Но личность-то ведет себя порой иррационально. Вот ты разве не совершал действий в отношении кого-то, хотя тебе это было совершенно не выгодно, но, повинаясь симпатии или антипатии, ты делал что-то, о чем потом приходилось жалеть? В сердцах, например, кого-то обидел, да так, что потом и не исправить?

— Бывало...

— И у меня бывало. Если ты человек простой, обычный обыватель, от твоих добродетелей или человеческих ошибок — ни холодно ни жарко. Но если ты наделен недюжинной властью, то последствия твоих капризов, несдержанности, сиюминутных влечений и порывов и прочая — колоссальны. Они будут иметь прямое отношение к зигзагам истории, если ты, конечно, личность исторического масштаба.

— Слушай, ты, историческая личность, поправь мне подушку, а эту подложи под левую ногу, затекла она страшно.

— Ты устал? Может, прервемся?

— Да нет, интересно. Рассказывай. Не телевизор же мне смотреть.

— Короче говоря, в погромах были заинтересованы сторонники ослабления власти Романовых — раз! Сторонники продолжения войны — два!...

— Ты имеешь в виду идею сепаратного мира с Германией и вывода России из войны?

— Естественно! На кой лях России была нужна эта война? Разрушили страну, ничего не добились, только усилили Америку да позволили Франции и Англии подраконить Германию, что в конечном счете привело к власти Гитлера со всеми для нас вытекающими последствиями. Я уж про падение империи и монархии, революцию, Ленина, Гражданскую войну — и не говорю. Не было бы их вовсе, если бы не было этой катастрофической для России войны! Да и немцы-то с нами воевать не хотели. Вильгельм приходился царю кузеном. Ты читал их переписку накануне войны? Я тебе потом дам почитать. Николай даже орденом своего брата-кайзера наградил, да еще каким — Святого апостола Андрея Первозванного! Его кавалерами могли быть одновременно лишь 12 россиян да столько же иностранцев.

— А что было в той переписке?

— Сначала обсуждали важные стратегические вопросы. Вильгельм поначалу действовал осторожно, не выходя за рамки прусской политической традиции. Князь Бисмарк оставил для него неплохое наследство и присматривал за молодым кайзером какое-то время. Лет пять тому назад я еще раз перечитал воспоминания этого “железного канцлера” — умница, конечно,

он большая. Не понимаю, почему современные немцы его памяти так мало внимания уделяют? Ведь именно он объединил германскую нацию и, по сути, создал современное немецкое государство. Знаешь, ох и остер на словцо был этот Бисмарк. Балканские народы называл он крайне пренебрежительно — “конокрадами”, да и по нашему канцлеру Горчакову проходилась весьма нелестно, считая его, выражаясь современным языком, “пустым пиарщиком”. Зато о России в целом говорил с уважением. Часто обращал внимание на “ограниченность ее потребностей”, потому, наверное, не видел с нашей стороны угрозы для возводимой им немецкой государственности. Как тебе такое его высказывание: “Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно”?

Отец перевернулся на бок и позвал маму.

— Томочка, Тамара! Поставь чайник!

Мать послушно загрохотала какой-то посудиною, затем вошла в палату, подошла и поцеловала меня в макушку. Потом взяла с тумбочки литровую пластиковую бутылку питьевой воды и тихо вышла в холлчик.

— Слова не друга. Может, даже и врага, но умного врага. Такого, который и не сунется к нам, хоть бы даже и хотел, — отец снова вернулся к беседе. — Знаешь, сын, меня вообще немцы четкостью мысли всегда радовали. Может, у них сам язык так устроен, что все в голове по порядку. “Орднунг”, понимаешь, и все тут. В последней моей книге “Стратегия сдерживания” я Карла фон Клаузевица цитировал, да так, что жалко было кавычки в конце ставить — настолько хорош слог, мысль четкая, глубокая и понятная... Извини, я, кажется, тебя перебил.

— Ничего. Так вот. Вильгельма все же от такой власти понесло. Старика Бисмарка он от дел отстранил, править стал единолично. С русским царем сначала пытался сблизиться. Пригласил Николая к себе. Тот с помпой приехал в Берлин на свадьбу дочери кайзера. Был там и английский король Георг V. Знаешь, они были двоюродными братьями с Николаем II, но на фото они — как родные братья-близнецы. Кстати, ты, должно быть, помнишь, недавно показывали приезд в Россию принца Майкла Кентского, так он тоже как две капли воды похож на последнего русского царя. Так вот кайзер Вильгельм и Николай II переписывались вплоть до начала войны между Россией и Германией. Лишь в последние две недели перед ее объявлением кузены обменялись одиннадцатью посланиями, призывая друг друга “к нашей старой дружбе”.

— Все это трагично и очень странно. Понятно, что войны нужно и можно было избежать. Так, как ты рассказываешь, получается, что она началась вопреки близким родственным отношениям монархов и несмотря на полное отсутствие непреодолимых разногласий между государствами и народами. Вот я тебе это много раз пытался объяснить, что иногда “союзническая солидарность” и излишние обязательства по отношению к кому-то могут втянуть страну в катастрофическую авантюру. Ну что, Германии обязательно нужно было выступать в тандеме с Австро-Венгрией? Та запуталась в своих отношениях с югославами и сделала Германию заложницей своих игр. То же и мы учудили. Влезли в союзничество с Францией и, что самое смешное, с Англией, которая нас всегда в гробу видала и рассматривала как своего вечного врага, а потом, “исходя из добровольно взятых на себя обязательств”, вошли в войну с тем, с кем логично нам было бы выстраивать постоянный континентальный оборонительный союз. Я Германию имею в виду. Вон, после двух войн и они, и мы до сих пор кровью харкаем. А ведь кто погибал на войне? Самые молодые, смелые, цвет нации. С нашего двора все старшие мои друзья на войну ушли, и никто, заметь, никто не вернулся. Вот тогда мы, малышня, сразу и повзрослели.

— Пап, ты обрати внимание, как часто встречались прусские, померанские и прочие германские отпрыски среди русского офицерства. В Русской Императорской армии до Первой мировой войны каждый пятый генерал этническим немцем. В гвардии треть командирских должностей занимали выходцы из знатных немецких родов. Даже в свите царя треть — немцы. Более 300 тысяч русских немцев сражалось в рядах нашей армии, причем,

заметь, против кого! Против армий Германии и Австро-Венгрии! Между прочим, предателей, перебежчиков среди них не было. Многие русские офицеры родом из прибалтийских немцев превосходно знали свой родной язык, изъяснялись на нем без иностранного акцента. Могут себе представить, что об этом думали кайзеровские контрразведчики!

— Ну а чего ты хочешь? Их верность России определялась офицерской честью и присягой. Но я не думаю, что они были в восторге от войны со своей исторической родиной. Эти люди должны были что-то чувствовать. Как минимум моральный дискомфорт! Ну а как иначе? Возможно, то, что ты рассказываешь про организацию немецких погромов, как раз и было направлено на затягивание войны, с одной стороны. Ведь как после этого Берлин мог согласиться на сепаратный мир, даже если бы царь его и предложил? “Смотрите, немцев убивают в Москве, по всей России!” Какой к черту мир? Погромы сожгли мосты для выхода страны из войны, а значит, объективно они были направлены на наше поражение в этой войне. С другой стороны, смотри, русские немцы на фронтах не могли не быть в курсе того насилия, которым подверглась их родня в Москве. Это должно было поколебать их веру в Россию, толкнуть их к нелояльности, тем самым также способствовать поражению державы. Нет. Тот, кто стоял за погромами, действовал по принципу “чем хуже, тем лучше”. Вот тебе, пожалуйста, классический пример, как враги России способны использовать шовинизм в своих целях. В национальном вопросе надо быть сверхаккуратным, это и тебе, сын, хороший урок. Знаешь, я немного устал. Хочу полежать один. Езжайте домой и заберите все продукты, что принесли. Поверь, нам с мамой ничего этого не надо — всё есть! Холодильник забит так, что мама его даже закрыть не может. Да, Томочка?

— Да, Алик! — мама показала в дверном проеме. Она улыбалась. Мать всегда радовалась моим с отцом беседам. Это давало ему сил, возбуждало его недюжинный интеллект, который толкал сердце вопреки смертельной болезни. “Пойдем, сына, я провожу тебя до лифта!” Я поцеловал отца, встал, накинул “алюску”. Навстречу мне в палату вошла медсестра. Толкая перед собой стойку для капельницы, она деловито подошла к отцу: “Ну, Олег Константинович, пора принимать лекарства!” Батя махнул мне рукой на прощание, мол, “иди-иди, не стой в дверях”.

БАНКА С НЕДОНОСКОМ

— Прошу вас, господа, ожидайте здесь. Государь скоро примет вас. — Двухметровый офицер в форме кавалергарда рукой предложил жандармским генералам занять два стула у малахитового камина. Приемная, открывающая ряд личных комнат императора, расположенных на первом этаже правого флигеля дворца, была пуста. Возможно, царь Николай только что приехал в Царское Село из Петрограда. Генерал личной свиты Его Величества Владимир Джунковский и тот, кого ему пришлось сопровождать на встречу с государем, оказались здесь первыми посетителями.

Генерал-майору Миткевичу-Жолтку здесь бывать еще не приходилось. Странное дело, несколько лет учился в Санкт-Петербурге — сначала в 3-м Военно-Александровском училище, а затем в престижной Александровской военно-юридической академии, да вот в Царском Селе, к своему стыду, не был ни разу.

В городе Петра многое носит имя Александра. Вот и царь Николай в последние годы со своей семьей предпочитал жить в Александровском дворце. Именно сюда, в Царскосельский императорский дворец, который еще именовали Новым, съезжались министры, знатные вельможи, послы, приглашенные главой дома Романовых на совещания и личные аудиенции. Джунковский бывал здесь не раз. Пока Николай Антонович рассматривал картины, фотографии в серебряных рамках, люстру, подставки для старинных ружей и знамен, Владимир Федорович вполголоса продолжал дружескую беседу с офицером-кавалергардом, видимо, служившим в личной охране императора.

Неожиданно одна из створок коридорной двери распахнулась, и в приемную вошел государь. Будто приветствуя русского царя, забили каминные часы.

Император никогда не держал при себе личных секретарей. Все свои встречи он вел и протоколировал сам. Даже своих гостей, ожидавших в приемной, часто приглашал к себе сам. Вряд ли кто из монарших особ до и после него был столь обязателен и педантичен.

Николай II подошел к Джунковскому и протянул ему руку. Помощник министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов ответил царю крепким мужским рукопожатием и представил своего спутника.

— Я приглашаю вас в Новый кабинет. Следуйте за мной, господа! — хозяин дворца провел гостей в Парадный кабинет. Это было место заседаний Совета министров, представления депутатий и комиссий. Здесь император любил играть в бильярд с великими князьями и офицерами Свиты.

Предложив гостям сесть, Николай сам расположился в углу дивана. Над ним висел портрет императора Александра III кисти Валентина Серова. Отец хозяина кабинета был изображен на манёврах — с рапортом в руке.

— Господа, я пригласил вас для того, чтобы вы мне подробно рассказали о стихии, которая обрушилась на нашу Москву. Надо ли объяснять, насколько разрушительными могут быть последствия таких массовых волнений. Жертвы, поджоги — и это все происходит в тылу, в самом сердце России. Обстановка на фронтах не позволяет мне думать, что речь идет о случайности или безумном порыве масс. Я хочу знать всё, и в мельчайших подробностях, и не из донесений моего министра, а от вас, как непосредственных свидетелей. Николай Антонович! Генерал Джунковский предупредил меня, что рапорт дадите вы. Прошу, но только не вставайте!

Генерал Миткевич-Жолток достал из портфеля нужные ему для доклада императору записи, составленные им еще в поезде.

— Ваше Величество! Я подготовил подробный рапорт. Не знаю, насколько вас интересуют детали реконструкции этих событий, но я попытаюсь восстановить для вас их последовательность.

— Прошу вас!

— Первая толпа с национальными флагами появилась 27 мая сего года около 10 часов утра. Люди шли по Крымскому мосту с вашими портретами и с пением гимна. Толпа эта, численностью около 2000 человек, прошла через Калужскую площадь и Серпуховскую заставу к фабрике Рябова. Там к ней присоединились рабочие этой фабрики; после чего все пошло к Даниловской мануфактуре. Здесь манифестанты простояли около трех часов. Когда же рабочие Даниловской мануфактуры прекратили работы и вышли им навстречу, то вся масса — около восьми тысяч человек — направилась в Кожевники.

— Подумать только, стояли три часа и ждали своих товарищей!

— Точно так! Хочу обратить ваше внимание, что по пути к этой массе людей присоединялись рабочие попутных фабрик, ремесленных заведений, а также празднично гулявшая по улице публика. Пьяные тоже наблюдались, но никаких бесчинств толпа себе не позволяла. Все было пристойно, по крайней мере, до тех пор, пока эта масса людей не подошла к фабрике Цинделя...

— Ситценабивной мануфактуре Эмиля Цинделя, государь! — встрял Джунковский.

— Владимир Федорович, пусть Николай Антонович сам рапортует. У меня еще будет возможность задать вопросы и вам. — Николай достал из золотого портсигара сигарету, раскурил ее и положил пепельницу подле себя на диване.

Полицеймейстер недовольной укладкой бросил взгляд на Джунковского, отложил бумаги на журнальный столик поверх газет, а портфель поставил на пол.

— Администрация фабрики Цинделя, несмотря на совет пристава отворить ворота, этого не сделала. Из толпы были выбраны авторитетные люди, и их впустили на фабрику. Они тут же заявили, что желают проверить, нет ли на фабрике германских подданных. Их пропустили и даже предоста-

вили возможность пройти по фабричным корпусам. Между тем оставшаяся на улице толпа, которую явно разогревали провокаторы, продолжала волноваться. Она требовала открыть ворота.

Несмотря на мои уговоры и на противодействие наряда полиции, многие из толпы стали перелезать через ворота во двор. Вот там-то они и были встречены управляющим фабрикой Карлсеном. Он проявил себя довольно агрессивно, пошел против них и даже начал наносить им удары. Перелезшие через ворота сумели открыть их, и вся толпа ворвалась в фабричный двор. Карлсен испугался и бросился бежать в контору. Там его догнали и принялись бить. Другие громили контору. Пристав подполковник Эклон выбежал на улицу, чтобы взять городских на помощь, но его самого пришлось выручать. Толпа окружила его и стала наседать, якобы он поранил ножом одного из них. После довольно-таки эмоционального моего объяснения с демонстрантами в конце концов удалось успокоить наиболее рьяных. Я от греха подальше усадил подполковника Эклона в автомобиль, и пока наряд полиции сдерживал натиск, мы сумели выехать за ограду. Тем временем толпа вынесла избитого Карлсена на улицу, но наряд полиции смог отбить Карлсена и втащить его в садик соседнего владения Бахрушина. Я же, вывезши раненого подполковника на Кожевническую улицу, возвратился назад. Поставив в садике возле избитого Карлсена охрану, я отправился в толпу. Одновременно со мной на место происшествия прибыл генерал Адрианов.

— С его приездом бесчинства прекратились?

— На какое-то время, да. Поначалу масса слушала увещания градоначальника и слушалась. Видя ее успокоение, Александр Александрович сам успокоился и решил уехать. Тем временем со стороны Кожевнической улицы появилась новая многочисленная толпа. Она бросилась в садик владения Бахрушина, схватила Карлсена и потащила его к Москве-реке. Когда мне об этом сообщили, я с прибывшими приставами, пешим и конным нарядом сразу же направился к реке. В это время в плававшего уже Карлсена бросались камнями. Старший городской Думчев, вскочив в воду, хотел было вытащить Карлсена, но тот стал отбиваться от него и поплыл на середину реки. Там его подобрали двое городских. Лодка, которую им удалось найти, была ветхой и без весел.

— Где вы в это время находились?

— Возглавляемый мной наряд полиции сумел отогнать толпу на значительное расстояние от берега, и лодка с Карлсеном могла бы уплыть, если бы не дала течи. Но так как лодка стала погружаться в воду, то городским пришлось пристать к противоположному берегу, очень крутому. К месту, где она пристала, сбегалось человек пятьдесят подростков, детей и женщин. Озлобленная толпа стала метать с этого крутого берега камни в лодку.

На берег в это время прибежала дочь Карлсена — сестра милосердия. Несчастная девушка упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. Рабочие ее не слушали, и нам в конце концов пришлось спасать и ее. Тем временем лодка быстро наполнилась водою, Карлсен выпал из нее и, видимо, ушибленный крупным камнем, потерял сознание и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня... Бывшие с ним городские, находясь внизу крутого берега, защитить Карлсена не смогли. Я с приставами подполковниками Косоротовым и Танасюком поехал через Симоновский мост. Мы пытались спасти Карлсена, но не успели доехать, как он погрузился окончательно в воду. Городские пытались вытащить его, но найденные на месте двухсаженные шесты дна не доставали.

— Это ужасно, когда люди теряют свой человеческий облик!

— Пока одна толпа бесчинствовала над Карлсеном, другая заполнила всю Дербеновскую набережную и прилегающие улицы и переулки. Схваченные погромщиками четыре лица, с иностранными фамилиями, находчивостью моих приставов были спасены. Подчиненные заявили, что арестовывают иностранцев по подозрению в шпионаже и отправляют их в участок. Толпа в эту легенду поверила и успокоилась. Но приблизительно через час тут появилась из Кожевнического переулка новая толпа манифестантов, которая вела владельца фабрики Вебера с криками “топи его!”.

— Такое впечатление, что толпы лезли из каждой подворотни?

— Мне тогда казалось то же... Приставу Полякову с околоточными надзирателями и городовыми удалось отбить Вебера. Он объявил толпе, согласно нашей новой легенде, что якобы поведет его в участок для ареста. Почти в то же время еще одна колонна появилась возле фабрики Винтера на Кожевнической улице и начала громить квартиру и контору. Конный наряд разогнал толпу на улице, а пеший задержал в квартире и во дворе 63 разбойника. Вскоре туда прибыл генерал Адрианов. По его приказанию погромщики были заперты в помещении фабрики. В одиннадцатом часу вечера, когда наряд возле фабрики Винтера был усилен конными жандармами и пешими городовыми, туда же двинулась громадная толпа с целью освободить задержанных лиц. Под моим руководством толпа эта была отогнана нарядом частью на Саратовскую площадь, частью в Гусятников переулок, несмотря на ряд камней, которыми были осыпаны как конный наряд, так и мы.

— Нескончаемое насилие!

— Да, вы правы, государь! Разрешите продолжить?

— Продолжайте. Я вас внимательно слушаю.

— Часов с 8 вечера возле управления участка на Пятницкой собралась огромная толпа. Она буквально загрозила улицы и проезды. Я же в сопровождении приставов Диевского и Косоротова поехал к фабрике Шрадера. Оттуда были получены тревожные вести. С собою мы взяли 5 конных городских, ибо большего числа взять было нельзя. Ситуация вынуждала оставить конные наряды для охраны как управления на Пятницкой, так и винного спирта на заводе Гевартовского.

В Садовниках возле фабрики Шрадера стояли рабочие этой фабрики. Они объявили, что сына их хозяина Романа Робертовича Шрадера толпа повела топить. Они просили его спасти. Однако на мой вопрос, не осталось ли кого-либо из семьи Шрадер или других лиц с немецкими фамилиями, шрадерские рабочие ответили, что таких лиц нет. Тогда мы поехали догонять толпу и, пробившись сквозь нее на Вальной улице, возле Малого Краснохолмского моста, поехали впереди нее.

— Вот как? Интересно.

— Да, нужно было дать толпе привыкнуть к присутствию полиции, установить с ней, так сказать, психологический контакт. Сначала толпа вела Шрадера по направлению к участку спокойно, но, когда поравнялись с углом Бахрушинского проезда, ближайшие к Шрадеру люди стали бить его. Я приказал, чтобы конные городовые окружили Шрадера, и шагов пятьдесят он прошел, не подвергаясь побоям. Но затем забежавшие вперед люди вновь набросились на Шрадера. Несмотря на то что конные городовые пустили в ход нагайки, они были оттеснены от Шрадера, и тот упал на землю. Тогда я, подполковник Косоротов и коллежский советник Диевский подбежали к Шрадеру. Мы подняли его и под руки повели дальше, уговаривая толпу прекратить побои. Но ближайшие к Шрадеру продолжали бить: и его, и нас. Некоторые же кричали, чтобы нас не били: мол, уговор у них был — полицию не бить.

— Это значит, что зачинщики и заводилы всё-таки опасались более решительных мер со стороны полиции?

— Несомненно, государь! Я изначально настаивал на избирательном применении насилия как к организаторам погромов, так и к наиболее радикальным элементам в толпе, но приказ я так и не получил. Потому насилие применялось не к погромщикам, а к полиции и тем гражданам, коих мы пытались спасти. Я хотел бы вернуться к эпизоду со Шрадером...

— Да, прошу вас, генерал!

— При повороте с Вальной улицы на Зацепский проезд к управлению участка бывшие тут люди также бросились бить Шрадера и его защитников. Шрадер вновь был повален на землю. Возле автомобиля, стоявшего у подъезда управления участка, Шрадер упал на землю без чувств. Некоторое время, несмотря на все наши усилия, Шрадера нам не удавалось поднять, но затем приставы Диевский и Косоротов и околоточные надзиратели, невзирая на противодействие прорвавшейся из-за цепи полиции кучки людей, втолкну-

нули Шрадера в автомобиль. Я встал на подножку автомобиля на противоположной стороне и втащил его за руки вглубь автомобиля. Когда Шрадер был уже в автомобиле, конные городовые нагайками расчистили дорогу. Наш автомобиль тронулся. Я так и остался на подножке, прикрывая своей спиной Шрадера от камней. Несколько негодяев вскочили на подножку, но были ловко стащены ротмистром Килярским и коллежским советником Диевским на мостовую, а наш автомобиль, повернув за угол на Зацепу, умчался под градом камней.

— Ужасная картина. Невыносимо думать, что всё это происходило в нашей Москве!

— А в это время у фабрики Шрадера появилась новая толпа. Пользуясь отсутствием полиции, негодяи схватили сестру владельца фабрики Бетти Энгельс, жену директора Эмилию Янсен, сестру его Конкордию и тещу его же Эмилию Штолле и двух из них сбросили в водоотводный канал, где они утонули. Две другие были избиты настолько, что одна умерла на месте, а другая — по доставлении в Голицынскую больницу. Эти четыре женщины были бы спасены, государь, если бы рабочие фабрики Шрадера при моем опросе сообщили об их присутствии. Не трудно и не долго было бы вывезти их на автомобиле за Устьинский мост, а потом уже ехать спасать Романа Шрадера. Нам очень жаль, что они погибли... Погром на фабрике Шрадера был приостановлен около десяти часов вечера нарядом конных жандармов. Окончательно же буйствовавшая возле фабрики Шрадера толпа была разогнана около полуночи, когда я вернулся туда с освободившимся от фабрики Винтера значительным конным нарядом. Когда всё уже успокоилось, то задержанные на фабрике Винтера под усиленным конвоем были отправлены в Рогожский полицейский дом.

— Почему именно туда?

— Обычно мы там арестантов не держим. Потому я и рассчитывал, что нам удастся тайно удержать их там от штурма и насильственного освобождения. По крайней мере, до прибытия в город армейских подразделений или просто до естественного затухания погромов.

— Удержали?

— Удержали, государь! Войска прибыли в Москву 29 мая. Примерно между 7 и 8 часами утра.

— Насколько это помогло восстановить порядок?

— Погромы не стихали, но присутствие войск и ожесточение полиции произвели на массу погромщиков необходимое воздействие.

— Скажите, генерал, стянутые к Москве войска принимали какое-либо непосредственное участие в рассеивании толп?

— Никак нет, Ваше Величество! Войска в рассеивании толп участия не принимали, а лишь выходили к тем местам, где действовали наряды полиции.

— Что вы скажете о поведении градоначальника во время этих событий?

— Я генералу Адрианову многим обязан по службе. Не мне, государь, давать оценку его действиям, поймите меня правильно.

— Извольте быть со мной откровенным! Я же не спрашиваю вас о чувствах, кои вы можете питать к вашему непосредственному начальнику. Меня интересует, соответствует ли его поведение сложившейся в городе обстановке?

— Государь, генерал Адрианов был уверен, что поведение толпы не выльется в насильственные действия. Я испрашивал его согласия на применение казаков и конных нарядов полиции еще в первые часы волнений, но градоначальник надеялся на то, что под воздействием его увещаний ситуация разрешится мирно. Считаю ошибкой градоначальника то, что он попытался возглавить шествие к генерал-губернаторскому дому. Его присутствие в толпе смутило гражданские власти, лишило полицию возможности действовать решительно. У нас были все резоны опасаться за жизнь генерала Адрианова. Александр Александрович — храбрый и благородный человек, но в обозначенной ситуации вел себя весьма доверчиво к агрессивно настроенной массе.

— Присутствующий здесь генерал Джунковский довел до меня суть предъявленных вам претензий. Вы, как я полагаю, успели ознакомиться

с требованием прокурора Московского окружного суда по отстранению вас от должности?

— Так точно, государь! Готов изложить обстоятельства дела, тем более что без них картина происшедших в Москве беспорядков могла бы показаться вам неполной.

— Продолжайте!

— Речь идет о событиях следующего дня, то есть о 28 мая, за день до ввода войск в Москву.

— Да, я понял.

— Как я вам только что докладывал, около часу ночи 28 мая мною было сделано распоряжение об отправке 63 разбойников, задержанных по приказанию градоначальника во дворе фабрики Винтера, в Рогожский полицейский дом. Обычно там задержанные в районе Замоскворечья не содержатся. Мы провели по улицам означенных лиц настолько скрытно, что рабочие и другие обыватели Замоскворечья целый день 28 мая не знали, куда помещены арестованные люди. Сделав упомянутое распоряжение, я поехал к градоначальнику с докладом. Вернулся же я в свою квартиру около 3 часов ночи. По телефону я передал приказание о том, чтобы с 6 часов утра все свободные городовые и околоточные надзиратели находились при управлениях участков и чтобы проживающие на фабриках и заводах лица с немецкими фамилиями были предупреждены об опасности, которая может им грозить. В 6 часов утра я проверил по телефону, исполнено ли мое приказание, и сделал распоряжение об отправке в назначенные места конных нарядов. Интересуют ли вас, Ваше Величество, сии подробности?

— Продолжайте, Николай Антонович!

Джунковский одобрительно закачал головой, показывая Миткевичу-Жолтку, что именно подробного повествования царь и ожидает. Император считал для себя необходимым вникать в детали, разумно полагая, что в них-то “и таится дьявол”. Джунковский же был заинтересован в скорейшем завершении прокурорской и сенатской проверок деятельности московской полиции. Сновавшие по коридорам здания московского градоначальника подлые людешки из прокуратуры изрядно ему надоели, да и сам Миткевич-Жолток вызывал в нем искреннюю и уже ничем не скрываемую симпатию. Жандарм понимал, что во всей Российской империи есть только один человек, во власти которого — остановить возможное судебное преследование московских полицейских чинов, сделавших, по сути, всё от них возможное для усмирения взбунтовавшейся московской черни. Этим человеком был сидящий по его левую руку царь Николай, и Джунковский желал, чтобы докладчик произвел на него серьезное и приятное впечатление. Джунковский болел за Миткевича-Жолтка всей душой — так, что его волнение и подергивание себя за ус всё более становились заметными государю. Впрочем, царь не хотел сбивать рапорт полицмейстера и сосредоточил всё свое внимание на излагаемых им и до сих пор не известных ему фактах.

— Около 7 часов утра мне было доложено, что рабочие фабрики Товарищества Рябовской мануфактуры, в числе около 600 человек, вышли с фабрики с вашим портретом и с национальными флагами. Было также передано, что с пением гимна и молитвы они направились к фабрике Даниловской мануфактуры и что, не приступивши к работам, рабочие этой фабрики ищут немцев.

— Лучше бы они их на фронте искали!

— Так точно!.. Вызвав к Серпуховской заставе 20 конных городовых от 3-го отделения, я поехал туда с приставом Диевским и встретил у заставы многочисленную толпу. Она вела 10 человек немцев-эльзасцев. Опасаясь, что, пока эльзасцев доведут до управления участка, они будут избиты до смерти, я объявил, что арестую их тотчас же и с конвоем отправлю в пересыльную тюрьму. Эльзасцы были переданы полиции. Исключительно для их собственной безопасности, действительно, они были отправлены в означенную тюрьму, причем в заранее приготовленной арестантской карете. Дав необходимые указания исполнявшему обязанности пристава, я поехал на электрическую станцию Общества 1886 года. Оттуда были получены известия

тревожного характера. Я приказал 20 конным городовым переехать от Серпуховской заставы на эту станцию. Дорогою, сворачивая с Кузнецкой улицы на Пятницкую, я увидел толпу у ворот Пятницкого полицейского дома и, установившись, пошел к ней. Как оказалось впоследствии, толпа эта до моего приезда была встречена приставом подполковником Танасюком. Ему-то она и предъявила требование об освобождении арестованных накануне 63 рабочих. Пристав заявил, что здесь никаких рабочих, мол, нет и где они содержатся, ему не известно. Вместе с тем пристав разъяснил толпе, что освобождение этих арестованных зависит от недавно назначенного на Москву вашим Высочайшим указом князя Юсупова и судебных властей, а не от полиции. Мне показалось, что толпа начала сдаваться на убеждение пристава, так как голова ее стала выходить на Пятницкую улицу. Как раз в этот момент к Пятницкому полицейскому дому подъехал и я. Но тут от Серпуховских ворот по Пятницкой улице подошла новая толпа, еще более многочисленная, чем первая. Теперь уже ими ко мне были предъявлены требования освободить задержанных накануне рабочих или сказать, где они находятся. Я увещевал толпу не производить насилия, что мне и удалось отчасти, так как бывшие впереди начали продвигаться к Климентовскому переулку. Однако значительное число людей рассыпалось по двору и продолжало требовать освобождения арестованных. Некоторые из них кричали, чтобы выдали им немцев-шпионов. Я вошел в управление участка и приказал вызвать по телефону конный наряд от Серпуховской заставы.

— Где в то время находился генерал Адрианов?

— Градоначальник как раз прибыл на место и потребовал меня и пристава к себе. Мы вышли на улицу, на угол Климентовского переулка, и стояли возле градоначальника, пока он убеждал толпу, что своею властью он не может освободить арестованных, а это зависит от главноначальствующего и прокурора Московского окружного суда. Могу подтвердить, что бывшие на улице поверили Александру Александровичу и двинулись было к Чугунному мосту. Генерал Адрианов сразу же уехал. Но бывшие во дворе не слышали его убеждений и продолжали наседать на помощника пристава Барабаша. Они угрожали ему произвести разгромы арестантского корпуса. Некоторые из толпы влезали на крышу этого корпуса, стараясь проникнуть на чердак. Я увидел это, когда проводил градоначальника и с приставом подполковником Танасюком и коллежским советником Диевским вошел во двор Пятницкого полицейского дома.

К этому времени туда успела ввалиться еще одна толпа. Впереди нее женщина несла банку с заспиртованным недоноском и кричала: “Вот как немцы избивают детей”.

— Боже, спаси!

— Пристав подполковник Танасюк стал разъяснять толпе, что заспиртованный недоносок есть препарат для научной цели. Я же с приставом Диевским пробился к арестантскому корпусу. В это время выделенные толпою человек 20—30 проверяли арестованных. Сюда же через 2—3 минуты пришел пристав Танасюк, с которым мы убедили проверявших выйти во двор, что они и исполнили. Именно тогда нами был обнаружен побег шести лиц, содержащихся в полицейском доме. Воспользовавшись суматохою, они скрылись. Эти лица либо ожидали отправления в сыскную полицию, либо отбывали арест за торговлю вином. Толпа, убедившись, что ни арестованных рабочих, ни немцев в Пятницком полицейском доме нет, стала расходиться. Когда прибыл конный наряд, во дворе оставались незначительные кучки людей.

— Так что же всё-таки там произошло и как могло подобное случиться, генерал?

— Как я выяснил впоследствии, допуск депутации от толпы к арестантским камерам произошел при следующих обстоятельствах. Помощник пристава Барабаш был окружен плотным кольцом озлобленных людей. Долгое время он пытался убедить их уйти со двора, и только видя, что арестантскому корпусу угрожает опасность, и слыша крики: “Генерал приказал открыть камеры!”, он, не имея возможности проверить основательность этих криков,

предложил дежурному помощнику смотрителя идти к камерам и взять с собою ключи.

— Ловко они это с ним проделали!

— Камеры были открыты. При этом помощник пристава Барабаш был оттиснут к пожарным сараям. Толпа намеревалась их ломать, заподозрив, что арестованные накануне рабочие спрятаны там.

— Что это были за люди? Эти... которым удалось бежать? Политические?

— Четверо сидели за незаконную торговлю вином на улице, один — злостный мелкий должник-пьяница и шестой — крестьянин, затеявший в кабаке ссору.

— Гм. Мне доложили, что побег был осуществлен группой революционно настроенных людей, можно сказать, зачинщиков погромов.

— Никак нет. Это были люди, задержанные еще за пару дней до беспорядков и по тем основаниям, о которых я только что вам доложил. Люди социальных низов, допустившие незначительные правонарушения. Так вот. Я не отдавал распоряжения допустить депутацию от толпы проверять этих арестованных и не знал о проверке, пока не пробился к арестантскому корпусу. Почему из толпы кричали, что “генерал разрешил произвести проверку” и кого подразумевали под словом “генерал” — меня или градоначальника — я не знаю. Если бы я и пристав подполковник Танасюк успели бы подойти к арестантскому корпусу ранее, то не допустили бы толпу в камеры. Побега шести арестованных тогда бы не было. Но мы сочли своею обязанностью не оставлять градоначальника одного среди ожесточенной массы людей, ввиду опасности насильственных против него действий. Они могли последовать от окрика какого-нибудь хулигана, как это было накануне в отношении пристава подполковника Эклона, о чем я уже вам, государь, докладывал.

— Бог с ними. Какие конкретные указания поступали вам от Адрианова?

— Согласно приказанию градоначальника, 28 мая главное внимание полиции 4-го отделения было обращено на охрану электрической станции и Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, где в то время находилась великая княгиня Елисавета Феодоровна.

— Несчастливая княгиня так натерпелась!

— Государь, Елисавета Феодоровна ни на минуту не теряла присутствие духа. Я несколько раз справлялся о ней, пару раз лично посетил обитель. Она мужественная женщина. Здесь, на Большой Ордынке, я находился с 3 часов дня и отлучался лишь к Якиманскому полицейскому дому, когда туда приходила большая толпа. В прочие же места я не выезжал, ограничиваясь распоряжениями по телефону, ввиду имевшихся сведений о намерении рабочих произвести погром на Большой Ордынке. Сведения эти были верные, так как означенное намерение пытались осуществить одна за другою целых три толпы не только на 28-го, а 29 мая утром, когда они были рассеяны нарядом полиции под моим руководством.

Ко всему изложенному мною, государь, необходимо добавить, что я не держал с утра наряда полиции во дворе Пятницкого и Якиманского полицейских домов, так как наряд этот мог быть взят только из Рогожских участков. Но их нельзя было ослаблять вследствие нахождения в Рогожском полицейском доме 63 задержанных накануне во дворе фабрики Винтера. Да я и не ожидал ожесточенного нападения ни на Пятницкий, ни на Якиманский полицейские дома, в которых не содержалось ни рабочих, ни немцев, а предполагал, что толпа явится требовать освобождения арестованных в Рогожский полицейский дом. Относительно его охраны мною и были приняты соответствующие меры. Правда, в Пятницком полицейском доме 28 мая было свободных 10 служителей, но они, как и все вообще служители полицейских домов в Москве, будучи людьми малорослыми, малосильными, не могли противостоять тысячной толпе. Вызванный же мною конный наряд хотя и шел на рысях от Серпуховской заставы, но прибыть своевременно не мог.

Положительные результаты деятельности моей и чинов полиции были следующие. 28 мая мы спасли от избиения толпою 24 человека. Кроме сего, нами были предотвращены погромы и пожары во многих местах. Мы также

выполнили две важнейшие и лежавшие на нас задачи, а именно: электрическая станция Общества 1886 года была охранена от разгрома, а Марфо-Мариинская обитель находилась в безопасности от бесчинствовавших толп. Что было сделано полицией 4-го отделения накануне 27 мая и на другой день 29 мая, я вам, государь, уже подробно изложил.

— Ваш подробный рассказ, генерал, лишь только укрепил меня во мнении, что всё сие движение толп было хорошо продумано и организовано. Как следует из рапорта, рабочие некоторых мануфактур проявляли необходимое терпение, чтобы дожидаться своих товарищей с соседних фабрик и уж потом выступать единой массой. Сие есть знак тревожный, господа.

Император повернулся к жандарму.

— Генерал Джунковский, вам я поручил провести должное расследование обстоятельств погромов, направленных против наших подданных германского и эльзасского происхождения. Хочу знать ваше мнение о действиях генерала Миткевича-Жолтка по наведению порядка в центре города. Вы сейчас слышали то же, что и я, но в отличие от нас могли подробно заслушать и изучить позицию стороны обвинения. Так каково ваше мнение?

— Ваше Императорское Величество! Считаю действия полицмейстера 4-го отделения города Москвы вполне соответствующими сложившейся обстановке. Полиция действовала в отсутствие приказа по применению силы, без поддержки казачьих частей, которым было запрещено вмешиваться. Сия вина целиком лежит на градоначальнике генерал-майоре Адрианове. Прошу вашего согласия на отстранение генерала Адрианова от должности. Также позвольте мне высказать свою уверенность в необходимости провести дополнительное расследование обстоятельств бесчинств и поджогов с целью выяснения личности зачинщиков беспорядков. Что же касается присутствующего здесь генерал-майора Миткевича-Жолтка, то ходатайствую, государь, о его поощрении. Ваша милость в отношении Николая Антоновича вызовет поддержку среди полицейских чинов Москвы, ибо никто не сомневается в личной храбрости и умелом руководстве им московской полицией в столь опасной и непредсказуемой обстановке.

— Идет война, Владимир Федорович, и я не думаю, что в результате майского разгрома нашей древней столицы мы можем говорить о чем-либо героизме. Однако в одном, пожалуй, вы правы. Вы, генерал-майор Миткевич-Жолток, действовали в чрезвычайно сложных обстоятельствах, противостоя многотысячной толпе. Я благодарю вас за все, что вам удалось сделать. Однако я принял решение о смене всего руководства московской полицией, а с ним и градоначальника. Градоначальствующему генерал-губернатору князю Феликсу Феликсовичу Юсупову мною поручено представить на сей счет свои предложения. Вы же, Николай Антонович, без промедления отправляйтесь на фронт. Обстановка там тревожная. Ваш опыт работы в полиции и военной прокуратуре придется там как нигде кстати. Вы возглавите один из головных эвакуационных пунктов Западного фронта. Наведите там порядок в кратчайшие сроки. Прощайте же, господа!

Император встал и слегка поклонился своим гостям, давая понять, что разговор окончен.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

В эту зиму в Москве выпало снега так много, что его огромные и сверкающие на солнце сугробы громоздились в Сокольническом парке на каждом углу. Эти белоснежные цитадели были столь велики, что полностью закрывали водителям боковой обзор. На каждом повороте приходилось не только притормаживать, но и полностью останавливать тяжелую машину. Надо сказать, что делала она это неохотно, ворча своей АВШкой всякий раз, как только я покушался на ее степенное, ровное и полное уважения к себе движение. Так, короткими переездами-перебежками мы наконец добрались до ворот госпиталя и остановились напротив его проходной.

— Не надо пропуска! Проходите так. Мы вас знаем. — Дюжий охранник, показавшийся в коридоре проходной, нажал на какую-то кнопку, и крутящаяся калитка поддавалась моему давлению и со скрипом провернулась.

— А вы к кому? Вам пропуск нужен, — слышалось за моей спиной. Калитка вздрогнула и застыла, удерживаемая невидимым механизмом. Охранник вновь высунулся из своей коморки, откуда доносились звук телевизора и пряный запах колбасы.

— Это мой сын. Он со мной, — я показал Алексею, чтобы он не задерживался и следовал за мной. Охранник мигнул обоими глазами в знак согласия, калитка заскрипела, пропуская Алексея к внутренней двери проходной. Потеряв к нам интерес, голова охранника привычно крутанулась на 180 градусов в сторону очередного посетителя и занялась его расспросом.

По скрипучему снегу, опасаясь затаившегося под ним льда, мы короткими шажками проскользили по внутреннему двору и в компании клубов ледяного воздуха вошли в просторный мраморный вестибюль госпиталя. В полупустой гардеробной о чем-то ворковали две пожилые женщины, где-то под боком у них играла музыка из старого советского ретранслятора. Мимо со швабрами и ведрами с водой прошли два тощих солдата-санитара. Они не без интереса взглянули на наши продуктовые пакеты с рекламой известной торговой марки. “В 18 лет всем парням всё время есть хочется”, — подумал я и вспомнил, как мы на военных сборах под матрацами сушили хлеб и потом после отбоя всей палаткой хрустели безвкусными сухарями, мечтая о доме, мамке и кастрюле с борщом.

Миновав три ступеньки, мы вошли в лифтовой холл и вызвали одну из кабинок.

— Ты внизу никогда не раздеваешься? — сын стянул с себя куртку и стал разматывать шарф.

— А зачем, когда можно всё в палате на окне оставить? Слушай, мы сейчас с дедом поздороваемся, и ты с ним останься, пока я схожу к врачам на консилиум. Главврач меня к одиннадцати ждет.

— Хорошо, пока почаёвничаю с ним.

Я осторожно открыл дверь в палату и громко спросил:

— Можно?

— А! Тома, сынуля приехал! Да не один, а с Лёшенькой! — Отец, став совсем больным, перешел в общении с родными на уменьшительно-ласкательные суффиксы.

— Проходите, что там застыли?

— А мама где?

— В столовой. За хлебом пошла. А обеды нам Танечка, сестра твоя, привозит. Так что мы в ажуре!

— Так если мать в столовой, что ты ее кличешь?

— Не говори! Точно! Старый стал, больной...

Я наклонился к отцу и поцеловал его. Подумал: “Худющий. Совсем высох. И выглядит намного хуже прошлого раза”.

— Ну как ты себя чувствуешь, пап?

— Да неважно. Нога болит. Есть не могу, организм еду не принимает. Домой хочу. Вот думаю, сделают мне операцию — домой поеду. Здесь мне всё надоело, а дома стены лечат.

— Пап, ты пока с Лехой поговори, а я в госпитальную аптеку схожу, мне там кое-что надо. Скоро вернусь. — Я встал, уступая сыну место у кровати, и вышел в коридор. Там меня уже ждал незнакомый доктор. По больничным коридорам он провел меня в ординаторскую, где начальник клиники собрал на консилиум всех специалистов, имевших отношение к лечению отца.

— Ну, мы здесь, пока вас ждали, уже обменялись мнениями. Вы — сын Олега Константиновича и должны знать всю правду. Операция ему уже не поможет. Он неоперабелен. Метастазы поразили всю брюшную область и лимфоузлы. Лечение предлагается медикаментозное, консервативное. Да и лечением-то это не назовешь. В общем, будем пытаться всем, что есть в наших силах, облегчить его страдания. Переходим на самый сильный препарат.

— Сколько ему осталось?

— Это очень индивидуально! — В разговор включился бритый наголо военный врач, похожий на облученного физика-ядерщика. — Может быть месяц, а могут быть и дни. Всё зависит от силы сердца. Оно у Олега Константиновича мощное, совсем еще молодое, но две химиотерапии ослабили его значительно. Понимаете, химия — это зараза, которая и опухоль убивает, и сердце. Помочь она может, но только в среднем возрасте. У пожилых людей нет такого жизненного ресурса, чтоб выкарабкаться после яда.

— Зачем же тогда его вводят?

— Пробуем всё, чтобы остановить болезнь!

— Что вы советуете нам, родным? Как мне лучше мать настроить, семью? Что вы обычно рекомендуете в таких случаях?

Начальник госпиталя, видимо, сочтя, что ответ на данный вопрос имеет отношение к его исключительной компетенции, замер в кресле, затем подался телом вперед, встал и вплотную подошел ко мне. Протерев очки и выиграв таким образом пару секунд для формулирования ответа, он наконец тихо произнес:

— Я бы порекомендовал вам обзвонить тех, кто хотел бы еще увидеть Олега Константиновича живым. Пока он в сознании, он будет рад видеть тех, с кем имел дело, дружил, поддерживал приятельские отношения. Скажите этим людям, что он хотел бы их увидеть, а его предупреждайте непосредственно перед их посещением, чтобы он не стал возражать, мол, зачем людей беспокоить. Поверьте, я нахожусь под сильнейшим впечатлением от общения с вашим отцом. Даже если он вам говорит о каких-то своих планах, он на самом деле вас хочет приободрить. Сам-то он свое состояние прекрасно понимает и готовится к концу. Но не стонет, а вас жалеет. Понимаете, в чем дело? Хороший, красивый у вас отец. Нам всем жаль, что он уходит.

— Спасибо за добрые слова!

Мы попрощались. Врач с вечно грустными глазами довел меня до дверей отцовской палаты. Батя дремал. Мама разговаривала с Алексеем, кружась с какими-то чашками в руках в узком пенале гостевого холлчика. Я поцеловал мать и своими словами, не травмируя ее душу, пересказал ей слова докторов. Спросил, где их квартирная телефонная книжка, где записаны телефоны друзей и сослуживцев отца.

— Mam, ты с мобильного вызванивай тех, кого считаешь нужным позвать сюда. Ему худо, видишь, совсем слабый. Только звони из коридора, чтобы папа не слышал.

— Ох, сыночка, дорогой ты мой, сил моих нет видеть, как ему всё хуже и хуже. Уж лучше б я за него болела! Только бы не видеть его страданий...

— Нет, мам, так нельзя говорить. Господь каждому посылает испытания по силам его! Отец сильный, мужественный, ты же знаешь, а ты — слабая женщина. Ты б такого не выдержала, поэтому и не говори так. Ты нам нужна, береги себя! — Я обнял маму, но она вскинула на меня свои мокрые карие глаза, обхватила мое лицо руками, прижалась и горько-горько заплакала. Тогда и я понял, что приближается время, когда душа будет сжиматься и слезы стоять наготове, и сказал себе тотчас, что хоронить моего генерала я буду с сухими глазами. Отец никогда своих слез не показывал, и от меня их не дождутся. И всё тут!

Отец зашевелил рукой и приоткрыл глаза. Я сначала подумал, что он так спит. Нет, точно не спит!

— Пап, ты как? Проснулся?

— Я сейчас удивительный сон видел. Очень хороший. Будто бы мы все собрались, вся семья. И внуки, и правнуки, и дети со своими супругами, и Томочка, и Танины родители, все-все. И сидим мы в лесу за столом. Птицы поют как по заказу. Небо чистое — ни облачка! Солнышко не жаркое, а теплое, легкий ветерок с прохладой. Сидим за столом, а стол весь блюдами покрыт, да со всякой всячиной и вкусятиной. Икра черная и красная, молочные поросята с оливками вместо глаз, соленья, разносолы разные, наливка в кувшинах, кваса и пива по жбану, хлеб горячий, как помнится, на Алтае в эвакуации нас булочник баловал таким хлебом, а мы ему за это воды носили. Вот такой сон прекрасный, даже просыпаться не хотел.

— А меня во сне видел? — Мама присела на край кровати и влажной салфеткой стала вытирать отцу лоб и волосы.

— Я же говорю, и ты там была. Вся наша семья.

— Алик, вот ты поправишься, и мы поедem на дачу, там в лесочке так и усядемся.

— Да нет, это не на даче было. Место какое-то неузнаваемое.

Мать многозначно посмотрела мне в глаза, но я не понял, что означал для нее и отца этот его сон. Сон как сон. Я часто сны вижу, цветные и увлекательные, но только на третий-четвертый день отпуска.

Мама взяла телефон и с Алексеем вышла в коридор. Наверное, звонить пошла по списку друзей.

— Пап, ты не устал? Разговор про нашего полицеймейстера продолжим? Есть что тебе рассказать.

— Да-да. Давай. С удовольствием. На чем мы с тобой остановились? ...Банка с недоноском. Слушай, а ведь это целая метафора, образ! Образ русской революции. Недоношенной в 1915-м, но к 17-му году вполне созревшей и вылезшей из этой банки. Страшный образ. Скажи, а что было потом с Николаем Антоновичем? Он ведь на фронт ушел после разговора с царем, так?

— Да. В сентябре он уже прибыл на Западный фронт.

— Дед Борис мне рассказывал, что в конце 1915 года они встретились — отец-генерал и сын-подпоручик.

— Судя по “Краткой записке о службе”, которую я получил из Военно-исторического архива, твой дед в октябре 1915-го был отозван с Северо-Западного фронта и командирован в Офицерскую школу авиации для обучения полетам. Видимо, там и состоялась их первая за время войны и последняя в жизни встреча. Там же, в Военно-историческом архиве, я раздобыл Аттестацию военного летчика, подпоручика Бориса Миткевича-Жолтка. Вот она. Смотри. Так... Графа “Должность и с какого времени” — здесь сказано: “Начальник 3-ей сборочной авиационной базы — с 29 апреля 1917 года”. То есть они оба продолжали служить на разных фронтах: Николай Антонович — на Западном, а Борис Николаевич — на Северо-Западном. Кроме того, дед Борис в 16-м был ранен и находился на излечении.

А вот сейчас прошу внимания! У тебя, отец, будет прилив гордости! Зачитываю характеристику на Бориса Николаевича. Она приложена к его Аттестации. Итак: “Военный летчик подпоручик Борис Николаевич Миткевич-Жолток прекрасно поставил дело сборки и ремонта самолетов. Обладает прекрасными организаторскими и административными способностями. Сумел сплотить весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы. Пользуется любовью товарищей и подчиненных. К подчиненным ровен, требователен. Прекрасный техник. В смысле исполнения служебных обязанностей является примером для всей базы”. Подпись неразборчива. Видно только, что подписал штабс-капитан, командующий 1-м авиационным парком действующей армии.

— А я всё думал, в кого ты у меня такой умный? Оказывается, в прадеда Бориса! — Отец хоть и подшучивал надо мной, но, по всему, был явно доволен характеристикой, данной его предку. — Вот видишь, он не только военным летчиком стал, причем одним из первых в России, но и был основателем военно-воздушной инженерной традиции! Дед твой, мой отец Константин Павлович, — тоже ведь авиационный инженер. Только вот ты у нас диссидент — в дипломаты пробился!

— Пап, как дипломат я часто летаю, значит, тоже могу считаться почетным летчиком бизнес-класса.

— Летчиком-налетчиком, — отец уперся затылком в подушку, поморщился и уставился в потолок. Глаза его слезились. Генерал устал от разговора и эмоций, которые выкачивали силы. — Дай-ка мне воды, летчик-налетчик!

Я поднес к его губам стакан воды. Несколько капель попали мимо цели и скатились по впалым щекам на подушку. По-моему, отец не заметил мою неловкость.

— “Сплотил весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы...” Послушай, Дим, как хорошо, четко сказано. Писано-то почти сто

лет назад, но стиль современный, деловой. “Продуктивная и интенсивная работа!” — это прям как цитата из “Программы вооружений”! Помнишь в фильме “Чапаев”, когда эта молодая дрянь Анка-пулеметчица косила огнем офицерские ряды каппелевцев, кто-то из красных командиров сказал: “Красиво идут! Интеллигенция!” Вот эта вся интеллигенция, цвет русского офицерства, там на поле и осталась. И штабс-капитан этот там же лежит. Страшная вещь, сын, гражданская война! Потом, в Великую Отечественную перебили поколение молодых советских парней, которые из окопа первыми поднимались на врага. Остались те, кто чудом выжил или кто пошел воевать позже, когда мы бить немцев уже научились, плюс остались окопные и штабные крысы. Вот и идет вырождение нации. Нам выпал страшный век. Тебе и твоим товарищам тяжело будет, но шанс установить длительный мир для России у вас есть. Сумейте им воспользоваться! Сумеешь?

— Сумеем, сумеем. Пап, может, тебе отдохнуть надо?

— Нет, не уходи. Когда с тобой разговариваю, боль подвигается. Знаешь, мне сейчас мощное обезболивающее колпот. Иногда все плывет перед глазами. Видения какие-то, не пойму, что — правда, а что — сон. Вот сейчас вижу, что ты в палате — это правда. Давай еще поговорим, если ты никуда не торопишься.

— Да нет, конечно, с удовольствием. Я ж к тебе специально прилетел, да и на службе знают, что я в отпуске в связи с твоей болезнью. Да даже если бы и не в отпуске... Давай я тебе еще кое-что расскажу любопытное про отца Николая и сына Бориса, но сначала кое-что у тебя выведаю.

— Да. Что?

— Вот ты мне рассказывал, что твой дед Борис, когда немцы разбомбили ваш дом на Смоленке, приехал к вам на дачу, где вы жили, и помог вам эвакуироваться на Алтай.

— Да. Так оно и было. Это осенью 41-го...

— Ты говорил, что после демобилизации из РККА он устроился работать в Новочеркасский мелиоративный институт.

— Да. Этот институт был отправлен в эвакуацию, и нас дед посадил с ними в эшелон, и там на Алтае мы были вплоть до конца 42-го года.

— Но дело в том, что дед никогда не работал в Новочеркасске!

— Да нет. Ты сам что-то путаешь.

— Не путаю. Вот ответ на мой запрос председателя комитета по управлению архивным делом администрации Ростовской области: “В процессе поиска в Государственном архиве Ростовской области (далее ГАРО), в Новочеркасском филиале ГАРО, Центре документации новейшей истории Ростовской области, а также в архивах и музеях высших учебных заведений Новочеркасска архивных документов, содержащих информацию о Борисе Николаевиче Миткевиче-Жолтке, не обнаружено”. Точка.

— Ерунда какая-то.

— А хочешь, дам тебе вариант ответа?

— Нет, погоди, дед Борис точно работал в Новочеркасске. Скорее всего, там и похоронен.

— Так вот. Моя версия следующая. Конаясь в интернете в поисках хоть какой-то дополнительной информации о людях, носивших эту польскую фамилию, я наткнулся на протоколы допроса некоего Бобрищева-Пушкина. Этот странный человек удостоился внимания и отдельного исследования историка Анатолия Разумова. В 2007 году он опубликовал его в журнале “Звезда”. Короче, потомственный дворянин Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин был адвокатом и защищал всех — без разбора их партийно-политической принадлежности. Этот Бобрищев-Пушкин участвовал в процессе Бейлиса, после Октябрьского переворота защищал Пуришкевича. Так увлекался собственным творчеством, что публиковал свои судебные речи, не говоря уж о драматических произведениях. Был явно не в себе. Но я не об этом. С 1918 года он на юге России, видимо, прибилась как-то к Деникину или Врангелю писарем в штаб. Затем вместе со всеми эмигрировал в Сербию, позже в Германию. Участвовал в движении “Смена вех”. Потом вдруг решил вернуться в Советскую Россию, тут его большевики и сцапали. Судя по его

болтовне на судебном процессе, он хорошо знал и отца-генерала, и сына-летчика Миткевичей. Причем с удовольствием закладывает обоих. Вот смотри, какая прелесть:

“Подсудимый БОБРИЩЕВ-ПУШКИН на вопросы суда:

Враждебные отношения к мероприятиям Советской власти у меня возникли с 1928 года, т. е. с момента раскулачивания в деревне, когда решения XIV партконференции Сталин приказал подложить под сукно. Это было первое отступление от Ленинской политики.

Закон от 7/VIII-32 года я считаю вторым отступлением. Я сразу же написал в Коллегию защитников, что этому закону я не сочувствую и прошу меня на такие дела защитником не назначать. Политика ликвидации кулачества расходится с политикой Ленина.

Да, я нахожусь в оппозиции к Сталинскому Правительству, но не к Советской власти, и считаю, что лучше было бы, если власть перешла бы от Сталина в другие руки, а со Сталиным поступили так, как с Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Ленина я считал моим политическим противником, но умным и гениальным руководителем России. С 1928 года его дело губится.

Миткевича я никогда не видал. Моя жена в 1930 году с ним уезжала в Москву, откуда вернулась нарядная. Я у нее спросил — почему; она сказала, что Миткевич получил аванс за шпионскую связь. Вот все, что я знаю о Миткевиче. Донести на него я не мог, т. к. жена сказала бы, что я мщу ей и ему за “рога”.

Некто Флегентов действительно приходил ко мне узнать адрес Миткевича с тем, чтобы передать ему посмертное завешание и ценности его отца генерала Миткевича. Я поехал к сестре Миткевича О. А. Миткевич узнать его адрес. Оказалось, что О. А. Миткевич ему не была сестрой, а только дальней родственницей, и адреса Миткевича она не знала, и я так и не узнал этого адреса”.

— Ну и что из этого следует? При чем здесь Новочеркасск?

— При том, что, во-первых, ОГПУ-НКВД интересовалось генералом Миткевичем, и со слов Бобрищева-Пушкина следует, что умер Николай Антонович где-то в эмиграции в конце 20-х годов или же в 1930 году. Во-вторых, следовательно по делу Бобрищева-Пушкина задавал подсудимому вопрос о “шпионской деятельности” Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка, и этот болтун Бобрищев-Пушкин практически дает против него показания. В-третьих, и это и есть мой тебе ответ насчет Новочеркасска: не было никакого Новочеркасска и никакого мелиоративного института, точнее, институт, конечно, был, но твой дед там никогда не работал, о чем и свидетельствует ответ из Ростова. Судя по всему, Борис Николаевич знал, что все его заслуги перед русской авиацией — ничто в глазах сталинских “троек”, и в “расход” его, как потомка аристократического рода и царского офицера, пустят, даже не икнув. Вот почему он, видимо, заблаговременно демобилизовавшись из РККА, запустил через друзей и родных версию о своем “самозаточении” в Новочеркасске, а сам скрывался в другом месте. Появился он в Москве лишь осенью 41-го, рискуя, и только для того, чтобы спасти свою дочь и ее детей, в том числе и тебя. Что думаешь? Да, пока ты думаешь, я не исключаю и такой версии, как то, что он действительно был связан с русской белой эмиграцией. Но эта версия экзотическая.

Смотри. Николай Антонович после революции примкнул к Добровольческой армии Деникина, я сейчас тебе об этом расскажу. Чекисты и советская военная разведка интересовались положением дел в русской эмиграции, особенно после нападения Гитлера на СССР. Известно, что часть этой эмиграции стала коллаборационистской. Шкуро, Краснов... Они, по сути, предали страну, перепутав большевизм с Россией. А вот Деникин отверг предложение немцев о сотрудничестве. Причем демонстративно. Я уверен, что Москва работала с Деникиным и многими другими русскими патриотами в изгнании. Знаешь, в Бельгии мы накануне 9 мая объезжаем захоронения русских участников антифашистского движения Сопротивления. Таких мест более 30.

Могилы в основном безымянные, но все местные жители знают, что покоятся в них русские, причем как советские военнопленные, сумевшие бежать из концлагерей, так и русские офицеры-эмигранты, создавшие сеть антигитлеровского подполья. Что касается Деникина (а он был символ, между прочим!), то в его ситуации стоило опасаться малознакомых людей из России. Но генерала Миткевича-Жолтка он знал очень хорошо и близко, доверял ему. Значит, был наслышан и о его старшем сыне Борисе, летчике, оставшемся в России. Я уверен, что советская военная разведка через нашего деда Бориса поддерживала связь с той частью русской воинской эмиграции, которая в начатой Гитлером войне приняла сторону своей родины и своего народа. Потому Новочеркасский мелиоративный институт, в котором якобы работал летчик-дворянин Борис Николаевич Миткевич-Жолток — это всего лишь “крыша”, не более того.

— Гм. Что я тебе скажу... Всё может быть. Неожиданный оборот принимает это дело. А с Николаем Антоновичем как этот Бобрищев-Пушкин связан был?

— Никак. Но вчитайся в слова подсудимого. Он говорил об “отце-генерале” как о человеке, имя которого явно уже произносилось в зале суда, либо он знал его настолько хорошо, что даже не считал необходимым пояснять, о ком конкретно идет речь. А дело вот в чем. В той самой бумаге, которую я тебе только что зачитывал, — ну вот эта, ростовская, из архива, в ней говорится далее: “В ходе поиска в ГАРО выявлена копия приказа Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта А. И. Деникина от 22 января 1919 года № 141, в приложении к которому указывается фамилия генерал-майора Миткевича-Жолтка без указания инициалов”. Вот оно — это приложение. Смотри, в списке генералов резерва чинов при штабе Деникина под номером 3 числится наш с тобой “Миткевич-Жолток”. Сразу звоню историку Белого движения Сергею Владимировичу Волкову, и он подтверждает, что твой прадед действительно играл довольно-таки важную роль как в штабе Деникина, так и после смены его Врангелем на посту главнокомандующего. Более того, Волков уточнил, что работал Николай Антонович “по профилю”, в частности, он был заместителем начальника штаба Государственной стражи России. Это что-то типа МВД плюс ФСБ, ФСО — всё в одном флаконе. В 1920-м генерал Миткевич-Жолток вместе со всеми уходит из Севастополя — то ли в Югославию, то ли в Турцию. Далее его следы теряются. Я недавно был в Белграде. Польские свозили меня на так называемое Новое кладбище, где захоронен цвет русской армии в изгнании. Нашего прадеда там нет, хотя и перелопатил все архивы и напряг городские власти Белграда. Нет никаких упоминаний. Возможно, в Югославии он не задержался, уехал в Европу, — Германию, например. Или действительно попал он в Турцию, а уж потом — в Европу. Сложно сказать, буду искать.

— Молодец, сын. Я знаю, ты их найдешь. Из-под земли найдешь.

— Ну а где мне их еще искать?

— И я там скоро буду. В земле. Ты где меня похоронишь? Сделай так, чтоб без соплей. По-офицерски. По-русски.

— Я всё для тебя сделаю.

Отец меня уже не слышал. Он лежал с полуоткрытыми глазами, отключившись от меня и моих историй. Он сам готовился стать историей. Историей верности своей стране и профессиональному долгу.

Уходил не только мой отец. Уходил мой друг и единомышленник, и я всё более ощущал надвигающуюся на меня тоску.

Батя, не умирай! Ну чем помочь тебе? Почему ты должен так страдать, так мучиться и изводиться от неусыпной, неутомимой и всёвозрастающей боли? Помогаю ли я тебе своими рассказами об истории нашего офицерского рода или утомляю тебя в тот момент, когда надо собраться с мыслями и собственными воспоминаниями? Ну, скажи! Я всё пойму и поступлю так, как ты скажешь. Только не умирай!

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ

Старому генералу становилось всё сложнее бороться с болью. Он понимал по глазам навещавших его родных и утяжеленным инъекциям наркотиков, то и дело отключавших его сознание, что развязка близка. Обезболивающие средства накачивались то дурманом, то воспоминаниями из далекого прошлого. Вот и сейчас Олег Константинович вновь соскользнул в своей памяти в юношеские годы — годы, которые война тщательно пыталась у него украсть.

Облик сидящего у больничной койки сына начал размываться. Голос его становился всё глуше и тише, кровать будто бы накренилась, и небо... Небо в окне потекло красками на пол, всё вокруг завьюжилось, скрутилось и вдруг влетело в голову, в самый мозг генерала.

Наступила тишина. Олег Константинович вдруг увидел... себя. Увидел так, как никогда во сне не видел, — явственно, вот руку протяни и почувствуешь тонкое пальтишко и шаль, затянутую на шее парня. Перед ним у машины грузовика стоял мальчик лет двенадцати с рябым, обветренным лицом. Он пытался залезть в полуторку, но, видимо, ни сил, ни ловкости ему не хватало...

* * *

— Давай, Алик, живей! — Дед Борис, не дожидаясь пока исхудавший подросток изловчится и перевернется через борт грузовика, посадил его и буквально впахнул вглубь машины. Затем двухметровый гигант сам залез в кузов, проверил замерзшие замки на бортах, перешагнул через свернувшегося у мешков с картошкой внука и, невольно ссутулясь от сильного, колющего от снега ветра, подобрался к кабине и, хлопнув по ней два раза, крикнул: “Трогай!”.

Провернувшись на льду, колеса наконец зацепили грунт, и полуторка, раскачиваясь, поплыла по ухабистой дороге. Уже через минуту вид дачного поселка совсем растаял в утренней морозной мгле, и дальше только ветви присыпанных ноябрьским снегом деревьев чертили в небе коридор, уносящий Алика и его семью всё дальше от линии фронта. Примерно через полчаса грузовик выехал на твердое полотно Дмитровского шоссе и, прибавив скорость, побежал трусцой к Москве.

Дед сгреб Алика в охапку, чтобы парень совсем не замерз на ледяном ветру. При каждом торможении у дорожных блокпостов, заваленных мешками с песком и окруженных противотанковыми орудиями и стоящими поодаль зенитками, спина Алика еще крепче вжималась в тулуп деда, а его горячее мужское дыхание пробивалось сквозь плотно завязанный шарф прижавшегося к нему подростка.

“Дед!” — Алик был несказанно рад чудесному его появлению на даче под Лобней, куда мама привезла его с сестренкой после того, как от их дома на Смоленской площади не осталось ничего, кроме груды разбитого красного кирпича. Немецкая бомба не пожалела ни личных вещей, ни остатков посуды, ни даже любимого альбома с почтовыми марками, который Алик собирал с середины 30-х годов. Больше всего он жалел, что немецкий летчик сжег его альбом, где хранилась выменная у Женьки Степанова погашенная марка Бельгийского Конго. Алик считал ее бесценной, и даже надранное отцом ухо за пропавший бесследно серебряный портсигар, на который и был произведен обмен, он вспоминал с удовольствием, ибо оно было той малой ценой, которую пришлось уплатить за приобретение этого несметного богатства. Но как ни копошился Алик среди развалин родного дома, как ни старался разгрести то, что осталось от его рухнувших стен, альбома нигде не было, а значит, марка Бельгийского Конго исчезла навсегда...

— Стой! — по приказу офицера полуторка остановилась. — Проверка документов!

Кто-то грузный зацепился за левый борт полуторки, да так, что она немного накренилась. Прямо над Аликом появилось красное от мороза лицо

молодого солдата, укутанное в шапку-ушанку. На нем был светлый овчинный тулуп, а не шинель, которую привычно было видеть на красноармейцах и добровольцах, отправлявшихся из Москвы на подвигавшийся к ней фронт. В таких вот шинелях ушли на войну все старшие товарищи Алика, все ребята со двора. Они даже письма родным написать не успели — похоронки их опередили. Вот тогда Алик и его одноклассники как-то сразу повзрослели и сами засобирались на войну, да малы были еще.

Отец, оставив семью в Москве, срочно уехал в Ленинград еще в конце сентября — его назначили старшим инженером на подбитый люфтваффе и севший на мель у Кронштадта линкор “Марат”. Под его руководством рабочие ремонтного завода восстановили уцелевшие орудийные башни, и полузатопленный корабль превратился в грозную артиллерийскую батарею, прикрывавшую Ленинград от немецких войск. Именно отец прислал с московского завода машину, чтобы вывезти свою Наталью, сына и малолетнюю дочь на летнюю дачу по Савеловской железной дороге, но уже в конце октября стало ясно, что оставаться там было небезопасно. Немецкие части рвались к столице, канонада приближалась каждый день. Соседи по поселку срочно собирали вещи и разъезжались кто куда. Живший в соседнем доме сельский учитель пересказал матери Алика разговор красноармейцев, разместьившихся в школе, что на окраине Лобни уже видели фрицев, наверное, разведгруппу. Мать плакала. Ехать ей, бабе Лизе и детям было некуда — дом в Москве разрушен, муж — на фронте, далеко. На деда Бориса семья и не надеялась. После того как соседка еще в середине 30-х рассказала матери, что у ее отца-дворянина Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка большие проблемы с чекистами, о дедушке Алик вообще перестал что-либо слышать. На расспросы мать отвечала сухо. Мол, “демобилизировался и уехал в Новочеркасск”, дескать, “работает в мелиоративном институте, и всё тут, хватит болтать!” А ведь Алик помнил приезжавшего к ним в Москву деда-исполина в форме пилота, с тремя ромбами на петлицах, легко поднимавшего его — тогда еще совсем мальчишку — к потолку и однажды даже посадившего верхом на лошадь — под громкие протесты матери. А тут вдруг исчез. Из разговоров, конечно, но не из сердца. Алик иногда замечал, как мама у плиты шепталась с бабой Лизой об отце, однажды как-то быстро прервала с ней разговор, выбежав из кухни с заплаканными глазами, пряча под салфеткой на трюмо чью-то фотографию.

Алик заглянул под салфетку и достал фото. На ней был изображен дед Борис в старинной форме офицера царской армии, стоящий с каким-то летчиком-сослуживцем у винта аэроплана. На обороте Алик прочел надпись, сделанную чернилами: “Борису Миткевичу-Жолтку с восхищением. Штабс-капитан Нестеров. Львов. 1914 г.”

Уже потом Алик узнал, что причиной ссоры матери с бабушкой стал ее развод с дедом Борисом. Подала она на него в самое неподходящее время, когда им заинтересовался НКВД, по причине внешне объяснимой — уберечь семью в то страшное время сталинской мясорубки, но внутренне не понятой и не принятой остальными членами семьи. В общем, так или иначе, тема деда стала в семье табу, и никто не имел право его нарушать.

Как дед Борис нашел их на даче? Этот вопрос наперебой задавали деду и баба Лиза, и мама. Он был их чудесным спасением в тот самый момент, когда, казалось бы, умерла последняя надежда спастись от неминуемой жизни под немцами...

— Попрошу предъявить документы! — повторил молодой солдат в овчине и поправил для убедительности свисавший с шеи черный массивный ППП.

— Здесь документы на всех. Это мой внук Олег. В кабине еще моя жена Елизавета с дочкой и малолетней внучкой. Можете проверить. Направляемся на Казанский вокзал. Эшелон сегодня вечером на Алтай уходит. В эвакуацию.

— Стало быть, ко мне домой направляетесь! — солдат усмехнулся. — Я ж со Сросток. Алтайские мы! Клюев моя фамилия, слышите, Клюев! Если встретите кого из Сросток, скажите, что так, мол, и так, видели Василия

Клюева. Под Москвой стоят сибиряки и гнать будут немца до самого Берлина. Так и передайте, мол, здоров Василий, чего и вам желает. — Солдат поправил автомат. — Ну, доброй вам дороги! Поклон Сибири!

Здоровяк Вася спрыгнул с борта, полуторка заскрипела сцеплением и тронулась дальше. Алик молча смотрел на деда, так и не решаясь спросить, почему этот солдат говорит так странно, с каким-то незнакомым выговором, вроде по-русски, да не по-московски.

Полуторка еще несколько раз останавливалась для проверки документов, прежде чем приехать на Казанский вокзал. Алик выпрыгнул из кузова первый, подбежал к кабине, открыл дверь и помог маме со спящей сестренкой на руках спуститься на землю. Оставив бабу Лизу в кабине, вновь забрался через борт в кузов и стал помогать деду сбрасывать на тележку татарина-носьщика немногочисленный домашний скарб, распахнутый по узлам и чемоданам, а потом и мешки с картошкой — главный провиант эвакуирующихся на Алтай сотрудников Новочеркасского мелиоративного института.

— Картошку снизу ложить! — подсказывал татарин деду.

— Ты давай толкай к эшелону, профессор! — ответил ему дед и быстрым шагом повел бабушку и маму с сестренкой к поезду. Алик немного подотстал, рассматривая, как прибывшие на перрон статные солдаты-сибиряки в овчинных тулупах, точь-в-точь похожие на нашего недавнего знакомого Васю Клюева, снимали с платформы своей теплушки пулеметы “максим”, надевали их на выкрашенные в белый цвет тяжелые станки и катили к соседней платформе. Лица солдат были сосредоточенны, но, в отличие от столичных ополченцев, сибиряки излучали не обреченность на подвиг и неминуемую смерть, а тихую удаль и даже легкую браваду, какая обычно бывает у деловито собирающихся на охоту профессиональных егерей.

— Алик! — Фигура деда возвышалась над всем кишачим людьми перроном. — Алик, ты где?

Парень схватил два тюка, не поместившиеся на тележке татарина, и, продираясь сквозь овчинные тулупы, поспешил к вагону.

Женщины уже были внутри плацкарта. Мама укладывала маленькую Таню на верхней полке, то и дело прикасаясь к ее горящему лбу. Наталью Борисовну волновало состояние дочки.

— Неужто простыла в дороге! Вот уж совсем некстати, — сетовала она. Баба Лиза при этом что-то недовольно бурчала пожилому интенданту в длиннополой шинели — ее чемоданам и узлам не хватало места на верхних стеллажах, а не менее ее вредный старик не собирался уступать ей место.

По гудящему ульем коридору прошел вооруженный патруль. Офицер и два солдата безучастно осмотрели собиравшихся в дальний путь гражданских пассажиров, не останавливаясь, продвинулись в тамбур и исчезли в дверях соседнего вагона.

Только сейчас Алик заметил, что деда Бориса в вагоне нет. Алик увидел его стоящим на перроне и что-то живо объясняющим проводнику. Будто поймав на себе взгляд, дед позвал Алика рукой.

— Дед, тебя мама зовет! — Алик свесился с подножки, ухватившись за дверной поручень.

— Олег, я с вами не еду. Мне нужно здесь еще кое-что сделать. Скажи Наташе, что в свертке, который я ей передал, — деньги. На первое время хватит, а там я еще пришло или сам привезу. Доедете с институтом до Бийска, там вас встретят и разместят. Берегите себя! — Дед развернулся и быстрым строевым, размашистым шагом направился к зданию вокзала.

— Дед! — Алик закричал. Он знал, что дед не может не слышать его пронзительного крика, но старый офицер даже не обернулся. Вскоре его могучая фигура скрылась из виду.

— Посторонись, давай поднимайся и иди к своим, — проводник подтолкнул Алика вглубь вагона и с грохотом захлопнул за собой дверь. Стук колес усиливался, напрягая в свежей памяти Алика последние мгновения расставания с дедом Борисом, который так чудесно вдруг появился в пацанской его жизни и так же вдруг таинственно исчез.

АЛТАЙ. ЭВАКУАЦИЯ

До Бийска маленькую Таню довели полуживой. Как ни странно, но встречавшие семью Алика по поручению его деда сотрудники местной администрации уже были в курсе ее заболевания. Врач ждал их тут же на вокзале. Здесь же и произвели первый медицинский осмотр заболевшей в Москве девочки.

Врач вынес Таню, туго завернутую в одеяло, на руках и передал севшей спереди матери. Сам Алик и баба Лиза разместились в “эмке” сзади, завалив себя поклажей. Таня не переставала плакать. Она даже не плакала, а как-то по-щенячьи скулила, обессилив от дороги и болезни.

Легковушка ехала по заснеженной, обожженной солнцем дороге. На мосту через Бию навстречу ей шла колонна военных грузовиков. Ручьи сибирского ополчения сливались в мощный поток русской армии. Она стягивалась в Бийск, Барнаул, во все города бескрайней матушки Сибири, чтобы добраться до Москвы и всей своей мощью остановить натиск германцев.

Алик смотрел на это нескончаемое движение техники, людей, на этот стальной порыв разозленной врагом огромной страны, решившей во что бы то ни стало отстоять свою столицу. Там, в его родной Москве, остался дед Борис, и Алик дышал на запотевшее стекло “эмки”, не переставая думать о нем: “Почему он не поехал с нами? Почему вышел из вагона, как только увидел армейский патруль? От кого дед скрывается и есть ли ему чего опасаться?”

Наконец, машина остановилась у большого двухэтажного бревенчатого дома, стоящего на окраине заснеженного степного поселка.

— Приехали. Здесь будете жить. Где здесь что, позже расскажу, — сказал сопровождающий, — подождите пока в машине, я скажу, чтоб вас встретили.

Затихшая было Таня проснулась и снова жалобно застонала. Парадная распахнулась, и в проеме показалась закутанная в шаль невысокая женщина. Она подбежала к машине и открыла переднюю пассажирскую дверь, помогая Наталье Борисовне выбраться с ребенком на руках. Укрываясь от ветра, они вместе вбежали в дом. За ними, прихватив какой-то узел, последовала баба Лиза.

Алик с сопровождающим выгрузил вещи из машины и перетаскал их в несколько ходок на второй этаж — в большую комнату коммуналки с натянутой посреди нее занавеской. Женщина в шали откуда-то принесла раскладушку и поставила ее у топчана.

— Вот, здесь будешь спать. Как звать-то?

— Олег. Скажите, а школа здесь есть?

— В Усть-Катуні нет, но в январе откроются классы в Лесном. Там, говорят, учителя из эвакуированных выйдут преподавать. Так что мы всех детишек — своих и приезжих — там собираем. Только туда ходить придется. Отсюда — несколько верст. Да ты справишься! Меня зовут тётя Сима, а для взрослых я — Серафима Михайловна. Будем знакомы, да, Олег?

— Да, Серафима Михайловна!

— Иди воды принеси. Твоя сестра плохая совсем. Еле довели. Сейчас будем выхаживать. Фельдшер скоро придет.

— А вы моего деда Бориса знаете?

— Нет, не знаю, но нам из Бийска звонили, просили помочь вам, принять. Видать, ты, Олег, важная птица? Просто так ведь звонить не будут.

— Это, наверное, потому, что отец в Ленинграде на крейсере служит.

— Да сейчас вся страна, поди, на крейсере служит. У меня вон и муж, и сын на фронте. Дай Бог, пронесет.

Женщина погладила Алика по голове, резко отвернулась и сразу переключилась на разговор с Натальей Борисовной, которая ворковала у топчана с маленькой дочкой.

В коридоре Алик чуть ли не столкнулся с вызванным фельдшером. Как и подобает человеку его профессии, он был одет в белый халат поверх темного пальто, в шляпе-пирожке и с очками, неведомым образом державшимися на самом кончике носа.

— Так, здарсьте, кто тут у нас разболелся? Ах, вот она, эта девочка!

Фельдшер выглянул в коридор и, увидев застывшего Алика, спросил уже совершенно иным, смертельно уставшим голосом:

— Где тут у вас можно помыть руки?

— Там, на кухне. Я мигом!

Алик вбежал на кухню, схватил самое чистое ведро, явно предназначавшееся для питьевой воды, и, пронесшись по коридору и лестнице, выбежал на улицу.

— Где здесь можно воды набрать? — спросил он у случайного прохожего.

— В поле. Вон снега набери.

— Колонка справа за углом! — услышал Алик из подъезда голос тёти Симы.

— Вот, мамаша, таблетки я вам выпишу, но за ними надо в город ехать. Так, полагаю, лечение должно быть консервативное. Мед наш алтайский помогает. Он на горных травах. Молоко найдёте, с медом его давайте, но раздельно. Что еще? Горчичники. Я вам дам на первое время. Знаете, как их применять? Хорошо. Буду к вам заходить. Выздоровливайте! Серафима подскажет вам, где получить продовольственные карточки, но паяк там скудный. Если есть возможность, устройтесь на работу, пока не поздно. Здесь приезжих день ото дня всё больше. А хорошей работы, для женщин сносной, всё меньше. Мать у вас вон крепкая, кстати, как вас зовут?

— Наталья.

— У меня брат работает на Бийской махорочной фабрике. Табак солдату известно как нужен. Если нет аллергии на махорку, идите лучше туда. На оборонных заводах труд тяжкий. Если хотите, я с братом поговорю. Вам, женщины, средства нужны, иначе вы детей не поднимете. Вон, парень у вас растёт, ему сейчас витамины есть надо. Лицо у него запаршивило. Чтоб кожа на лице потом рябой не стала, ему овощей надо побольше. Слышите? Ну а девочка... Слабенькая она. Будем надеяться.

Фельдшер встал, упаковал свой саквояжик и направился к выходу.

— Ой, мам, сердце у меня за Танечку болит. Чует недоброе оно. Не может нам мед-то.

— Подожди. Не плачь, дочка. Я сейчас с Серафимой Михайловной поговорю.

Баба Лиза нашла тётю Симу говорящей на кухне с соседкой. Женщины познакомились и о чем-то вполголоса поговорили.

— Наташа, соседка наша говорит, что здесь в поселке знахарка живет. С репутацией. Говорит, и не таких, мол, выхаживала.

— Мама, это не поможет...

— Послушай, хуже не будет. Я знаю, как ты к этому всему относишься, но надо испытать. Я сейчас схожу к ней, обо всем договорюсь.

Баба Лиза, даже не пытаясь выслушать возражения дочери, выскочила из комнаты и в сопровождении еще не знакомой Алику женщины-соседки вышла на улицу.

Через час они вернулись втроём. Соседка осталась ждать решения в коридоре, а знахарка — полная женщина лет 50 с грубым крестьянским лицом — уверенно разделась, скинула валенки, ни с кем не здороваясь, подошла к столу, разложила на нем церковные свечи и какие-то пакетики с пахучими порошками. Потом подошла к топчану, беспардонно, но не грубо, по-семейному, отодвинула от больной девочки Наталью Борисовну и стала осматривать лицо, волосы, а затем и тело горящей от высокой температуры Танечки.

— А ты — выйди вон. За дверью подождешь. И ты ступай, — сказала она властно бабе Лизе. — Пусть одна только мать останется! Слышь, парень, набери таз горячей воды и занеси сюда. Давай мигом!

Бабушка покорно поплелась на кухню. Там о чем-то шептались тётя Сима и соседка, которую звали Мариной. Эта Марина оказалась молодой девушкой лет 24–25, муж которой, как стало ясно из их разговора, всего пару дней как добровольцем ушел на фронт. Баба Лиза присела на табурет и присоединилась к женскому разговору.

Алик взял в коридоре облупленный медный таз, слил в него воды из стоявшего у плиты ведра и чиркнул спичками. Вода нагревалась медленно. Подросток то и дело совал палец в жидкость, торопя температуру, но таз набирал тепло нехотя. Под приглушенное женское воркование Алик сел на корточки и, прижавшись спиной к теплой чугунной батарее, сомкнул веки.

Из коридора и их комнаты не доносилось ни звука. Женщины на кухне иногда замолкали, прерывая свой разговор и вслушиваясь в тишину дома.

Наконец вода закишела. Алик, обмотав руки тряпками, понес таз в комнату:

— Я воды принес! Мам, открой дверь!

— Что ты орешь! Девка только заснула! — шикнула на него знахарка. — Ставь здесь и принеси простой воды, я сама разбавлю как надо. Живо давай!

Алик принес ведро. Знахарка перехватила его прямо в коридоре, строго посмотрела на мальчика и захлопнула перед ним дверь. В комнате жалобно заплакала маленькая Таня. Алик вернулся к женщинам на кухне, с минуты без дела потерялся среди них, вышел в коридор, набросил пальто и выбежал на улицу.

Сухой ледяной ветер обжигал щеки. Алик обошел дом, то и дело проваливаясь валенками в сугробы. Вдруг дверь подъезда распахнулась, и на пороге показалась Наталья Борисовна. Ее волосы были растрепаны, платок съехал на плечи. В руках она держала медный таз. Стараясь не расплескать содержимое, она быстрыми семенящими шажками побежала к перекрестку. Алик заметил, как мама выплеснула воду на дорогу, бросила таз на снег, перекрестилась и повернула к дому.

— Мам, ты таз забыла!

В ответ на крик сына Наталья Борисовна лишь слегка махнула рукой и, даже не взглянув на подростка, вбежала в подъезд.

— Мам, — Алик с досады пнул кусок льда и, думая, чем бы заполнить время ожидания, решил еще раз обойти дом, а может, заодно еще и соседский дом посмотреть. Туман уже не был таким плотным, и поселок постепенно приобретал свои очертания.

— Алик, срочно сюда! Маме плохо! — Алик рванул на бабушкин крик в подъезд, влетел в комнату и увидел Наталью Борисовну лежавшей на полу. Женщины сгрудились над ней, баба Лиза громко причитала. Мальчик заметил, что мама пытается открыть глаза, но не может — глазные яблоки будто бы повывлезали наружу, по вискам сочилась кровь.

— Я ж тебе говорила, мать! Выплесни воду влево, перекрестись, но не смотри в ту сторону! А ты, небось, смотрела! — знахарка наклонилась над лицом матери и с укоризной продолжала:

— Ты не только взглянула туда, но ты и веру мою, слова мои близко не приняла. Ты думаешь, я шучу с вами? Да? Думаешь, просто так говорю, просто так хлопочу?

Знахарка обернулась и строго посмотрела на перепутанных женщин:

— А ну-ка вон из комнаты!

В голосе ее чувствовалась такая сила, такая агрессия, что даже баба Лиза, решившая было перейти в контратаку, тут же подчинилась приказу. На Алика знахарка внимания не обращала. Женщина обошла дрожавшую на полу Наталью Борисовну, села на колени и положила свои сухие ладони на ее больные окровавленные глаза:

— Зайдет месяц, зайдет солнце, выйдет утро из оконца! Наташа, лежи. Молчи. Пройдут твои глазки, и девочка твоя поправится, и войну переживете, и долго жить будете. Но если я что говорю тебе, так ты слушай!

Тем временем Наталья Борисовна, видимо, почувствовала некоторое облегчение. Она чуть заметно кивнула. Знахарка сняла ладони с ее глаз. Они еще оставались красными и припухшими, но на них не было ни крови, ни той страшной опухоли, что так всполошила весь дом.

Кряхтя, знахарка поднялась с колен, затушила свечи и, собрав пакетики со стола, вышла в коридор. Алик бросился к маме. Он обнимал ее, целовал. Слезы лились рекой — и это к великому стыду мальчишки, желавшего, чтобы в семье к нему относились как к мужчине.

Наталья Борисовна прижала Алику к груди и тихо попросила:

— Как там Танечка, посмотри! У меня пока туман перед глазами.

— Мам, она спит. Сейчас лоб потрогаю... Жара нет. Тихо спит, дышит.

— Ну, дай-то Бог. Буду Господа просить о милости и снисхождении. Деточки мои, живите долго!

Алик снова прижался к маме. Она целовала ему голову, порывами крепко-крепко сжимая его в объятиях...

* * *

...Олег Константинович открыл глаза. Госпиталь спал.

“Где я? А... В больнице. Боже, как мне не по себе. Эти воспоминания... Как будто провалился куда... Вырубился. Сколько сейчас времени? Что сейчас? Утро следующего дня? Или я проспал того больше? Где Тома?”

— Тома! — генералу показалось, что его крик услышат даже дежурившие по этажу медсестры, но крика на самом деле не было. Слипшиеся губы еле шевелились, издавая лишь невнятный шепот.

Голова неистово кружилась. Туман вновь опустился на глаза, и генерал под его тяжестью сомкнул веки и снова упал в свое прошлое...

* * *

...Алику казалось, что он всё рассчитал верно. Припасов должно было хватить дня на три, водой всегда можно разжиться по дороге, ну а добравшись до Смоленска подросток решил на попутке.

Решение сбежать на фронт пришло к нему еще во время, казалось, вечной эвакуации на Алтае. Алик рвался бить фрицев. Он физически ненавидел врага, день ото дня, слушая установленную на кухне радиоточку, мечтал стать красноармейцем.

Алику казалось, что он хорошо себе представляет обстановку на фронте. Соседка Марина довольно часто получала письма от своего мужа, и всякий раз, раскрыв солдатский “треугольник”, зачитывала его содержание женщинам. По такому важному случаю они мигом собирались за крепким чаем на кухне.

В своих нехитрых письмах Маринин муж рассказывал о боях и быте войны. Повествование его было лаконичным и иногда прерывалось чувственными пассажами, обращенными к молодой и недолюбленной жене. В этих местах Марина останавливала чтение вслух. Женщины, чувствуя момент, вставляли со своих мест и рассказывали по кухне и коридору кто куда, дожидаясь, пока полные слез глаза Марины перечитают по несколько раз мужнины откровения. Всхлипывания солдатки скоро совсем затихали, Марина вновь звала соседок к себе, и они в мгновение, как стайка потревоженных птиц, вновь слетались к насиженным табуреткам и кружкам с еще не остывшим чаем. Сложив письмо в “солдатский треугольник”, Марина шумно вздыхала и вопросительно смотрела на бабу Лизу.

— Вот война закончится, вернется твой гусар, и наделаете с ним детей целый лицей!

Баба Лиза охотно поддерживала девушку, тоскующую по мужу, и будто бы читала ее мысли. Алику же в этих письмах больше всего интересовали подробности войны. Мама от отца, оставшегося в Кронштадте до окончательного снятия блокады Ленинграда, письма получала крайне редко, а те, что всё-таки доходили, читала быстро, одним глотком, потом спешно прятала в пачку, перевязывая ее тугой бечевкой. Соседки сперва удивлялись такой скрытности Натальи Борисовны, но вопросы задавать стеснялись.

Алик просто мечтал сбежать на фронт. По ночам, уткнувшись в подушку, он представлял, как поднимается в атаку, как в рукопашном бою сбивает с ног и опрокидывает фашиста, добывая поверженного врага прикладом и штыком. Как на танке врывается в освобожденный город, и рядом с ним

на броне сидит здоровенный сибирский парень — муж Марины, который тут же — в разгар боя — пишет своей молодой жене весточку с войны.

Алик хотел непременно попасть в Смоленск. Дед Борис не раз рассказывал, что для семьи этот город — родной. Что когда-то, до революции, там у них было свое имение, а прапрадед Алика — Николай Сорокин — был на Смоленщине самым что ни на есть первым богачом — купцом первой гильдии, да и потомственным почетным гражданином Российской империи (состоявшим, между прочим, в родстве с великим композитором Михаилом Ивановичем Глинкой, чем родители Алика всегда очень гордились).

Сколько раз Смоленск, как часовой на западных русских воротах, останавливал у своих древних стен агрессивных западных “цивилизаторов”, сколько раз своей героической обороной связывал их дальнейшее продвижение в глубь страны! Теперь же Красной Армии надлежало выбить врага, засевшего за его укреплениями, и погнать немца дальше за Днепр.

Алик мечтал участвовать в этой битве. Ничего не говоря ни маме, ни бабушке Лизе, 14-летний парень просто сбежал из дома, прихватив с собой немного съестного в дорогу. Остановив попутку, он ехал во фронтовой Смоленск, стараясь успеть к развязке.

Вся дорога с обеих сторон была завалена побитой бронетехникой, в основном немецкой. Поначалу Алик рассматривал искореженные немецкие танки и остовы сгоревших грузовиков с нескрываемым мальчишеским интересом, но спустя некоторое время эта гора крупновского металлолома притупила взгляд и уже не вызывала удивление, став чем-то обыденным, чуть ли не частью августовского пейзажа.

Вскоре движение автоколонн замедлилось. К Смоленску стягивались наши танки и артиллерия, машины с невоенным грузом были вынуждены пропускать их вперед. Волнение Алика заметно усилилось, уже была слышна канонада, бои шли у стен города, но успеет ли он добраться до воинской части, чтоб примкнуть к наступающим силам и на первом танке ворваться в Смоленск?

В грохочущей мимо танковой колонне показался американский грузовик с крытым прицепом с гербом ВМФ на борту. На минуту колонна остановилась, девушка-регулировщик подбежала к кабине “студебеккера”, сжав флажки в правой руке, левой стала что-то показывать, видимо, дорогу в объезд. Алик воспользовался коротким замешательством, выпрыгнул из своего грузовичка, подлетел к “американцу” и, просунув в щель брезента рюкзак, перевалялся через борт и оказался внутри накуренного кузова. Несколько краснофлотцев уставились на невесть откуда свалившегося парня.

— Здравсьте, товарищи моряки! — бодро поприветствовал Алик хозяев фургона. Его глаза постепенно привыкали к темноте. Алик невозмутимо положил рюкзак меж двух матросов, сел на него, поджав ноги, и стал внимательно рассматривать компанию, в которую он так вероломно ввалился. Он понимал, что дай он сейчас слабину — и его тут же высадят за борт. Поэтому и старался вести себя нарочито по-свойски. Ему нужно было позарез попасть в Смоленск на войну, и “студебеккер” с эмблемой ВМФ был тем самым шансом осуществить эту мечту.

— Ты кто, парень? — молодой щуплый на вид офицер протер очки, чтобы получше рассмотреть нежданного гостя.

— Я Олег. Еду на фронт бить фашистов. Товарищи краснофлотцы, возьмите меня с собой!

— Боцман, тебе нужен такой бойкий помощник?

— Пригодится, товарищ капитан!

— Тогда оформите на довольствие. Повезло тебе, парень, нам сейчас лишние руки нужны. У тебя родители есть?

— Отец в Ленинграде на линкоре “Марат” служит, мама в Москве с сестрой осталась. Но она не против!

— Ладно. Боцман, разгрузка у крепости, я на карте тебе показывал. Проверьте оборудование и немедленно размещайтесь. В 19.00 у меня в штабе совещание. Доложите мне обстановку к 18.30. Всё, товарищи, до вечера! — капитан распахнул брезент и исчез в солнечном проёме. Через мгновение “студебеккер” дернулся вперед.

— А кто этот офицер?

— Капитан Лейбович, салага! Наш командир. На, поешь! — боцман вскрыв ножом банку тушенки и протянул ее Алику.

— Жуй и запоминай. С сегодняшнего дня ты, считай, зачислен юнгой 9-го Экспедиционного аварийно-спасательного отряда. Наша боевая задача — силами отряда обеспечить форсирование реки Днепр наступающими на город Смоленск войсками. Усёк?

— Так точно! Усёк!

Матросы-водолазы дружно заржали...

...К обеду все одиннадцать автомобилей 9-го ЭПРОН-отряда, бойцом которого так неожиданно для себя стал Алик, пробившись по отчаянному бездорожью, забитому танками, артиллерийскими орудиями, обозами и санитарными транспортом, прибыли в район боевого предназначения. Развернувшись под крутым берегом, краснофлотцы немедленно приступили к подготовке переправы войск.

Немцы бомбили нещадно. “Юнкерсы” с пронзительным свистом пикировали на работавших в воде матросов аварийно-спасательного отряда, пытавшихся восстановить понтонный мост. Все остальные каменные мосты через Днепр были взорваны под носом у гитлеровцев комендантом оборонявшего Смоленск гарнизона еще в июле 41-го. Немцы за два года оккупации города так и не смогли восстановить ни один из мостов и пользовались временной переправой.

Алик подсел к водолазам, помогая им распаковать оборудование. Вой самолетных двигателей заставлял его то и дело поднимать голову и наблюдать за непрекращающимся воздушным боем. “Мессеры” прикрывали свои бомбардировщики от наседавших советских истребителей. “МиГи”, “Яки” и “ла-вочкины” рассеивали волну за волной подлетающих асов люфтваффе, не давая им сбросить смертоносный груз на понтонщиков и переправляемую на плотках нашу боевую технику.

Алик видел, как один из советских истребителей буквально прошил пулеметной очередью брюхо “юнкерса”, и “бубновый”, вспыхнув и свалившись в короткий штопор, рухнул на городские руины. В восторге юнга вскочил и закричал “Ура!”, но крика своего не услышал. Пара бомб легла так близко к берегу, что горячая волна от взрывов, будто порыв сильного южного ветра, толкнула Алика в спину. Не удержав равновесия, юнга упал на колени, тут же вскочил, отряхнулся и взглянул на невозмутимо собирающих оборудование краснофлотцев.

Нет, конфуз Алика они не видели, слишком были поглощены своей работой. Юнге оттого стало даже как-то весело. И тут он вдруг почувствовал небывалый душевный подъем. Ведь это он, Алик, сейчас на передовой, ведь это он ведет свой бой, мстя фашистам здесь — в Смоленске — за своих старших, не вернувшихся с войны товарищей по двору на Смоленской площади...

После освобождения Смоленска 9-й Экспедиционный подводный отряд особого назначения совместно с саперами восстанавливал разрушенные мосты, переправы, расчищал завалы. Огромные массы войск находились в движении, пополняли запасы, эвакуировали раненых, вводили в действие резервы. Отряд под руководством капитана Элиазара Лейбовича обязан был обеспечить перемещение этих огромных масс людей, грузов и техники через Днепр.

Немецкая авиация была еще достаточно сильна и систематически разрушала мосты и переправы. Снова и снова уходили под воду водолазы, поднимали технику, расчищали фарватеры, искали и уничтожали мины и фугасы, закладывали под опоры железобетонные блоки, искали и поднимали оружие.

За время своей трехмесячной службы Алик заработал в отряде непререкаемый авторитет. Парень оказался смелым, храбрым и исполнительным юнгой. Он был готов четко выполнить любой боевой приказ, но и не чурался тяжелой и грязной работы, которой на войне всегда хватает. Фронт уходил все дальше на запад. Положение вокруг Смоленска стабилизировалось, и ЭПРОН-отряд готовился к переброске на Западную Двину в район города Велиж.

— Салага, тебя командир зовет! — окрик боцмана оторвал Алика от увлекательного занятия. Водолазы, осматривавшие основания взорванного при наступлении немцев виадука, подняли со дна маузер, потерянный, судя по всему, еще в Гражданскую. Юнга старательно оттирал легендарный пистолет от ржавчины, пытаясь установить его серийный номер. Перемотав маузер ветошью и аккуратно отложив находку в сторону, Алик выбрался из блиндажа и направился к каменному гроту в крепостной стене, где размещался штаб отряда во главе с капитаном Лейбовичем.

— Юнга, доставишь этот пакет в штаб Днепровской флотилии. Вручишь дежурному офицеру. Представишься по форме. Запишешь звание и имя того, кому пакет передашь. Понял?

— Так точно, товарищ капитан!

— Да, и сразу возвращайся. Завтра в 7 утра сворачиваемся.

— Есть! — Алик схватил письмо, вылез из командирского грота, развернул подрезанную ему под рост солдатскую плащ-накидку и быстрым шагом направился в центр разрушенного города.

Штаб флотилии размещался в чудом уцелевшем здании бывшей городской гимназии. Алик хорошо знал к нему дорогу, не раз доставлял туда донесения своего командира. После отступления немцев в город стали возвращаться его мирные жители, точнее, не в город, а в то, что от него осталось. Города не было.

Алик пересек территорию Успенского собора, миновал несколько засыпанных битым кирпичом переулков и подошел к зданию штаба. Привычная вывеска на дверях куда-то исчезла. Юнга дернул ручку на себя, но дверь оказалась заперта. Странно.

Алик обошел здание со двора. Двери черного хода были распахнуты. Во дворе напротив подъезда стояло несколько крытых грузовиков с красным крестом на брезенте. У самого входа расположилась группа пожилых солдат-санитаров. Они курили и вполголоса о чем-то беседовали.

Поздоровавшись, Алик на мгновение замешкался, решив спросить санитаров, куда съехал штаб флотилии, потом решил этого не делать, и вошел в подъезд. Где-то в самом конце темного коридора были слышны голоса. Юнга направился в их сторону.

С правой стороны показался проём в стене, задернутый белыми простынями. Алик отдернул одну из них и чуть не потерял сознание от удручающего сладковатого трупного запаха. Большой зал был завален телами умерших от ран красноармейцев, видимо, не перенесших тяжелый путь с фронта в смоленский госпиталь.

В глазах помутилось, горячая горькая рвота подошла к горлу. Закрыв рот рукой, Алик побежал по коридору. Добежав до противоположного конца, он уткнулся в какие-то разобранные металлические кровати, бросился на пол, прижался к лежащей на боку “буржуйке” и горько-горько заплакал.

Смерть! Какая ты страшная! Война, будь ты трижды проклята! Алик рыдал, стесняясь самого себя, но не в силах совладать с порывом своей мальчишеской души. Ему было жалко этих молодых солдат, жалко всех, кто страдал от этой грубой, безжалостной войны. Он вспомнил, как на третий день своей службы в Смоленске в городских завалах нашел убитую молодую женщину с мертвым ребенком, зажатым в окоченевших руках. Тогда он не успел испугаться, шел бой, но сейчас...

Постепенно он пришел в себя. Встал, подобрал с пола плащ-накидку и вышел из здания. Один из санитаров объяснил ему, что сюда эвакуирован госпиталь, а штаб флотилии переехал на базу-пароход, где также будет размещен и речной госпиталь, и, мол, еще вчера вечером матросы выносили и увозили на грузовиках какие-то столы и ящики с бумагами.

Алик поблагодарил информированного солдата и направился к базе бронекатеров, где, как он предполагал, и может стоять штабной пароход. Его все еще тошнило. Ужасно хотелось пить. Юнга спустился к берегу Днепра. Да, он прав. Нос базы-парохода торчал метрах в трехстах ниже по течению реки, там, где ее русло делало поворот. Пить! Алик сапогами зашел в воду, отстегнул флягу и наполнил ее днепровской водой. Ему так хотелось пить,

что, забыв многочисленные предупреждения сослуживцев, он жадными глотками выпил сразу полфляги. Вода пахла дизельным топливом и еще чем-то химическим, что подросток разобрать не смог. Утолив жажду, Алик напился с пакетом в штаб.

Тем же вечером его, скрюченного от боли, с признаками тяжелой дизентерии, первой же машиной срочно отправили в московскую инфекционную больницу. Алик дорогу домой не помнил, всё время был в полузабытьи, но понял сразу, что эта фляжка с днепровской водой закончила войну для юнги 9-го ЭПРОН-отряда Днепровской флотилии.

— Алик! Алик! Ты слышишь меня? Олечка, ты спишь? Воды дать? — мать склонилась над отцом, пытается понять, дышит он или нет.

Олег Константинович слышал ее голос так, будто бы она звала его по телефону. Он чувствовал теплое дыхание жены, оставшейся с ним до самого последнего момента его жизни.

“Тома, Тома, сколько ж прожили мы с тобой на этой земле? Детей родили, подняли их на ноги. Внуки, правнуки теперь. Как же ты одна без меня будешь? А как я? Куда уйду? Вон иконку на тумбу поставили. Есть ли Бог на свете? Не знаю. Всю жизнь был уверен, что Бога нет, а сейчас не знаю. Есть, наверное. Должен быть. Всё равно умирать не хочу. Надо держаться, держаться! Сил только нет держаться. Глаза открыть целая проблема — веки пудовые. И видения, эти воспоминания... Как в кино, только кино про меня, про жизнь мою. И смотрю это кино только я. Зачем? Может, затем, чтоб оценить, всё ли было в ней правильно, честно? Чтобы долги последние отдать? Может быть... Как тогда Черкасов в фильме сказал: “Всё остается людям”. Всё ли? Вот то, что знаю я, то, что не успел другим передать, на бумагу положить, это кому остается? Это всё во мне, это я, и завтра меня не будет. Моего мира — не будет. Ну разве это справедливо? Молодым был — смерти не боялся, верил, что вывернусь. И тогда в 43-м на фронте, и на Алтае, когда степных волков горящим стогом сена отпугивал, и в Оренбурге, в училище, когда штурмовик на брюхо сажал, и в Афганистане, когда наш самолет при посадке душманы обстреливали. Не боялся я тогда, а вот сейчас умирать страшно. Потому что шанса выжить нет. Обреченность — страшная штука. Обреченный — уже мертв. Сколько раз по службе приходилось выезжать на места авиакатастроф и всякий раз убеждаться, что выживал только тот, кто, несмотря на верную смерть, не верил ей, барахтался до конца. Вон Володя Рябий — ведь жив остался, хотя по всем правилам погибнуть был должен. В каком году это было-то? 73-м, кажется...”

* * *

Жара на летном поле была невыносимой. Ахтубинск утопал в ней в течение всего лета. В военном городке на краю аэродрома еще можно было жить. Фруктовые сады затеняли окна, дарили людям и домашним животным долгожданную прохладу. Семьи летчиков старались не выбираться из своих жилищ, и только с наступлением поздней августовской темноты испытатели выползали во двор постучать под тусклый свет уличного фонаря в домино.

Поселившиеся у самых стен военного городка студенты-стройотрядовцы после работы спасались в прудах и на речке. Утром за ними приезжали грузовики, и заспанная взъерошенная молодежь неохотно собирала себя и лопаты. Студенты зачем-то всё время возили лопаты с собой, постоянно их теряли и, глухо поругиваясь по этому поводу, уезжали на строительство новой школы на окраине Ахтубинска. Зато по вечерам было слышно, как у костра в центре их палаточного городка бренчит гитара и не очень стройные, но громкие голоса москвичей выводят рулады, то и дело прерываясь спорами по поводу вечно забываемых текстов песен.

— К самолету даже страшно прикоснуться, товарищ генерал. Нагрелся так, что яичницу на крыльях можно жарить!

— Могу себе представить! Вот видишь, Владимир Кириллович, в чем преимущество деревянных фюзеляжей аэропланов. Они так не нагревались. Потому царским летчикам приходилось обедать в дорожных ресторанах.

Заслуженный летчик-испытатель СССР Владимир Рябий оценил шутку главного военного заказчика ВВС и широко улыбнулся. Полковник в своем летном скафандре и горящем на солнце шлеме казался инопланетянином. Можно себе только представить, как ему было жарко идти в своем облачении по раскаленному бетону, преодолевая пару сотен метров от командного пункта до красавца-самолета, чей силуэт из-за стоявшего над полем пекла буквально плыл и растекался перед глазами.

В сопровождении генерала и группы старших офицеров-военпредов полковник Рябий подошел к авиатехникам, закончившим последние приготовления МиГ-21 бис к первому испытательному полету.

— Ну, давай, Володя! Ни пуха ни пера!

— К чёрту, Олег Константинович! — Испытатель, поднявшись по металлической лесенке, забрался в кабину, пристегнул ремни и с помощью техника задвинул фонарь. Генерал и офицеры сели в подъехавший автобус и направились на КП. Истребитель, покорно подчиняясь опытному летчику, включил свой двигатель и начал рулёжку на взлетно-посадочную полосу.

Разрешение на взлет получено, и вот новый “МиГ” врубает тягу. Истребитель срывается с места и вдавливают летчика в кресло. Короткий разбег, и невидимые пружинистые ноги устремляют боевую машину в небо. Еще пара секунд и вдруг... глухой удар. Турбина двигателя захлебнулась крупной птицей и заглохла. Самолет еще пролетел по инерции несколько десятков метров, завис и плашмя стал падать на военный городок.

“Катапультироваться! Еще можно успеть! Высота метров восемьдесят, парашют сможет раскрыться. Куда ж я прыгать буду? Машина падает на дома. Отвернуть! Уйти в сторону! — мысль испытателя шла мозг. — Надо нос машины опустить, в рулях тяги нет, надо скорость хоть какую набрать!”

Летчик мгновенно принимает единственно верное решение. Полковник отжимает ручку управления камнем падающего самолета. Погибающая машина повинуется пилоту и начинает скольжение вниз.

Еще, еще! Ну же! Пора! — Рябий резко берет ручкой вправо и выпрямляет траекторию падения истребителя. Военный городок и лагерь стройотрядовцев остаются позади. Впереди — сухая степь, земля — пыль да камень. Летчик дергает ручку катапульты...

На что он надеялся? Нет, он знал, конечно, что на такой высоте его парашют уже не раскроется. Но он боролся, он цеплялся за жизнь. Он спас многих и теперь пытался спасти себя.

...На секунду от мощной перегрузки пилот теряет сознание. Катапульты, выбив фонарь, выносят кресло с намертво привязанным к нему летчиком вон из самолета.

Земля! Летит навстречу мне!

Парашют беспомощной тряпкой свистит сзади. Всё ближе, ближе земля!

Рябий закрыл глаза. Он понял, что он их больше никогда не откроет.

Всё!

То, что произошло через мгновение, все испытатели сочли настоящим чудом. В тот самый момент, когда твердая как асфальт степь должна была размазать летящее к ней тело пилота и разорвать на части его кресло, взорвался упавший на землю подбитый птицей истребитель, и взрывная волна подбросила кресло летчика, будто подложив под него воздушную подушку. Удар о землю был жестким, хотя кресло пилота и взяло на себя основную его тяжесть. Прокопав в степи пятиметровую траншею глубиной в полметра, оно наконец остановилось.

Какое время он был без сознания? Полковник не мог это вспомнить. Минута, а может, и полчаса? Скорее всего, минута. Открыв глаза и представляя, что он уже на том свете, пилот бесстрастно наблюдал за пожаром на месте упавшего самолета. И лишь когда вспыхнул шелк его парашюта, летчик инстинктивно дернулся в сторону и... почувствовал боль, острую боль в позвоночнике.

Боль! Так что же? Значит, я жив!

Отстегнувшись от кресла, полковник, преодолевая боль, отполз на безопасное расстояние от растекающегося по сухой степи пламени и, обнаружив какую-то канавку, сполз в нее и затих, вновь потеряв сознание.

В этой канавке пилота почти случайно и нашли, глазам своим не веря, что жив остался. Его, собственно говоря, никто и не искал, поскольку выжить в такой ситуации было просто невозможно.

Когда его на носилках внесли в спасательный вертолет, генерал сказал, что полетит до госпиталя вместе с раненым летчиком. Они так и летели вместе. Олег Константинович держал руку пилота в своей руке и что-то говорил, подбадривал, улыбаясь. Хотя, что говорил, слышно не было. Шумно было. Но полковнику Рябию казалось, что они с генералом друг друга прекрасно понимают.

ПРУССИЯ

Судьба — вещь забавная и шутница отменная. Когда в мае 2002 года, за два месяца до назначения меня в Калининградскую область, я впервые прилетел в этот российский анклав на Балтике, то почувствовал себя как-то странно — будто бы бывал я здесь не раз. Всё вокруг казалось мне до боли знакомым и давно уже мною обжитым. Сосны на Куршской косе, тяжелый донный песок на отмели холодного моря, высокие юбочки облаков, изящно соединенных воздушным танцем Лебединого озера, — всё это моё, родное. Только чиновный народ какой-то ненастоящий, пришлый и особо эту землю не берегущий. А вот я чувствовал себя в Калининградской области в полной душевной гармонии. Мне здесь всё нравилось — даже тысячи пауков, облепивших окна и входную дверь коттеджа на Куршской косе, где нас расселили на время командировки. Дело в том, что зацвел залив от необычно теплой погоды, и всякие мелкие жучки-паучки на радостях приступили к тотальному размножению и колонизации прибрежных санаториев и пансионатов — несмотря на протесты моей жены и прочих туристов.

Говорят же, что существует такое понятие, как зов крови. Эта генетическая память пробивается сквозь поколения и века. Даже черепашки, рожденные в яйцах в песчаных дюнах, знают, что первым делом надо забежать в набегавшую волнами водичку. Там их среда обитания. Там их родной дом. Вот и я в Восточной Пруссии оказался вдруг дома. И вскоре я узнал почему.

В начале XIII века на исторических землях балтов и балтийских славян впервые появились немецкие крестоносцы. Католическую веру и папскую власть они насаждали в привычной для себя манере — огнем и мечом. Особую жестокость в отношении языческих племен проявил орден меченосцев. За тридцать лет своего самостоятельного существования и последующего слияния с тевтонами и ливонцами этот орден “прославился” физическим истреблением древнего балтийского племени пруссов — хозяев этой земли, давших ей свое имя.

Нашествия меченосцев, а затем и тевтонов на прусские земли сопровождались массовыми казнями язычников и сожжением их городов и деревень. Опустошенная земля заселялась немецкими крестьянами-колонистами, а чудом выжившему или, точнее, оставленному в живых прусскому населению запрещалось вступать в брак и заводить потомство.

Естественно, с такой “лучезарной верой” и такими “методами убеждения” соглашались далеко не все пруссы — многие из них бежали в соседнюю Литву и уже оттуда продолжали бороться с захватчиками. Те, кто решил остаться, то и дело поднимали восстания против крестоносцев, которые, как правило, жестоко подавлялись.

История моего рода связана именно с этими бурными временами — моментом первого столкновения европейского востока и запада. Фамилия Миткевич имеет прусские корни, а ее родоначальниками стали три прусских князя. Спасаясь от меченосцев, они привели свои семьи и дружины в Гродно — на территорию современной Белоруссии. Должно быть, они принимали дея-

тельное участие в формировании Великого княжества Литовского — объединения славяно-литовских племен, дожившего до XVIII века и в основном вошедшего в состав Российской империи. Так, мечтая об освобождении своей родной земли от жестоких захватчиков, они дали жизнь роду, в котором практически все без исключения были воинами, умом и мечом добывавшими честь себе и славу Родине. Гербом рода Миткевич-Жолток является так называемый герб “Калинова”, который в свою очередь происходит от герба “Прус”, — с изображением занесенной к небу рыцарской руки в доспехах с обнаженным клинком, напоминающим о кровавой сече с меченосцами.

Позже, в 1568 году, король Сигизмунд Старый за “боевые подвиги” пожалует боярину Даниле Миткевичу-Жолтку земли на краю польско-литовской Речи Посполитой — в Рогачевской волости (нынешний Рогачевский район Могилевской области Белоруссии). Оказавшись на рубежах Московского царства, представители нашего древнего дворянского рода пустили корни и в Смоленской губернии.

Кстати, о происхождении второй части фамилии нашего рода — Жолток — я узнал лишь тогда, когда восстановил все эпизоды знаменитой Грюнвальдской “битвы народов” 1410 года — сражения крестоносцев-тевтонов с объединенным польско-литовско-русским войском. Сражения, решившего судьбу Европы.

КАЗАКИ И ИХ ТАКТИКА

Из одноименной книги начальника штаба Терского казачьего войска генерал-майора Вячеслава Куприяновича Миткевича-Жолтка (“Казак и их тактика”, издательство “Нива”, 1893, № 18):

“С размножением казачества на новых местах и усилением их численности, казаки по своей воинственной, неусидчивой натуре начинают целый ряд набегов в соседние страны. На Востоке, преимущественно, в Азии, господствовал совершенно другой тип конницы — легкая, естественная конница. Всадники, не имея тяжелого предохранительного вооружения, сидели на быстрых и выносливых лошадях и были вооружены метательным оружием — луками и стрелами, а впоследствии ружьями и пистолетами.

При столкновениях рыцарской конницы с легкой восточной победой, большею частью, оставалась на стороне этой последней, употреблявшей против рыцарей особый способ действий, возникший в Средней Азии во времена Чингисхана.

Этот гениальный варвар охоту называл “школою войны” и проводил эту идею в жизнь с неуклонною энергией. Придавая охотам огромное воспитательное значение в деле подготовки войск к бою, Чингисхан постоянно практиковал свои войска в этом отношении, так что охоты в его армии имели значение современных маневров. Выходя на охоту, монголы окружали цепью всадников какого-либо крупного зверя, например медведя, и начинали пускать в него стрелы. Если зверь бросался против части всадников, они усакивали от него, а другие наседали, продолжая осыпать его стрелами. Когда зверь был достаточно замучен и изранен, монголы разом бросались на него с копьями, причем честь первого удара предоставлялась начальнику.

Эти охоты послужили зародышем особого способа военных действий, доставившего Чингисхану и его преемникам столько военных успехов и распространившегося по всему Востоку. Не будучи в состоянии противостоять плотному фронту тяжелой рыцарской кавалерии, восточная конница рассеивалась поодиночке, осыпая атакующих рыцарей массою стрел, и, пользуясь быстротой своих коней, она легко уклонялась от их ударов. Тяжелые рыцари на громадных конях скоро утомлялись в погоне за этим неуловимым врагом, окружавшим их со всех сторон, и сильно терпели от стрел. Когда рыцари были измучены, и многие лошади выведены из строя вследствие полученных ран, мусульмане вдруг устремлялись на врага и кончали с ним рукопашной схваткой. Кроме того, восточные народы прибегали на войне ко все-

возможного рода хитростям; они часто обращались в притворное бегство и устраивали засады.

Из этого мы видим, что монгольская конница в основу своих боевых успехов клала доведенную до высшей степени подвижность каждого всадника, подготовку атаки метательным оружием и различного рода маневры, с целью замучить и извести своего противника”.

ДЕНЬ ЖЕЛТКА

— Мой юный друг, сегодня главный день в твоей жизни! Запомни его. Все запомни: запахи, этот влажный ветер, голоса и хрип коней, запомни звон мечей и крики людей. Краски: белые плащи с черными крестами — это цвета твоего врага. Запомни их. Это твоя мишень, но и ты для них — мишень. Вспомни все, чему я тебя учил. Уклоняйся от лобовой атаки тевтонов. Твоя кольчуга не выдержит удара их копий и мечей. Будь умней своего врага, но и его цени высоко. Гордиться нужно победами над сильным врагом. Коварный враг всегда занижает свою мощь, хочет казаться слабее, чем есть на самом деле. В сегодняшней схватке победит тот, кто уважал своего врага и не стеснялся учиться у него. Запомни это. И последнее, что хочу тебе сказать: если ты попадешься крестоносцам, то знай: шанса выжить у тебя нет. Лучше достойно принять смерть на поле боя, чем стать посмешищем. Это самое страшное. Ты можешь быть звонким или тишайшим, лютым зверем или добрым самаритянином, но нельзя быть смешным. Тевтоны — враги твоего рода. Двести лет твои предки были вынуждены жить вдали от своей родины только потому, что меченосцы отобрали у тебя и твоих предков твою родину. Они отравили твоего отца. Но теперь тебе выпал шанс отомстить им! Готов ли ты к этому?

— Да, мой князь! — Степан Миткевич старался не выдавать наставнику своего волнения, но на сей раз ему это плохо удавалось. Казалось, он весь пылал. О, если б видел его отец, в какого красавца-витазя превратился его мальчик, как ладен он в седле боевого коня, как горят его глаза, распаленные страстью скорой сечи, как крепко сжимает рука топорище до звона заточенного клепца.

Великий князь Литовский внимательно смотрел на своего ученика. Этого молодого рыцаря, выросшего в родовом гродненском замке вместе с его единственной дочерью Софьей, Витовт любил как родного сына. И теперь он готовил его, наверное, к самому важному заданию, от выполнения которого зависел исход всей битвы с крестоносцами.

— Тевтоны своим высокомерием давно заслужили смерти, и сегодня она встретит их на этом поле. Но сначала дадим им хорошенько пожариться на июльском солнце. Они в тяжелых латах с утра стоят в боевых порядках, а мы в лесу. Выходить пока не будем. Смотри, как земля у кромки леса размокла от ночного ливня. Коннице будет сложно выбираться на холм. Под тевтонами земля сухая, но до них еще нужно добраться. Ты всё помнишь, о чем мы с тобой давеча говорили?

— Мой господин, всё помню. Вместе с татарами атакую первую линию тевтонов, разведая, где заготовили немцы свои “волчьи ямы”, вызывая контратаку арбалетчиков и отступая.

— Да, и не смей увлекаться боем! Немец — боец опытный. Находясь в ордене, я тактику тевтонов изучил довольно. Когда скажу, татарская конница по твоему сигналу ринется на первую линию, где у тевтонов в обозах спрятана артиллерия. Она окажется под градом ядер, но выживет, если только сможет быстро миновать линию огня. Смотри, вон там за палисадом они установили свои пушки. Скажу тебе, сын мой, я еще никогда не видел столько пушек на поле боя. Представь, как трудно и долго наша тяжелая конница будет преодолевать холм, взбираясь на возвышенность. Расчет крестоносцев прост — расстрелять большую часть конницы еще до того, как она вступит в бой. Если конница не выдержит, она развернется и сомнет свою вторую наступающую линию. В этой свалке свои потопчут своих. Но для того

я и позвал татар из Киева, чтобы они как ветер проскочили первую опасность.

— А хан знает, что наступать ему придется через “волчьи ямы” и пушки?

— Про пушки знает. А вот про “волчьи ямы”, заготовленные тевтонами для нас, татарам не говори. Не стоит их предупреждать. Пусть провалятся в них, да выбираются скорей. Им это несложно будет сделать — не то что закованному в латы рыцарю. Ты потому в атаке подотстань немного, скачи поодаль, да отмечай в голове, где основные опасности ждать нас будут. Про ядра не забывай, под обстрел не попади! Всё понял? И сними ты этот желтый плащ! В первой атаке он тебе ни к чему, слишком на татарском фоне выделяться будешь, глаза уж больно режет. Сверни. Как вернешься, разрешу надеть, а сейчас не смей! И вообще, зачем он тебе?

— Мой князь! — Молодой рыцарь буквально взлетел на коня и, встав во весь рост в стременах, распустил на левом плече узел от привязанного к спине тугого свертка. Это была рыцарская накидка. Ярко-желтый плащ из тяжелой ткани с вышитым на нем фамильным гербом рода Миткевичей упал с его плеч. — Я буду сражаться в этом желтом плаще, ибо нет у проклятых тевтонов права узурпировать панские знамена! Посмотри, князь, неужто не понятно, зачем крестоносцы привезли на поле столь много знамен и хоругвей? То есть знак благословения их войска Святым престолом! Под черно-желтым стягом собрали они своих братьев со всего западного мира и идут убивать нас, как и убивали наших отцов и дедов, будто мы идолопоклонники, а не верные христиане. Дозволь мне не снимать сию накидку в знак того, что Господь с нами, и вера христианская ведет нас на праведный бой за свою землю и честное имя!

— Прекрасные слова, мой юный друг! Пусть будет по-твоему. А сейчас скачи к татарскому хану. Скажи ему, чтоб был готов к атаке на фланг крестоносцев, как только солнце встанет в зените, но без моего сигнала чтоб ни одна конская голова из лесу не показывалась. Скачи! Господь с тобой, мой мальчик! — Витовт, довольно ухмыльнувшись, проводил глазами вмиг удалившегося молодого рыцаря. На минуту он застыл, погружившись в тревожные думы, но увидев выехавшего из леса в сопровождении оруженосцев внука Дмитрия Донского — молодого русского князя Юрия Мстиславского, повернул к нему своего коня. Вместе они направились к заброшенному амбару, видневшемуся у края опушки.

Перед амбарными воротами Ягайло, кузен и друг Витовта, в окружении свиты и духовенства посвящал воинов земских хоругвей в рыцари. Этот обряд посвящения польский король совершал перед каждым новым сражением, успокаивая свои нервы и вселяя бодрый дух в своих вассалов.

Братья молча обнялись. Они, конечно, понимали, что вторгшись в пределы Тевтонского ордена, союзное польско-литовско-русское войско бросило крестоносцам вызов. На кон было поставлено само существование их балтославянских государств.

Да, к войне Витовт и Ягайло готовились тщательно. Поляки собрали изрядное войско, серьезно подготовили обозы к походу в земли ордена. Их король привел с собой 20-тысячную армию, в основном конную. Поляки шли под хоругвями краковской шляхты, как самой многочисленной и настроенной на победу.

Витовт же собрал под своими хоругвями весь цвет своего великого княжества. В то время как под командованием коронного гетмана Польши стояли тысячи католиков, готовых умереть за свою землю, в литовском войске преобладали православные воины — смоленские русские полки, литвины, белорусы, пруссы, бежавшие от тевтонского истребления — всего около 12 тысяч богатырей. К тому же Витовту удалось заключить союз с Ордой, выставившей на поле брани около двух тысяч легких татарских конников под командованием старшего сына хана Тохтамыша. Пехота же в основном состояла из крепостных холопов-язычников. Эти землепашцы из Жемайтии, вооруженные кто кольями, кто дубинами, имели с тевтонами особые сче-ты — за разорение своей земли, за поругание святынь, за истерзанных

и угнанных в полон детей и женщин. Перед боем литовские пехотинцы решили твердо — крестоносцев в живых не оставлять, всех предать смерти. Не обладая имущественной самостоятельностью, холопы не могли брать выкуп за пленных крестоносцев. Потому их руки были совершенно развязаны и чесались от желания передуть ненавистных извергов.

Конечно, они не ведали, в битве какого исторического значения им суждено сразиться. Да и не было на свете такого воина, кто бы думал об истории и лаврах, взойдя на поле, где сойтись ему придется в смертельном поединке со страшным по силе врагом. Да, они были готовы умереть за Честь и Родину, но надеялись в этой сече выжить.

* * *

— Есть ли новости от великого князя? Чего мы ждем? Мои батыры рвутся в бой! — хан Джелал Ад-Дин, собравший свою конницу на крайнем правом фланге войск Великого княжества Литовского, щурил глаза на молодого Миткевича. Животное под юным витязем хрипело и рвалось вперед, будто заразившись от своего седока азартом предстоящей битвы. Степан потрепал коня за гриву и легко прыгнул на землю.

— Князь просил ждать. Князь знает крестоносцев. Среди них он провел столько лет, что всем нам стоит слушать не только его команды, но и советы! Скажи, хан, помнишь ли ты о нашем уговоре? Ты атакуешь первым. Твоя задача — проскочить линию огня и подавить пушкарей. На вторую линию тевтонов силы не трать, а вымани их лучше на встречный бой.

— Ты еще будешь учить моих славных воинов, как действовать в бою? — татарин расхохотался. Его почти женский смех вдруг сорвался на пронзительный визг. Сидевшие в седлах стражи-монголы дружно поддержали гоготом своего предводителя. — Передай великому князю, что Джелал Ад-Дин-хан сделает так, как мы с ним договорились. Я приведу крестоносцев под его копыта и пушки в обозе, а немецких пушкарей изрублю и в котле сварю, если хоть одно их ядро попадет в моих всадников. Но пусть и Витовт не забудет об обещании, данном хану Тохтамышу! Так и передай!

Миткевич взлетел на коня и, прищипнув его, помчался в расположение своей Гродненской хоругви. Завидев лихого земляка в ярко-желтом плаще, рыцари встретили его приветственными возгласами. В этот час последнего ожидания все были рады друг другу, ибо сейчас в рядах своих каждый был действительно свой.

* * *

— Смотри, брат, по-моему, у нас гости! — Витовт заставил польского короля обернуться. Два всадника, держа в руках тевтонский бело-желто-черный штандарт и папское бело-желтое знамя, отделились от первой линии крестоносцев и неспешной рысью стали спускаться к ставке Ягайло, расположившейся у заброшенного амбара. Приблизившись вплотную к свите польского короля и великого князя Литовского, они оголили свои мечи и вонзили их перед собой в сырую землю. Один из парламентаров поднял забрало головного шлема, украшенного страусиным пером, и хриплым голосом закричал: “Нас послал магистр Ульрих фон Юнгинген! Не прячьтесь по лесам и болотам, выходите на битву. Если вам мало места на поле, то мы можем отойти!”

Это был вызов к смертельному бою. Тевтоны больше не хотели ждать. Они были готовы драться. Второй парламентар поднял правую руку, и по его сигналу первые шеренги тевтонов отошли назад на сотню метров.

— Какое невиданное благодество! — рассмеялся Витовт. — Этот маневр мне знаком. Магистр, должно быть, думает, что мы клянем на эту приманку, обидимся и сломя голову бросимся в атаку. Смотри, Ягайло, тевтоны отступили туда, где заранее приготовились к обороне. Там у них пушки

в обозах. Ты обратил внимание, что, отходя, они слегка расступались перед поваленным на пашню сеном?

— Не вижу, ничего не вижу. — Король тщетно всматривался в передовые шеренги конных немецких рыцарей.

— Там ямы, брат, заложенные кольями и присыпанные сверху для маскировки сеном. Это они для тебя землянки приготовили, чтоб твои рыцари в них отдохнули! Ты их пока не видишь, но сейчас татары тебе их покажут! — Литовец залился смехом. — Давай обнимемся, брат! Вызов брошен. Мы отрежем этим бешеным тевтонским псам головы! — Кузены обняли друг друга за плечи, Витовт прищипорил коня и в сопровождении оруженосцев сорвался с места. Ему нужно было спешить. Сражение начиналось, и первый шаг должен был сделать именно он.

— Юрий! — Витовт подозвал к себе князя Мстиславского. — Миткевич от татар вернулся?

— Да, он в своей Гродненской хоругви.

— Скажи ему, пусть скачет к хану. Пора! Господь с нами!

Мстиславский развернул коня, хлопнул себя перчаткой по левой груди и радостно умчался прочь.

Сейчас, сейчас. Господи, как бьется сердце! Ну где же вы? А вот. Пошли...

“Лау-лау, ёхоуу!” — татары ринулись в бой. Их легкая конница вмиг пересекла пространство, отделявшее неприятелей, и по касательной врезалась в самый левый фланг крестоносцев. Татарские стрелы отлетали от тяжелых лат первой линии тевтонов, не причиняя им видимого ущерба, но по всему было видно, что такого начала боя крестоносцы никак не ожидали. Их пушки явно замешкались с первым залпом. Возможно, им было жаль тратить ядра и выстрелы на эту летучую конницу. В конечном счете это стоило им жизни.

Несмотря на то что первые татарские всадники всё же провалились в заготовленные тевтонами “волчьи ямы”, им удалось оттуда быстро выбраться. Следующая же волна татар обошла ямы и накрыла тевтонских пушкарей. Охранявшие артиллеристов арбалетчики не смогли помочь своим погибающим товарищам — в завязавшейся в артиллерийских обозах рукопашной не было возможно было отличить, где — свой, а где — чужой. Тевтоны мрачно наблюдали за тем, как татары рубят молящих о помощи пушкарей.

Закончив кровавый пир, укрывшись за обозами, татары тут же ввязались в перестрелку с пажмами-арбалетчиками. Но не прошло и пары минут, как они вновь вскочили на своих быстроногих коней и, изображая панику, рванули прочь от крестоносцев. Увлеченные погоней, оказавшейся западней, конные арбалетчики-оруженосцы помчались за ними. Это была их смертельная ошибка. На полном скаку они смогли выпустить в спины своих неприятелей лишь по одной стреле. Перезарядить арбалет на скачущей лошади, в пылу боя, вынув одну ногу из стремя, и с ее помощью оттянуть струну и вновь зарядить арбалет — нет, эта задача оказалась им не по силам. Зато татарам стрельба из лука в преследующего их врага, поглощенного заряджением своего бесполезного в тот миг оружия, доставляла массу удовольствия.

Погоня за татарами захлебнулась. Немногие уцелевшие в этой скоротечной схватке арбалетчики-оруженосцы смогли вернуться из атаки к своим рыцарям. Командующий левым флангом армии тевтонов маршал Фридрих фон Валленрод был взбешен. Бой еще не успел начаться, а войска ордена уже лишились оруженосцев, призванных обеспечивать защиту рыцарей!

Наконец маршал поднял жезл. Забили в литавры, заиграли трубы. То был знак к наступлению тяжелой рыцарской конницы. Сомкнув ряды, братья-крестоносцы ринулись на войска Витовта. Железная армада копытами закованных в латы коней затрясла землю, вырывая из нее гигантские комы сырой глины. Тяжелая, раскаленная на солнце лавина надвигалась на ошестинившиеся копьями первые линии обороны армии Великого княжества Литовского. Взмывшие на скаку белые рыцарские плащи образовали отвсечивающий на солнце воздушный шлейф, несущий в атаку черные орденские кресты.

Вернувшись вместе с татарами из набега на тевтонскую артиллерию, молодой Миткевич уже мечтал о новом бое. Но то, что он увидел — стремительно сползающую с холма черную лаву крестоносцев с развевающимися

плащами и орденскими знаменами, — сильно его взволновало. “Выдержать! Устоять!” — что есть мочи закричал он стоявшим подле него пехотинцам-литвинам. Но через мгновение сила железного удара конницы тевтонов смяла легковооруженных пеших воинов.

Рыцарское копьё проскочило мимо головы витязя всего в одном вершке, едва задев латы левого плеча и порвав надвое его желтый плащ. По инерции тевтон еще пролетел на своем коне пару метров и врезался всем своим корпусом в Миткевича. Рыцарь был грузен, и Степан чуть не потерял равновесие от глухого удара лат крестоносца. Враг оказался настолько близко, что витязь почувал запах его пота. Миткевич выгнулся в седле и, не обращая внимания на слетевший с головы шлем, нанес по спине рыцаря мощный удар клевецом. Топор пробил латы спины и перерубил позвоночник. Тевтон рухнул на землю. Витязь оттолкнул его осиротевшего коня ногой, и именно это спасло его от нового удара — на сей раз от меча пажка убитого им рыцаря. Лезвие скользнуло по его бедру и, отрикошетив вниз, силой своей инерции увлекло за собой нападавшего. В этот момент Миткевич сумел вновь поднять клевец и, замахнувшись, тут же обрушил всю мощь боевого топора на затылок пажка. Безжизненное тело немецкого воина-слуги легло рядом с его рыцарем.

Витязь поднялся в седле и оглянулся вокруг. Повсюду тевтоны теснили войска Витовта, хотя те и оказывали яростное сопротивление. Крестоносцы наседали с холма, и всё новые их линии усиливали натиск на княжеские хоругви. Лишь три русских смоленских полка стояли как вкопанные на месте. Они прикрывали левый край литовских войск — ближний к стоящей поодаль польской армии Ягайло, который только сейчас начал вводить против стоящих перед ним крестоносцев свою конницу.

Смоляне гибли под мечами и копьями тяжеловооруженных тевтонов, но с занимаемых позиций не сходили. На этом участке фронта шла сплошная сеча. Лязг железа, воинственные крики, испуганное ржание тысяч лошадей и стоны людей — всё это превратилось в один вой, укутавший поле брани.

Неожиданно единый строй тевтонов дрогнул. Под напором наваливающихся сзади товарищей часть крестоносцев увлеклась преследованием литовских хоругвей и сдвинулась далеко за холм. Напоровшиеся же на сопротивление смоленских полков тевтоны застыли на месте, будто бы налетели на скалу. Рыцарский кулак разжался. В образовавшуюся брешь устремились татары. На сей раз в их руках оказались уже не луки со стрелами, а арканы. “Лау-лау!” — ловкие азиаты набрасывали петли на шеи рыцарей и сбрасывали их с седел. На земле скованную латами добычу уже поджидали крестьяне-литвины. Подручными средствами — кто дубинами, кто трофейным оружием, кто своим княжалом, а кто просто ногами — они добивали тевтонов, а сбившиеся в кучу лошади затаптывали их в глину.

Но тут в войсках поляков случилось несчастье. Миткевичу, бившемуся в расположении смоленских полков, показалось, что на соседнем фланге — в войсках Ягайло — произошло что-то непоправимое. Приободренные звуками труб и радостными криками скорой победы, тевтоны взвинтили темп сечи. Удары их мечей становились от раза к разу всё тяжелее — будто у немцев открылось “второе дыхание”.

Внезапный порыв крестоносцев был вызван гибелью от удара копья польского знаменосца. И хотя его большой королевский штандарт с белым орлом был тут же подхвачен стоявшими рядом с ним слугами Ягайло, тем не менее тевтоны восприняли это как Божий знак и начали петь псалмы в благодарность Пресвятой Деве Марии за скорую победу. Это был самый опасный момент всей битвы.

— Степан! Я сзади! Не оборачивайся! Я иду к тебе! — Миткевич услышал крик князя Витовта. Несколько воинов-исполинов из его стражи прорубали сквозь тевтонов коридор к его ученику, сражавшемуся сразу с двумя крестоносцами. Один из гигантов, вооруженный алебардой, со второго ряда стаскивал немецких рыцарей с коней, второй — с помощью шестопёра — гвоздил их к земле.

— Эй, желток! По плащу твоему желтому, мальчик мой, узнал тебя. Слушай внимательно. Мы свою задачу выполнили, но королю Ягайло сейчас

худо. Не придем ныне на помощь ему, сомнут крестоносцы его войска и потом все вместе за нас возьмутся. Бери свою Гродненскую хоругвь, бери всех, кто еще в седле держаться может, и заходи в тыл тевтонам, что при Великом магистре в резерве стоят. Атаковать вторую линию бубновых будешь с холма. Солнце тебя в спину подгонять будет, потому есть у тебя преимущество в начале атаки. Сумеешь им воспользоваться — победа будет за нами. Давай! Пошел!

— Да, мой князь! — Миткевич рванул коня и, перескочив через бьющуюся в агонии тевтонскую лошадь, вылетел из схватки. Разорванная желтая накидка как знамя реяла за ним. Через несколько минут собранный им конный отряд уже заходил за спину тевтонскому резерву.

Поле битвы стало похожем на многослойный пирог. Тыл поляков был атакован резервом тевтонов, а у них самих в тылу появились литвины. Тевтоны оказались в “котле”.

Предчувствуя скорую и неминуемую гибель, рыцари бились отчаянно и обреченно, рыча как дикие звери. Они погибали, даже не прося о милосердии, ибо знали, что за их злодеяния прощения и плена им не будет. Они сами лишили себя такой милости и дрались, желая лишь забрать с собой на тот свет как можно больше язычников и православных воинов Витовта.

“Я убью Великого магистра! Я убью Великого магистра!” — скрежетал зубами Миткевич. Он все ближе пробивался к свите крестоносцев, отбивавшей от наседавших литвин главу ордена рыцаря Ульриха фон Юнгингена. Наконец молодой витязь достиг седла могучего оруженосца, прикрывавшего спину магистра, и молниеносным ударом клевица сшиб его с коня.

Юнгинген, чуя опасность, обернулся. Было видно, что он уже ранен или оглушен — на его шлеме глазная прорезь была искорежена лезвием меча. Великий магистр, казалось, безучастно смотрел на приближающегося к нему Миткевича. “Все кончено!” — сказал он по-немецки и медленно, с достоинством, поднял на противника свой меч. Через мгновение боевой топор витязя раскрошил его шлем и череп. “Все кончено!” — повторил Миткевич, наблюдая, как медленно оседает на коня поверженный враг, как заваливается он на бок и, застряв ногой в стремях, волочится по земле за уходящим прочь конем. “Все кончено!”

СЕМЬЯ

Отец умер в конце марта. Мы все — мама, сестра, тетка, я, моя жена — стояли рядом с ним. Когда он перестал дышать, доктор с грустными глазами накрыл его лицо белой простынею.

Маму мы сразу забрали домой. Быстро собрали и вынесли на мороз все их вещи. Мама вспомнила, что забыла в палате, где остывало тело, какую-то сумку. Я зашел туда и первый раз в жизни почувствовал, что присутствие моё в комнате с покойником меня никак не беспокоит. Это мой батя лежал рядом. Мой большой друг.

— Отец, я так и не успел рассказать тебе про Грюнвальдскую битву. Ты так и не узнал, откуда в нашей фамилии появилось забавное прозвище “Жолток”. Но это не так важно! Важно другое. Отец, спасибо тебе за то, что ты был в моей жизни! Мы все гордимся тобой — я и мой сын. Вырастают внуки, и мы расскажем им о тебе. Ведь это так важно, когда у тебя есть отец!

ЛАРИНА ФЕДОТОВА

ПОБЕДА НАША

Пока мы живы, спрашивайте нас,
Каким он был, тот самый страшный час,
Когда на всю огромную страну
Сказали в репродуктор про войну.

И объявила нам сурово власть,
Что чёрная лавина поднялась.
Бомбят их самолёты города,
Грохочут танки, движется орда.

Когда прошёл первоначальный шок,
Подумать каждый об отпоре мог:
Чем Армии немедленно помочь?
В строй — патриоты, паникёры — прочь.

И всколыхнулся весь большой Союз,
Взвалил на плечи непомерный груз,
И выдержал четыре года он
Огонь и натиск — смерть со всех сторон.

И всё же наша сила верх взяла
И наперёд врагам урок дала,
Чтоб на земле знал каждый человек:
Победа наша присно и навек.

Пока мы живы, спрашивайте нас...

СОТАЯ ДИВИЗИЯ

Генералу И. Н. Руссиянову

Рубеж удерживая прочно,
Под Минском яростно дралась
Дивизия, что в сводках точно
В то время сотою звалась.

Была она простой армейской,
А стала первою Гвардейской,
За героический отпор
Воителя с арийской спесью,
За встречу смертную, в упор,
Бутылками с горючей смесью.

...Какие люди там легли!
Их, как смогли, похоронили.
Те дни растаяли вдали,
Но мы той жертвы не забыли.

И срок для почестей настал.
Когда разрыли погребенья,
Приехал старый генерал
На ритуал захороненья.

Он многих знал ещё живых,
Таких надёжных, молодых.
Он скажет всё о них, как есть, —
Про их отвагу, долг и честь.
Как натиск бешеный сдержали,
Как прикурить фашистам дали!

В глазах его метались грозы.
Он начал медленно ходить,
Он стал, его душили слёзы,
А надо что-то говорить.
К себе он был предельно строг
И ничего сказать не мог.

А звуки гимна тихо плыли,
Прощальный близился финал,
И залпы прямо в небо были,
И плакал старый генерал.

МОЛЧИТЕ, СЛУШАЙТЕ...

Здесь не встречают хлебом-солью
И в хаты дети не бегут.
К тебе, Хатынь, приходят с болью,
Всё едут люди, всё идут.

Священно право поклоненья!
О сколько цифр и скорбных слов
Собрало горе, потрясенье
Под перезвон колоколов!

За звуком звук — мороз по коже...
Не равнодушен здесь никто.
И вспомнив Бога, шепчешь: “Боже,
За что же это им, за что?”

Деревня заживо сгорела,
Сто сорок девять тех смертей.
Я всё молчала, всё терпела,
Но не могу я про детей...

Вот бегал Юзик, Миша, Вова,
И вдруг — карательный отряд.
Расправа быстрая готова —
И дети в пламени горят.

Молчите, слушайте: их души
Ушли в окрестные леса.
Не птицы там кричат всё глуше —
Детей хатынских голоса.

Не ветер по полю гуляет —
То их последний слабый стон
Замрёт и снова возникает
Со всех сторон, со всех сторон.

В колодцах чистых стынут слёзы,
Из глаз струится звёздный свет.
И машут скорбные берёзы
Руками детскими вослед.

г. Псков

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

ОТЦОВСКИЕ МЕДАЛИ

Две медали “За отвагу”,
За Москву, Берлин, за Прагу,
За Белград и Сталинград,
Ну, и ряд других наград.

Мать в кути месила тесто,
Пела, стряпала блины.
Говорила:
— Наш отец-то
Сам живой пришёл с войны!

Он стоял, переживая
Дым фронтов и пыль дорог,
Головою задевая
Белоснежный потолок.

На груди медали — ровно
В два ряда. И с двух рядов —
Перезвон медалей, словно
Перекличка городов.

Солнце раннее вставало.
Ржали кони.
Люди шли...

На груди отца сияла
География Земли.

МУ-2

МУ-2 — “военная машина” —
Одна телега, два быка.
Надёжный стáртер — хворостина,
Что больно хлещет по бокам.

И лет двенадцати возница,
Нелёгкий труд в своей судьбе
Познав,
— Ну, сколько мне возиться?! —

Кричит охрипло:
— Цоб-цобе!

Страда. И взрослые, и дети
На фронт ударный трудовой —
В поля,
Как и быки вот эти,
Мобилизованы войной.

И фронт, и тыл — в одной заботе:
Как там,
В боях за высоту,
Здесь каждый колос на учёте,
Работник каждый на счету.

И бригадиром не случайно
Сегодня сказано: “Война!
Возить пшеницу от комбайна
Тебе доверила страна”.

Пылит “военная машина”
Во все четыре колеса
И восемь ног...
И ты — мужчина,
Хоть и дитё ещё с лица.

А тут жара, как будто в бане,
И от мякины — в горле ком...
И дядя Ваня на комбайне
Уже грозит кулаком...

ЦВЕТЫ БАРАБЫ

Кукушкины слёзки, анютины глазки —
Как диво, как правды святые огни.
— Откуда? — спрошу их. — Наверно, из сказки?
— Из лесу, вестимо, — ответят они.

В лесу, где растут молодые берёзки
Среди нецелованных старых берёз,
Обронит кукушка горячие слёзки,
Наплачет Аня полкороба слёз.

Играли гармошки. Скрипели повозки.
Ложился на сердце тяжёлый туман...
Анютины глазки. Кукушкины слёзки...
Лишь к Марье вернётся безногий Иван.

Совсем обезлюдела та деревушка:
Кто в землю ушёл, кто уехал — война...
В берёзовой роще рыдает кукушка,
Кукует Аня в избушке одна.

г. Омск

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

СТАЛИНГРАД

В ту судьбоносную жесточайшую зиму
на имя твоё молилась атеистическая Русь,
и умное человечество молилось на всех языках,
поддерживая и ободряя тебя.
Ты высился тогда неприступной скалой.
Там, в самом центре воюющей планеты,
цепенел разум от половодья крови,
облекаемой огнём смерти в клубы
тошнотворного дыма над жизнью;
сонмища хрупких человеческих вселенных
в мгновенья превращались в клочья
и безвременно осиротевшие души
кружили над расхристанным полем брани;
потоки слёз безутешных невест и вдов,
падали горестным снегом на мёртвую землю,
взывая к справедливости чёрное небо.
За спинами твоих храбрых защитников
кипела от праведной ненависти Волга,
выступив священным заградотрядом.
Ты воевал и на Курской дуге, и на Днепре,
освобождал порабощённые страны,
взвил над рейхстагом Знамя Победы!
Это потом сволочи разных мастей,
пылая мстью к твоему великому имени,
спрятали тебя от нас, но не вытравили из сердец.
Поэтому ждут, не уставая, на Мамаевом кургане
погибшие воины и их верный маршал Чуйков,
ждут прославленные полководцы в Кремлёвской стене,
ждёт Сталин за Мавзолеем, ждёт народ,
не однажды после тебя и обманутый, и преданный,
когда, словно солнце на гранях русского штыка,
вновь засверкает имя твоё, Сталинград,
имя, как символ отваги, на бесконечные века!

НАПУТСТВИЕ СЫНУ

Сыну Петру

В жизни, сынок, всё сложное очень просто.
Об опасном шаге предупреждает судьба,
она же и расправляет душу,
если она слишком корява.
Поэтому не верь, что потеряна юность,
перепоясанная солдатским ремнём.
В армию я уходил, как и положено,
убрав урожай, вспахав поля,
как того требует кодекс агронома.
В те годы, без всяких олигархов,
не служивший считался больным,
отсюда косые взгляды невест и друзей.
Тогда и евреи не гнушались казарм.
Как мне забыть проворность подъёмов,
Далеко не шанельный запах портянок,
мстительную дрожь автомата,

сталь командирского приказа
и друзей армейских святые имена?!
Я чист перед Родиной и перед родом,
где все солдаты от отца до дедов.
Я солдатом были и им остался
до призыва небесной трубы.
Запомни, сынок, себе на носу заруби:
нет святее и благороднее дела,
чем с защиты Отчизны жизнь начинать!

ДОНБАСС-2014

Эти улыбки предназначались
встречным искренним улыбкам
таких же жизнерадостных душ,
летевших навстречу друг другу
на крыльях солнечного света.
Эти глаза надеялись и дальше
смотреть на разноцветье суеты,
не боясь ошибиться и пройти мимо
совсем незаметного счастья.
Их убили ради победного
хохота вновь окрепшего зла,
спрятанного очень надёжно
все эти прошедшие годы
в чёрных мстительных сердцах.
Как же они сумели долго
выглядеть белыми и пушистыми,
скрытно держа нож за спиной?
Прости, Господь, тех простодушных,
целующих в губы врагов своих.
Выжженная земля и оскал убитых
не могут быть одновременно
гербом ненависти и любви.
Свет и тьма в смертельной схватке:
глобус Украины съехал с оси...

г. Нижневартовск

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

* * *

На улице Победы
только на днях
снесли последний дом,
построенный в городе немецкими военнопленными,
а на Западе опять тусуются
ещё не битые фашистские своры.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Вокруг поля.
А на пригорке дуб,
Как пригорошни, листья подставляет

Под первый дождик, что по-майски скуп:
Не столько льётся, сколько гроыхает.

А я стою под каплями дождя,
Вдыхаю запах свежего бурьяна,
И в громовых раскатах слышу я
Железный рокот орд Гудериана.

У ОБЕЛИСКА

Гвардии сержант Петров...,
Гвардии сержант Петренко...
Стоит старушка на коленках,
Бурьян дерёт в наклон, без слов.
Присядет, притомясь маленько,
На терпко пахнувший покров...
Покойно спит сержант Петров
И рядышком — сержант Петренко.

г. Белгород

ЕВГЕНИЙ ГУСЕВ

ВЫПУСКНИКИ 41-ГО

Прудик мал, речушка узкая.
Звёзд небесный хоровод.
Местность — наша, среднерусская.
Лето, сорок первый год.

Впереди мученья адские.
Только это всё потом.
А пока — военкоматские
Двери, старый военком...

Напослед — слова пустяшные,
На прощание — рука.
Плакать школьницы вчерашние
Не приучены пока.

Дед хрипит:
— Войну с германцами
Мы прикончим за три дня...
Длинный поезд с новобранцами
Мчит, колёсами звеня.

Гимнастёрочки с иголки
Да пилотки набекрень.
Лечь под пули да осколочки
Им придётся через день.

Над вагонами дощатыми
Звёзды светят, как тогда,
Когда шли гулять с девушками
Вдоль реки да у пруда.

Шли весёлою оравой,
Далеко был слышен смех...
Всех война косой кровавою
Их повыкосила. Всех...

В ГОСТЯХ У ВЕТЕРАНА

Май, восьмое. Еду к деду.
Дед, конечно, подшофе.
Объясняясь: “За Победу!”,
Щеголяет в галифе.

На кушетке — старый китель
С орденами той страны,
Что наш воин-победитель
Сдал без боя, без войны.

— Говорят, что жил я даром.
Даром — это ерунда!
Вот над Ельциным с Гайдаром
Не дожидаться мне суда...

Не торопятся за холку
Прихватить всю эту гнусь,
Только я, браток, на полку
Зубы класть не тороплюсь!..

Наливает в рюмки снова,
Долго кашляет в кулак:
— О политике — ни слова!
День Победы, как-никак!..

Видно, стало многовато
Покорителю держав —
Голос старого солдата
Оборвался, задрожав.

Оглянулся у порога,
А с портрета на стене
Сталин пристально и строго
Смотрит прямо в душу мне.

СТАРИКИ

Пригретый солнышком апрельским,
Дед расправляет с хрустом грудь:
— Жена, откинь-ка занавески,
На божий свет хочу взглянуть!

Супруга, глаз не поднимая,
Вздыхает:
— Ты бы, Михаил,
Хоть до девятого-то мая
Собрался с духом да не пил!

— Вопрос сурьёзный, но едва ли
Его решим мы на ходу!..
Дед Михаил достал медали —
Две Славы, Красную звезду.

— Вот, вся Россия и Европа,
Лишений адовы круги —
За то, что мне пришлось протопать,
Теперь и выпить не моги?!

Дед Михаил подсел к окошку.
Жена сказала, помолчав:
— Ну, ладно, выпей, но немножко! —
И отворила дверцу в шкаф.

Два огурца лежат на блюде,
Картошка, хлебушка ломоть...
Ах, дорогие мои люди,
Храни вас, стареньких, Господь!

г. Ярославль

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

СТОЛПНИК
(Прп. Серафим Вырицкий)

Вечный невидимый бой:
Небо держал над собой
Старец руками —
Светлый, подобно свече,
Тысячу дней и ночей —
Тяжко на камне...

Солнце в кромешном аду.
Столп нерушимый в саду.
А до Победы —
Годы сквозь пламя и дым.
Рядом — святой Серафим.
Руки воздеты.

Молит в ночной тишине:
— Ныне Россия в огне,
Неба подножье.
Чтобы продолжилась жизнь,
Отче Саровский, молись
Матери Божьей.

Некто, трудом истомлён,
Видит пророческий сон,
Дивное что-то:
Старец преследует сам —
Въявь! — по полям и лесам —
Вражьи роты!

ДОЛГИЕ НОЧИ
(Патриарх Тихон)

Стадо хранил, разрешал и вязал,
Зрел покаянье и вины.
Как-то пред самою смертью сказал:
— Ночь будет долгой и длинной.

Странные слышат при одре слова...
Он же — как видел воочью:
Вся погружается в темень Москва
Долгой военною ночью.

МУЧЕНИЧЕСТВО РОССИИ (Архимандрит Серафим Батюков)

...Близ обретается, ломится в дверь,
Как бы там ни голосили.
— Вот, началось уже, — скажет, — теперь
Мученичество России.

Скажет для книжных он и для простых:
— Кроется некая тайна,
Что началось всё в день русских святых.
Это — провиденциально.

Спросят, печальную думу тая:
— Как нам молиться о сыне?
— Господи, воля да будет Твоя, —
Ваша молитва отныне.

Твердь содрогается, хищник летит,
Пахнет горящею рожью.
— Кто ж в этой страшной войне победит?
— Матерь Пречистая Божья.

Подмосковье

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат —
Там зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг они сегодня злей,
Они заматерели за полвека,
Прицелятся — не слышат матерей,
Курок нажмут — не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий,
И за его спиной — ушедший век,
За плащ-палаткой — снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат...
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

ПОСЛЕ АФГАНА

В пятиэтажном улье комнатуха.
Комод и стулья дышат стариной.
В той комнатухе кроткая старушка,
Встаёт чуть свет, ложится со звездой.

Я увидала дверь при тусклом свете
И, ковырнув разболтанный замок,
Узнала всё: комод и стулья эти,
Упрятанные кольцами дорог,
И ватное родное одеяло,
Как яблочко сушёное, лицо.
“Чего так долго ты не приезжала?
Хотя бы за полгода письмецо...”

Всё слушала меня, всё удивлялась,
И тут смекнула радостно: “Погодь,
Что ж — насовсем? Ужель навоевалась? —
И тихо так: — Храни нас всех Господь...
Война — оно занятие пустое,
А сердце всё же просит тишины...”
И обронила самое простое:
“Нельзя ли как-то миром, без войны?”

И сумерки надвинулись тревожно,
И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно,
Когда сердца наполнены добром.
Какая-то неведомая сила
Нам раздаёт смирение и покой,
Не то добра кому-то не хватило,
Не то другим насыпано с лихвой.

г. Калининград

АЛЕКСАНДР ГРЕБЁНКИН

ДЯДЯ ЛЁША

На дворе метёт пороша,
Плачет вдовушкой навзрыд.
Развесёлый дядя Лёша
С фотографии глядит.

В гимнастёрке с кубарями,
Сбив пилотку набекрень,
Он живёт, как прежде, с нами
И смеётся целый день.

С затемнённого вокзала,
В грозовую тишину,
Тётя Оля провожала
Дядю Лёшу на войну.

И над низеньким перроном
Паровоз пары пускал.
— По вагонам!
По вагонам! —
Старшина седой кричал.

На дворе метёт пороша,
Плачет, как вдова, навзрыд...
Развесёлый дядя Лёша
С фотографии глядит.

Я смотрю на старенькое
фото:
Шпорами коня разгорячив,
Старший брат
с лихого поворота
На скаку ворвался в объектив.
До сих пор никак я
не поверю,
Что в бою под Ельней
брат сражён.
Если кто-то постучится
в двери,
Кажется, что постучался
он.
Только чуда этого не будет —
Не вернутся павшие
домой.
Но случись война —
меня разбудит
Он своей простреленной
трубой.
Что ни год, я — старше,
он — всё тот же.
Видно, время брата не берёт...
Я смотрю на фото,
и тревожит
На губах застывшее:
«Вперёд!»

Вот он идёт в шинели нараспашку,
Как в юности, беспечно-озорной,
Под Ленинградом без вести пропавший —
Пропавший, но по-прежнему живой.

И, поглядев на спящую дочурку,
Ладонью потирая о ладонь,
Зажёг давно остывшую печурку,
И заплясал в ней радостно огонь.

...Проснулась дочка — холодно в постели.
Глядит вокруг и сразу не поймёт:
Нет на гвозде ни шапки, ни шинели,
Печь не горит.
Метелица метёт.

г. Пермь

СЕРГЕЙ МЕЛИОРАНСКИЙ

*Солдатам Группы советских войск в
Германии посвящается*

* * *

Что такое Чечня, Афган —
Вам ответит любой пацан.
Что такое ГСВГ —
Вам не скажет никто, нигде.

Но любой из нас знал “свой маневр”,
Защищая СССР!

Мы служили не абы где!
Мы служили — в ГСВГ!
Если отдал бы Маршал приказ —
Мы Европу бы — раз — и кvas!

Знали, скажет комбат: “Вперёд!” —
Танк, как чёрт, напролом попрёт!
До Парижа — рукой подать!
Кто посмел бы пред нами встать?

Предал, продал ГСВГ
Наш Иуда на букву “Г”!

ВETERАН

Слепой выходит на прогулку,
Гремя железною клюкой.
Все знают в нашем переулке,
Что этот человек — герой!

Слепой идёт-бредёт неспешно,
Не видя ровно ничего,
Ведь он когда-то в Будапеште
Спас командира своего.

Собой закрыл он командира,
Рванул тротильный фугас.
Комбату руку раздробило,
А наш солдат лишился глаз.

Ему полгода оставалось
Служить.
Он полон был надежд...
В шкатулке где-то завалялась
Медаль за город Будапешт.

г. Жуковский

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ

* * *

Говорят, что когда они взяли рейхстаг,
Прямо тут же — на площади после атак,
Прямо тут же — на улицах и на мостах,
В парках, в скверах на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спать легли, эту землю чужую обняв.

Им была немила неродная земля,
Им берлинские камни кололи бока,
Где-то ждали свои города и поля,
Но дорога до них далека-далека.

Там хватало своих парков, улиц и нив,
Там поют соловьи на родном языке.
Ту бесценную землю от пуль заслонив,
Спал советский солдат — палец ныл на курке.

Не по собственной воле пришёл он сюда,
И не первый он начал, возмездьем грозя.
Спал вполуха солдат: эка, братцы, беда —
Тут как следует выпасться даже нельзя...

Сколько было всего на жестокой войне,
Сколько слышал всего от героев живых!
Почему же так горько, мучительно мне
Вспомнить наших солдат на чужих мостовых?

Почему же так сладко, так радостно мне,
Что стоит на коленях надменный рейхстаг
В исцеляющем пепле, в священном огне,
Что Берлин в белых флагах,
как в белых бинтах,

И повсюду: на площади после атак,
На дымящихся улицах и на мостах,
В парках, в скверах на срезанных боем цветах,
На земле, на асфальте, в пыли, на камнях,
Спят солдаты, спасённую Землю обняв, —
И улыбки цветут у живых на устах...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рождён во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит, как о суровых,
Где правил злобно вурдалак.
Не знаю: врут иль было так...
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Серёжка в очередь встаёт,
А мы, пока он достоинся, —
За стол! И солюшки щепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В краю пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает всё и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

СКРОМНОСТЬ

Бабку старую проведу,
Дом и сад перед крыльцом,
Где, отмеченный Победою,
Золотым её венцом,
Жил мой дед —
До часа смертного,
До сырого бугорка
В скромной роли неприметного
Простофили-мужичка.

Не кричал: “Мы жизнью тёртые:
Вынь-положь, а нас уважь!”
Говорил: “Герои — мёртвые,
А живым награды — блажь.
Грех рядиться перед вдовами:
Сколь уж лет они в тоске”.

И лежали ненадёваны
“За отвагу” в сундуке...

Жил мой дед — колхоз vyhаживал,
Быть старался, где народ.
Много делал,
Мало сказывал,
Вдов стеснясь и сирот.

ГНЁЗДА ЛАСТОЧЕК-БЕРЕГОВУШЕК

Гнёзда ласточек-береговушек
Не враги расстреляли из пушек,
По траншеям паля, блиндажам,
По высоким речным рубежам.

Там, где дачи элитные встали,
Долго бедные птицы летали,
Но никак им с родных берегов
Не прогнать беспощадных врагов.

Никакой у них нету защиты:
Их друзья фронтовые зарыты
В сорок первом в траншеях. И вот
Экскаватор их кости гребёт...

г. Тула

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ В ТАВРИЧЕСКОМ

Не отдавайте пьедесталов
Кумирам ложным и пустым.
Нам поклоняться не пристало
Хриstopродавцам. Устоим!

Вглядитесь в тружеников тыла:
Шахтёр, крестьянка, металлург.
Крестьянка фронт второй открыла,
Она всю армию кормила,
Не опуская долу рук.

Шахтёр — он из глубин подземных
Руду и уголь добывал.
И в сообщениях газетных
О нём читал и стар, и мал.

А сталевар — он тот же воин.
На вахте у своей печи
Варил и выпускал на волю
Солнцеподобные ручьи.

И каждой тонною металла
Издавека бил по врагу.
И нечисть вражья отступала,
За Дон, за Курскую дугу.

Стоят они, бойцы Победы,
Перед тобой, мой юный друг,
Укрытые сибирским небом
Шахтёр, крестьянка, металлург.

И мы их подвиг не забыли.
Благодаря рукам таким
Не стали лагерною пылью,
По-русски с миром говорим.

Я — НЕ ДИТЯ ВОЙНЫ

Я родилась в тяжёлом сорок пятом.
Ещё дымилась русская земля,
Когда пришла желанная расплата
К распластанным штандартам у Кремля.

Я — не дитя войны, мне ненавистной.
Есть в метриках и мама, и отец,
А в генах — русской доли путь тернистый,
И есть в крови, наверное, свинец.

В крови славянской — это не смертельно.
Хоть тяжёлы бываем на подъём —
Своим живём, своих полей метельных
Не отдавали и не отдаём.

Я не дитя войны. Я благодарна
За тишину и солнечный рассвет
Сибирскому селенью Павлоградка,
Где мама родила меня на свет.

В часы сердечной дружеской беседы
О мужестве, о долге говоря,
Себя я числю дочерью Победы.
Её люблю, как мать боготворя.

К ПЕВЦУ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ”

*Что ми шумить,
Что ми звенить —
Далече рано предъ зорями?..*

1

Над нами кружат времена,
Где ты тревожно пел.
Мы — непокорная страна,
Над нами тучи стрел.
“Что ми шумить, что ми звенить?”
Чья слава, чей позор?
То веры православной щит
Враг расстрелял в упор.
То гибнут дети, старики
И рушатся дома,
И укрывает бугорки
Могильные зима.

2

По руслам чутких русских рек
Расходятся круги:
Луганск в беде! В беде Донецк!
Россия, помоги!
Там ополчение стеной.
По кровному родству
В их стане ты, певец родной,
Напрягший тетиву.
Не вычеркнуть и не согнуть
Пронзившую века,
Тебя, пробившую нам путь,
Бессмертная строка.
Ты сквозь столетье прозревал
Угрозу диких орд.
Славян к единству призывал
Сквозь княжеский раздор.
Певец земли моей родной,
В тяжёлый этот час
Перед какой ещё бедой
Предупреждаешь нас?
К братоубийственной войне
И розни меж славян

Бикфордов шнур ползёт извне,
Аж через океан.
Но на пророческий порыв —
В ответ на твой сигнал,
Враз отозвался русский Крым
И Севастополь встал.

*Омская обл.,
посёлок Таврический*

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

СТАРИЦА

Расписная косынка,
Свет в глазах не померк,
Не старушка — тростинка,
А брала Кёнигсберг.

Говорит: “Знаешь, сколько
В равелинах ребят,
И Серёжа, и Ольга,
И Егорыч лежат...”

После минного взрыва
Меня вынес майор”, —
И пошла горделиво
На обедню в притвор...

Память годы полощет,
Превращая в дымок...
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.

РЖЕВ

*Кто из рук наших зная
Подхватил на бегу...
Александр Твардовский*

Кто справа был, а кто был слева —
Сейчас уже не вспомнить мне,
Когда в окопной тишине
В лесах израненных, у Ржева,
Мы тосковали о войне.
От смерти землю очищая,
Срезая почвы бурый пласт,
Мы верили: нас не предаст
Погибших слава фронтовая,
Мы собиратели мощей.
Мы той же богатырской плоти.
Вы павших имена прочтёте
Не в глубине седых полей —
В сердцах людей, на обороте.

г. Москва

* * *

Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё поменялось с тех пор, но иду я к тебе,
Роща, где дед закопал навсегда парабеллум,
Центр села, где висел его брат на столбе.

Кажется мне, я иду по киноварному полю,
Прадеда кто-то уводит к расстрельному рву,
Сон не обманешь, он рвётся пытливо на волю,
Я его власть только с первым лучом оборву.

Снова под утро тревожат скупые просветы,
Наши свиданья с родней обречённо редки...
Там под Смоленском в стальное подымье одеты
Мельница, сад и наш дом у истока реки.

ВИКТОР ПРОХОРОВ

ГОСПИТАЛЯ

Кровавым светом полыхнула мгла.
Атака захлебнулась криком боли.
Но повезло: от смерти и неволи
Судьба на этот раз уберегла.
Мне чудился капли перезвон,
Забытое тепло родного дома.
Кружился снег и падал невесомо.
И мир, как этот снег, был невесом.
Я помню голоса и руки тех,
Кто нёс меня, укутав плащ-палаткой.
И медсестёр, что плакали украдкой,
И кровью обagrённый грязный снег.
Я не забуду, как стонал сосед,
Обугленного рта не разжимая,
И как последний раз шепнул: “Родная...”
Танкист, седой в неполных двадцать лет.
И, чтобы слышать, как звенит ручей,
Незамутнённый яркостью и кровью,
Я выжил, материнскою любовью
И беззаветным мужеством врачей.
Но вспоминаются госпиталья —
И хочется, закрыв глаза, забыться,
Когда шумят листвою тополя
И белый пух, как белый снег, кружится.
Не забываются госпиталья...

г. Златоуст

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ФУЛЮГАН С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

ПОВЕСТЬ ИЗ ЦИКЛА “РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ”

1

И какими же чудищами могут подрастать человеческие детёныши, оставь их без присмотра, без отца или без матери, а то и без всех взрослых враз, обитающих поблизости. Иной раз покажется, что слишком раннее детское одиночество схоже с безвременной гибелью возраста, а это значит, гибелью безвозвратной части человеческой жизни под волшебным именем детство.

Понимаете? Детство погибает в самом ребёнке. Он ещё невелик и ростом, и разумом, и уж, конечно же, житейскими знаниями, а взрослые, даже чрезмерно взрослые, недостатки уже овладевают душой и телом, хотя рано ещё, рано! Достоинства-то взрослые вовсе не плохи, но надобно принять во внимание, что совсем не они идут почти всегда впереди, а именно что недостатки. Их легче выучить малому человеку, глядя на окруживший его мир...

Легче уподобить дурному взрослому правилу существование малой души.

2

И Лёнька из железнодорожной школы был таким вот чудищем конца и войны, и тяжёлого наступления мира.

Он был явным переростком, хотя учился в шестом. Про него ходили сплетни, что он учился по два года в каждом классе, но это, конечно, похо-

---

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького. Удостоен премии Президента РФ в области образования и премии Правительства РФ в области культуры. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

дило на враньё. Другое дело, что последние классы, например, он пересиживал по два раза — шестой, пятый... Четвёртый — это вряд ли. Четвёртым в те годы заканчивалось начальное образование, и в любой школе учителя и директора, ясное дело, старались хоть за уши вытащить своих недоучек к этому первому аттестату о начальном образовании.

Так что Лёнька превосходил шестиклассников на голову, был очень худ, желтоглаз и лицом совсем не выразителен: будто выстрогана его физиономия из сосновой, слегка желтоватой доски. Главную роль играли его немигающие глаза. Будто тигр, что ли, какой, смотрит на тебя, не моргая: в глазах этих ни чуточки сожаления, понимания, совести да и вообще хоть какой-нибудь понятной мысли. Одна жестокость!

К концу войны в школах стали выдавать на большой перемене булочки, а то и супчик, да ещё чай. Так что редко кто носил с собой домашние, не всегда сытные, куски. Но Лёнька не переставал останавливать мальшню по дороге к школе, главным образом, не своей, и велел открывать поклажи. Портфели тогда были в редкость. Учебники носили в противогазных сумках, в разного рода домашних рукоделиях, но всё-таки кое-кто двигался с портфелишками довоенного происхождения и взрослого назначения. Лёнька просто стоял на дороге — а всё движение в нашем городке происходило по дорогам, потому что тротуары чистить было некому, — и, приближаясь к желтоглазому хищнику, требовалось просто открыть свою сумку, свой портфель и показать: еды там нет.

И всё же Лёнька-железнодорожник почти всякий раз ухватывал свою — пусть хилую, — но дань. Один раз попался и я. Мама положила мне в сумку большое красное яблоко — купила на рынке. Тогда стояла ещё осень, на рынке было немало вкусностей, она решила побаловать меня и положила в сумку.

Я думал, ещё осень, яблоки, пусть и не такие красивые, растут по садам, есть ли смысл посягать на них? Впрочем, думал я не глубоко, не всерьёз, не вдаваясь в опасность, и — был наказан. Лёнька с невозмутимой жёлтой рожей вынул яблоко из моей поклажи и сунул себе в карман.

Я никогда не видел, чтобы он отнятое тут же стал бы есть. Казалось, он вовсе и не голоден, а отнимает просто так, по праву сильного, у которого *всегда бессильный виноват* — басни Крылова мы к шестому-то классу уже освоили. Потом кто-то из многих, но отчего-то забытых — то ли свидетелей, то ли Лёнькиных жертв — сказал мне, что нет, мол, Лёнька почти всегда был голодным, но жрал свою добычу за углом, чтобы его никто не видел.

Была, таким образом, в нём какая-то звериная одинокость.

3

Нет, он не был одинок. Вокруг него почти всегда крутились разнокалиберные тени — длинные и короткие, в коротких кацавейках и длиннополых, смахивающих на шинели, пальтецах, в фуражках, несмотря на зиму, в солдатских пилотках, в мохнатых шапках. Они издавали звуки разного рода, подбадривали Лёньку ими, восклицали междометиями, чаще всего бессвязными и пустыми, и походили на стайку рыбной мелочи, всегда сопровождающую акулу. А про то, что они именно издавали звуки, я не оговорился, потому что любимый их и совершенно бессодержательный звук просто подражал тому, как пугает человек.

Так что всякий понимал — мелкота эта, где каждый пацан почти ничтожен, мельтеша возле своего предводителя, превращался не то чтобы в силу, а в угрожающий фон, в комариное облако, вьющееся поблизости и готовое кинуться на жертву, которую вначале растерзает их предводитель. Тени эти обеспечивали невозможность сопротивления.

Но был ли предводителем этой мелкотни Лёнька-то? Отобранными кусками с ними он не делился, да они особенно и не требовали этого. Казалось, он и в самом деле хищник, которого сопровождают трусливые шакалы.

Однако, какими бы ни были эти шакалы, они оставались людьми, пусть трусливыми и негодными. И становились свидетелями всех Лёнькиных бес-

чинств. Если бы кто-то из взрослых захотел прижучить Лёньку, мне казалось, хватило бы сцанать большой ладонью всё это комарье, и каждый из них самым подробным образом описал бы, у кого из беззащитной малышни, что именно и когда отнял на дороге этот малолетний бандюган.

4

Но таких взрослых не находилось. А жаль. И волей-неволей получалось так, что малые граждане улиц, где дежурил Лёнька, были под его владычеством. Он всегда появлялся неожиданно, из-за угла или словно из-под земли, и я не раз думал, что Лёньке просто-напросто известны тихие помыслы каждого, кто что-то нёс с собой в школу, кроме тетрадки и учебников, кто что-то задумывал этакое про самого себя и не словечка не сказал никому, а просто подумал и замыслил.

Это ведь он, Лёнька, отобрал у меня ещё задолго до яблока альбомчик с отцовскими марками!

Альбомчик был небольшой, аккуратненький, довоенный, носил иностранное имечко “кляссер” и состоял из тонких прозрачных полосок, за которыми хранилось истинное сокровище — марки разных цветов, эпох и народов.

Собираясь на фронт добровольцем, отец снял со своего пиджака и подарил мне свой значок на серебряной цепочке — “Готов к труду и обороне”, и я принял его, весь трепеща, хотя и без слёз, потому что всегда, наверное, детским своим взором выражал тайное восхищение этим значком, понимая при том его для меня самого совершенную недостижимость. Вот папа, чувствуя это, и отдал его мне, продырявил ножницами мою рубашонку, вставил в него этакий штырёк, накрутил изнутри серебристую шайбочку, и он закачался у меня на груди: звёздочка в кольце и две бегущие направо фигуры.

Потом он переметнул за спину зелёный вещевой мешок, поднял меня, почти шестилетнего, на руки, и мы пошли, растянувшись всей толпой поперерёк улицы, сперва к одному перекрёстку, потом к другому, а у третьего он поцеловал меня, маму, всех родных и друзей и забрался в грузовик.

Это было в начале войны. Значок я скоро снял и положил на видную полочку, перед книгами — мне цена его и значение казались ясными. А вот ценность альбома с марками, этого пухленького кляссера, я хоть и признавал, но вообще не чувствовал на него своих прав.

Разглядывал по вечерам, после уроков, марки за пояском прозрачных полосок, понимал, что есть тут царские, есть иноземные, с удивлением разглядывал марку, выпущенную после смерти Ленина с траурной со всех сторон, чёрно-красной каймой, догадываясь, что у этой коллекции существует какая-то, мне пока не понятная значимость. Может быть, этот кляссер перешёл моему отцу от его отца, моего деда? А тому — от его, от прадеда моего?

Я спрашивал маму, она пожимала плечами, говорила, что ничего не понимает в марках, да и папа никогда ей ничего такого не говорил.

5

Словом, однажды мне пришла в голову глупая мысль: понести альбомчик в школу, показать его моему однокласснику Вовке Крошкину, а может, и учительнице, чтобы понять поосновательнее, каким богатством я владею.

Но ведь я не владел! Отец ничего не сказал мне про альбом! Вообще никогда почему-то не говорил про марки! Значит, я не имел права куда-то там тащить этот кляссер и с кем-то о чём-то рассуждать! И по сей день я уверен, что меня подточила гордыня. Мне хотелось похвастаться, и это грех! Пусть неведомый мне тогда, в малые мои годы.

Но грех-то от возраста не зависит. Он всегда грехом остаётся.

Никому ничего не сказав, не испросив не то чтобы совета, а и простого разрешения мамы, я аккуратно положил кляссер в портфелишко и отправился в школу.

Лёнька ограбил меня всенародно, ни в чём не сомневаясь, нагло и беспощадно. Он вырос из-под земли, когда до школы оставались считанные ме-

тры, и, схватив мой портфель, будто всё заранее знал, вытащил именно то, что мне не принадлежало и за что я отвечал не просто головой — перед отцом, который на войне!

Я, конечно, плакал, но слёзы горохом катились из глаз, а я не произносил ни звука. Было бесполезно! Деревянное Лёнькино лицо на мгновение дрогнуло, когда он раскрыл альбомчик, но тут же вновь одеревенело, и он сунул кляссер куда-то на грудь, под своё истощённое пальтецо.

6

Можно, конечно, долго описывать мой вой в школьном коридоре возле уборной, стучащие друг о друга зубы, головную боль, сжавшую вдруг виски.

Но кого винить? Самого себя. И скрыть нельзя такую кражу, и жаловаться нельзя!

Да, страх правил тогда всеми. Другое дело, что его по-разному следовало объяснить. Мой страх не давал мне раскрыть рта! Что я скажу маме? Как объясню? Зачем понёс кляссер в школу? Какое вообще имел право трогать его?

Один только мой дружок Вовка Крошкин — ещё в той, начальной школе это случилось — и помнил-то историю про марки. Но дальше судьба развела нас по разным мужским школам, а вот Лёнька — остался.

Он был почему-то вездесущим. Он был на всех улицах, по которым приходилось ходить мне. И когда он отнимал у меня яблоко, я осмелился сказать ему:

— Отдай марки!

Он не встрепенулся, не изменился ни чуточку и даже не остервенел, как я того ожидал, а спросил, даже с некоторым интересом, словно совершенно незнакомый человек:

— Какие марки?

И тут он, против своих же правил, запустил свои зубы в мягкую и красную плоть подаренного мне яблока, вынув предварительно его из кармана.

Война уже кончилась, отец вернулся из Маньчжурии с медалями, взблескивающими на груди. Через неделю сложил их в небольшую, зелёного цвета, железную коробочку, и жизнь потекла дальше.

Я с трепетом ждал, когда он спросит про марки. Но он не спрашивал.

А Лёнька исправно появлялся у меня на дороге.

7

Жизнь после войны не то чтобы налаживалась, а менялась. Как известно, когда затихли сражения, будто назло, словно продолжая испытывать народ, пришёл неурожай и голод не отступил, а пошёл в новую атаку. Жилось бедно, по-прежнему несли бессменную службу столовки для дополнительного питания, и хотя не болезнь, но почти диагноз по имени малокровие был самым распространённым, будто война не остановилась. А как-звучит-то, послушайте: мало! кровие!

Мало крови, что ли? Ну, да!

И вот, несмотря на всевластие малокровия, когда вдруг в ушах ни с того ни с сего слышался звон тоненьких серебряных колокольчиков, а то и пудовые колокола бухали, мы посмеивались. Просто так, беспричинно, про себя. А то и вслух. А то и просто так, прямо в классе, без всяких причин.

Думаю, мало кто из серьёзных и взрослых людей понимал, что это за смех, казавшийся глупым, потому что был беспричинным. Но причина была! ещё и какая!

Вернулся с войны отец, например, у меня — все четыре года оттопал, два раза ранило его! — и долгие времена эти, пока он отсутствовал, я горевал от мыслей, что с ним сейчас, где он находится, чем занят и какая опасность ему угрожает? В церковь ходить пионерам не полагалось, но я отчего-то упорно смотрел на небо и просил неизвестно — Кого, но известно, за кого — за отца своего.

Тучи иногда расходились, особенно по вечерам, надо мной перемигивались неисчислимые звёзды, и отчего-то становилось легче, а я наивно понимал, что папка живой и здоровый.

А ещё с утрашавшим меня ощущением великости мира я думал, что на эти же самые звёзды из неизвестного мне места смотрит мой отец и тоже желает мне удачи.

Ну, вот. А теперь он был со мной, в родном нашем городе, где-нибудь на работе. И может, с кем-то о чём-то там сейчас разговаривал, совсем не думая обо мне. Но он был рядом! Был поблизости, и я знал, куда, в случае чего, могу ринуться, чтобы без причин всяких и без тоски, броситься ему на шею, уколотся о щеку, не очень-то тщательно выбритую, и просто, ничего не объясняя, помолчать рядом с ним.

Успокоенные дети — вот кем оказался кое-кто из нас!

Кое-кто! Отдельные счастливики! И этот разрыв между счастливыми и несчастными, отцы которых не вернулись, незримо присутствовал в том послевоенном школьном мире, не очень-то выпячиваясь и выдвигаясь. Но он по-прежнему будто продолжал войну, одних ломая, других направляя.

8

Неподалеку от нас, на маленьком детском стадиончике вдруг развесили лампы под плоскими железными колпаками, похожими на шляпы канотье, — их Чарли Чаплин носил, — и когда темнело, включали их и включали музыку. Без всяких объявлений городок тотчас проводил нежданную новость и стал собираться на трибуны. Народу каталось немного по той простой причине, что коньки на ботинках были большой редкостью. Но у кого-то они всё-таки были. Со временем там устроят выдачу коньков за деньги и на время, и по вечерам возле заветного окошка, где выдают коньки и где принимают валенки и пальтишки, станет выстраиваться очередь взрослых людей. А пока катались только счастливики.

Я же, шестиклассник, располагал снегурками на верёвках.

И тут, наверное, надо объяснить современному народу, как раньше каталось малое племя на простецких, с круглыми носами, коньках по имени снегурки. В общем-то, всё просто. К заднику конька привязывалась верёвка. Вставляешь валенок носком в брезентовую или кожаную перемычку, как в лыжах, например, а сначала валенок надо просунуть в верёвочную петлю, что крепится на задке. Дальше берётся деревянная палочка, обструганная, конечно, и крепкая, и она закручивает эту верёвку в такой крепенький жгут. И дальше эта палочка запихивается за валенок: канатик крепкий, конёк как бы прижимается к валенку. Можно ехать.

До пятого класса я катался на таких коньках запросто, но к шестому это детское занятие казалось стыдноватым, да что делать!

И я приходил на стадион и наматывал там крути под лампами, сияющими, как солнца, по сверкающему ледку. Таких, как я, в основном, мальчишек, было довольно много. А воскресные дни малый люд, сходясь, напоминал чёрную кашу из шапок разного рода и разгорячённых лиц. Разогнаться сильно не получалось, и вот эта толпа медленно, даже степенно, двигалась по кругу, под музыку, довольно неспешно, по-взрослому, хотя бы потому, что над кашей этой, над этим круговоротом, всегда возвышалось десятка два взрослых.

Чаще всего это были молодые офицеры из Военно-медицинской академии, эвакуированной к нам ещё в начале войны. Они и катались-то прямо в своих чёрных шинелях с белыми шарфиками, и в чёрных же, вызывающих особое почтение сухопутного народа, морских фуражках.

Эти офицеры из непонятного нам мира, где, спасая, разрезают людей, были недостижимы моему слабому сознанию. Да и разве только моему?

Они громко и как-то необыкновенно легко смеялись! Они перекрикивались, называя себя по именам: эй, Вася! эй, Олег! И в то же время они были с серьёзными звёздами на погонах — капитана третьего ранга, равного майору, капитана второго ранга, соответствующего подполковнику. И даже капитана первого ранга, полковника, значит, командующего целым полком.

А этот трёхвёздочный, в чёрной шинели каперанг, наверное, мог командовать кораблём, что ли?

9

И там, на этом катке, однажды вечером я стал свидетелем происшествия, которое долго не мог забыть. Не мог понять, что оно значило для всё так же царствовавшего Лёньки.

Я увидел его на катке, в толпе, медленно движущейся по круту, с комариной кавалькадой, по-прежнему оцеплявшей его. Он был в коньках на ботинках, катался очень уверенно, что свидетельствовало о его опытности, но преданное ему комарё сплошняком резало лёд конёчками, похожими на мои, привязанными к валенкам.

Здесь надо заметить, что коньки с валенками чаще всего и надевались-то дома, чтобы на них, прямо по улицам самоходом добраться до катка. Получалось это у всех по-разному, для меня, например, это не составляло труда — дом был неподалёку. Другим приходилось добираться подальше и тогда, если коньки прикрепил к валенкам дома, нужно было выбирать накатанную дорогу или раскатанные тропинки. Самое простое, конечно, принести коньки подмышкой или в каком-нибудь тряпичном кулёке, но это уж были достижения следующих эпох.

Словом, мошкара, — и я скоро в этом убедился, — могла возникать на стадионе прямо на коньках, что затрудняло её поимку. Да и появляться там со всех сторон, потому как стадион никакими заборами не окружался.

И вот я приезжаю на каток, улыбаясь, делаю первые шаги и понимаю, что впереди катится, явно мастериась, мой закадычный враг Лёнька-железнодорожник, а возле него ширкает полозьями своих разнородных конёчков на валенках его стайка.

Они были подобострастны, эти ширкальщики. Даже звуки их коньков мне вдруг послышались какими-то подхалимскими.

Я чуточку притормозил, съехал к краю ледяной дорожки, моё настроенное разом сникло, как какой-то нежный цветок, совершенно не готовый к одним и тем же испытаниям.

Первой мне пришла мысль, что отсюда надо убираться. Всполохи радости, надежд, необыкновенности существования очень легко затухают, когда приближаются угрозы, — то же случилось со мной. Свет ярких ламп померк, лёд перестал искриться, превратившись просто в скользкую поверхность не самого достойного качества, и я едва преодолел себя, приказав сделать хотя бы три круга, и только потом, если уж совсем тошно, удалиться. Не потеряв достоинства.

Меня будто кто-то услышал.

Я увидел трёх или четырёх конькобежцев в чёрных морских шинелях, которые мчались на “норвегах” — в ботинках, конечно! — по внутренней стороне дорожки, может быть, до войны они были настоящими конькобежцами в Ленинграде, откуда их перевели во время войны к нам, просто у них не было с собой настоящей конькобежной формы, но ведь не тем же они были заняты здесь! А вот выпал миг, и они катились тут в шинелях с высокими офицерскими звёздами, и полы этих военно-морских шинелей развевались, как чёрные крылья необыкновенных существ, лица которых были радостны, были счастливы, и только вот этот чёрный цвет одежды, чёрных брюк из-под разлетающихся шинелей и чёрных ботинок, на которых сверкают острые, как хирургические скальпели, скоростные коньки по имени “норвеги”, уверенно и сноровисто распарывают лёд.

— Эй! — восклицал первый. — Эй!

Этим возгласом он давал людям сигнал, чтобы подвинулись, чтобы отъехали хоть чуточку в сторону, чтобы пропустили сверкающе-чёрную вереницу на внутренней поверхности ледяной дорожки, где можно без помех развить пристойную скорость.

И люди, особенно дети, послушно подвигались и даже тормозили, а то и вовсе останавливались, любуясь этим необыкновенным скоростным пролётом.

Ну, вот!

А Лёнька не услышал! Или не захотел услышать! Не захотел, услышав, подчиниться! Это всегда меня интересовало потом.

— Эй! — крикнул в очередной раз человек в чёрной шинели, приближаясь к Лёньке сзади. Тот даже не обернулся.

И тогда первый морской офицер сильным толчком правой ноги изменил траекторию своей езды, и второй, за ним следовавший, обогнул Лёньку. Но он же, Лёнька-то, по-прежнему двигался параллельно морякам. И ехал чуточку наперерез. Четвёртый, летевший в конце офицер, похоже, поздно увидел Лёньку. А может, Лёнька выехал на его путь, с которого уже поздно сворачивать. И этот чёрный нож снёс Лёньку со льда, грохнулся вместе с ним, и оба они, представляющие собой довольно серьёзный вес, лёжа на льду, по инерции, стали ронять на него и старых, и малых.

10

Это, конечно, только так говорится — и стар, и млад, — но старых-то там не было, а малых повалилась целая кучамала, и — надо же! — никто не заревел, не завыл, не запричитал, а все быстренько вскочили и засмеялись. И только один Лёнька лежал.

Вот дела! Взрослые в чёрных шинелях мгновенно подскочили к нему, зато комарьё исчезло! Даже следа от них не остаюсь! Я просто обалдел!

Вокруг Лёньки суетились капитаны разных рангов, все четверо, а вокруг сжималось кольцо любопытствующего народа, главным образом, детского, но Лёнькиных адъютантов, подхалимов, сопровождаителей и холуёв след простыл.

Я пробился в первый ряд, самый старший, видать, из морских командиров, спрашивал окружающих:

— Как его фамилия? Как его зовут? Где он живёт?

И кто-то, тоже, видать, из прежних жертв его, назвал имя теперешней жертвы, но где она обреталась, то есть проживала, не мог пояснить никто.

Один из офицеров почти сразу отъехал и скоро, поскальзываясь на льду, но удивительным образом не падая, к толпе подбежали два солдата уже в совершенно обычных зелёных шинелях и с брезентовыми носилками в руках. Может, носилки не давали им упасть, сцепляли их, ещё подумал я, слегка соприкасаясь с неизвестными пока законами физики.

Лёнька, между прочим, и сознания не терял, и глаз не закрыл. Только почему-то мычал. Каперанг его щупал, трогал голову, руки, ноги, мямлил живот, всё спрашивая его: “Больно? Больно?” — а Лёнька мотал головой, мычал, и этот серьёзный человек с “норвегами” на ногах, ещё, конечно же, не снятыми, вдруг спросил, оглядев окружающих:

— Он — что, немой?

Толпа этого, конечно, не могла знать, но несколько смешков всё же слышалось, и каперанг велел Лёньку унести. Его переместили довольно забавно. Солдаты, шаркая сапогами и почти жонглируя, чтобы не упасть, несли носилки, на которых покоился Лёнька, три человека в чёрных шинелях и в коньках скользили рядом, на острых коньках, а четвёртый маячил у входа на стадион, где подгазовывал военный, зелёного цвета фургон с красным крестом на борту.

11

Что бы вы думали? Через пару дней Лёнька, как свежий огурец, стоял посреди дороги, по которой я двигался к школе, и вся мелкотня открывала портфели ему на проверку содержимого. Приблизился и я.

Это было интересное мгновение. Секунда или две, может быть. Но такие секунды очень много значат в жизни людей. Даже без всяких слов.

Лёнька посмотрел мне в лицо, будто что-то вспоминая. Потом отвёл глаза и чуть заметной дёрнул головой. Дескать, шагай дальше! Проваливай!

Обходя его, я подумал ещё, что, может быть, там, на стадионе, он заметил меня. Знает, что я свидетель странного происшествия, когда офицер

в чёрной шинели снёс его на лёд за то, что он, в общем-то, не подчинился предупреждению.

Ну, и что случилось, думал я. Упал, оказалось, что жив и здоров, теперь снова стоит на дороге у слабых. Всё забыто!

Я раздумывал обо всех этих мелочах и догадывался, что чего-то я пропускаю. Что-то очень важное. И меня осенило! Мычание! Вот чего Лёнька не хотел, чтобы запомнили! Его мычания! Он бы и должен говорить там, на катке, не такой уж сильный случился удар, как оказалось. Но когда его стал спрашивать каперанг, он не стал отвечать, а поэтому мычал.

Но почему? И отчего это теперь оказалось стыдным!

Да и так ли всё на самом деле?

А может, он не мог ответить по какой-то уважительной причине, как-то мельком, вдогонку собственным мыслям, ещё подумал я.

12

Не надо, конечно, считать, что этот Лёнька-железнодорожник застил мне весь белый свет.

Жизнь шла своим чередом, меняя не только людей, но и даже весь наш город. И голод всё-таки отступал, теперь на больших переменах нас кормили даже вторым — котлетами с вермишелью или картофельным пюре, и никто уже никакой провиант в школу не таскал, не было нужды.

Как-то совершенно безмолвно, без всяких предупреждений, Лёнька пропал с нашей дороги. Да и дороги стали меняться. Домой возвращались солдаты, и, кажется, вместе с ними в город возвращались машины.

Попробую объяснить это тем, кто тогда ещё и не родился.

Как мобилизовывали на войну мужчин, точно так же забирали туда и машины, в первую очередь грузовики. Разве это непонятно? Надо же возить на чём-то снаряды, патроны, да и самих солдат!

Поэтому в городе у нас появились новые машины по имени “газогенераторки”. Возле кабины устанавливали два чёрных вытянутых устройства с печкой. В печке горели короткие кубышки — мелко напиленные дрова. От них кипела вода, она крутила какое-то устройство внутри, а то давало энергию двигателю. В общем-то, прости меня это великое изобретение ума человеческого, получался громадный чайник на колёсах, и машина шла. Вся бензиновая и дизельная тяговая сила служила на войне, точно так же, как и люди, сгорая в огне, погибая под взрывами, получая раны, которые лечили ведь тоже, можно сказать, врачи — солдаты-водители, солдаты-механики и, наверное, инженеры.

Ну, и вот! После войны потихоньку-помаленьку машины, прошедшие войну, и прежде-то всего усталые грузовики стали приезжать к нам обратно, и людям думалось — возвращаться, хотя, пожалуй, редкая машина могла вернуться-то, это было бы настоящее чудо. И, говорят, оно где-то явилось: демобилизованный шофёр, ушедший на войну вместе с машиной, с ней же и вернулся назад, пусть израненной, но действующей. Да что там! Ходят по земле легенды, что солдаты-конюхи — выбить бы их имена золотом в камне, как и имена их лошадей! — уходили на войну вместе с конём из колхоза и, оттопав всю войну, возвращались с тем же коньком, верно отслужившим и своему хранителю-человеку и всей Родине — понятию ему недоступному, но очень даже любимому.

А в войну, когда несчастные газогенераторки дымили своими самоварами по улицам русских городов, родилось и утвердилось ребячье баловство, опасное для жизни.

Из твёрдой проволоки делался крюк и этим крючком цеплялись за задний борт машины и двигались за ней на коньках, приделанных к валенкам.

Рисковую езду начинали с лошадиных повозок: лошадь всё-таки идёт медленнее любой машины, даже газогенераторки, и можно было зацепиться своим крюком и прокатиться в своё, можно сказать, удовольствие, но в ясное неудовольствие извозчика или, чаще, извозчицы, которая управляла своей усталой кобылкой.

Вот-вот, усталой! Разве не жаль лошадей, которые даже и снаряды поначалу от заводов к станции перевозили, да и вообще! Живая тварь — глянёт лиловым глазом, будто укоризной окатит, и стыдно становится, совестно. Проедешь метров пять-десять, да и отцепишься! Другое дело — незримые лошадиные силы, упрятанные в железках и сладко пахнущих моторных выхлопах!

Я и сам не раз и не два цеплялся за конские повозки, всякий раз испытывая угрызения совести перед лошадами разных мастей. И за газогенераторку цеплялся без всяких уже угрызений совести — они пёрли медленно, особенно в гору, ну как тут не испытать свою незрелую отчаянность, не только девчонкам там всяким, прохожим старушенциям, но и самому себе демонстрируя безопасную, в общем-то, удаль.

А вот к машинам, вернувшимся с войны, лично я испытывал не только почтение, но и священный трепет.

Они бесстрашно носились по улицам, отчаянно бибикая и тем самым приказывая посторониться, тормозили со скрипом на поворотах, отчаянно дули своими выхлопными трубами, а пара-тройка американских “студебеккеров”, высоких ростом и предназначенных с ходу брать лёгкие препятствия, вообще останавливали всякое дорожное движение, когда эти машинищи, как паровозы какие, двигались посередине мостовой, прижимая к обочинам не только повозки, запряжённые лошадьми, не только газогенераторки, но и бензиновых ветеранов, вернувшихся из мест сражений.

И вот эти-то “студебеккеры” могли тащить с собой хоть десяток шалунов на коньках, примотанных к валенкам, не испытывая ни малейшего напряжения.

Стоит ли сомневаться в том, что первым в этих гроздьях нарушителей спокойствия, цеплявшихся к грузовикам, был Лёнька.

Снова он царствовал на дороге.

13

Конечно, местные власти замечали стаи пацанов, цепляющихся к машинам. Наверное, проводили работу среди остальных, как принято выражаться. Нам в классе частенько читали краткие, но доходчивые нравоучения про то, что глупо погибать под колёсами грузовика, когда надо учиться, чтобы смело смотреть в послевоенное будущее.

Не надо ухмыляться! Так или иначе, это действовало! Я-то до сих пор думаю, что действовало, прежде всего, низкое качество моих, например, снегурочек, затянутых верёвкой с палочкой — такой примитив! Верёвки рвались, палки ломались, и хотя действительно в валенках с коньками можно было прыгнуть в неглубокий, притоптанный снег и в случае чего просто побегать, а не поехать, всё-таки ощущение своей технической неоснащённости слегка придавливало неразумность и уступало место более или менее трезвому расчёту: ради чего гробиться, если коньки худые?

И я замечал, что число ребят с крючьями потихонечку убывает.

Один Лёнька-железнодорожник упорно цеплялся за машины.

Нашу улицу он покинул давно и, как оказалось, навсегда, но на главных дорогах от вокзала до заводов, — а их было всего две, — он, мне порой казалось, просто жил.

Сколько раз я там ни появлялся по каким-нибудь случаям, оглянись по сторонам и, если увидишь грузовик, а особенно “студебеккер”, подожди минуту-другую, и всегда увидишь победоносного Лёньку, который, будто артист какой, катит себе на коньках с ботинками, и в одной руке у него длинный крюк, зацепившийся за машину.

Тут всё-таки надо пояснить, что в войну, да и многие годы после неё дороги, — по крайней мере, в нашем городе, — никто не убирал, снег не просто слёживался, а спрессовывался, машины, вернувшиеся с войны, их глянцевали, а то и растирали до настоящего льда, который скрывался под укатанным снегом, и ехать на коньках по дороге было чистое удовольствие.

И Лёнька стал чуть ли не городской достопримечательностью. Когда классная руководительница просвещала нас насчёт опасности таких увлече-

ний и полезности простых катков, число которых увеличилось вдвое — открылся ещё один, на стадионе “Динамо”, — она не могла не столкнуться с чьим-то вопросом: что, мол, с этим парнем из железнодорожной школы, он хоть учится или нет? И почему тогда не найдут на него никакой управы?

Наша пожилая учительница затуманилась, — это бывало всегда, когда она не знала точного ответа, и, может быть, правду сказала, а может, и придумала в помощь себе неуверенные слова, что этот мальчик чистый хулиган, с ним не может справиться ни семья, ни школа, ни даже милиция, куда вызывали его с матерью.

И кто-то в шутку поддержал её:

— Фулюган с большой дороги!

Она обнадёженно усмехнулась, полагая, что до нас дошёл главный смысл её остротки, и ответила:

— Вот именно что фулюган! До хулигана не дотягивает!

14

Так и потянулась за Лёнькой эта заочная кличка — *Фулюган с большой дороги*. Почти наверняка он не знал, что его зовут так за глаза самые разные люди. Ну, ребята, это ладно, мелкотня, что с них возьмёшь... Но ведь и взрослые, а уж это — досадно!

Если бы Лёнька тогда узнал об этом — я почему-то уверен в этом! — он бы устроил какое-нибудь безобразие, только чтоб его фулюганом не звали, а звали просто хулиганом. Ведь было что-то пренебрежительное в этом почти шуточном обороте.

А так-то Лёнька вовсе *мастерился*. Такого слова сейчас нет ни в ребячьей, ни во взрослой речи, а в наше время оно существовало и определяло подчёркнутое во всём превосходство, надменное умение что-то делать лучше других, конечно, прежде всего, в навыках физических, спортивных, но и других — тоже.

Например, сильный человек мог позволить себе играючи, то есть *мастерясь*, расколоть десять береговых толстенных чурбанов, и это спокойное употребление силы и мускулов, ежели человек это делает на глазах у других, могло быть признано вот такой гордыней. Могли сказать: *мастерится*.

В спорте гимнастка, превосходящая других, могла, скажем, упражнение на турнике выполнить блестяще, но скромно, никого не унижая своим мастерством, и это ценилось безмолвно, невысказанным признанием. А другая могла, делая то же самое, подчёркивать своё умение неприкрытой гордостью, отличимостью от других, желая даже внешностью своей, всей отточенной своей фигурой и, конечно, мастерством неуволимо дать понять окружающим своё личное превосходство.

Лёнька был лучшим цепляльщиком за грузовушки — легковых ещё почти не было, а те редкие, что ездили, перевозили начальников, и даже Лёнька за них не цеплялся из чувства почтения. Но в этом своём цепляльном признании Лёнька-железнодорожник стал задаваться. То есть *мастериться*.

Когда “студебеккер” шёл в гору, он, конечно, использовал его мощь и был от машины на расстоянии своего крючка метра в полтора. Но когда трёхосный автомобиль подкатывал к краю спуска, Лёнька нагелел, приближался к машине вплотную, ухватывался за борта кузова рукой и катился рядом с рычащим железным чудовищем”, порой притормаживая, чтобы не обогнать его, и являл окружающим своё свободное владение коньками рядом с громадными и опасными, почти до его плеч, колёсами.

Это и называлось — *мастериться*.

Да уж! Лёнька теперь не отбирал бутерброды у малышей, не жрал их за забором, как загнанный волк, а *мастерился*, цепляясь за “студебеккеры”, форсил перед городом и миром.

И никто не знал, где взял этот мальчишка коньки на ботинках. После изучения картинок в книжках, я знал, что коньки были хоккейные! А значит, довоенные.

С приходом Победы хоккей ещё не добрался до глубин России, значит, их откуда-то привезли!

И вот здесь наступает обрыв.

Город облетает молва, что Лёнька попал под машину, за которую цеплялся.

И ему отняли обе ноги!

Будто какой-то чёрный вихрь пронесся надо мной при этом известии. Я ничего не переспрашивал, а просто молчал. Лёнька, этот проклятый Лёнька-железнодорожник был мне не друг, а враг, он отнял у меня яблоко, но главное, кляссер с марками и только по причине какого-то чуда отец так ни разу и не спохватился, где его чудесная коллекция! И что будет ещё, когда спохватится! Но мне было отчаянно жаль Лёньку!

Всё получалось так глупо — цепляться за машины, *мастерясь*, но и на самом деле цепляясь лучше всех в нашем городе...

Ах, Лёнька... Да и почему он “железнодорожник”, ну, да это ладно, потому что в двух железнодорожных школах нашего городка учились ребята, к железной дороге отношения не имевшие. Но где его мать? Про отцов тогда не спрашивали, потому что вместо ответа можно было сразу нарваться на слёзы, но вот мать?.. Почему она не урезонила его, и как он теперь будет жить?

15

А никак!

Жизнь, окружающая нас, не просто сурова, как истина. Она и есть истина в последней инстанции.

Жизнь как бы говорит всем нам: вот я тебе дана, и не просто радуйся — хотя этого никто не запрещает, радуйся, пока дают! — но ты ещё береги меня! Не обращай ко мне, как к бесконечности, я же конечна! И когда ты это поймёшь, постарайся использовать меня разумно, с толком, со смыслом, с пользой для своего собственного ума и сердца и с радостью для других — близких и чужих.

А если нет, если ты этого не поймёшь и не оценишь, ты лишишься меня, и никто не будет виноват, что тебя забудут.

Очень быстро.

Лёньку забыли сразу. А и кто обязан был помнить *Фулюгана с большой дороги*, окружённого безликим дитячьим комарьём! Р-раз! — и всё исчезло. И, может, эти комаришки пропали первыми.

Жизнь двигалась своими большими, тяжёлыми шагами, переступая через павших — детей и взрослых. У неё нет жалости, если ею не дорожат. И Лёнька удалился из моего сознания.

16

Прошло года полтора.

Да что там годы, неделя-то мальчишечьей жизни — это торопливая эпоха, если при том войны уже нет, и отец дома — вот он, курит по вечерам свой мундштучок и говорит про самые обыкновенные домашние дела.

Возвращение с войны отца меня, честно сказать, как-то переменяло. Получать пары, даже по математике, стало неловко, хотя я никак не мог вписаться во все эти теоремы и формулы, и если назревала неприятность, я просил нашу математичку поговорить со мной после уроков, чтобы допонять, додумать, как дорешать неодолимую задачку. Со мной, как и со всеми, кто подвигался на такое прошение, обращались внимательно, и двойку, если она уже стояла в дневнике, переписывали на трояк при второй, подтверждающей, учительской подписи.

А ещё я записался в лыжную секцию, которая летом сама собой превращалась в легкоатлетическую, и, честное слово, сразу стал жить как-то увереннее.

Может быть, просто у меня появилась новая компания и тренер, незабвенный Всеволод Васильевич, человек немногоречивый, сдержанный, даже

краткий, к каждому относившийся с ровной справедливостью. Чемпионов он среди нас не искал, даже в необозримом будущем, а просто приучал к упорству, терпению и желанию научиться таковым знаниям, что всегда и всюду пригодятся.

Я почувствовал, что где-то неподалёку у меня появилась хорошая компания. И ещё я почувствовал, что набираю силы. Ноги становились крепче и как-то взрослее, плечи вдруг расширились — ведь лыжные палки всерьёз наливают мышцы, да и дышать я научился как-то легко, освобождённо.

Теперь-то я знаю, что это просто взросление наступало во мне, делало первые шаги. Ребёнок превращался в юношу, почти молодого мужчину, но пока что до этого ещё бежать и бежать. А вот именно сейчас ко мне приступало отрочество. Когда мы ещё не взрослые, но уже и не дети.

И на отца я теперь смотрел не как малое, но всё же не вполне разумное дитя, только в нём единственном ищущее защиту, а как на главного взрослого моей жизни. Он долго не говорит — скажет фразу-другую, ты задумаешься, поверишь, и всё как-то становится на место, успокаивается, наступает уверенность. Я так хотел верить ему!

И мамины речи оказываются не просто торопливыми хлопотами, беспокойством, а разумным предупреждением, советом, оберегом от ненужных испытаний.

К тому же я много читал. Уйму книг! Ну, да ещё и уроки! Забавное, точное и всегда повторявшееся, по крайней мере, со мной, правило: чем больше занят делом, тем жизнь становится спокойнее. Наверное, от своей определённости.

17

Настала очередная весна, лыжи с “ратафеллами” — это такие крепления были для ботинок; да и лыжами мы пользовались в секции вполне достойными! — сданы на склад, а мы три раза каждую неделю собираемся в спортзале Дома физкультуры — бывшем монастыре.

Мой путь отсюда был разным, мы шли толпой, тающей постепенно, и любили ходить дорогами не главными, не основными, даже, можно сказать, боковыми, непроезжими, а то и покороче — проходными дворами.

А в тот день я вышел на главную улицу. Ничего, собственно, это не означало — вышел и вышел, двигался лёгкой походкой после тренировки, на булыжной мостовой взблескивали остатки воды, и, сияя на солнце, эти маленькие подобию лужиц слепили глаза.

Эту нашу главную улицу пересекал овраг, а через него пролегал массивная насыпь, и вот на краю этой-то насыпи всегда толкалась толпа людей, торгующей всякой мелочью. Например, там годами, — можно сказать, всю войну, — топталась измождённая тетка с поллитровой банкой в руке, а в банке этой — чудо, притягивающее взгляды всех детей! — блистали сладкие петушки. Этакie карамельки в форме петушков и на палочках. И цвет у них был самый что ни на есть соблазнительный: красные, жёлтые и даже зелёные.

Ещё в войну мне мама купила такого красного петушка, принесла порадовать, и я радостно обсосал его, а потом и догрыз. Но дальше! Дальше меня стало тошнить, и мама отпаивала меня чаем и почём зря ругала торговку, подозревая, что та делает эти петушки уж точно на сахарине, да и краситель у неё, наверное, какой-то зловердный. Разве бывают петушки зелёными?

Мама рассказывала, что на другой же день после работы она кинулась на ту толкучку, хотела ругаться и требовать объяснений, но именно той худой тётки не оказалось, а ругаться с другой, потолще, но с той же самой банкой петушков, смысла не имело.

Ну, и вот я, подросший и независимый, подхожу к этим петушкам, оглядываю букеты искусственных цветов — то ли на комод, для украшения к 8 марта, то ли на кладбище, пока живых цветов нет, — и возле ступенек парикмахерской, где и располагался этот толчок, тоже привычным, ничему не удивляющимся взглядом оглядываю попрошайек — нищими назвать их не позволяла совесть.

Три, четыре, а то и пять безногих военных инвалида сидели тут всегда, привязанные к деревянным тележкам с шарикоподшипниками, чтобы передвигаться на этих колёсиках.

Все они были в военной форме, только без погон — это кем-то не дозволялось, — все были в разной степени пьяны, и все просили подавание.

Впрочем, чаще всего и не просили! А требовали! Каждого из них городской народ знал по именам, бросая в перевёрнутую фуражку или пилотку мятую денежку, говорили: “Возьми, Ваня! Прими, Вася!” Но быстро отходили. Уж больно требовательными были просители! Кричали матом, совершенно не стесняясь ни женщин, ни детей! От мужчин, обходивших их, чаще всего, по другой стороне улицы, требовали неизвестно чего, укоряя их особо изысканными оборотами за то, что те почему-то остались и с ногами, и с руками, хотя война прошла!

Особенно пьяным был боец по имени Миша. На гимнастёрке у него висела медаль “За отвагу” с одной стороны и орден Красной Звезды — с другой, а такими наградами, особенно “Звёздочкой”, не каждый отвоёвавший похвастаться мог. У моего отца, например, ордена не было, а “За отвагу” была.

Миша играл на гармошке и по утрам, пока ещё не собрал подаваний, был трезв, вызывал к себе явное сочувствие прохожих. Ему щедро бросали рублики и копейки, через час он менял капитал на чекушку, а к концу-то дня напивался до краёв и выглядел безобразно. Милиция, тем не менее, инвалидов не трогала, помогая лишь, когда, например, жена Мишина не могла уговорить героя своего зажурчать своими маленькими колёсиками по неровной мостовой, то есть стронуться с места.

Словом, на дамбе был толчок, парикмахерская, как центр мироздания, куда приходил — хошь не хошь! — всякий человек мужского пола, да много и женского, и вот эта стоянка безногих бойцов миновавшей войны. Все к ним привыкли. И я тоже.

Но тогда, обозрев привычный вид, я просто споткнулся.

Возле пострадавших в боях воинов, на отшибе от них — значит, погна-ли! — на такой же тачке с подшипниками сидел пацан.

И это был Лёнька!

Ставший совсем другим человеком, можно сказать, сильно подросший отрок, я с детским старым трепетом приблизился к нему. И уставился на него.

Да, это был Лёнька! Я вглядывался в его лицо, я разглядывал его плечи, руки, туловище, я глядел на остатки его ног в подвёрнутых, хотя и обрезанных брюках, зашитых неровной и грубой стёжкой, я глядел на шапку — обычную, потрёпанную зимнюю ушанку с завязанными ушами, перевёрнутую к милосердным людям, — и всё во мне раскачивалось.

Что я испытывал к Лёньке!

Да ничего, кроме жалости. Всё, что было дурного, память одним махом вымела из меня, даже кляссер.

Я просто думал, как же так он оказался тут? Ведь он пацан, пусть старше меня. И почему его кто-то отпустил сюда? Как вообще такое происходит?

Лёнька тоже смотрел на меня. Не так, как раньше, не равнодушно и не брезгливо, будто на слабака. Он смотрел, будто узнавая меня по-новому. Да и вообще, словно впервые по-настоящему знакомясь со мной.

И тут я вспомнил, что у меня в заднем кармане брюк есть трёшка — три рубля зелёного цвета одной бумажкой, моё денежное сокровище. Я полез в карман, а потом положил деньги в Лёнькину шапку.

И вдруг он сказал мне:

— Не надо! Я твой должник!

Разговаривать сверху вниз было неудобно, нехорошо.

Я сел на корточки перед Лёнькой и ничего разумного, никаких умных слов не лезло мне в голову. Но и молчать было глупо. Просто проговорил:

— Как же так, Лёнька?

Он смотрел мне в глаза, и я увидел совсем другое лицо другого человека. Оно дрожало мелко-мелко. И скулы у него ходили ходуном. И не могли не дрожать губы.

— Убьёт, убьёт! — прошептал Лёнька. И стал лихорадочно вынимать мою единственную трёшку из шапки, сунул её мне обратно. Мелочь бросил на землю — да и было там несколько монеток.

— Кто убьёт? — спросил я запоздало, и Лёнька, взяв в руку деревянные колодки, которыми надо было отталкиваться от земли, чтобы ехать на тележке, ответил уже спокойно:

— Отец!

И поехал по тротуару с толчка, где слипались вместе беда и отчаяние с крошками послевоенной радости.

Я посмотрел ему вслед. И кто-то спокойный сказал мне изнутри меня самого:

— Иди с ним. Помоги ему.

Я поравнялся с каталкой, и мы поначалу двигались рядом. Лёнька молчал, молчал и я. Но ведь нельзя было не понимать, как трудно ему отталкиваться деревяшками от земли, местами мокрой. Ног у человека не было, значит, требовалось всю силу употребить в плечи и руки. А впереди простиралась пологая гора.

Запахавшийся, да что там — мокрый Лёнька снял шапку и остановился.

— Давай помогу тебе, — проговорил я.

— Как? — спросил он.

— Буду толкать тебя в спину, ты просто крепче держись руками за каталку.

Мы попробовали. И это получилось!

Я толкал Лёньку в спину — а спина у него была худощая! — и коляска катилась вперёд, мягко журчала подшинниками! Я упирался изо всех сил и думал, что сам бы Лёнька не въехал в эту некрутую горку. А если бы она была крутой?

Мы почти не говорили. Теперь уже задыхался я, Лёнька упирался в мои руки спиной, и для бесед не было подходящего состояния.

Мы передвигались по улицам, ехать дворами было безнадёжно — земля там раскисла. А дороги наши известны какие тогда были!

Наконец, добрались до скособоченной избушки за дырявым штакетником, и Лёнька велел остановиться.

— Как ты и добрался-то туда? — удивился я.

— Сам не знаю, — ответил Лёнька. И добавил: — А чего! Времени у меня теперь навалом!

Я ничего не ответил, не мог судить ни о его времени, да и о нём самом.

— Слушай! — сказал он вдруг мне. — Меня вообще-то засекли.

— Кто? — спросил я.

— Да училка из нашей школы! Настучит отцу. А он машинист, составы гоняет!

Он помолчал. Проговорил не очень-то понятное:

— Я и так для него одна беда. — Снова помолчал.

— Хотел меня в суворовское отправить, да теперь какое там!

— А мать? — спросил я.

— Мать умерла. Да и бабушка лежит пластом. Потеряла, поди, меня.

Он ткнул деревянной балдашкой лёгкую калитку, прокатился до дверей, обернулся ко мне и сказал:

— Знаю, знаю! Я твой должник.

19

Надо сказать, что эта встреча совершенно выходила за правила моего характера. Война не только на взрослых как-то там влияла, но и на ребятню. В наше время если был у тебя друг, то он и должен быть другом без всяких-яких, а если враг, то он и есть враг. И уж Лёнька-то был моим не просто недругом, врагом, а — вражиной!

Тогда чего же я этак-то рассиропился? И яблоко, и марки, и множество унижений, когда он повелевал одной только бровью открыть для проверки не одну твою суму, но всей бредущей в школы малышни! Разве это забывается когда-нибудь? Разве это можно простить?

Но вот какое удивительное ощутил я чувство ещё.

Мне как будто кто-то шепнул, что дело просто в том, что виноват-то не Лёнька, а я!

Удивительно! Я не мог даже и понять, в чём моя вина, но зато ощущал её очень даже ясно. И чем дольше думал, тем понятнее становилась мне моя виновность.

А просто ко мне вернулся мой отец, и мама была со мной, и бабушка, и эта закончившаяся тяжкая война для меня была уже позади, а для Лёньки — нет. Вот в чём дело!

Его война не кончилась. Не знаю, как это случилось, и никогда не узнаю этого, но у него не стало матери, и бабушка лежит пластом, а он, слышавший героем — хулиганом с большой дороги, — потерял ноги. И хоть отец у него железнодорожный машинист, водит, наверное, могучие паровозы по имени “Иосиф Сталин” или “Феликс Дзержинский”, но для Лёньки-то, может, ещё и не видно берега.

Ещё неясен конец его войны!

А мой — ясен. И в этом состояла моя к себе собственная укоризна.

20

Теперь уже Лёнька не очень-то охотно покидал мою голову. Где-то мне удалось вычитать выражение, что, мол, если не знаешь, как вести себя, поставь себя на место другого. Но когда я ставил себя на место Лёньки, хотелось спрятаться. Я не знал ничего — ни про него, не про себя.

Тут подошёл какой-то праздник, и моя бабушка на радостях напекла много каких-то особенных пирожков из серой муки с картофельным пюре внутри. Мы поели всей семьёй, а на тарелке осталось ещё приличная кучка, и я вдруг сцапал десяток таких пирожков-пончиков, завернул в газетку и двинул к Лёньке.

Никто меня не звал, никто не ждал, поэтому появление моё на пороге скособоченной избышки и для меня самого стало полной неожиданностью.

В комнате, возле стен которой стояли две железные кровати, по центру был маленький стол, над ним висела лампочка под железным плоским абажуром, почти как на катке, а за столом чинно сидело два человека.

Один был Лёнька, а второй, без сомнения, его отец, человек высокий, худой, со впалыми щеками, с волосами, зачёсанными назад, и с лысиной, продолжающей лоб.

Когда я постучал, мне ответили сразу два голоса, а когда вошёл, настала тишина, и я почувствовал всю глупость своего положения.

На столе стояли тарелки, полные супа, а рядом ещё тарелки и тарелочки с салом, с отварной картошкой, с солёной капустой, с маринованными помидорами, в большой тарелке лежала отваренная курица. А я припёрся сюда с серыми пирожками, начинёнными картошкой.

Но отступать было некуда, Лёнька назвал меня знакомым пацаном, и отец его смягчился, особенно когда я выложил своё угощение.

— Спасибо тебе, — сказал Лёнькин отец и протянул мне руку, представляясь: — Захар Матвеевич.

Он вышел из-за стола, достал ещё тарелочку и водрузил на неё моё угощение.

— Садись за стол, — пригласил он, и, обращаясь к Лёньке, сказал ему. — Видишь, у тебя есть товарищи! А ты твердишь — нет!

Я уселся, и Захар Матвеевич приставил передо мной тарелку с ложкой и вилкой, но я чувствовал себя сквернейшим образом. Никогда в жизни ни у кого из товарищей я до сих пор не обедал. Да и ещё с таким обилием, довольно странным для скудных послевоенных годов. Мне показалось, что этого не должно, не может быть, что так по нынешним временам вообще

никто не ест, может, только какие-нибудь спекулянты, да и то не в наших краях.

А худой Лёнькин отец будто запросто слышал мои мысли. Он усмехнулся и сказал:

— Ты не удивляйся нашей еде! Я железнодорожный машинист, понимаешь? Вожу поезда к западу и востоку — до соседних больших станций, где есть паровозные депо. Довезу состав и обратно. А это трудные поезда! Тяжёлые! Возим вооружение, людей! Иногда, не дай Бог, разрываются! Сразу закупорка на целом направлении. Этого нельзя. Поэтому нас хорошо кормят. Зарплату большую дают. Я не спекулянт, не думай.

— Я и не думаю! — пролопотал я.

— А вот ты хороший паренёк, — будто и не услышал Лёнькин отец. — Принёс коржики. Тебе принёс, сынок!

И так он ласково проговорил это слово, что все мои неудобства отлетели, и я принялся хлебать суп с вермишелью.

— Вы давно знакомы-то? — Лёнькин отец переводил свой взгляд с меня на Лёньку и обратно.

Я молчал, усердно заглядывая в тарелку, а Лёнька будто язык проглотил. Захар Матвеевич свой вопрос повторил, голосом уже похолодавшим. И опять Лёнька будто воды в рот набрал.

— Бойтесь признаться, что ли? — усмехнулся худой этот человек, которого мне теперь уже тоже стало жалко. И у него ведь война-то не кончилась.

— Поди, вместе крючками за машины цеплялись? — спросил Лёнькин отец. И выдохнул, сердито бросив ложку: — Жизни своей не цените! Близких своих не любите! За что!

— Да нет, пап! — вдруг сказал Лёнька. И добавил, потупясь: — Всё куда хуже!

— Хуже? — как-то обмяк его отец. — Куда ещё хуже?

— Да я у него марки отнял. Помнишь, ты меня выпорол? Я ведь даже не знаю, как его и зовут-то! Этого-то пацана!

Лёнькин отец походил на взрослого, конечно, человека, но совершенного мальчишку. На этакое несмышлёныша, который никак не сообразит, что перед ним происходит.

— А ты? — спросил он вдруг отрывисто меня. — Знаешь, как его зовут? — он ткнул пальцем в сторону сына.

— Конечно! — ответил я. — Лёнька! А ещё его зовут “Фулюган с большой дороги”.

Я думал этот “фулюган”, смягчённый вариант “хулигана”, поможет разобраться, что к чему, и обернётся смехом. Но дядька вдруг вскочил, и я увидел какого он большого роста.

Он постоял всего мгновение и вдруг заплакал.

Да нет, он просто зарыдал, склонил лысоватую голову с зачёсанными и редкими волосами на грудь и закрыл лицо крест-накрест сложенными руками.

И всё его худое тело содрогалось от какой-то страшной боли.

Я вскочил, отодвинув стул, — ну, никак не ожидал такого разворота событий! А Лёнька всё сидел и глядел невидящими глазами куда-то вперёд.

И какое-то недетское совсем ожесточение увидел я в этом тяжёлом взгляде.

Но длилось это очень кратко — какие-то мгновения. Опершись о стол, Лёнька остатками ног вышвырнул из-под себя сиденье и больно бухнулся о пол.

Опираясь руками, он поспешно подтянул себя к ногам отца и обнял его за чёрные и трёпанные штаны.

— Папа! — крикнул он каким-то взрослым, твёрдым, почти мужицким голосом. — Не надо!

И сам зарыдал, затрясся плечами!

И вот они оба стояли возле стола и тряслись, не сдерживаясь, выли в два мужицких голоса, и тогда я, тоже трясясь и плача, крикнул — наивно,

по-щелячи, — не находя никаких иных способов успокоить сына, а главное, взрослого отца! Машиниста!

— Но вы понимаете! — крикнул я во весь голос. — Что! Фулюган! Это ещё не хулиган!

И ещё зачем-то выдумал в прибавление:

— А большая дорога! У нас одна!

И совсем сдурев, выкрикнул, вычитанное где-то:

— И нету пути назад!

Вот только тут они утихли.

Видно, все эти мои лозунги заскочили им в головы, вроде коротких молний. Говори я дольше, спокойней, убедительней, толку бы не вышло. А тут я прокричал! И всё стихло!

Первым взял себя в руки отец. Он наклонился к Лёньке, с трудом поднял его и усадил на стул, тут же подставленный мной. Вот и Лёнька отёр лицо руками, а я поднёс им по очереди полотенце, смоченное в ведре с водой.

Они улыбнулись.

Суп с лапшой, конечно, простыл. И вообще! Чего я сюда ворвался со своим подаванием?

Надо было двигаться отсюда, поскорее забыв происшествие, и я уже готовился выдумать какую-нибудь прощальную причину.

Но Лёнькин отец Захар Матвеевич вскинул тут на меня глаза, тёмные и горькие, улыбнулся и спросил неожиданно и негромко:

— Ну, так как тебя зовут? Давай познакомимся.

Я назвал, но какое это, собственно говоря, могло иметь значение? А Лёнька смотрел на меня с любопытством — будто только проснулся и разглядывает что-то незнакомое.

— Так вы руки-то хоть пожмите, — усмехнулся его отец. И мы пожали.

21

Вот, собственно, и всё.

Кроме самого главного!

Может быть, удручённый результатом неумелого сочувствия, которое обернулось горькой сценой, а может, где-то внутри себя утешаясь мыслью, что отец и сын сумеют обойтись без моего маловозрастного соучастия, я больше не заходил в ту развалюху.

А потом увидел, что окна заколочены на ней досками и избушка совсем скособочилась, как уже умершее, да, по забывчивости людей, не похороненное существо. Значит, жильцы исчезли.

Шли годы, меняя мир вокруг, моих близких и, конечно, меня. Я закончил школу, уехал в другой город учиться и на каникулы, конечно, летел домой, хотя слово “летел” носит здесь фигуральное выражение.

Конечно, ехал, а не летел. Ехал на поезде.

Я обожал появиться на пороге родного дома неожиданно, явившись чаще всего поутру, потому что поезда из города, где я учился, приходили исключительно по утрам, а некоторые — по ранним утрам. И я часов в шесть, когда все ещё дома, являлся как взошедшее солнце, вызывая не только родительский смех и восклицания, но и бабушкины родимые стоны.

Поезда эти были очень разными, числились среди них и “скорые”, которые не тормозили возле каждого столба, и хоть эти оказывались подороже, я стремился на них, даже попадая на проходящие, и уж эти-то точно были скорыми: разве можно тихо гонять поезда по имени, например, “Владивосток—Москва”.

Однажды, с такого вот поезда, проходящего через город, где я учился, и далее через город, где родился, я сошёл на родной перрон очень рано, часов в пять, и оказался едва ли не единственным, вышедшим из вагона.

Сняв свой фанерный чемоданишко с лесенки, я развернулся, чтобы рвануть к выходу, и вдруг — лоб в лоб — столкнулся с двумя высокими людьми в чёрной форме, с молоточками на околышках фуражек. Это были железнодорожники.

Я хотел было обогнуть их, чтобы не задерживаться, и вдруг один из них окликнул меня по имени.

Я уставился на него, с трудом вспоминая, где мог видеть этого пожилого человека, и тут второй легонько стукнул меня в плечо.

Вот это да! Передо мной был Лёнька и рядом с ним стоял его отец — как же зовут? Ну, да и Лёнька-то! Он же на ногах!

Я только и мог выпалить:

— Лёнька! Как же ты?

— Да так, — усмехнулся почти взрослый Лёнька, которого я бы мог и не узнать на бегу. — Отец вон раздобыл такие пиллоли! И ноги у меня выросли по новой!

И расхохотался, разглядывая, видно, моё дурацкое непонимание.

— Эх! — вздохнул его отец. — Если бы сбывались такие чудеса, да я бы... — Он помолчал.

— Конечно, протезы, надо вот новые делать, натирают культи!

Я смотрел на них, переводил взгляд с одного на другого и как бы ждал, что они ещё скажут. Помнил, как тогда, за столом у них, Лёньку подвёл.

— Я кончил ФЗО, — сказал Лёнька и покровительственно похлопал меня по плечу, — работаю с отцом, у него помощник. Так что помощник машиниста. А ноги...

Он посмотрел на свои ботинки, ничем не отличавшиеся от моих.

— А ноги машинистам не помеха.

В двух словах я рассказал про себя — мол, учусь, мол, в таком-то городе. Пожали друг другу руки, я пошёл к выходу с перрона, и вдруг меня окликнул старший. И тут я вспомнил, его зовут Захар Матвеевич.

— Коль! — крикнул он мне. — А какая всё-таки разница-то: фулюган или хулиган?

Я ответил:

— Фулюган это ещё не хулиган. — И вдруг выдумал: — Да и не будет им никогда!

22

“А марки?” — спросите вы.

Где пухленький господин классер с отцовскими марками? Я так об этом и не узнал.

Может, Лёнька их продал или променял? Может, пропали, как пропадают безвестно люди. А марки — не люди, и я про них тогда забыл. Потому что, может, мой отец так и не спросил меня — где они?

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ГЕНЕРАЛИССИМУС ПОБЕД

Подборка стихотворений об И. В. Сталине, публикуемая ниже, складывалась в течение сорока лет, начиная с 1974 года. Не могу сказать, что моё отношение к покойному советскому вождю было неизменным, как это может показаться из стихов. Оно было в различные периоды истории разным, но всегда уважительным. Более того, с годами, особенно с обстановкой, сложившейся в России в 90-е годы, это уважение лишь возросло. Ставшие доступными многочисленные исторические материалы и факты неопровержимо свидетельствуют: многие шаги Сталина, главного создателя советской России, были продиктованы не особенностями его “злодейского характера”, как нам внушают до сих пор, но сложившейся вокруг страны и внутри неё обстановкой. Даже такой непримиримый противник коммунизма, как Черчилль, вынужден был признать, что фигура советского вождя, как никакая другая, “импонировала жестокому времени”, в которое он жил и руководил Россией. А время было неприкрыто хищническим. Такой сдерживающий фактор, как атомное оружие, появился лишь в самом конце его эпохи, так что советскому лидеру приходилось опираться не только на естественных и “единственных союзников” России — армию и флот, как говорил царь Александр III, — но и на непомерно усилившиеся органы государственной безопасности.

Благодаря усилиям историков-патриотов, дипломатов, лучших представителей технической и художественной интеллигенции России подготовлены все условия для реабилитации образа Сталина, оболганного Н. С. Хрущёвым и рядом представителей так называемой либеральной интеллигенции. За рубежом в целом ряде стран отношение к Сталину сохранилось гораздо более взвешенным. Например, во Франции некоторые памятные места Парижа до сих пор хранят его имя. Народное мнение в нашей стране о советском вожде как о великой личности и самом успешном руководителе страны тоже в целом неизменно, о чём свидетельствуют результаты соцопросов, телевизионная игра “Имя — Россия”, проведённая на первом канале российского телевидения в 2008 году, или невероятный успех фильма Фёдора Бондарчука “Сталинград”.

Однако официальная оценка советского периода нашей истории, создателей и руководителей Советского государства Ленина и Сталина остаётся, мяг-

ко говоря, неопределённой или негативной. Попытки восстановить прежнее название города Сталинграда, несмотря на преобладающее общественное “да”, натываются на ничем не объяснимое сопротивление: “весь мир — против”... Хотя слово Сталинград, по свидетельству Николая Старикова, присутствует в названиях нескольких тысяч объектов в одной только Франции! А ежегодно и торжественно отмечаемые у нас праздники Дня Победы сопровождаются полной амнезией по поводу имени Верховного главнокомандующего. Складывается ощущение, что мнение Запада (даже после санкций) и анти-сталинский настрой нашей либеральной элиты для власти до сих пор важнее, чем мнение народа. Невольно напрашивается параллель наших СМИ с нынешними украинскими. Там пытаются внушить, что ополченцы обстреливают сами себя, а нам — что в Отечественной войне “победил народ вопреки Сталину”. Не стану входить в объяснения данного внеисторического абсурда (потому что никогда великие победы не одерживались против воли великих руководителей), это не дело поэзии. Стихи мои продиктованы личными наблюдениями. Поэтому позволю себе предварить их публикацию некоторыми комментариями.

Сразу же оговорюсь: на это отношение к Сталину и советской власти никак не повлияли перипетии моей личной судьбы — попытки исключить меня из партии за идеализм и богоискательство, длившиеся три года и включавшие не менее 70 партсобраний и иных разборок, которые завершились строгим выговором с занесением в учётную карточку и шестью годами работы грузчиком на хлебозаводе. Всё это сделало из меня поэта и ещё больше укрепило уважение к советской власти и Сталину.

Например, стихотворение “Комаровка” написано на основе впечатлений от командировки на томский Север в 1974 году, где я видел в глухой тайге “кулацкие посёлки”, построенные ссыльными крестьянами в 30-е годы. Уже тогда они были брошены, жители переселились либо в города, либо в крупные населённые пункты области. И что характерно: при встрече с потомками бывших ссыльных, а также с ними самими (некоторые в ту пору были ещё живы) я не слышал проклятий в адрес сталинского прошлого. У меня были даже встречи с эстонцами, высланными в Сибирь уже после войны. Я спросил одного из них, почему он не вернулся на родину, когда это было разрешено. Ответ был такой: “Что мне делать в Эстонии? Я — охотник, привык к просторам. А Эстония — пуговица в сравнении с русской шубой”. Мой собеседник при этом красноречиво указал на свой волчий полушубок, видимо, сшитый из добытой собственными руками шкуры зверя. Повторюсь: ни от одного обитателя брошенных “комаровок” я не слышал ни слова хулы на Сталина или на советскую власть. Именно это обстоятельство позволило мне закончить стихотворение словами:

*...Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помнящему той эпохе зла.*

Стихотворение “Баллада о директоре завода” написано со слов моего отца, которому один из “красных директоров” военного времени рассказал служившую ним лично историю. Мой отец в 1941–1945 годах не воевал, он работал на оборонном заводе сначала мастером, потом начальником цеха. Для этих людей, то есть тыловых руководителей, существовала так называемая “бронь” — на фронт их не брали, но они обязаны были чуть ли не круглосуточно трудиться на производстве. В конце 1942-го он в результате непомерного труда тяжело заболел туберкулёзом и гепатитом одновременно. Помню жёлтое лицо отца, помню, как у него вместе с кашлем изо рта лилась кровь, человек умирал. И вот в самое, можно сказать, тяжёлое для страны время моего отца посылают на курорт в Хабаровский край, да ещё на два месяца. Он вернулся здоровым, полным сил и благодарности. И тут же подал заявление с просьбой принять его в ряды ВКП(б). Именно на хабаровском курорте отец познакомился с лечившимся там директором металлургического завода, об раз которого лёг в основу стихотворения “Баллада о директоре завода”.

Что касается Сталина, то мой отец всегда хранил уважение к его личности.

В 1943-м мне, 12-летнему мальчишке, самому пришлось с июня по август поработать на отцовском заводе учеником токаря. Я был свидетелем и участником трудовой обстановки, которая царила тогда. Спрос и ответственность были весьма суровыми, основной трудовой контингент составляли женщины и подростки, рабочие смены продолжались 12 часов. Несмотря на всё это,

завод полностью справлялся с задачами фронта. Да, был жёсткий спрос, но была умело поставленная идеологическая работа, вера в победу. Одни подростки трудились на заводах, а другие бежали на фронт к сражающимся отцам. Люди припадали к радио, жадно слушая военные сводки. Доверие к средствам массовой информации, а особенно к тому, что было сказано людьми власти, было безусловным. Словосочетания “правительственный чиновник” в ту пору вообще не существовало.

Годы войны и несколько лет после неё я жил в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, который и по сию пору считается одним из самых криминализованных в Российской Федерации. Можно представить себе, каким он был в “сороковые-роковые”. Так вот, в 1948-м в городе появились антисталинские листовки. Как выяснилось, их напечатала подпольная группа, созданная из учащихся старших классов мужской средней школы № 10 Ленинска-Кузнецкого. Я был знаком в некоторыми участниками. Позднее этот эпизод попал в “Архипелаг ГУЛАг” Солженицына, где автор завершил рассказ такими словами: “Все школьники-участники подпольной группы были арестованы и бесследно сгинули в застенках ГУЛАга”. Но это ложь! В 1948 году я учился в десятом классе школы № 10 Ленинска-Кузнецкого, был знаком с некоторыми авторами листовок и участниками подпольной группы. Их действительно арестовывали, допрашивали, но через месяц отпустили. Поступок квалифицировали как “юношескую идеологическую незрелость”. Дали доучиться в школе, получить высшее образование и на дальнейшей их карьере этот демарш никак не отразился. Некоторые из них стали впоследствии директорами заводов, начальниками шахт, учёными.

После окончания десятого класса я один год (1949) работал сотрудником городской газеты “Ленинский шахтёр”. Однажды пришедший на работу утром редактор М. И. Ульянов (хорошо помню до сих пор его фамилию и имя-отчество) обнаружил чудовищную по тем временам ошибку — слово “Сталинград” было напечатано без буквы “р”. Потрясённый Михаил Иванович кинулся по газетным киоскам выкупать успевший поступить в продажу тираж газеты. Тем не менее, ошибка была замечена, и Ульянова вызывали в соответствующие инстанции “на ковёр”. Дело ограничилось партийным выговором.

Двумя годами раньше, в 1947-м, мы с моим товарищем Николем Киселёвым, студентом горного техникума, участвовали в городской читательской конференции, посвящённой только что вышедшей и получившей Сталинскую премию книге Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке” — о герое лётчике Алексее Мересьеве. Уже тогда эта книга считалась культовой. А мы с Николаем осмелились критиковать её за низкий художественный уровень, за “плакатность”. Некоторые участники конференции даже называли наши запальчивые мальчишеские выступления “антисоветскими”. Но нас никуда не вызывали и не подвергали никаким санкциям. А мой покойный ныне старший друг стал впоследствии доктором филологических наук Томского университета.

Приходится говорить об этих фактах, потому что время культа личности Сталина до сих пор грубо искажается, рисуется в сугубо чёрных тонах как время “бессмысленных запретов” и борьбы с малейшими проявлениями инакомыслия. Бытует мнение, что за чтение стихов Есенина будто бы сажали в тюрьму, а Борис Пастернак как критик Сталина вообще не издавался. Два слова на этот счёт.

Читательская конференция, о которой говорилось выше, была организована литературным кружком при городской библиотеке. Я посещал кружок с 1945-го по 1949-й год. Помню обсуждение томика лирики “инакомыслящего” Есенина.

Директор библиотеки Клавдия Ивановна Гоголева разрешала нам с Николаем Киселёвым рыться в книжных фондах, где обнаружили в 1945 году целый ряд сборников стихов другого “еретика” — Бориса Пастернака, который уже тогда, в сталинское время, высказывал своё несогласие с положением поэта в советском обществе: “Напрасно в дни великого Совета, / Где высшей страсти отданы места, / Оставлена вакансия поэта. / Она опасна, если не пуста”. В другом стихотворении, посвящённом самому вождю, Пастернак прямо позиционировал себя адресату как полюс “противоположного начала”. И поэту подобные “вольности” сходили рук! Историки рассказывают, что когда Берия приносил Сталину на утверждение “репрессивные списки, генсек неизменно вычёркивал фамилию Пастернака: “Не трогай этого небожителя!”

Фразу истолковывают по-разному. По-моему же, смысл может быть только однозначным: вождь понимал, с кем имеет дело. И понимание было обоюдным. Все позднейшие измышления о том, что Пастернак скрывал свои истинные взгляды на вождя, унижают великого поэта. Талант не может носить кукиша в кармане, это удел посредственностей, которые при жизни диктатора получали Сталинские премии, а после его смерти перевернулись в обличителей культа.

В 60-е годы была популярной бойкая песенка, написанная Юзом Алешковским (её выдавали за фольклорную), с такими ироничными словами:

*Товарищ Сталин, вы большой учёный,
в языкознание знаете вы толк.
А я простой советский заключённый,
и мне товарищ серый брянский волк.*

Песенка намекала на участие Сталина в общесоюзной дискуссии по вопросам языкознания (1950). Либералы отпустили по поводу некомпетентности Сталина (чья библиотека насчитывала более 20000 книг, испещрённых многочисленными пометками, а норма чтения составляла сотни страниц в день) множество и других насмешливых замечаний.

Сошлюсь на личный опыт. Я в ту пору учился на первом курсе историко-филологического факультета, где в курсе “Введение в языкознание” нам преподавалась весьма странная, господствовавшая в ту пору “марксистская” теория академика Н. Я. Марра о языке, как “надстройке” и “классовом” феномене. Вполне серьёзно утверждалось, что в дореволюционной России существовало два языка: один обслуживал якобы интересы правящих классов, другим пользовались угнетённые массы народа. Выступивший в газете “Правда” И. В. Сталин подверг теорию Н. Я. Марра уничтожающей критике как не имеющую ни малейшего отношения к марксизму. Выступление вождя вернуло русскому языку его общенациональную функцию, а советскому языкознанию как науке — здоровую обстановку в научной среде, поскольку марризм навязывался учёным насильно, даже репрессивным путём.

В последующие годы учёбы в университете, помню, мы пристально изучали другие труды И. В. Сталина, например, его работу “Экономические проблемы социализма” и речь на XIX съезде компартии СССР, которые впоследствии вызывали издёвки либералов на тему примитивизма и необоснованных научных претензий.

Между тем, сами по себе упомянутые работы Сталина и теперь сохраняют провидческую ценность. Например, в “Экономических проблемах социализма” есть утверждение, что в будущем обществе денежные отношения будут заменены прямым продуктообменом. Даже сегодня такой прогноз может показаться странным и еретическим. Но разве американская мамона не торжествует сегодня в мире над Богом и дальнейшее торжество становится непосильным для экологии планеты? Разве это не источник всех видов катастроф именно в наше время? Разве не перспектива голода во всемирном масштабе признаётся главной угрозой экспертами ООН?

В очень короткой речи И. В. Сталина на XIX съезде ВКП(б) (1952) есть такие слова:

“Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. Так обстоит дело в настоящее время”.

Всё верно, за исключением последней фразы. Она опередила сталинское время. Так “обстоит дело” лишь теперь, когда В. В. Путину как наследнику русского и советского пути развития нашей страны самой логикой истории предписано выполнять многие заветы Сталина, даже если от этого он будет вынужден публично отречься. Недаром уже сегодня столь шумны на Западе обвинения нашего президента в возвращении к сталинизму. Хотя именно Путин на практике строго соблюдает все правовые установки и обязательства,

принятые демократическим Западом, и подчёркивает, что цена сталинских побед неприемлема. Сам Сталин, конечно, отстаивал национальный русский путь отнюдь не демократическими методами. Но, как мы видим, он вовсе не абсолютизировал свои жестокие методы, говорил о необходимости реформ в стране. Но реформ в “свое время”, по его выражению, — видимо, имелось в виду время наше.

Кстати, сам Сталин, сохраняя основой своей личности твёрдый волевой стержень, заключённый в его псевдониме, постоянно учился, менялся и рос, заражая своим импульсом страну и молодёжь. Я сам могу свидетельствовать об огромной тяге к знаниям у народа в послевоенный период. Иосиф Джугашвили времен “эксов” и генералиссимус Сталин с его эволюцией от партийных идеологических приоритетов к общенародным — два разных человека. Для пользы страны он был готов брать лучшее из арсенала своих геополитических противников: вспомним его призыв к управленцам “соединить русский революционный размах с американской деловитостью”. Куда более вдумчивой, нежели у Ленина и у Хрущёва, была политика Сталина и в отношении Церкви. Бывший семинарист, он никогда не позволял себя издевательских высказываний по поводу Бога, как это неоднократно можно было встретить на страницах ленинских текстов. А в судьбоносный момент гитлеровского нашествия мобилизовал православный потенциал народа и, отвергнув атеистические догмы, привлёк верующих к борьбе с врагом. Сталин был гибким и научился за годы своего правления очень многому. Это только наших либералов двадцать лет реформ ничему не научили, они остались такими же твердолобыми и не знающими историю догматиками, как во времена гайдаровских реформ.

Соотношение нашего времени и сталинского приобретает сегодня принципиальное значение. Продолжая топтаться по советскому обществу и по личности Сталина, мы отрезаем себя от будущего. Ни одно государство в мире не было успешным, отрекаясь от своей истории. Кровавые диктаторы — Кромвель в Англии, Наполеон во Франции, Мао Цзэдун в Китае — по-прежнему официально признаны, как великие деятели данных государств, с которыми связано продолжение их истории. В Китае во всеуслышание объявлено, что Мао Цзэдун на две трети прав, а на треть ошибался. После того как ошибки китайского лидера были проанализированы и исправлены, в стране больше не ведётся по сути бессмысленная и мешающая движению вперед критика “великого кормчего”.

И лишь Сталин руками наших вездесущих либералов демонизируется как монстр, который, по заявлению недавнего руководителя Государственной Думы Б. Грызлова, “отцепил коммунистический вагон от поезда мировой цивилизации”. Зато Б. Н. Ельцин “прицепил” русский вагон в самый хвост цивилизации Клинтона-Обамы, и мы до сих пор не выберемся из этой действительно опасной сцепки. Опасной не только потому, что она угрожает национальному суверенитету России, но и потому, что впутывает нас в чужую тупиковую судьбу, разрушающую природу планеты, моральный дух человека и вызывающую всё большее отторжение здоровых сил человечества. Именно такую судьбу предсказывают Соединённым Штатам все пророки и прогнозисты от древних православных старцев до Шпенглера и Кейси. Те же пророки и прогнозисты сулят России будущий расцвет.

Известно поверье — говорить о мёртвых либо хорошо, либо ничего.

Кому и зачем выгодно осложнять будущее России глумлением над её прошлым?

Подводя итоги, повторю прозой, то, что мной неоднократно сказано стихами. Полагать, будто чуть ли не ежедневной телевизионной критикой Сталина вдохновители и исполнители критики оберегают страну от репрессивных эксцессов культа, — более чем наивно. Они добиваются как раз обратного. Такая критика на фоне торможения и блокировки усилий президента России по оздоровлению обстановки в стране и в мире лишь усугубляет эту обстановку и делает продолжение насилия необходимым. Вся история нашей страны подтверждает данную истину.

То, что случилось с Наполеоном и Гитлером, непременно произойдёт и с организаторами нынешнего вашингтонско-олигархического заговора на Украине. Украинские события складываются именно таким образом. Недвусмысленные аллюзии участников телевизионных дебатов в сторону русской олигархической верхушки и её группы поддержки тоже очевидны... Хотелось бы,

чтобы дальнейший ход истории пошёл по предсказанному И. В. Сталиным правовому и подлинно демократическому сценарию. Но это уже зависит от воли, разума и искренности западных руководителей государств, а также трезвой оценки ситуации со стороны “пятой колонны”. На фактор искренности хочу обратить особое внимание, потому что людей обмануть можно, Бога же, который “шелъму метит”, — никогда. А то, что миром руководит не “вашингтонский обком”, не закулиса, но Он, с каждым нынешним днём становится всё очевидней.

Убеждён, что справедливое признание заслуг Сталина, как это делается в Европе, куда прагматичнее (употреблю этот любимый либералами термин) для России и для мира, чем огульное его охаивание.

А в первой половине XX века методы Сталина работали. Я поэт, но не могу не привести следующие статистические данные. В сталинском СССР прошла индустриализация, промышленный скачок, превративший его из региональной державы, какой была дореволюционная Россия, в сверхдержаву, вторую по мощи в мире, когда было построено 1500 заводов! В 1947 году промышленный потенциал страны был восстановлен, а в 1950-м без всякой внешней помощи, в условиях “холодной войны” и санкций, вдвое превзошёл довоенный уровень. Ни одна страна мира, пострадавшая в войне, к этому времени не вышла по своему экономическому развитию на довоенный уровень, несмотря на план Маршалла и другую помощь США. Население СССР за годы правления Сталина, которому приписывали чуть ли не 100 миллионов жертв (!), выросло на 41 миллион человек. Была создана первая армия мира численностью 5,5 миллиона человек, атомная и водородная бомба, достигнута всеобщая грамотность, за пять послевоенных лет цены на основные продукты питания были снижены более чем вдвое, в то время как в западных странах они за это время вдвое выросли.

Историк Сергей Голик, собравший вышеприведённые данные, указал, что первая в мире атомная электростанция была введена в эксплуатацию в СССР на год раньше, чем в Англии, и на два года раньше, чем в США. Только в СССР были созданы атомные ледоколы. Он привёл мнение кандидата в президенты США Стивенсона (1952 и 1956 год), утверждавшего, что если темпы роста производства в сталинской России сохраняются, то к 1970 году объём её производства в 3–4 раза превысит американский. Впечатляют и достижения страны в медицинской и социальной сфере. Детская смертность в 1950 году снизилась по сравнению с 1940 годом более чем в два раза. Число врачей возросло в 1,5 раза. Количество научных учреждений увеличилось на 40%. Студентов вузов стало больше на 50%. Благодаря сочетанию строгости законов, высокой, ориентирующей на служение обществу морали и личной безупречности самого Сталина, после смерти которого из личных вещей остался только его знаменитый френч, была полностью побеждена коррупция, которая для сегодняшней власти с её либеральной идеологией остаётся неразрешимой проблемой. А достижения СССР в фундаментальной науке, литературе, искусстве, внешнеполитические успехи страны, ставшей полностью независимой, создание блока стран Варшавского договора в Восточной Европе, Ялтинские соглашения, на 60 лет выстроившие устойчивую геополитическую архитектуру!

Благодаря чему были достигнуты подобные поразительные результаты? Не заключённые же всё это построили, как нам внушали не очень далёкие историки! Думаю, дело не только в волевых и интеллектуальных силах вождя, сумевшего найти ключ к народной душе, но и в том, что вектор сталинской воли совпал с вектором Божественной Воли и Провидения, которое явно не хотело ни тогда, ни сейчас, чтобы Россия шла по западному пути.

Недавно режиссёр Никита Михалков, упрекнуть которого в любви к Сталину невозможно, рассказал по ТВ интересный случай. Когда во время съёмок его фильма в помещение, где находилась группа артистов и кинооператоров, неожиданно зашёл актёр, загримированный под Сталина, то все расслабленно сидевшие люди молча встали со своих мест. Наверное, либералы закричат: “Рабы!” А я вижу в такой бессознательной архетипической реакции нашего народа (в данном случае, интеллигенции) на эту величайшую личность русской истории уважение к силе и признание за такой фигурой права на владычество. Народ, почитающий власть и стоящий на ногах, не будет ни воровать, ни пьянствовать, ни убивать время на просмотр мыльных опер. Он будет работать и защищать свою страну так, что никакие санкции и угрозы не будут страшны.

Вместо бессмысленных криков и споров, хорош вождь или плох (ясно, что по меньшей мере он неоднозначен), гораздо важнее начать спокойную и вдумчивую работу, обсуждение и попытаться понять, что полезного и ценного для страны нужно взять в наше настоящее и будущее из политического наследия Сталина — этого величайшего в XX веке государственного деятеля и гения мобилизации. Но первым шагом в восстановлении исторической справедливости в отношении Сталина мне кажется всё-таки необходимость пойти навстречу ожиданиям народа и возратить к дню 70-летия Победы городу Сталинграду его законное имя. Это имя главного победителя германского фашизма поможет нашей стране и миру справиться с новыми формами фашизма, поднимающего голову на Украине и в Европе. Бояться будут больше, как боялись Сталина при жизни западные политические лгуны. Да и праздник в народе по поводу такого события будет таким же бурным и долгим, как после присоединения Крыма. Власть для него навсегда станет своей, родной, нашей. Теперь слово стихам.

КОМАРОВКА

В ночь на Покров, в тридцатом, с парохода
они сошли у этих берегов
в глухой кедрач —
шестьсот врагов народа,
сынов и внуков классовых врагов.
Суровую страна явила милость —
живи, коль помереть ты не готов.
И сотней труб к весне тайга дымилась,
и рядом встало столько же крестов.
Сменили пятистенники
землянки,
и становилось всё, как у людей:
и общий клин, и личные делянки,
и на сто вёрст тайгой володей.
И радио, и флаг над сельсоветом,
и патефон, и Библия в пыли,
и даже в новых горницах портреты
того, кто ими правил издали
тяжелой и бестрепетной рукою.
К Покрову в сорок первом, аккурат,
бессонная пехота под Москвою
из Комаровки приняла солдат.
Никто из них под танками не дрогнул,
к фашистам в плен не сдался не один.
Так отчего же нынче в Комаровку
не стали теплоходы заходить?
Ах, Комаровка — или это снится? —
В твоих дворах крапива да пырей,
да ночи беспросветные в глазницах,
в пустых глазницах окон и дверей.
Уж не узнать, кто вязь карнизов ладил
и бросил всё, отчалил в города,
и где теперь сердца Серёжи с Надей,
пронзённые стрелой на воротах?
Ах, Комаровка, неулыба сроду!
Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помнящему той эпохе зла.

1974

БАЛЛАДА О ДИРЕКТОРЕ ЗАВОДА

Сибирский город, а какой — неважно,
важнее то, что в нём варили сталь,
идушую на танковые башни
для Т-34.

И представь

не то, что эта сталь огнём хлестала
в чужих солдат и берегла своих,
а то, что этой стали было мало
и что однажды телефон звонит:

— Алло, директор?

— Да.

— Товарищ Сталин

Вас вызывает.

— Сталин? Я всегда...

И голос глуховатый в трубке:

— Стали

даёте мало. Слышите?

— Да, да!

Я слышу, мы, конечно, примем меры, —
директор зачастил, —
но горняки...

Не сразу вник он, от волнения серый,
что слушает короткие гудки.

Но справился с волнением, вызвал замов,
потребовал повесить домен мощь.

А через месяц срочной телеграммой
был вызван в Кремль.

...Москва. Глухая ночь.

Дубовый тамбур. Молотов, Устинов,
Калинин и другие. Холод стен.

И сквозь усы знакомые, густые
негромкие
слова:

— Товарищ Эн

был нами извещён, что сталь сегодня
решает всё. И плохо понял нас.

Он выпуск лишь на семь процентов поднял,
по существу не выполнил приказ.

Страна в крови. Такой работы линия
преступна. Предлагаю расстрелять.

Есть возраженья у товарища Калинина?

— Нет возражений. Трудно поправлять, —
Калинин встал, — подобную работу.

Но может быть, последний срок дадим?

...Вошёл директор в Спасские ворота
черноволосым, а ушёл седым.

Он дома, возвратившись из столицы,
собрал актив на несколько минут.

— Мы будем спать, обедать и трудиться
в цехах завода. Все. Нас домны ждут.

Металл пошёл, пошёл он вдвое, втрое...

Ну, а потом Тацинская была,
огонь и гром морозовского боя
и Прохоровки грозные дела...

1980

ТЕБЕ, ПОБЕДА

Никуда от пафоса не денусь,
не могу не написать стихов.
Я люблю тебя за неподдельность
святости твоей, твоих грехов.
Ты вместила на полях и займищах
наш позор и славу, кровь и дым,
мужество, какого мир не знал ещё,
и свинцовый ливень... по своим.
Да, мы помним, мы, конечно, помним
тот, с известным номером, приказ.
Только он не гневом душу полнит —
пониманьем наполняет нас.
Сорок первый был щемящ и жуток,
оттого суров сорок второй.
Маршалы твои! Георгий Жуков!
А народ! Сказать, что он герой,
мало — он в самом аду кипящем
укреплял и суть свою, и стать.
Был и вождь, жестокий, настоящий,
времени и родине под стать.
Нет вождей и маршалов в России,
и врага густой скрывает дым.
Сердце, только сердце с прежней силой
верит — всё равно мы победим!

1995

ДИКТАТОР

Я бы с ним сработался едва ли,
превратился бы, наверно, в прах
в братской яме,
или же дневалил
где-нибудь в колымских лагерях.
Сердце стынет, вспоминая это.
Но иное помним тоже мы —
в царствие его была планета
спасена от ядерной зимы!
Это нынче расхрабрились черти,
а в ту пору на войне святой
жизнь тащили по ухабам смерти
и они под грозною пятой.
Он для нас загадка из загадок.
До сих пор покоя не даёт.
Кто его зовёт исчадьем ада,
кто своим заступником зовёт.
А Заступник Главный и Спаситель
повторяет мёртвым и живым:
— Не судите, люди, не судите,
не судимы будете и вы.

2000

МЫ ТВОИ РЯДОВЫЕ, РОССИЯ

Родина, великие тираны
к славе привели тебя, один
заставлял дрожать, бывало, страны,
если только бровью поводил.

Ни себя он не щадил, ни подданных —
всех на испытания обрёк.
Но не совладал с кротами родины —
затаились, выдержали срок.

И когда исчезли корни страха,
вылезли из нор глубоких в дол,
разжирели на опилках праха,
подпилив молчком державный ствол.

С нами так бывало не впервые —
падали и кедры, и дубы.
С глаз ушли вожди, но рядовые
не легли в могильные гробы.

Как нас вражья сила ни косила,
не смогла под корень извести.
Охрани же рядовых, Россия,
дай нам встать и дух перевести!

2005

НЕ ВЫЧЕРКНУТЬ

Он у стены кремлёвской одинок,
как на развилках всех его дорог.
Злодей для многих, для других — отец,
вождь и палач, безбожник и мудрец.
Творец триумфов наших и обид,
ни на минуту миром не забыт
и как зарытый в землю грозный прах
и как непрекращающийся страх
для всех творящих в этом мире зло,
которым ненадолго повезло.
Но нас просил перед концом пути
хлам на его могиле разгрести.

2007

ВИЗИТ ДЕ ГОЛЛЯ НА МОГИЛУ СТАЛИНА В 1966 ГОДУ

Его просил на трон взошедший Брежнев
Покойного тирана не будить.
Но визитёр был твёрд и сухо вежлив
В желании к могиле проводить.
А дальше был урок или экзамен
Генсеку: генерал купил венок,
К надгробью положил и молча замер,
Подняв свою ладонь под козырёк.
О чём он, стоя у могилы, думал,
Никто не знает, но когда угрюмо
Прервал советский лидер тишину,
Мол, страшный вождь навеки испарился,
Де Голль сказал:
— Не умер — растворился
В том будущем, где не хранят вину.

2013

ВОЖДЬ

*На мою могилу нагребут много мусора,
но ветер истории развеет его.*

Из завещания И. В. Сталина

Как не стереть на карте Гималаев
в пылу “демократических” затей,
так и того, кто шавками облаян,
не вычеркнуть из памяти людей.
Когда Россию бесы ввергли в смуту,
и встал вопрос: нам быть или не быть? —
он — нравится, не нравится ль кому-то —
смог обуздать их дьявольскую прыть.
Он против них направил их законы,
он в будущее проложил мосты.
он армии вернул её погоны,
церквям — их литургии и кресты.
Нам говорят: он много пролил крови.
Но кто её у нас с расчётом льёт?
И почему по жести русских кровель
так много гроз столетиями бьёт?!

Да, был жесток. Но чтит войны обычай:
поднявший меч погибнет от меча.
И Божий суд, не знающий различий,
карал при нём любого палача.
Кровавый счёт всех большевистских боен
историками выставлен ему,
но холокост казачий был устроен
не им, как и побоище в Крыму.
Не он назвал народ наш “русским быдлом”,
не им придуман вздор “господских рас”.
Он даже тех, кого задумал Гитлер
под корень извести, от смерти спас.
А главное, страну устроил в силе.
И новой мощи нам не обрести,
пока на неухоженной могиле
весь мусор не сумеем разгрести.

* * *

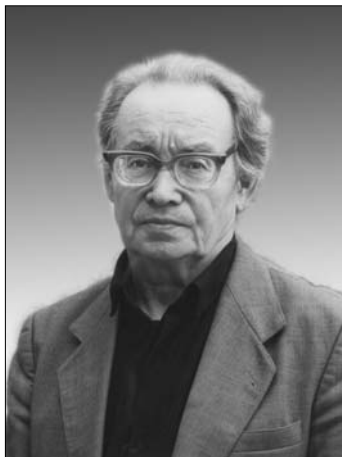
Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
я молитву древнюю твержу.

Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.

Не спешి направить злобный выстрел —
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, всё решает быстро,
но всегда задумчиво добро.

Волки скоры, бестолковы овцы,
это всё не кончится, пока
сердце не зажжётся, словно солнце,
не на Пасху только —
на века.

ЯМИЛЬ МУСТАФИН

ХЛЕБУШЕК

РАССКАЗ

На перегоне между полустанками Байроновка и Разгон почти в пяти тысячах километров от Москвы работали прикомандированные к путям рабочие из механических мастерских — ПЧ-1 (путевая часть Восточно-Сибирской железной дороги). Среди взрослых было четырнадцать подростков: слесарей-прорубщиков, только что сдавших экзамены на третий разряд и гордо именовавших себя “рабочим классом”. Каждому из мальчишек было чуть больше шестнадцати, и они, как весь рабочий люд, заслуженно получали рабочие продуктовые карточки. Среди талончиков на крупу, жиры, мясо, рыбу, сахар был самым дорогим, можно сказать бесценным, особый талончик размером чуть больше квадратного сантиметра. На него выдавали 800 (целых восемьсот!) граммов хлеба. Иждивенцам и служащим выдавали всего 400 граммов хлеба. Если талончики на другие продукты могли и не отovarить, то хлебушек рабочий человек и служащие получали всегда!

Утерянную продуктовую карточку никогда не восстанавливали. Поэтому люди берегли “кормиллицу” пуше глаза своего.

В тот 1942 год декабрьские морозы завернули так, что ночами деревья устраивали настоящее пальбище. На Тайшетских улицах стояла могильная тишь. Дымы из печных труб мраморными столбами подпирали небо. Казалось, что ночами можно было услышать, как величаво плывущая по небу луна трётся боками о тучи.

МУСТАФИН Ямил Мустафьевич родился в Башкирии в 1927 году. Освоил профессии слесаря, токаря, кузнеца, путейца. Одновременно учился. Отслужил 8 лет в Военно-морских силах в Порт-Артуре. В 1962 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 23 книг — рассказы, повести, романы, очерки о летчиках-испытателях, строителях БАМа... Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Стужу не выдерживали не только деревья, но и стальные пути железой дороги, по которым днём и ночью шли на запад тяжело гружённые военным скарбом и техникой составы, эшелоны с красноармейцами. Сибирские дивизии спешили спасать столицу, а значит и державу СССР, которой судьбой суждено было спасать от гибели народы Европы, чью спесь и гордыню сокрушили потомки немецких крестоносцев, получивших 700 лет тому назад от Александра Невского хорошую трёпку...

Бывали дни, когда поезда мчались на подмогу одновременно по двум колеям. Это было смелое, очень рискованное, не соответствующее никаким техническим нормативам решение руководителей железной дороги.

Нагрузка на рельсы была огромна. Они не выдерживали подобного испытания невероятными морозами и физическими нагрузками. Путьейцы с трудом успевали латать (сменить рельс, стёртую подкладку, лопнувшие накладки, произвести рихтовку) путь на одном участке, как путеобходчики натывались на подобный опасный для движения дефект на другом. Тут нужен был глаз да глаз. Путьейцы, как и военные, постоянно находились в готовности номер один.

Вот в такой сложно-критической обстановке руководство Тайшетской дистанции пути приняло решение командировать на подмогу путьейцам рабочих механических мастерских. Это были подростки и женщины, то есть та категория рабочих, без которых механические мастерские не могли выполнять самые необходимые работы; сварочные, кузнечные, токарно-слесарные...

Подростки не раз бывали в таких командировках и неплохо знали профессию путьейца. Работа эта не из сферы изящных искусств. Здесь нужны сила, сноровка и главное — трудолюбие. Сачковитому хитровану тут делать нечего. Рабочий люд может раз-другой простить леность хитрована, потом открытым текстом предупредить, мол, нехорошо отлынивать, когда все в поте лица вкалывают. Если и это не воздействует, то могут запросто набить морду. Нет, ногами семеро одного не станут пинать, как нынче. Это исключено. Но после подобных дисциплинарных воздействий, как правило, у сачков появляется “второе рабочее дыхание”.

От добротности и быстроты работы ремонтников пути зависит и прохождение поездов по расписанию, и жизнь людей, и сохранность грузов... Или время было иное, может, характеры, психика людей изменилась, но подростки шкуркой чуяли эту ответственность. Не поэтому ли нынче крушений, аварий на железной дороге в несколько раз больше, чем это было в те далёкие (недалёкие!) годы, когда путьейцам приходилось чинить буквально весь набор путевого хозяйства?!

Быстро расшив рельс — вытащив лапами (ломы, похожие на огромные гвоздодёры, а точнее сказать, похожие на ноги парнокопытных) костыли, с огромным усилием отвинтив с дюймовых болтов на стыковочных накладках намертво севшие от морозов на резьбу гайки, человек двадцать мужиков и баб отволакивали путьейскими щипцами (клещами) на край откоса аварийный рельс...

Вскоре возле соседнего пикета путьейцы наткнулись ещё на лопнувший у стыка рельс. Дорожный мастер Анатолий Корноухов, приземистый, в тяжёлыми плечами мужик, матюгаясь и кляня всех и вся себе под нос, прихрамывая на неподвижную от рождения в колене ногу, двинулся к заклятому пикету, где обнаружили отломленную головку рельса. Корноухов в сердцах пнул отлом и охрипшим от стужи голосом крикнул бригадир — длинноногому, сутулому мужику в латаной, короткой, видно, с чых-то плеч шубейке:

— Михаил, брось сюда мальцов, чтоб рельс расшили. Отлом на соплях висит — двух-трёх болтах на накладках держится! Вот-вот литерный должен пройти...

— Усёк, Анатолий Васильевич. “Окно”, наверное, придётся чуток отложить...

— Поступай как знаешь! Чтоб только быстрее...

В разгар ремонтно-восстановительных работ, когда люди молча (каждый строго выполнял свою функцию, доведённую до автоматизма!), наверное, в душе костили и мороз, и заводы, не присылавшие вот уже год ни рельсов,

ни костылей, ни накладок, ни подкладок, и литерный поезд, из-за которого сейчас приходится вкалывать из последних сил, и Гитлера-паразита, затеявшего войну, делали свою тяжкую работу, послышался шум приближающегося поезда. По звонкому, мелодичному гудку паровоза дорожный мастер определил: идёт тот самый, пассажирский литерный.

— Нет бы на часок опоздать, так нет, прёт с опережением! — чертыхнулся Корноухов и деланно бодро крикнул: — А ну, бабоньки, поднажмите, родненькие, ещё чуть-чуть!

На бодрую шутку дорожного мастера никто не отозвался. Только чаще застучали по костылям тяжеленные молотки, да шумно участилось дыхание у каждого...

Подростки перекинулись репликами:

— Подумаешь! Пассажирский! Постоит!

— Если б военный эшелон, другое дело!

Шипя-пыхтя парами, красавец "ИС" ("Иосиф Сталин") замер в метрах ста от ремонтных работ. На всю застывшую стынь звякнули буфера вагонов, закрипели промёрзшими суставами и эхом понеслись по падям, отвратительно заскулили тормозные колодки.

— Ребя, гляньте, кажихе, генерал бежит к нам... — сказал Гога, орудовавший у лопнувшей накладке огромным путёвым ключом. Выпрямился. Поправил ушанку, сползшую на глаза.

— Откуда в пассажирском генерал? — бросил худущий Лёнька Белогривый. — Поезд-то не военный...

— И правда генерал! — воскликнул крепыш Джемиль Ишкильдинов, старший среди подростков. — Лёнь, разве не видишь лампасы?

— Что случилось, рабочий класс? — спросил, подходя, генерал. Ребята обратили внимание на белоснежный полубубок, на ногах — белые фетровые бурки, папаха с красным верхом.

— Рельс лопнул, вот и меняем, — как старшой, ответил Джамиль.

— И долго будете менять? — спросил генерал.

— Постараемся побыстрее закончить... Не только ваш пассажирский задерживаем... За вами, наверное, военные эшелоны идут, — по-деловому ответил Ишкильдинов.

— Вы-то постоять можете, а военным эшелонам никак нельзя! — серьёзно заметил Лёнька.

— Ясно, всё понял, рабочий класс... — и уже уходя, обернулся и сказал: — Может, к нам в вагон заглянете? Погреемся...

— Спасибо... Нам никак нельзя... "Окна" узкие, а поезда один за другим прут... Вот и вы раньше времени подошли... — объяснял Джамиль.

— Жаль... — ответил генерал и направился к вагону.

— Тоже мне "нельзя"! — взъерился Белогривый, когда удалился генерал. — Подумаешь, что может случиться, — паровоз с пути сойдёт, если отойдём на пять минут?... — хорохорился Лёнька, устремив полный зависти взгляд вслед удаляющемуся генералу. — Тоже начальник мне!

— Сказал нельзя, значит нельзя, — осадил Джамиль. — Все вкалывают, а мы... — в голосе подростка не было обычной твёрдости.

— Пусть сходит... — подал голос Гога. — Заглянет в вагон и вернётся мигом...

— Генерал вон уже где... Догонять что ли его будет? А может, ещё окликнуть его? — совсем уж квёло говорил Ишкильдинов.

— Почему стоим, а не работаем? — едва шевеля застывшими губами, неожиданно объявился рядом дорожный мастер.

— Вон генерал... Позвал нас к себе в вагон... — несмело начал Джамиль.

— Сам же сказал: догонять что ли будешь... — не скрывая обиды, буркнул Белогривый.

— Ну-у, если генерал пригласил, думаю, нехорошо отказываться, — серьёзно начал Корноухов, по глазам подростков видя, как им хочется побыть в вагоне генерала. — Ишкильдинов, бери свою команду и чтоб одна нога там, а другая здесь!

— А что я говорил? — пробубнил Белогривый.

Побросав ещё больше потяжелевший от мороза и без того нелегкий путейский инструмент, подростки помчались к вагону, куда поднялся генерал.

В тамбуре приятели старательно смели голиком с валенок снег, робко вошли в вагон. И обомлели! Летняя теплынь заласкала, зацеловала их заledenные щёки, губы. Красная ковровая дорожка радужным лучом радовала глаза. Подростки ступали по ковру, будто по стеклу, — осторожно, боязливо. В нерешительности остановились возле открытого купе, куда вошёл генерал. До головокружения вкусно пахло хлебом.

— Чего остановились? Входите, — пригласил генерал, добродушно улыбаясь. — Геннадий Петрович, — обратился он к человеку в полосатой пижаме на верхней полке: — К нам в гости пожаловал рабочий класс!

— Отлично! Проходите-проходите, ребята, — как-то совсем не по-военному сказал человек в пижаме, слезая с полки.

Самый говорливый и шустряк среди приятелей Лёнька Белогривый сейчас был тише воды, ниже травы. В его таёжной зелени глазах искрилось восхищение, он не мог скрыть радость от увиденного.

Человек в пижаме — Геннадий Петрович — совсем не походил на военного. Его тихий голос и серые добрые глаза напомнили директора школы Кашевского, преподававшего историю, который добровольцем ушёл на фронт в первые же дни войны.

Геннадий Петрович уселся возле окна, гостей усадил напротив себя и пристально оглядел каждого. “Им впору только на лыжах кататься, а они дорогу ремонтируют в такую стужу...” — жалостливо подумал Геннадий Петрович и спросил:

— Значит, путь ремонтируем?

— Ага... — ответил Джамиль.

— Да-а-а, — протянул человек в пижаме. И то ли он одобрил, то ли поразился духу советских людей, воспитавших таких мальчишек, и сочувственно спросил: — Небось промёрзли?

— А то! — сказал Белогривый.

— Если шибко работать, мороза не видно, — поправил Гога, недовольно взглянув на приятеля.

— Верно. Звать-то тебя как? — спросил человек в пижаме.

— Гога, — смутился подросток.

— Верно, работа согревает и тело, и душу, — сказал Геннадий Петрович и заметил, что подростки поглядывают на столик; где лежали продукты — хлеб, открытая банка тушёнки, дразнящие квадратики шоколада, хотя генерал стоял, как бы прикрыв корпусом столик. Однако мальчишки не столько видели съестное, сколько чуяли его...

— Тихон Фёдорович, думаю, рабочий класс надо бы попотчевать, — сказал человек в пижаме, печально глядя на жидкие одежонки подростков. Валенки, видно, не раз подшитые, как сапоги изломанные в голенищах, несообразмерно большие ватные брюки, телогрейки, оголившие тонкие, пунцовые от холода, толстые мальчишеские шеи, неуклюжие рукавицы, спитые из кусков старых полушубков...

— Геннадий Петрович, этим я и занимаюсь... Как же не угостить хорошим бутербродом рабочий класс, — ответил генерал.

Услышав слово “бутерброд”, приятели недоумённо переглянулись.

— Что это такое? — шепнул Гога Джамиле.

— Я знаю?!

Геннадий Петрович неумело скрыл улыбку, сделал вид, что не расслышал перешёптывание подростков, и спросил:

— Давно работаете на путях?

— На путях недавно... — начал неуверенно Ишкильдинов, думая, что за “бутерброды” готовит им генерал? — Нас командировали помочь путейским рабочим... У них теперь почти одни женщины работают. Сами понимаете, без мужиков им нелегко... Новых рельсов заводы не поставляют... Старые мы в мастерских чиним, латаем, варим... Движение-то поездов надо поддерживать... А старые рельсы — они и есть старые. А тут ещё морозы на грех, сами видите, как закрутили...

В расстановочно-правдивом рассказе подростка было столько житейской уверенности и одновременно ангельской чистоты в помыслах, что Геннадий Петрович невольно похлопал мальчишку по плечу и с трудом воздержался, чтобы не похвалить ребят вслух. Он чувствовал, что этим может испортить доверительное отношение, которое сложилось само собой.

Джамиль в свою очередь, краснея, высвободил из-под ладони человека в пижаме своё плечо. “Гордый, однако, рабочий класс!” — с отцовской теплотой подумал Геннадий Петрович.

— Вообще-то мы — слесари-прорубщики. Путевые накладки ремонтируем, — подсказал Гога. — Мы сдали на третий разряд... Больше года работаем.

— Выходит, вы с опытом, — отметил Геннадий Петрович.

— Я ж говорю — рабочий класс! — подсказал генерал.

— А то! — не без гордости произнёс Лёнька, вытянув шею, чтобы узырить, что за “бутерброды” так долго готовит генерал.

— Ну, как там у тебя, Тихон Фёдорович? — спросил Геннадий Петрович. — Не помочь? А то ведь поезд может пойти...

— Пока мы здесь, поезд никуда не пойдёт! — твёрдо заявил Джамиль и почувствовал, как после слов человека в пижаме у него до головокружения засало под ложечкой.

— Конечно, Геннадий Петрович, кто разрешит нашему поезду тронуться, пока рабочий класс в нашем вагоне? — в тон подростку сказал генерал.

— А то! — поддержал генерала Белогривый.

Генерал обернулся к подросткам и протянул каждому по огромному бутерброду — куску духмяного хлеба с мужскую ладонь и толщиной в два пальца, а на нём — куски варёного мяса в колыхающемся, аппетитно медового цвета желе. “И почему обыкновенный кусок хлеба с мясом генералы называют бутербродом?” — подумал Лёнька и вонзил прочные, как победит, зубы в неопикуемой вкусноты хлеб с мясом...

Джамилю попался странный “бутерброд”. В желе оказался какой-то жесткий и горьковатый лист. Как он попал туда? Вроде бы пора листопада прошла, да и потчуют не в тайге, а в генеральском вагоне... Посмотрел на “бутерброды” приятелей — листьев там не увидел. И всё же Джамиль смолотил свой кусок хлеба с мясом за милую душу, хотя лист и помешал почувствовать всю полноту вкуса необыкновенной еды.

— Спасибо... — опять наперебой сказали подростки. Их лица порозовели, спрятав недетскую серьёзность. В глазах исчезла печаль, невысказываемая в подростковом возрасте, когда нет духовной уверенности в морально-чувственных поступках...

— В Красной армии так просто не уходят, — строго заметил Геннадий Петрович, улыбаясь серыми глазами и уголками плотно сжатых губ. — У нас, помнится, ещё кирпич хлеба есть... — обратился он к генералу. — Думаю, надо его оставить рабочему классу. Мы на сухарях доедем до места...

— Точно, есть булка, — ответил генерал.

— Сухари тоже штука хорошая! — смекнул Белогривый.

— А то! — улыбнулся генерал мальчишеской хитрости. — Для полноты сухого пайка, думаю, следует приложить и шоколад.

— А то! — рассмеялся Геннадий Петрович. — Шоколад любите?

— А то! — шустро отозвался Лёнька и весь зарделся, посмотрел на приятелей — то ли он сказал. Друзья одобряли его активность.

— Успехов вам, рабочий класс! Держитесь... — похлопал каждого по плечу генерал. — С победой вернёмся по этой же дороге...

— А то! Телеграмму дайте — мы встретим...

Разморенные теплом и сытным бутербродом, подростки нехотя, тяжело покинули литерный поезд. Они ещё не успели спрыгнуть со ступенек вагона, как стужа схватила их в свои немилосердные объятия.

— Удачи и крепости духа вам, рабочий класс! — крикнул вслед генерал. За ним стоял Геннадий Петрович и махал рукой. Что он говорил, приятели не слышали. Поезд несколько раз дёрнулся, как в эпилепсии, громых-

хая буферами под гудок застоявшегося “ИС”, и, скрипя всеми членами стальных суставов, стал набирать скорость...

— Отогрелись? — внезапно подошёл дорожный мастер, держа в руке зелёный флажок.

— Отогрелись, Анатолий Васильевич... — ответил Ишкильдинов.

— А вы ещё не хотели идти... На фронт поехали генералы... Вернутся ли?

— Обещали вернуться, — подсказал Белогривый.

— Хорошо бы...

— Хлебушек возьмите, Анатолий Васильевич, — сказал Джамиль. — Вон у Гоги.

— Какой ещё хлеб? — строго спросил дорожный мастер.

— Генерал дал и тот, что в пижамах... Не бойтесь, Анатолий Васильевич, — протянул Гога кирпич хлеба, который на морозе стал на глазах леденеть. — Спрячьте за пазуху... И шоколад дали...

— Вы что, ребята! Они же вам дали! — осторожно оттолкнул двумя руками хлеб Корноухов.

— Мы от пуза поели в вагоне хлеб с мясом. Во как! — провёл по горлу рукой, спрятанной в рукавицу, Белогривый.

— Бутерброд называется, — подсказал Гога.

— Разве что так... — неуверенно ответил Корноухов и взял хлебушек. — Сладость оставьте себе — вам нужнее. Это как премия за отличную работу. Вот бригада-то обрадуется! И вам спасибо, ребята... Надёжные вы... — Почему-то ссутулившись и часто шмыгая носом, Корноухов направился к бригаде.

Хлебушек он нёс, как новорождённого, — нежно, бережливо, осторожно...

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“РАЗДЕЛИЛИ И МЫ
НЕДЕЛИМОЕ”
или
ПИСЬМА С УКРАИНЫ,
КОТОРОЙ НЕТ...

...Львов, где в 60-е годы я дважды побывал на военной переподготовке, был прекрасен. Я жил в казармах Стрыйского парка. Каштаны шумели ясными тёплыми осенними днями. Листва жёлтыми реками колыхалась и плыла по аллеям. Бронзовый Адам Мицкевич глядел свысока на площадь, на знаменитый оперный театр, на футбольную биржу, где разбитной львовский народ делал свои ставки, бил по рукам, обмывал выигрыши... Львов, где судьба свела меня с поэтом и геологом Эрнстом Портнягиным, ставшим преданным моим другом вплоть до своей смерти... Львов, где я с наслаждением переводил стихи “националиста” и “западенца” Мыколы Петренко, круглолицего, рано полысевшего, прошедшего юность свою на каторжных работах в Германии. Его печальные воловьи глаза смотрели на меня с упрёком: он никак не мог убедить своего русского друга в том, что Тарас Шевченко как поэт больше Пушкина. Мы пили с ним горилку и закусывали салом в его тихой квартире возле Стрыйского парка.

Со стены на меня глядела посмертная маска великого Тараса. Да и сам Петренко был похож на него — такой же круглолицый, лысоватый, лобастый, с шевченковскими грустно повисшими к подбородку усами.

Когда я хотел подразнить или чуть-чуть поставить его на место, я нарочно равнодушным голосом заводил речь о том, что да, Шевченко великий украинский поэт, но повести свои и дневники, и даже некоторые поэмы он писал на русском языке. Мыкола слушал меня со страдальческим выражением лица, которое как бы говорило: да не может быть того! А если и так, то знать я того не хочу!.. Его воловьи глаза в такие минуты наполнялись слезами. А я ещё щадил его, не напоминая бедному, что и его земляк, полтавский мудрец Григорий Сковорода писал свои труды не на языке Ивана Драча, что “Кобзарь” и “Гайдамаки”, а также книги Котляревского, Гребёнки и Квитко-Основьяненко впервые увидели свет не в Киеве и Львове, а в “имперском” Петербурге и “порфиноносной” Москве, куда 600 лет тому назад уроженец Волины святитель Пётр перенёс из Киева митрополичий престол.

А о Гоголе я уже и не вспоминал. Он для “захидника” Мыколы уже в те времена был сплошной незаживающей раной — с его Тарасом Бульбой, устами которого было сказано о “русском товариществе”.

А когда я выходил из себя, поскольку Мыкола не желал в упор видеть очевидного, то жестко говорил ему:

— Перечитай дневники Тараса. Кого он там чаще других вспоминал? Не Кулиша и Костомарова, а Гоголя, Лермонтова, Пушкина да Тютчева! И сослали его в солдаты не за стихи и поэмы, а за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве, тайной киевской организации, похожей на кружок Петрашевского. Фёдора Михайловича ведь тоже сослали, да не в солдаты, а на каторгу! Царь ещё великодушно поступил, потому что тремя годами раньше Шевченко написал поэму “Сон”, где оскорбил не только помазанника Божьего, но и его супругу. Вот читай, как царь по залам

*прохаживается важно
с тощей, тонконогой,
словно высохший опёнок,
царицей убогой.*

Она у Шевченко и “голенастая, как цапля”, и “трясёт головою”. Словом, поиздевался поэт над женщиной, страдающей нервной болезнью. Это — благородно? Поэма по рукам ходила по всему Петербургу. Император её знал, конечно, но даже пальцем не пошевельнул, чтобы хоть как-то приструнить хама! У Мыколы текли слёзы. Он ничего не мог сказать, кроме как:

— Давай лучше выпьем за гениального Тараса!

— Гениального? — взывался я.

— От молдавана до финна на всех наречьях всё молчит! — торжественно декламировал Мыкола, указывая пальцем в потолок.

— А ты помнишь нашего Пушкина, который, как ты говоришь, не дорос до Шевченко, как бы в ответ Тарасу он говорил другое, что “наречья” не буют “молчать”:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...*

Я вскакивал, подбегал к книжным полкам, над которыми висела гипсовая маска Кобзаря, хватал томик Пушкина, лихорадочно листал страницы.

— Твой Шевченко — замечательный национальный поэт, соглашусь, но он чем-то похож на Радищева, о котором Пушкин вот что пишет: “Он истинный представитель полупросвещения...”

— А “Гайдамаки”! — в ярости кричал Петренко. Историю гайдамаков я представлял плохо. Но ни он, ни я тогда, к сожалению, не знали размышлений на эту тему историка В. О. Ключевского: “И казаку, и холопу легко было растолковать, что церковная уния — это союз ляхского короля, пана и ксёндза, и их общего агента жида против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский... Так казачество получило знамя, лицевая сторона которого призывала к борьбе за веру православную и за народ русский, обратная — к истреблению и изгнанию панов и шляхты из Украины”.

Когда же моих аргументов мне не хватило, я, словно козырную карту, бросал на стол стихи самого Тараса:

*И меня в семье великой,
в семье вольной новой,
не забудьте помянути
незлым тихим словом.*

— Как ты думаешь, о какой семье народов он говорил? Конечно же, о славянской, о судьбах которой вопрошал Пушкин: “Славянские ручьи сольются в русском море, // Оно ль иссякнет — вот вопрос!” Ну, не европейскую же “вольную семью” имел в виду Тарас, зная, что эта семейка веками топтала его “неньку Украину” австрийскими, польскими, шведскими и немецкими сапогами!

— А русские сапоги — что, не топтали украинскую землю? — взволновался Петренко, но я в ответ вспоминал слёзные прошения его земляков:

“И приговорили в раде, что им от крестьянской веры не отступить: буде на них ляхи наступят, а их мочи не будет и им бить челом государю царю и ве-

ликому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси, чтоб государь их пожалевал, велел принять под свою государскую руку“.

Из отписки казацкой рады в Корсуни, 28 сентября 1632 года.

“Просим: изволь, Ваше царское величество, нас, верных слуг и подданных своих, имати и от всех неприятелей оборонити”.

Из письма Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу, январь 1654 года.

Я напоминал Миколу, что памятник Тарасу Шевченко стоит не в польской Варшаве и не в австрийской Вене, а в центре Москвы, что в России есть город, носящий имя Тараса*, про улицы и площади и говорить нечего, их, наверное, сотни... Поэтому, когда Пушкин пишет “и гордый внук славян” — он и твоих хохлов, Микола, имеет в виду! Ты же не будешь отрицать, что украинцы — это “внуки славян”!

...Неужели я уже никогда в жизни не пройду по отполированной веками львовской брусчатке, не опущусь в винный подвальныйчик на улице “25-го жовтня”, не постою возле бронзового Мицкевича, не обнимусь с “захидником” Миколой, не позвоню по телефону поэту Грише Глазову, с которым мы перевели сборник стихотворений Петренко, изданный в Москве? Да и чего звонить? Наверняка он с семьёй уехал либо в Америку, либо на родину предков. Ведь жить на Западной Украине, аура которой насыщена именами и деяниями Степана Бандеры или Романа Шухевича, советским евреям в годы очередной смуты стало небезопасно.

...Вот отрывки из двух писем, полученных мною с Украины в 1991–1992 годах:

“Если бы Вы слушали республиканское радио, то ужаснулись бы — всё об отделении нас от России! Ни одного журналиста нет, который сказал бы, что это противоестественно — резать наши души на части. Ведь был же наш референдум, но им наплевать! Где, в какой стране могло такое случиться? Все объединяются, а мы — врозь! Ведь лучше поменять руководителей, чем расчленивать такую страну! Я и мои близкие пережили голод, войну, два брата погибли, защищая всю нашу державу, а теперь один живёт в Курске, а другие родственники — в Западной Сибири, значит, за границей! Что это такое? За что на старости лет? По какому праву?

Только и слышишь по радио эмиссаров из США и Канады, как лучше и скорее отойти от России. Куда же нам обращаться? Может, это покажется Вам смешным, но надежда какая-то есть на Вас, Станислав Юрьевич, на Распутину, на Шафаревича. Что-то предпринять Вы должны, не молчите! Вы лучше всех понимаете, насколько это страшно — отделить нас от всего родного, заветного. Такая обида берёт за русских, украинцев, белорусов, что они не понимают всего ужаса так называемого “суверенитета”! От кого отделяться?! Пусть антихристы отделяются! Если возможно, ответьте мне, поддержите морально...

Искренне уважающая Вас
Изотова Екатерина Евгеньевна
и многие другие. 22.09.91 года,
г. Днепропетровск”.

Я ответил ей сердечным письмом, но что мы могли сделать в сентябре девяносто первого? Оклеветанные, смятые пропагандой, убитые предательством Кремля и Старой площади.

Гласностью в это время руководила успевавшая митинговать не только в Армении, но и на Украине Галина Старовойтова — советник Ельцина по национальной политике. В газете “Литературная Украина” она неистовствовала, открытым текстом вещая о том, что образование СССР явилось причиной “убийств миллионов людей пулей, голодом и холодом, прихода фашизма к власти в Германии, развязывания мировой войны и, наконец, Чернобыля”. Говоря про **“убийства миллионов людей пулей”**, Галина Старовойтова не уточнила, чью и какую “пулю” она имела в виду. Но то, что пуля, вошедшая ей в затылок, прилетела из эпохи великой криминально-демократической революции, породившей целое сословие киллеров, революции, пламя которой

---

* Теперь он, отошедший к Казахстану, давно переименован.

раздувала своими речами Старовойтова, — факт неопровержимый и даже банальный, если вспомнить, что революции пожирают своих детей.

Второе письмо я получил из Киева в сентябре девяносто второго, почти через год после беловежского расчленения страны.

“Я уже и не помню, сколько лет храню вырезку из газеты “Комсомольская правда” с Вашим стихотворением “Разговор с покинувшим Родину”. Наверное, лет двадцать, а то и больше...”

А сколько раз я прибегала к его помощи, не счесть!

Никогда не пойму ни умом, ни сердцем, как можно целому народу — евреям — подняться и в минуту беды покинуть Родину. Мой дед прятал евреев от Петлюры, мама — от немцев, а они бросили их внучку-дочку в минуту беды, когда страна нуждалась в каждом из нас.

Когда 90% евреев нашего института стали собираться на “историческую Родину” (только потом мы поняли, что многие из них использовали Израиль в качестве трамплина...), я отпечатала и поместила Ваше стихотворение на стенде. Они срывают, а я снова вывешиваю. Потом мне пригрозили по телефону, а я снова:

*Для тебя территория, а для меня —
это Родина, сукин ты сын...*

А сейчас на Украине (кстати, кто-то приказал говорить и писать: “в Украине”...) гуляет необандеровщина. Теперь не из учебников истории, а наяву мы узнали, что это такое. Например, в прокуратуре г. Киева открыто “Дело” в связи с нападением оуновцев на меня и ещё двух женщин во время распространения нами газет, призывающих славян жить в мире и дружбе.

Боже, какая же дикая, патологическая ненависть к русскому человеку пышет из украинских средств массовой информации!

16 сентября с. г. мы, коммунисты Киева, выходим на пикет к Верховному Совету Украины с протестом против реабилитации бандюг из ОУН-УПА и назначения им пенсий как ветеранам “национально-освободительной войны”...

На прощание говорю: “Дорогой “Наш современник”, держись, выживи, без тебя мы задохнёмся...”

С уважением Галина Петровна Савченко.

02.09.92, г. Киев”.

К письму было приложено обращение киевских коммунистов к президенту. Вот несколько отрывков из него:

“С глубоким возмущением воспринимаем широкую кампанию по реабилитации действий ОУН-УПА, “торжества” по случаю которой начались 8 августа с. г. в Киеве собранием “героев” УПА в лучшем здании города Дворце “Украина” и продолжались 9 августа бандеровским шабашем на пл. Богдана Хмельницкого. “Торжества” пройдут по всей Украине и закончатся 30 августа во Львове.

В то время, когда боевики ОУН-УПА топчут сапожищами святую землю Крещатика, живы ещё люди — свидетели чёрных злодеяний бандеровцев, которые рубили топорами не только взрослых, а и детей, сжигали живьём, вырезали на живых людях полосы и звёзды, уничтожали целые семьи только за то, что они были в колхозах или в комсомоле. Не щадили и земляков, исполняя наказания своих идейных вождей:

“В период замешательства и хаоса можно позволить себе ликвидировать польские, московские и еврейские элементы: руководителей — уничтожать, евреев — изолировать, вышвыривать из учреждений; НАША ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СТРАШНОЙ!”

(Степан Бандера. Инструкция “Борьба и деятельность ОУН во время войны”);

“Украинская повстанческая армия должна действовать так, чтобы все, кто признал Советскую власть, были уничтожены. Я повторяю: не запугивать, а уничтожать! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пускай из 40 миллионов украинского населения останется половина — ничего ужасного в этом нет...”

(Из “Инструкции” главнокомандующего УПА Тараса Чупринки, он же — Роман Шухевич, капитан СС, август 1944 года)”.

Да, такое не могло присниться Александру Сергеевичу в самом страшном сне. Ведь всё-таки, как ни крути, а у нас “всё от Пушкина”. Недаром мы с Миколой Петренко так часто спорили о нём. “Пушкин — наше всё”. И даже памятник великому Мицкевичу, которым я любовался, гуляя по Львову, всегда вызывал в моей памяти строки:

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...*

Лишь много позже я понял глубинный смысл и пророческие откровения этого пушкинского стихотворения, посвящённого Мицкевичу.

Когда мы, русские поэты, были оглушены криками, буйством, демагогией, воцарившейся на площадях Тбилиси и Еревана, Кишинёва и Киева, Минска и Вильнюса в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, где вроде бы советские до мозга костей поэты Бозор Собир и Рыгор Бородулин, Юстинас Марцинкявичус и Грегоре Виеру, Дмитро Павлычко и Иван Драч с пеной на губах требовали разрушения “империи”, я понял: Пушкин как бы предвидел всё, поскольку так закончил свой отрывок об историческом типе такого поэта.

*...Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта.
Знакомый голос!.. Боже! освяти
В нём сердце правдою Твоей и миром,
И возврати ему...*

И это о великом Мицкевиче! Что уж говорить о наших современниках — невеликих, слабодушных, услужливых, переменчивых!

Но, конечно, Микола Петренко, угнанный в шестнадцать лет со Львовщины на каторжные работы в Германию, брошенный за попытку бегства в концлагерь “Штокбах”, восстанавливавший после войны разрушенный Донбасс, никогда не вышел бы на майдан рядом с поклонниками Бандеры и Шухевича: он знал цену фашизму, когда писал о судьбе своей сестры:

*Над рушником, как кровь, горит калина,
Под красной гроздью — дорогой портрет.
Моя сестра — сама как та калина —
Украсила калиною портрет.
Девичий дар других даров похвальней,
Красна краса девичья без прикрас...
Моя сестра сгорела в Бухенвальде —
Из-под калины хмурится Тарас.*

Это мой перевод стихотворения Миколы.

* * *

Воистину нам не дано предугадать, как слово наше отзовется... Осенью 2014 года я вновь получил письмо от той же самой Галины Петровны Савченко, которая в 1992 году написала мне из Киева о вспыхнувшем на Украине культе Шухевича и Бандеры. Я никогда не забывал её страстного письма 90-х годов и с тревогой вскрыл конверт из Киева, охваченного очередной и на этот раз кровавой смутой:

“Дорогой Станислав Юрьевич, с подачи сионистской хунты, управляемой из Вашингтона, **необандеровцы** захватили-таки власть на Украине: их реабилитировали, им назначили пенсии. И они распоясались...”

Ещё в 45-м, в Нюрнберге, львовский коммунист Ярослав Галан, рассказывая корреспонденту “Правды” Борису Полевому о страшной судьбе закар-

патского епископа Феофана, зверски замученного агрессивными националистами, предостерёг: “Теперь эту сволочь подкармливают, снабжают деньгами и вооружают американцы”. И сегодня именно США вооружили и направили этих русофобских отморожков, наколотых наркотой, чинить кровавую расправу над русскими в Новороссии. Янки знают, на кого опереться на Украине в борьбе с Россией.

Настоящие окаянные дни обрушились на Украину! Мы вымираем: в 1991 году нас было 52 миллиона, сегодня – 42.

В своём очерке, посвящённом 800-летию Москвы, Ярослав Галан сказал: “Тридцать лет назад человечество раскололось на два лагеря: на тех, кто любит Москву, и на тех, кто её ненавидит”. Последних в разы больше: **нам, русским, живущим на Украине, а сердцем в России**, очень хорошо видно издадека, “кто есть кто” в России, и подлое отношение к ней в мире.

Но! На фоне травмы России сама власть России не прекращает “бодать” советское прошлое. И как же **бессовестно** выглядит это, ведь именно при этой власти Россия разучилась спутники запускать и пропустила врага к порогу, оказавшись в кольце американских баз. Более того, сегодняшняя власть России чудовищную империалистическую бойню 1914–1918 годов уравнила с Великой Отечественной. В первой мировой победа не была украдена у России “...теми, кто призывает к поражению своего Отечества, своей армии (В. Путин)”. Позиция большевиков была глубоко патриотичной: “Долой войну! Война войне!” И ратификация Брестского мирного договора позволила большевикам удержать власть, получить короткую мирную передышку, а Ленину – укрепить своё влияние в стране.

Мы, советские офицеры Украины, сыты по горло пандемией героизации пособников фашистов Бандеры и Шухевича! Только коммунисты Украины выступают сегодня за союз с Россией, за присоединение Украины к Таможенному Союзу, но, к сожалению, не советская Россия даже не смотрит в нашу сторону.

С уважением

Галина Савченко, лейтенант Советской армии, Киев, 08.10.2014”.

К письму были приложены фотопортреты и краткие родословные главных персон украинской политической сцены – Порошенко, Яценюка, Яроша, Коломойского, Тягнибока, Тимошенко с доказательствами того, что не такие уж они “щирые” и стопроцентные “украины”, поскольку настоящая фамилия одного из них Авдим а Рош, а у другого дедушка – Кацнельсон, у третьего отец – Вальцман, кто-то является потомком древнего хасидского рода Бакаи, а Тягнибок вообще не Тягнибок, а Фротман. Честнее всех на этом хасидском местечковом фоне выглядел Беня Коломойской, якобы причастный к созданию в Днепропетровске крупнейшего в мире центра “Менора”, принадлежащего секте хабарников, о которых украинский историк Э. Ходос в книге “Выбор между Спасителем и Антихристом” (Харьков, 2005. С. 5) пишет: “Их девиз таков: евреи превыше всего, а Хабад превыше евреев”.

Всё это не столь удивительно, если вспомнить, что в гитлеровском нацистском истеблишменте чистокровным арийцем был разве что один Геринг.

Интересен комментарий газеты “Завтра” (2015, № 15, статья А. Маслова “Хазарский синдром”), в котором автор, говоря о донбасской войне, считает, что “Одно слово главного раввина России Берла Лазара могло изменить ситуацию (...) хотя бы потому, что Игорь Коломойский и многие другие влиятельные для Украины фигуры являются его единоверцами – хасидами”. В этой же статье автор, вспоминая ближайших соратников Коломойского Геннадия Корбана и Бориса Филатова, иронизирует: “те ещё “украинцы”, кстати!” А газета “Русский вестник” (№ 12, 2014) в статье майора ГРУ в отставке К. Ипатова сообщает читателям: “6 мая 2014 года в медиа-проекте “Киев европейский” заместитель главы Днепропетровска Б. Филатов сделал сенсационное признание: “Что делать с теми, кто искренне желает смерти моей стране? С феерическими русскими идиотами, искренне не понимающими, почему мы готовы их убивать? С подлыми российскими журналистами, которых и людьми называть-то язык не поворачивается? Со всем этим сонмом нечисти? Завтра будет новый день и взойдёт Солнце. А что будет делать вся эта нечисть? А мы должны будем строить Новую Страну. “Город на Холме”, Новый Сион. Землю Обетованную...”

* * *

Но открываю книгу Леонида Вышеславского и читаю:

193

И после этого лживые “летописцы эпохи” до сих пор твердят, что, благодаря Ельцину и Гайдари, распад Советского Союза был бескровным! Мало им крови, пролитой в Карабахе, в Чечне, в Таджикистане, Приднестровье, в Киргизии, в Абхазии, в Южной Осетии... А теперь к потокам той крови прибавилась кровь, пролитая на Украине... С задержкой чуть ли не на четверть века, но всё-таки она пролилась...

* * *

Украинская нитка плотно вплетена в полотно моей судьбы.

Пятый класс я закончил в городе Конотопе, куда из Калуги в 1945 году была переведена моя матушка заведовать железнодорожной больницей.

Как сейчас помню, что наша классная руководительница Дарья Никифорова, недовольная моими двойками по украинскому языку и украинской литературе (это были отдельные предметы!), сурово сказала мне на чисто русском языке:

— Я переведу тебя в шестой класс при одном условии: если ты выучишь наизусть и прочитаешь мне по-украински стихотворенье Павло Тычины “На майдане коло церкви революция иде” и басню Леонида Глибова “Вовк та ягня”. — Я выполнил приказание Дарьи Никифоровны и на всю жизнь запомнил, что такое “майдан” и что такое “право сильного”, и концовка глибовской басни замечательна (пишу по памяти):

*“Ще огрызається, щеня!
Що ти за птиця? — Ты ягня!
Як сміло ти мене пытаєш?
Я, може, исти захотів,
не вам про тее дурням знати...”
І вовк ягнятко задавив.*

Думаю, что этот “волчий закон жизни” знают все нынешние персонажи украинской драмы — от Сашко Білого до Бени Коломойского.

А может быть, потому что я и жил и много раз бывал на Украине, в мои стихи всё время залетали какие-то “украинизмы”: “всех звончее из нас запевал некто Витя, приверженный к зелью, всё о том, что “покинул бы землю”, всё о том, как бы в “небо злітав”; “но рідна мать сыра земля не засыпала даже ночью”; “в ночи взревел четвёртый блок”, “и я достигнул рубежа, как тот князь Игорь перед Доном” и т. д.

... В 60-е годы мы часто приезжали в Коктебель с нашим маленьким сыном. В доме Волошина радушная его вдова Мария Степановна под строжайшим запретом — чтобы я никому ни слова! — давала мне переписывать стихи Макса, в том числе и знаменитые “Дом поэта”, “Стихи о Красном терроре”, о прошлой России, которую русская интеллигенция “пролузгала”, и “проплевала”, как семечки. До сих пор у меня хранятся пожелтевшие листочки с этими стихами, тщательно переписанные мною на письменном столе Волошина, с гудящими утробами морских раковин, разложенных в полутёмной комнате, наполненной сухим ароматом извести и киммерийских трав, под строгим взором древнеегипетской богини Таиах, чей бюст, вырезанный из какого-то драгоценного коричневого африканского дерева, стоял передо мной в овальной настенной нише, глядя на меня выпуклыми глазами...

Так случилось, что и русская девушка, на которой я женился в годы студенчества, оказалась с украинским прошлым: училась, начиная с 1944 года, в Киеве, где видела своими глазами, как на разбитом Крещатике советская власть возводила виселицы, чтобы вешать немецких гауляйтеров и местных коллаборационистов. После Киева её семья переехала в Запорожье. Училась она хорошо, украинский язык знала прилично и в шестидесятых годах перевела на русский язык прозу украинских писателей: Дмитро Кешели, Василя Бассараба, Антоненко-Давидовича. Книги их вышли в Москве, после чего мы были приглашены нашими новыми друзьями в гости... Мы сели в недавно приобретённый нами “жигулёнок” и помчались на Запад — через всю Украину, через Харьков, Киев, Чернигов, Львов, через Карпаты — в Ужгород, в сказочное Закарпатье. Везде нас принимали радушно, нигде мы не чувствовали

себя ни “москалями”, ни “оккупантами” — ни в городах, ни в горных сёлах, ни в карпатских гостиницах и турбазах, открывавших нам свои двери в любое время нашего долгого, утомительного, но прекрасного путешествия. А во время пребывания в Ужгороде — центре венгерской общины — я познакомился с поэтом Вильмошем Ковачем, автором нескольких книг стихов и прозы, изданных на венгерском языке в советской Украине. Венгров в Ужгородской области было всего-то сто с лишним тысяч, однако коль появился у них свой поэт, то и книги его должны быть изданы здесь, на родине. Таковы были правила советской жизни. Более того. Вскоре книга его стихотворений была издана и в Москве, в том числе с моими переводами.

А сейчас бегут венгры из своего Ужгорода, из Закарпатья в близкую и родную Венгрию, бегут из ставшей для них чужой мачехой Украины, бегут, не желая подчиняться порошковской мобилизации.

Несколько десятков тысяч мужиков, имеющих венгерский паспорт, пересеки границу и никогда уже не вернутся на Украину.

... Я нашёл на своих книжных полках московский сборник Ковача “Весенняя буря”, перечитал его и понял, что этот потомок мадяров был умнее многих нынешних не только потомков “укров”, но и европейских интеллектуалов, когда писал:

*Европа, слышишь, Европа! Покуда твои глаза
на тело Христа глядели, молились на образа,
кто-то на стенах церкви, под звучный её хорал,
свастику, кости и череп, поплёвывая, малевал.
Воспоминания... свастика... следы штыка на стене...
Кто вы? Чего хотите? Зачем являетесь мне?*

Не потому ли нынешние венгры отстраняются от объединённой Европы, что знают цену этому объединению?

Жив ли сейчас Вильмош, человек 1927 года рождения, у которого полвека тому назад мы были в гостях? Но лучше ему не знать, что на Луганщине и на Донетчине ополченцы, отбивая у киевских карателей свои посёлки и сёла, не раз находили в их блиндажах и землянках флаги красного полотна с белым кругом, в центре которого, как паук, располагалась чёрная свастика.

Находясь в Ужгороде и общаясь с венграми, мадярами или “уграми”, как называются они в галицко-волынской летописи XIII века, я внимательно читал по вечерам в ужгородской гостинице эту летопись и выписывал имена племён, живших в те баснословные времена на просторах Юго-Западной Украины и в Закарпатье. Много раз в летописи упоминаются “ляхи”, “поляне”, “половцы”, “ятваги”, “русские”, “чехи”, “прусы”, “жмудь”, “литва” и другие племена. Очень часто, чуть ли не на каждой странице, встречаются “угры”, но никаких “укров” нет и в помине. Может быть, современные бандеровские брехуны перепутали “угров” с “украинами”? Или просто смошенничали, изменив в слове всего лишь одну букву...

Обратная дорога из земли “угров” запомнилась мне головокружительными горными поворотами, гигантскими елями — смереками, — окаймлявшими хребты Закарпатья, чистейшими потоками, сбегаящими с гор к прозрачной Тиссе, на перекатах которой стояли, закатав штаны выше колен, местные хлопцы и, работая острогами, выхватывали из-под гладких обкатанных камней сверкающих на солнце форелей.

А ещё на обратной дороге мы остановились в Чернигове, который запомнился мне своими белокаменными храмами домонгольской архитектуры. На приступочках одного из них — Спасо-Преображенского собора, возведённого в 1036 году, — горели свечи, зажжённые в честь Троицы женщинами в чёрных одеждах.

В том же Чернигове местные писатели устроили нам радушный приём, который эхом отозвался через 30 лет в телеграмме, полученной мною от черниговской писательской дружины в 2002 году, в дни моего 70-летия. “Москва, генеральному писарю “Нашего современника” Казинцеву О. I. (для кошового атамана Куняева С. Ю.)

*Станіславу Юрійовичу найого 70-літія!
Матері своїй сину.
Великому слов'янину —*

13 чернігово святого
До Москви – столиці
З Богом
Посилаєм віну славу –
Куняєву Станіславу!
Хай живе на радість нам!
На погибель ворогам!

Від імені чернігівців Дмитро Иванов,
P. S. Будьмо! Не забудьмо, що ми брати!”

Где сейчас мои родные “письменники-черниговцы”? Нужны ли они своей
неньке Украине? Молятся ли их жёны и матери в чёрном на белокаменных сту-
пенях храма, где горят свечи? Помнят ли они свои слова: “Не забудьмо, що
мы брати!”? Где мой черниговский брат с русской фамилией Иванов?

Боже мой! Какие бури пронеслись над нашими головами, “чему, чему
свидетели мы были”, – как написал Александр Пушкин, когда-то навещавший
то ли из Одессы, то ли из Кишинёва своих друзей, молодых декабристов
“Южного общества”, квартировавших в Чернигове.

* * *

Осенью 2006 года я побывал в Минске на съезде писателей Беларуси,
и в прощальном дружеском застолье познакомился с известным украинским
писателем Александром Сизоненко, блистательно выступившим на белорус-
ском съезде. Мы с первых слов, после первой чарки почувствовали располо-
жение друг к другу, а расставались на другой день вообще как старые друзья,
которым есть что вспомнить. Вскоре я получил от него первое письмо, с ко-
торого и началась наша переписка.

“Конча-Озёрна, 31 декабря 2006 года

Дорогой Станислав Юрьевич!

Рад нашей встрече в Минске! Равно и глубоко уважаю Вас, как поэта.
Не меньше люблю и уважаю, как редактора “Нашего современника” – стой-
кого и бескомпромиссного борца со всякой либерально-сионистской, русо-
фобской сволочью!

Они ведь как с цепи сорвались во времена перестройки, особенно в 90-
91 годах. А я всё время был с “Нашим современником”, за то и вывели меня
мои “друзья”, перекусившие в “руховцев”, и из Правления, и из Президи-
ума Союза писателей Украины. Мы тут в Конче живём рядом: Драч – в 17-й,
Павлычко – в 18-й, я – в 19-й даче. Ну, а они были главными “заводилами” –
основателями “Руха”. Знали, что я выписываю из Москвы и “Советскую Рос-
сию” и “Наш современник”. А “Рух” создавался на платформе ненависти
к России, к Советскому Союзу, к Славянскому братству. Впрочем, Вы это зна-
ете и без меня. Об этом свидетельствует и 10-й номер “Нашего современни-
ка”, подаренный мне Вами сразу же после моего выступления на съезде пи-
сателей Беларуси. Я это воспринял как награду за моё выступление и горжусь
этим. Так же, как и Вашей книгой “Шляхта и мы”, подаренной мне Вами, как
только я сошёл с трибуны. Огромное Вам спасибо! Дай Бог Вам здоровья,
стойкости, творческого процветания, силы в отстаивании русской культуры
и литературы.

Со страстным интересом прочитал Ваше исследование русско-польских
отношений.

До сих пор наслаждаюсь Вашей книгой и юбилейным журналом! Как яр-
ко Вы написали о Пушкине и его “Современнике”! Какая духовная высота, ка-
кая глубина мышления, какое художественное изящество! Радостно на душе,
что есть Вы и Ваши единомышленники!

А “снаряды” падают всё ближе и ближе. Викулова видел в марте на 75-ле-
тии Ф. Кузнецова в ЦДЛ, а в июле его не стало. Умер мой любимый Володя
Солоухин, умерли Янка Брыль, Иван Чигринов – автор удивительного романа
“Плач перепёлки”. Не стало Ивана Мележа. Это были очень близкие и доро-
гие для меня люди – товарищи и по жизни, и по литературе. И погибли они
вместе с великой нашей страной, нашей Родиной – Советским Союзом.

В этом было что-то астральное. Я уверен: взаимосвязь здесь присутствовала! Я и сам умирал, начиная с 1986 года, так как не столько сознавал, сколько чувствовал, к чему затеяна “перестройка” “Горбачёва-Яковлева”. Теперь все ждут, что я вытру сапоги о знамёна, под которыми жил, воевал, был убит в Берлине 28 апреля 1945 года в ближнем бою на Фридрихштрассе, но почему-то выжил, пришёл в себя 9 мая под шатром медсанбата. Не дожидаясь недруги ни моего отречения от СССР, ни от России! Обнимаю Вас! Ал. Сизоненко.

Р. С. 6 января 2007 г. Сочельник. Наслаждаюсь “Анной Карениной”. А на подоконнике — Ваша книга “Шляхта и мы” и юбилейный “Наш современник”, и я снова роскошествую — живу в русской духовности, в русской литературе, как прежде, ибо сейчас на Украине, особенно в Союзе писателей, творится чёрт знает что: жменька детей и внуков недобитых фашистских наймитов из Галичины оккупировали СМИ, радио, телевидение, журналы и “Литературну Украину”, сеют и посевают ненависть к России, к великой русской литературе, и некому их унять или хотя бы вразумить. Меня считают чуть ли не изгоем, “агентом Москвы”, “комунякой”, “отщепенцем” — только за то, что открыто выступаю против русофобии, антисоветчины, защищаю братство наших литератур и народов. Не представляю своей жизни в отрыве от Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Тютчева, Чехова, Бунина, Шолохова, Твардовского, Бондарева, Белова, Распутина, Евгения Носова.

К сожалению, мало знаю Вадима Кожина — только по публикациям в “НС” за <19>90–<19>91 годы. Если сможете, вышлите его главную книгу. Да и свою не забудьте!

Вот только что прочёл, как Стива Облонский приезжает из Петербурга в деревню к Левину и они идут “на тягу” — стрелять вальдшнепов. Какое чудо!!! Какая весна! Каков вечер! И поскольку я сам страстный охотник, не могу не любоваться этими страницами Толстого.

Вспомнил “Стрельбу влёт” Хемингуэя, где он пишет, что отдал бы миллион долларов за то, чтобы ещё раз впервые прочесть “Войну и мир”, “Анну Каренину”, “Братьев Карамазовых” — всё из русской литературы.

“Ну, значит, — читаем в “Зелёных холмах Африки”, — мэм-саиб с оруженосцами улеглись в тени деревьев после обеда, а я налил себе ещё виски с содовой, бросил в бокал три кусочка льда, вынул из рюкзака маленькую и очень зачитанную книжечку — “Казаки” называется — и стал уже в который раз перечитывать её. И я опять переправлялся вместе с татарами через реку, пил водку с пьяницей Ерошкой, любовался стройными ногами смуглой казачки. Я знал, каким там бывает лес в разные времена года, какие идут дожди, какие цветут цветы — я опять был в России.

Потому что там, где бываем мы, непременно побываєте и вы, если только Бог не обделил нас талантом, и мы научились писать настоящую простую и честную прозу, без никакого шарлатанства”.

Вот Вам, Stanisław Юрьевич, и образец рецензии. Да ещё какой! Цитирую по памяти, ибо никогда не забываю. Люблю Хемингуэя больше всех писателей Запада. Вероятно, за то, что он сказал Эзре Паунду в ответ на его пренебрежительное: “Бросьте носиться с этими русскими, Хемингуэй! Читайте французов — они Вас научат изящности стиля”. — “Я могу учиться и учусь у кого угодно, — отвечал оборванный, бедный, как церковная мышь, Хемингуэй, — но сначала буду учиться у русских, а потом у всех остальных!” — и ушёл от богача и развратника без сантима в кармане, хоть и намеревался попросить у него денег.

Вы, вероятно, знаете это без меня. Но настал черёд повторять то, что говорили и писали о нас выдающиеся писатели Запада. Не так ли? В ответ доморощенным злопыхателям и зарубежным хулителям России. Беда-а-а-а!

Пора остановиться. А я не могу: такое родственное чувство охватывает при воспоминании о Вашей реакции на моё выступление, о Вашем порыве, выразившемся в щедрых дарах. И это от Самого Несгибаемого в борьбе с врагами России Станислав Куняева!

Спасибо! Ал. Сизоненко.

Р.Р.С. Есть у Бунина рассказ “Заря всю ночь”. — Удивительная проза! Вот и у нас в Конче-Озёрной полнолуние всю ночь осыпает серебряной пылью Великий Днепровый Луг, реликтовые сосны, урочища, вековые дубы возле моей веранды. И я не могу уснуть — всё читаю “Анну Каренину”! Что за чудо?!

Особенно ошеломляют четырёхвёрстные скачки, в которых гибнет прелестная Фру-Фру от одного неосторожного движения Вронского, сломавшего ей хребет перед последним препятствием. В этой сцене боги водили рукой Толстого. Какая глубина, какое изящество! Не читаешься. Ал. Сизоненко”.

К письму была приложена фотография автора — в красной рубашке, со взглядом слегка опущенным, глядящим в себя. На обороте фотографии стояла надпись: **“Станиславу Куняеву на память о Минске, где мы были счастливы поздним братанием! Ал. Сизоненко”**.

Он отвоевал всю войну, дошёл до Берлина, но 28 апреля 1945 года был ранен столь тяжело, что пришёл в себя лишь 9 мая 1945 года, в первый День Победы. Я был **“почти убитый”**, вспоминал он. **“Не побывай Вы там, в смерти, — писал ему в письме Валентин Распутин, — не были бы, наверное, при всех природных данных и такой крепости, исполнены всем, что украшает человека: и мужество, и точность глаза вместе с точностью мысли”**.

Письмо Валентина Распутина солдат и писатель Сизоненко получил как награду в 2009 году, к своему 85-летию, когда его, автора романа о николаевских корабелях, трилогии “Советский солдат”, сборника блистательной публицистики “Гамбургский счёт”, лауреата многих советских, российских и украинских литературных премий Владимир Путин наградил в Киеве во время открытия дней России на Украине орденом Дружбы. Об этом событии сам Сизоненко вспоминает так:

“Очень огорчит меня, что в выступлениях обоих президентов на открытии Года России в Украине не вспомнятся ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Чехов, ни Достоевский, ни другие гении XIX столетия — “Золотого века” Великой русской литературы... Именно поэтому обращаюсь к Путину, прикреплявшему мне орден Дружбы:

— Владимир Владимирович, позвольте прочесть “Родину” Лермонтова — всего три строфы.

— Пожалуйста, — президент России быстро и крепко возьмёт меня под руку и подведёт к микрофону.

С замирающим сердцем, еле сдерживая волнение, встану перед двумя десятками русских, украинских и зарубежных телекамер, перед награждёнными и представителями обоих правительств, стоящих под знамёнами России и Украины:

*Люблю отчизну я, но странною любовью:
Её не победит рассудок мой.*

За стихи Лермонтова мне аплодировали гораздо сильнее, чем при вручении ордена. Аплодировали даже телеоператоры из-за своих грозных камер на высоких штативах. А президент России, кажется, даже побледнел — так на него действуют изумительные эти стихи. Впрочем, это, возможно, только покажется...”

А вот ещё три письма Александра.

*“Где она теперь, Россия?
По какой рубеж — своя?
Ал. Твардовский*

Дорогой друг и брат!

Спасибо за письмо и журналы! Судя по почерку и содержанию, это письмо писалось в адской перетруженности и спешке, которые, очевидно, и составляют смысл и сущность Вашей неугомонной жизнедеятельности. Зато журналы, Станислав Юрьевич, журналы-то! Крик души самой России! Прочёл оба номера, не отрываясь, от корки до корки! Читал днём и ночью — до 3-4 часов утра. Удивила Ваша работа о Холокосте, исследование Вашего сына об удивительных тайнах фольклора, легенд и мифов о мироздании, а также глубочайшая по мысли и ярчайшая по образности поэзия Новеллы Матвеевой! Да, это настоящая, глубинная боль и скорбь о судьбе России, которая и в моей

душе занимает первейшее место, потому что всё самое страшное зло мира направлено, прежде всего, против Неё, против России — эпицентра Православия, евро-арийской культуры и духовности!

Поразила также история с убийством в храме православного священнослужителя, описанная Казинцевым. Это — вызов! Наглый, циничный, рассчитанный на безнаказанность умерщвления России. Ни Медведеву, ни Путину эта “неудобная жертва” не нужна! Им бы своего “учителя” Собчака облагодетельствовать посмертно своим приездом в “Питер” в день его поминаения!

Ещё раз спасибо Вам за журналы — в них бьётся и кровоточит живое сердце любимой моей России! Великое дело делаете Вы, брат мой Куняев! Да не дрогнет Ваша рука, сердце и совесть в этом благородном деле! Россия, как никогда, нуждается сейчас в защите от чужих, внешних, и от своих, внутренних, врагов. И Вы это делаете блестяще! Может быть, только Вы одни с “Нашим современником” — последовательно, неуклонно! По Твардовскому: “С тропы своей не ступая, не отступая”... Бог Вам в помощь! Обнимаю Вас! Ваш Ал. Сизоненко”.

“Дорогой Станислав!

Спасибо за письмо! Это — праздник для меня. Что письма Бондарева, Распутина, что и твоя весть из Москвы! Всё никак не могу примириться с этой глупостью: что Москва как бы не столица моей Великой Родины?! Погубили её, предали и продали “генсеки”-предатели, международное закулисье, управляющее тризну под названием “Холокост”, пьяницы и дураки ельцины, гайдари, чубайсы, “агенты влияния” из Межрегиональной депутатской группы, а мы оказались безоружными перед этим лукавством и демагогией!

Но кому ж я это пишу? Ты, наверное, в тысячу раз болезненнее и в сто раз глубже потрясён этой вакханалией подлости, бездарности и злого умысла.

Время надежд, брат мой Стас, ещё не наступило! Оно только наметилось в связи с харьковскими договорённостями Медведева и Януковича. А до фанфар ещё очень далеко! Если бы ты знал, какую бучу тут подняли против этих соглашений недобитые бандеровцы, их приспешники и наследники!

“Устали мы с тобой от поражений”, — удивительное умозаключение! Стас Куняев слов на ветер не бросает. Но Валентин Распутин, тепло отозвавшись о моём рассказе, робко выразил отдалённую надежду, что “настанет ли время, когда заговорит твой молодой араб?”

Да я, пожалуй, вышлю тебе ксерокопию его письма — авось разберёшь с Божьей помощью. И ещё кое-что, что тебя, возможно, заинтересует.

Обнимаю тебя по-братски! Твой Александр”.

А вот письмо, свидетельствующее о том, что Сизоненко по советской традиции заботился не только о себе, но и о своих товарищах по перу.

“Дорогой Станислав Юрьевич!

Шлю Вам эти настоящие русские стихи Владимира Пучкова — лауреата литературной премии Н. Н. Ушакова. Давно ушедший старик — лучший и талантливейший из русских поэтов на Украине — оставил меткий, запомнившийся афоризм:

“Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь!”

Живя в захолустном Николаеве, накрытом, словно саваном, еврейским мещеховым волапуком в перемешку с неистребимым хохлацким “суржилом” (обратим внимание на то, что это пишет украинский писатель, блестяще владеющий своей “рідной мовой”! — **Ст. К.**), Пучков сохранил в душе и памяти унаследованный от своих исконно-русских интеллигентных родителей удивительно чистый, богатый лексикой и фразеологией, настоящий литературный язык, заповеданный нам Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Блоком и Твардовским.

Прочтите эти стихи — и убедитесь! Вы ведь сами первостепеннейший Поэт, не то что я — густопсовый прозаик, да ещё и украинский.

Однако русским, даже очень талантливым поэтам в бандеровско-ющенковско-нацистской Украине уготовано забвение в атмосфере, насаждаемой “вышими сферами” русофобии! Поэтому хорошо было бы обнародовать стихи в высшей степени одарённого русского поэта в Вашем патриотическом журнале!

С глубоким уважением и благодарностью за сердечную встречу в Минске на съезде писателей Белорусии!

Звоните, буду рад и счастлив в своём одиночестве — 7-й год без любимой жены. А. С.

Конча-Озерна, 16 января 2010 года. Ваш друг и брат, Ал. Сизоненко”.

С опозданием на несколько лет я выполнил просьбу моего старшего друга, которому позвонил в его Конча-Озёрну 10 марта 2015 года. Позвонил с трепетом: жив ли он в проклятое время, когда на его Украину воротилась коричневая чума, которую он добивал в Берлине?

— Станислав! Ты?! — раздался в телефонной трубке его хриплый, но крепкий голос. — Александр! — закричал я в ответ.

О чём мы говорили, перебивая друг друга, вспомнить от волнения не могу... Помню только, что успел, слава Богу, поздравить его с наступлением Года Победы и передать ему поклон от Распутина, который ещё был жив.

А теперь — по его просьбе — печатаю стихи Владимира Пучкова, о таких же героях Великой войны, каким является сам Александр Сизоненко, стихи, которые он прислал мне пять лет тому назад и которые не могут обветшать, как и память о героях.

БАЛЛАДА О 68-МИ

Героям николаевского десанта

*Как дышитесь чисто в марте! В тумане сады висят...
Но красной стрелой на карте означен твой путь, десант:
Поверх оврагов, излучин реки, погружённой в сон...
Размеренный скрип уключин в машину войны включён.
При свете луны досадном лижет кристаллики льда
Разбуженная десантом мартовская вода,
В порту затаились доты, уже недалёк рассвет...
— Всё, отпуская боты — обратной дороги нет...*

.....

*На них небосвод свалился, вздымалась вода горой —
два дня и две ночи длился десанта крошечный бой.
Стук спаренных пулемётов — испариною на лбах!..
Встаёт морская пехота с ленточками в зубах:
— В атаку! — в смертельном вихре рванулись за рядом ряд...
Уходит навстречу смерти и прямо в вечность отряд...*

*Потом победные марши ударили в небосвод,
И принял первые баржи спасённый десантом порт.
Печатаю шаг по брусчатке и щурясь на солнце вдали,
В бинтах, будто в белых перчатках, матросы по городу шли.*

.....

*Я мальчишкой за ними ринусь: опоздал я, но, чёрт возьми,
я один из десанта, из шестидесяти восьми!
Я вытягивался в струнку, я шептал тишине ночной:
“Трубочом, салажонком, юнгой — вы возьмите меня с собой!
Бескозыркою наградите — выше нет пацану наград...”
Розы алые на граните. Отвоеванный город-сад.*

ПОСЛЕДНИЙ ДЕСАНТНИК

*Он у подножия затих с ненужными цветами.
Он каждый день — среди живых, лишь в этот день он с вами.
Ведёт безмолвный разговор с плитой гранитной строгой.
Уймись, зеркальный фотокор, хоть здесь его не трогай!*

*Он опускает долу взгляд — и видит вас, ребята,
он знает: он не виноват, что уцелел когда-то.
Когда надсаживалась грудь, принять удар готовясь,
он не пытался обмануть ни вас, ни смерть, ни совесть.
Тяжёлым был ваш звёздный час — не высказать словами!
Один остался среди нас, но в этот день он с вами.
Стоит, молчание храня, в глазах блеснёт украдкой
то отблеск Вечного огня, то милость жизни краткой.*

Прочитав такое, действительно хочется сказать:

— Героям слава!

* * *

Перечитывая украинские письма, пытаюсь вспомнить, сколько раз я бывал в Киеве, когда и с кем любовался Киевской Софией, вглядывался в Оранту — Нерушимую стену, вчитывался в древнерусские священные тексты, выложенные золотой смальтой на стенах Владимирского Собора, расписанного Васнецовым, прикладывался к Лику Богородицы, сотворённому его рукою. А как не вспомнить постепенное погружение в полутьму, в прохладу подземелий Киево-Печерской лавры, где тускло мерцают свечи, освещающие каменные стены и потолки, вырубленные в днепровском известняке руками нескольких поколений монастырской братии.

Сколько раз я бывал в Киеве в советское время — не помню, не было нужды запоминать, ездил, как в родную Калугу. Разве что врезался в память 1990 год, когда редакция “Нашего современника” приехала в Киев и когда на наших вечерах с публикой нам пришлось выдержать немало тяжёлых мировоззренческих схваток и с демократами — сторонниками Виталия Коротича, тогда уже командовавшего всесоюзным журналом “Огонёк”, — и с мгновенно возникшими на идеологической сцене националистами-руховцами, возглавляемыми недавними “радянскими письменниками” Павлычко, Драчом, Яворивским, Мовчаном. Одно было утешение — встречи и разговоры с Борисом Олейником, вскоре написавшим тогда своё убийственное сочинение “Князь тьмы”, на обложке которого был портрет Горбачёва с дьявольской печатью на лбу.

После этого визита я побывал в Киеве, по-моему, лишь один раз, в 2008 году, в составе делегации писателей, актёров, историков, политологов. Вот тогда и выступил на секции историков с коротким докладом об отношениях Польши и Украины, исследованных мною в книге “Шляхта и мы”... Этот разговор был необходим в Киеве, потому что шляхта много раз за тысячелетнюю историю захватывала этот город, потому что украинцы для них были “быдлом”, потому что их любимая поговорка “пся крев” применялась ими только в разговорах о восточных соседях, потому что “всходни кресы” всегда были “землёй обетованной” для всех болеславов храбрых, для всех самозванцев, мечтавших о московском троне, для всех чарторыйских и пилсудских. Не понимаю, почему, зная всё это, сегодняшняя украинская элита опять раболепствует перед шляхтой?!

Когда-то в молодости я мечтал написать книгу о том, что характер русского человека в основе своей сложился на степном юге в эпоху Киевской Руси, в эпоху Святогора и Соловья Разбойника, в эпоху Вольги и Микулы, в эпоху вешего Олега и Святослава, благородно предупреждавшего врагов “Иду на вы!” Да что говорить! Великая древнерусская литература начиналась с “Повести временных лет”, которую писал в Киево-Печерской обители легендарный Нестор-летописец. А продолжилась она “Словом о Законе и Благодати” опять же киевского митрополита Илариона, укрепились “Поучением Владимира Мономаха”, а чтобы вознестись на мировую вершину — увенчалась “Словом о полку Игореве”, излучающим дыхание степей и рек нынешней Новороссии.

Эту неразрывную связь, как никто другой, понимал Александр Пушкин, когда писал “Полтаву” и создавал образ Пимена-летописца, когда в стихотворной оде “Бородинская годовщина” пророчески (словно заглядывая в наше время!) обращался к европейцам — “легкоязычным витиям”, — требовавшим отдать все тогдашние малороссийские земли восставшей в 1831 году Польше:

*Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем — наследие Богдана?*

.....
*Наш Киев, дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?*

В этих пушкинских “нетолерантных” вопросах речь идёт о том, что Речь Посполита всегда жаждала с помощью тогдашней “объединённой Европы” восстановить границу с Россией по Днепру, там, где она проходила до Андрусовского мира 1667 года, то есть с поглощением шляхетской утробой “златоглавого Киева”. Что, кстати, было осуществлено шляхтой в 1920-м, в мае которого она вошла в Киев, но владела “пращуром русских городов” всего лишь три месяца: в июле её вышибла из древнерусской “святыни” будённовская конница. Памятуя об этой польско-украинской расправе, я подарил в 2009 году на прощанье украинскому историку и археологу с европейским именем академику Петру Толочко, который руководил нашей конференцией, книгу “Шляхта и мы”, и вскоре получил от него письмо.

“Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за книгу “Шляхта и мы”, которая (как и одноименная статья в “Нашем современнике”), не была мной замечена раньше. Прочитал её внимательно и совершенно не могу предъявить Вам упреков, которые, оказывается, обрушили на Вас польские историки и писатели, а также некоторые наши (может, и не совсем наши) читатели. Ещё до ознакомления с поэтически-беллетристическим приложением я утвердился в мысли, что имею дело не просто с эмоциональным криком души русской, но с полноценным историческим исследованием, где всё поддержано цитатами и ссылками на труды предшественников. В процессе чтения мне казалось, что они даже избыточны, но, судя по реакции “заинтересованных” читателей, Вы поступили совершенно правильно.

История русско-польских, как и украинско-польских отношений непростая, можно сказать, драматична. Не берусь взвесить, чьей вины в этом длительно, нередко кровавом противостоянии больше, но совершенно убежден, что ни польская нация в целом, ни её интеллектуалы не могут рассматривать его жертвой только себя. Действительно, были разделы Речи Посполитой и включения Польши в состав Российской империи, со всеми вытекающими из этого последствиями. Действительно, после Второй мировой войны Польша без радости терпела своё сателлитное положение под верховенством Советского Союза. Но ведь было и другое, о чём Вы совершенно правильно пишете в своей книге. Была польская оккупация Киева (первая — в 1069 г<оду>), Москвы, походы на Россию армий Понятовского, и на украинских и белорусских землях была Брестская уния и католическое засилье, изменившее православную духовную идентичность значительной части восточнославянского населения.

Я не принадлежу к любителям беречь старые раны. Народы не должны строить свои взаимоотношения исключительно на злопамятстве. Были ведь и светлые страницы в их взаимоотношениях. Но, к сожалению, так думают не все. И, прежде всего, так не думают польские интеллектуалы, требующие только от нас покаяния за содеянные (и не содеянные) нами грехи и не собирающиеся каяться за свои. Или покаяние — это удел только холопов, а паны всегда правы? К сожалению, от этого комплекса, вошедшего в поведенческий стереотип польской нации во времена её многовекового господства над восточными славянами, она никак не может избавиться до сих пор. Нет-нет, да и прорываются ностальгические воспоминания о польском городе Львове или о восточных кресах Польши, которые исторически никогда ей не принадлежали.

Как-то на дружеском обеде, подводившем итог международной научной конференции историков, мне довелось услышать здравницу польского коллеги в честь Киева. Заканчивалась она словами: “Мне тем более приятно поднять

бокал за этот замечательный город, поскольку когда-то он был и польским". Последнее было произнесено с определённой долей шутиливой игривости, побудившей меня продолжить её в ответном тосте. Я предложил выпить за прекрасную страну Польшу, которая когда-то была частью Российской империи. Это было в 1979 г<оду> в г<ороде> Магдебурге.

Я вспомнил об этом давнем эпизоде, поскольку подумалось, что и Вы, уважаемый Станислав Юрьевич, оказались в аналогичном (моему) положении. Только "тост" Ваш неизмеримо более обстоятельный. И не увидел я в нём какого-то "полонофобства", неуважения к Польше, её истории и народу. Мысль вполне здравая и паритетная: "Не судите, да не судимы будете", – сказано в Священном Писании. Польша вовсе не безгрешна перед историей, а поэтому не имеет морального права на осуждение других. Требовать от России какого-то "расчёта с историей", как это говорится в заметке польского историка Анджея Новака, можно только тогда, когда такой "расчёт" произойдёт в Польше. Но ведь ничего подобного там не случилось. Наоборот, слышатся призывы бороться за память, которая имеет политическую цену. Но в таком случае, непонятно, почему такое неприятие вызывают аналогичные действия со стороны русских интеллектуалов. Они ведь тоже борются за память, которая также имеет политическую цену.

Чрезвычайно интересными представляются Ваши рассуждения о катынской трагедии. До них, до поставленных Вами естественных вопросов, я не сомневался в том, что это дело рук наших энкаведешников. Теперь такие сомнения у меня появились, Ваши вопросы требуют ответа. И пока его не дадут компетентные специалисты с документальным обоснованием, с проклятиями в сторону России полякам следовало бы подождать.

Несколько выпадает из темы "Шляхта и мы" сюжет "шляхта и евреи", рассказывающий о трагической судьбе евреев городка Едвабне. Разумеется, он усиливает впечатление о безгрешности польской шляхты перед другими народами, но прямого отношения к польско-русским или польско-украинским взаимоотношениям не имеет. И без него видно, сколь непростыми они были в продолжение истории.

В целом, книга производит впечатление серьёзного исследования. Она не столько оценочная, сколько фактологическая. Читатели могут не принять ту или иную Вашу, Станислав Юрьевич, сентенцию, но не смогут опровергнуть изложенные факты.

А факты, как известно, вещь упрямая.

С уважением,
П. П. Толочко".

* * *

Украина сейчас переживает такое коварное время, что я постоянно думаю: а не подставляю ли я под репрессии нынешнего киевского режима моих украинских друзей, цитируя их письма? Ведь многие из них откровенно и честно пишут мне о преступлениях новой украинской власти, о разгуле бандеровщины в стране, о своих надеждах на Россию...

Потому, печатая письма из Харькова, я не стану открывать имя моей корреспондентки. Скажу только, что многие слова этих писем звучат для меня как эхо тех благословенных времён, когда мы жили в одной стране, под одним небом, дышали одним воздухом. А ещё добавлю, что верю всему, что моя единомышленница пишет о сегодняшних "окаенных" днях своей любимой харьковщины.

"Дорогой Станислав Юрьевич!

07. 12. 2007 г.

Полгода прошло со времени Дней литературы в Белгороде – не так много. Надеюсь, вы меня помните. Много лет лежали у меня записи воспоминаний моих, уже покойных родителей. Я мечтала написать на их основе полноценный художественный роман. Когда-то (сейчас точно не вспомню – конец 80-х или начало 90-х?) мы с мужем прочли впервые в журнале "Наш современник" роман Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) "Побеждённые": огромное впечатление он произвёл! Я представляла, что смогу написать нечто

подобное. Нет, я не заблуждалась: ни по художественной силе, ни по объёму исторического пласта я такого не достигну. И всё же история, которую я хотела рассказать — это тоже история моей матери, чья молодость совпала со сложными, переломными годами в жизни страны... Но почему-то я никак не могла заставить себя начать писать — не получалось. И поняла: выдуманные истории писать легко, а реально прожитую жизнь трудно переложить на художественную прозу — во всяком случае, для меня. Там иные законы. И я решила написать так, как написала, — то, что определила, как “роман-быль”... Мне трудно судить, что получилось: для меня всё это близко и интересно. Настолько ли будет интересно другим?.. Но если Вам покажется, что это достойно страниц “Нашего современника”, — я буду счастлива.

В прошлой “Литературке” увидела большую статью Владимира Бондаренко “Победитель огня”. Читала, с радостью встречая цитируемые и мои любимые стихи:

*Всё равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер протяжно поёт!*

В те годы, когда я с комсомольским максимализмом считала себя атеистом, меня почему-то сильно трогало это последнее четверостишие Вашего стихотворения! Так хотелось его повторять, и кружилась голова... Теперь-то я знаю почему: мы все — русские православные, и от этого никуда не деться.

Читала “Из литературных дневников последних лет” и жалела, что это всего лишь небольшие отрывки. Я ведь так давно не имею возможности читать Ваши новые вещи — к нам в Харьков просто ничего не доходит. Последние Ваши книги, которые есть у меня, это “Огонь, мерцающий в сосуде...” ещё аж 89-го года издания, и более поздняя — “Растерзанные тени”... Мне так понятны чувства, которые Вы описываете, вспоминая песню “Летят перелётные птицы”. Я тоже знаю, как перехватывает горло и замирает сердце от прекрасных поэтических строк. Не вычурно-эстетно-красивых, а простых, мужественных и нежных от любви к тому, что нам дано любить. У меня подобное состояние бывает, когда я читаю Ваши стихи. Например, “Мы жили в пограничной полосе”. Когда дочитываю до конца — последние строки сами собой произносятся вслух, просто вырываются с каким-то надрывом:

*когда, кренясь на левое крыло,
лёг “юнкерс” — и спикировал на хутор...*

И не только эти строки: я много могу цитировать поэта Станислава Куняева. И, если позволите, присоединюсь ко всем поздравлениям с Вашим юбилеем, ко всем самым добрым пожеланиям — с любовью...

П. И.”

“Дорогой Станислав Юрьевич!

7.07.2008 г.

Читаю Вашу книгу, которая стала для меня не просто подарком. Чувства, которые испытываю, я называю “праздником единомыслия”. В наше время и особенно живущим в нынешней Украине редко выпадает такая радость. Есть, конечно, среди моих коллег и друзей люди, близкие по взглядам. Но обязательно какие-то расхождения присутствуют: в отношении к вере, в трактовке истории, в любви к определённым “русским” поэтам...

И вот — Ваша книга... Всё в ней находит отзвук, чёткое эхо в моём сердце и моей душе. Часто просто хочется воскликнуть: “И я так думаю! И со мной так было!” Вы цитируете Алена Даллеса: “И лишь немногие, очень немногие будут догадываться...” Я тоже была из тех, кто с самого начала понимал (не до конца, конечно) зло перестройки. Когда, в самом начале появления Горбачёва, я сказала одному коллеге: “Откуда он взялся на нашу голову!” — тот оторопел от моей “тупости”. — “Что ты, что ты! Это гений, это мессия!” Многие за прошедшие десятилетия прозрели, но помнить о своих заблуждениях не хотят. Когда я напоминаю те восторженные слова, отмахиваются: “Нет, не было такого, я такого не говорил...”

Хорошо помню, какой злобой и ядом исходила печать от слов Юрия Бондарева о самолёте, который пустился в полёт, не имея посадочного аэродрома; от определения Вадима Кожина: перестройка — это контрреволюция партocrats, которые захотели выйти из тени, жить не на государственных дачах, а в своих дворцах; от Вашего стихотворения “Дети Арбата”, статьи Нины Андреевой “Не могу поступаться принципами” (могу в чём-то ошибаться, поскольку цитирую по памяти). Вообще, имена Куняева, Кузнецова, Кожина, Шафаревича были лакмусовой бумагой для определения взглядов людей... В конце восьмидесятых мою младшую дочь, ходившую тогда в детский садик, позвали на день рождения её подружки. Детишек было человек десять, примерно столько же родителей. Начитанные, вежливые и приветливые люди. Разговор шёл современный: все восторгались журналом “Огонёк” и Коротичем, живо обсуждали свежие разоблачительные публикации. Меня стали настойчиво расспрашивать об “Огоньке”, на что я ответила, что читаю журнал “Наш современник”. Чтобы сгладить наступившую заминку, мама именинницы восторженно заговорила о поэзии Пастернака и опять же обратилась ко мне, как к знатоку, несколько не сомневаясь, что и для меня это любимый поэт. Я сказала, что люблю Куняева, Кузнецова, Смелякова, Соколова. Наступило глубокое молчание. А вскоре мы с дочкой ушли, и провожали нас даже без обязательных улыбок. Я поняла, что для этих людей я отныне “черносо-тенка” и уж точно не интеллигентка. (Как видите, преклонение перед Пастернаком осталось обязательным признаком интеллигентности не только для “ифлийцев”, но и для определённых кругов конца восьмидесятых...)

Я читаю Вашу книгу и вспоминаю то, что давно забылось. Из детства. Мы жили в коммуналках, радовались дешёвым конфетам, мандаринки — только на Новый год. И совершенно не задумывались над тем, почему у наших одноклассников или соседей Эллы Дейч, Лены Луцевич, Володи Ельянова — изолированные двухкомнатные квартиры, на столах в хрустальных вазах фрукты и шоколадные конфеты. Всегда, каждый день! Что интересно — мы им совершенно не завидовали, а принимали то, что есть, как данность. Наоборот, у нас с детства культивировалось трепетное, жалостливое отношение к евреям: как же, они ведь так пострадали во время войны! Но что мы, харьковские дети, всегда точно знали, — это то, что тот мальчик или девочка — евреи. Безошибочно. Наверное, потому, что Харьков, как и Москва, был очень привлекательным городом для этой нации.

В последние дни, и сегодня тоже, по нескольким каналам ТВ (а у нас кабельное, и мы смотрим Россию) прошли передачи об Анатолии Приставкине, в связи с его кончиной. Конечно же, хвалебные. Я тоже с ним была слегка знакома, и у меня есть свои воспоминания. Я почти ежегодно ездила с детьми в Коктебель. В апреле и в мае, но иногда и в летние месяцы. Летом всегда там видели Приставкина. За ним ходил шлейф более молодых, и не только, московских писателей, для которых он, видимо, был авторитетом. Он и вид имел такой — доброжелательного, громкоголосого, всезнающего наставника...

Однажды небольшой компанией я с дочерьми и ленинградский писатель Анатолий Стерликов с дочерью пошли на Тихую бухту — часа два ходьбы по берегу моря, по холмам. Приставкин присоединился к нам, почему-то без своих сопровождающих, только с молодой женщиной (сейчас уже не помню — то ли со взрослой дочерью, то ли с юной женой). И там, на Тихой бухте, произошло небольшое, но символическое происшествие. Я его прекрасно запомнила. На берегу, где мы расположились, близко стояла палатка молодой компании диких туристов. У этих ребят громко играл магнитофон. Через несколько минут Приставкин стал недовольно морщиться, говорить о бескультурии молодёжи, а потом решительно направился в сторону палатки: “Я их сейчас приструню!” Почти сразу разговор пошёл там на повышенных тонах, к нам доносились выкрики: “Я писатель!”, “Приставкин!”, “Тучка золотая!”, “Лермонтов, что ли?” — раздался чей-то ироничный голос, дружный хохот, музыка зазвучала вызывающе громко. Приставкин вернулся красный, злой, сказал что-то вроде: “Молодые хамы, ничего с ними не сделаешь...” Толя Стерликов поднялся: “Я поговорю!” Приставкин махнул рукой: “Бесполезно!” Но Стерликов пошёл. Почти сразу музыка стихла, стала еле слышна. Толя вернулся, лёг на песок. Приставкин не выдержал, спросил после паузы: “Как вам удалось? Что вы сделали?” Оказывается, Стерликов подошёл и просто сказал: “Ребята,

мы же русские люди...” Молодёжь сначала растерялась, не нашла что ответить, а потом кто-то молча прикрутил магнитофон...

Когда я узнала, что Приставкин возглавляет комитет по помилованию заключённых, я вспомнила этот случай. Мне было странно: если он не смог найти слов для обычных молодых людей, как же находит общий язык с преступниками?

И ещё один случай, уже из другого лета в Коктебеле. На веранде у Приставкина вечерами собиралась большая компания. Была там и Алла Гербер, она тогда ещё не мелькала на ТВ, как позже, в годы перестройки. Я знала только, что это критикесса из Москвы. Меня, памятуя о некотором знакомстве, приглашали тоже, но я тогда хорошо подружилась с Ольгой Александровной Фокиной, а она их сторонилась, вот и я не ходила. В тот вечер у Приставкина было особенно шумно, причём уже довольно поздно. Вообще-то многие писатели вечерами общались, но помнили, что у кого-то спят дети, а кто-то из коллег работает. Ведь по всему нашему парку на аллеях висели таблички: “Соблюдайте тишину: работают писатели”. Я дождалась, когда мои дочери заснут, и пошла к Ольге Александровне — мы договорились. У неё тоже дочь и сын уже спали, она сидела на веранде, писала. Её коттедж стоял рядом с коттеджем Приставкина, крики, смех, шум доносились так, словно эта компания располагалась прямо здесь, на веранде. Через некоторое время Ольга Александровна не выдержала: “Пойду, попрошу их быть поскромнее”. Мы пошли вместе.

Народ у Приставкина был уже хорошо подвыпивший. Когда Фокина начала говорить, её разухабисто оборвали: “А кто ты такая?” Ольга Александровна очень сдержанно, чётко произнесла: “Я член Союза писателей нашей страны, лауреат литературной премии нашей страны”. “Какой-какой страны?” — ёрничая, спросил один мужчина (как потом выяснилось, муж Аллы Гербер). “Советской страны”, — ответила Фокина. Тогда тот, разведя руками и удивлённо оглядывая всю весёлую компанию, воскликнул: “А что, разве есть такая страна?” В ответ — хохот.

На следующий день Алла Гербер, протрезвевшая и испуганная, прибежала к Фокиной извиняться, потому что в 85-м или 86-м страна Советская ещё была. А я вот теперь, вспоминая, думаю: а может они — Приставкин, Гербер и другие, — уже тогда знали, что её не станет?..

Месяца не прошло, как я вернулась из Коктебеля нынешнего. Поехала туда впервые через 18 лет... Говорить не хочется об увиденном! Украинская Спилка с таким боем выцарапывала у Москвы этот Дом творчества, с криками о бедных украинских писателях. Только для того, чтобы всё распродать. Из множества корпусов и коттеджей остался самый плохенький корпус, в котором прежде и писателей-то не селили — только околосредовый народ. Всё превращено в громохочущие днём и ночью бары-кафе-казино, набережная — сплошная барахолка. Бесследно, не найти и концов, исчезла наша прекрасная библиотека, где были не только художественная литература и периодика, но и уникальные книги с автографами всех писателей, бывавших здесь ещё с 20-х годов. Ещё бы, ведь престижное помещение библиотеки на самой набережной нужно было спешно освободить для казино!..

Простите, Станислав Юрьевич, за такое длинное, сумбурное письмо. Но это Вы своей книгой подвигли и меня на воспоминания и размышления. Я рада, что воспоминания наших родителей мы храним и передаём дальше. Я неотрывно прочла раздел “Жизнь прожить...” — Ваши воспоминания, запиши Вашей мамы. Всё это очень нужно не только нам.

С уважением и любовью П. И.

P. S. Вид бланка, на котором Вы написали письмо, просто согрел мне сердце: он ведь ещё из советских времён!”

“Дорогой Станислав Юрьевич!

25.2.2015 г.

В самом деле, говорить по телефону на актуальные темы у нас сейчас небезопасно. А уж тем более звонок из Москвы с большой вероятностью отслеживается. Но как только я положила трубку, попрощавшись с Вами, так очень захотелось “поговорить”, поделиться, рассказать о том, что происходит в моём городе, что происходит с нами.

Ещё две-три недели назад, когда друзья, родственники из России, выходя на скайп, спрашивали: “Ну, как там у вас?”, — я отвечала: “Морально тяжело”. Теперь даже так не ответишь, это уже больше, чем “тяжело”. Вот уже третий день, как Харьков наводнён военной техникой, по улицам ходят патрули из карательных батальонов “Азов” и “Айдар” в камуфляже, любого могут остановить, к чему угодно придраться. В метро обыскивают людей. Как раз сегодня утром муж ехал в метро, его остановили (правда, не вояки, а милиция), заставили открыть сумку, показать документы. Пошли новые аресты среди тех, кто хотя бы слегка “засветился” в нелояльности к власти. Потому что всех тех, кто активно выступал, уже давно арестовали или принудили уехать из страны... Это у нас в городе введён режим АТО (антитеррористической операции), после взрыва, который произошёл 22 февраля, вы, наверное, слышали об этом.

В этот день наши евромайдановцы отмечали свой праздник — годовщину Майдана, которую они называют “Революція гідності”. Днём, гуляя с собакой, я видела, как колонна из 10–15 машин с жёлто-блакитными флагами и с флагами “Правого сектора”, громко сигналя, двигалась в сторону метро маршала Жукова и Дворца спорта. Туда, как потом я узнала, собрались и пешие активисты на свой митинг. Я предположила, что скоро эта демонстрация двинется в обратную сторону, к центру города, мимо моего дома. Отвела собаку, взяла фотоаппарат и вышла ждать. Хотела сделать снимки “для истории”: весь минувший год я много фотографировала из того, что происходило в городе... Ждала, но через некоторое время увидела, что в ту же сторону, ко Дворцу спорта, с тревожными sireнами проехало несколько машин “Скорой помощи”. Как раз в это время там и произошёл взрыв.

Сейчас несколько версий взрыва озвучивается. И та, которая указывает на то, что это — провокация властей, очень похожа на правду. Даже меня, человека далёкого от криминала и следствия, удивила видеозапись, которая первая попала в интернет. Там человек снимает идущих с флагами и горланящих “Слава Украине” людей, причём усиленно делает вид, что не знает — что же это такое. Говорит что-то вроде: “Какие-то люди, куда-то идут”, — хотя всё очевидно. И почти сразу, в начале съёмки, звучит взрыв. Снимающий очень хладнокровно реагирует, но при этом уверенно говорит, что кто-то подложил взрывчатку. Так же хладнокровно подходит и снимает истекающих кровью, кричащих людей, суету вокруг них. И громко, словно фиксируя внимание, несколько раз повторяет: “Это сепары взорвали, сепары (далее матом)”. Кто-то кричит: “Бомбу подкинули в урну!” Но комментатор уже подошедшим милиционерам уверенно говорит: мол, нет, взрывчатка была зарыта в снегу, я заметил, я местный...

Я, ошеломлённая увиденным, тем не менее машинально отметила постановочность этого видео. И даже мелькнула мысль: “Да этот парень как будто знал, что будет взрыв, снимал с очень удобной позиции”... Уже на следующий день в интернете я прочитала комментарий киевского журналиста Максима Равребы, где он по полочкам разложил это видео, аргументированно указав на те моменты, которые заметила и я, и на другие подобные.

А через два часа brave харьковские сыщики доложили, что злоумышленники пойманы. Их четверо, при обыске найден гранатомёт (рояль в кустах), конечно же, российского производства, и уже есть признание, что обучение террористы проходили в Белгороде, оттуда и гранатомёт. А взрывную кнопку нажимал чуть ли не сам мэр Кернес... Всё это было бы смешно, если бы...

А грустно очень. Ещё не закончился этот день, как мы, харьковчане, узнали: в городе вводится высший уровень террористической угрозы, начинается АТО. Что ж, к этому вело всё, что происходило последнее время.

Вот уже несколько месяцев, как город целенаправленно запугивают. Вдоль границы с Белгородом якобы стоят ракетные комплексы РФ, направленные на Харьков. Будут бомбить. Об этом рассказывают детям в школах: Россия будет нас бомбить, а потом придут русские захватчики, станут арестовывать и даже убивать тех, кто за Украину. И потому скоро целыми классами их, детей, станут вывозить во Львов. Практически каждый день в школах детей вводят в бомбоубежища. “Сначала было интересно, — рассказывал Максимка, мальчик из моего подъезда. — Но уже надоело. Прячемся!” Я в самом деле всё это знаю не понаслышке, а из первых уст: в моём подъезде живут трое школьников — четвёртый, шестой и седьмой класс, —

и учительница, преподаватель бывших “русского языка и литературы”, а нынче “зарубежной литературы”. И о том, что детям вдальбливают в головы: “Россия враг, Россия всегда гнобила Украину”; и о том, что они собирают посылки “дорогим бойцам-защитникам, бьющим террористов на Донбассе”; и о том, что перед началом занятий обязательно поют гимн “Ще не вмерла...” с приложением руки к сердцу... Одни из моих соседей просто не посылают сына в школу, пользуясь тем, что мальчик болезненный. А соседка-учительница оформила пенсию, хотя ещё недавно не собиралась этого делать, была полна энергии, желания работать...

Я рада, что мои внуки, старшая из которых уже школьница, всего этого не видят и не знают. В конце августа семья старшей дочери уехала, увозя троих детей, в Россию, в Воронеж. Из Воронежа наши корни, вот они словно вернулись к истоку. Увы, не по своей воле, пришлось бросить здесь многое. Но дочь и зять сказали: “Наши дети никогда не будут учить историю по львовским учебникам. Никто им не станет внушать, что их прадеды-фронтовики — мерзавцы, захватчики, убийцы, а герои и освободители — это вояки-бандеровцы...”

Насчёт бомбоубежищ: по городу вышло распоряжение — готовить под это дело все подвалы в жилых домах, все старые, ещё с 50-х годов бункеры. Вот сижу, пишу это письмо, а прямо под окном работники ЖЭКа расчищают прилегающий к дому подвал. Одно радуется: годами эти подвалы захламляли всем, чем можно, теперь хоть расчистят.

В последнее время я постоянно носила с собой фотоаппарат, куда бы ни шла. Снимала разрушенные памятники, разукрашенные жовто-блакитные столбы, деревья, “награждённый” этими же цветами знаменитый памятник Шевченко, пустырь на месте завода “Серп и молот”. Тот самый, который до революции (Великой Октябрьской, чтоб не перепутать!) назывался “Гельферих-Саде” и производил сельхозтехнику. Советской власти он оказался нужен, выпускал двигатели для тракторов, комбайнов. А вот в независимой Украине его снесли с лица земли, теперь здесь будет развлекательный центр. Зрелище, зрелище побольше... Не забуду: на Московском проспекте, на мосту, стоит пожилой мужчина, смотрит туда, где был завод. Я шла мимо, он оглянулся, вижу — плачет. Сказал, словно оправдываясь или объясняя: “Всю жизнь здесь проработал...” Махнул рукой и ушёл. А у меня сердце сжалось — вспомнила родной ХТЗ. Его строил мой дед, отец всю жизнь, за исключением лет войны, проработал. И я пришла на ХТЗ сразу после школы, сначала в инструментальный цех, потом — в редакцию многотиражки “Темп”. А сегодня ХТЗ хоть и не разрушен, но умирает.

Но это я отвлеклась. Я говорила о фотоаппарате. Сегодня боюсь его даже брать с собой, не то чтобы достать и снимать. Тут же в шпионы российские записут. По нашему ТВ постоянно крутят предупреждающий ролик: “Если заметите подозрительных людей, снимающих на улице, — сообщайте!” Да что там: постоянные призывы доносить на вызвавших подозрение в инакомыслии давно уже здесь обычное дело.

Не знаю, много ли поступает доносов, но беззаконие царит вопиющее. Последний случай, самый известный, как раз у нас в Харькове произошёл, на 23 февраля. В одном отделении милиции женщина-капитан поздравила сослуживцев-мужчин с праздником (ну, привыкли мы к тому, что в этот день мужчин поздравляем!) Плакатик повесила поздравительный, а на нём — ленточка георгиевская нарисована была. Тут же её и уволили, за сепаратизм.

Или полюбившаяся нашим героям-евромайдановцам люстрация! Депутата, пожилого человека, вышедшего из здания горсовета, хватает толпа накаченных молодчиков в камуфляже и с балаклавами, бросает в мусорный бак... Человека сразу увезли с инфарктом в больницу, еле выжил. И что? А ничего — это же наши герои, борцы за “Едину Украину”. Только вот что мне интересно: почему эти люди лица свои скрывают? И те, которые ходят маршами по улицам, орут “Москаляку на гиляку”, наводят свои порядки в городе. И те, кто воюют в карательных батальонах на Донбассе. Ведь это же их власть, им всё позволено, они знают свою безнаказанность, а вот же — упорно прячут лица. Уверена: каждый такой “герой” в подсознании понимает, что совершает преступление, и отвечать придётся. И боится...

А вот наши ребята, те, кого называют “колорадами” и “сепарами”, лиц не скрывают. Иногда даже слишком открыты и откровенны. Олега Новикова, ор-

ганизатора движения “Исход”, соратники предупреждали: кончилось время легальной деятельности, только себя погубишь. Но Новиков упорно верил: можно и нужно даже с этой властью дискутировать открыто. Он трудно добивался, но таки добился – зарегистрировал свою организацию. Получил официальное разрешение на существование и деятельность. Снял офис, в соцсетях, в прессе обнародовал его адрес, приглашал всех, и сторонников, и противников приходить, открыто дискутировать, пытаться понять друг друга...

Я Олега Новикова знаю давно как хорошего поэта, публициста. Харьковчане его знали как депутата облсовета. Он инвалид – нет одной ноги. Но такого энергичного, живого и неутомимого человека поискать. С самых первых дней он участвовал в нашем Антимайдановском движении как организатор. При этом его позиция всегда отличалась от установок других лидеров. Олег пытался найти точки соприкосновения с людьми других взглядов, при этом не отступал от своих принципов. Обстановка в городе накалялась, а Новиков продолжал устраивать дискуссионные встречи.

Вот уже больше месяца Олег Новиков в тюрьме. Его арестовали в день, когда он привёз из роддома жену с новорождённой дочкой. Обвинили в каких-то взрывах, терактах. Смешнее и глупее быть не может. Уже в заключении Олег написал письмо-обращение. Вот фрагмент его:

“Я, Олег Новиков, находясь в это время в тюрьме по неуклюже сфабрикованным обвинениям СБУ и МВД в Харьковской области, понимая всю суть происходящего, в очередной раз публично заявляю: ни при каких обстоятельствах я не пойду на позорные договорённости с пособниками действующей кровавой власти; все попытки запугать меня путём шантажа и угроз физической расправы с треском провалятся, ибо угрозы от страха большого, а стойкость от любви к истине; все возможные провокации в адрес моих сторонников, родных и близких, в адрес членов организации “ИСХОД” закончатся ничем, ибо “Мы мзды не берём! Нам за Державу обидно...” Я, Олег Новиков, имею честь и мужество называть вещи своими именами: преступная клика – “Хунта” – в лице действующей власти: Порошенко, Яценюка, Турчинова, Гройсмана, Авакова, Наливайченко, при поддержке 450 депутатов-дармоедов ВР и горстки олигархов во главе с Коломойским, и есть то истинное ЗЛО, которое ставит между собой и уничтожает всевозможными изощрёнными способами вверенный им народ. Я призываю всех небезразличных и уставших от постоянной лжи жителей нашей многострадальной страны объявить тотальный бойкот и презрение нынешним руководителям Украины. И всеми доступными и законными способами добиваться свержения этих иуд от политики. Я призываю “Исходовцев” и всех наших сторонников не складывать руки, не опускать головы и продолжать легитимный, законный и массовый протест против кровопролития, неофашизма, репрессий и ненависти, охвативших нашу страну”.

Арестован писатель и депутат облсовета из Николаева – Николай Машкин. Я читала письмо в его поддержку, которое подписали и вы, Станислав Юрьевич, и многие коллеги, которых я лично знаю. Между прочим, могу повторить то же, что сказал он: если бы в Харьков вошли российские танки, их встречали бы цветами. Причём мы, харьковчане, сами бы поразились тому, как нас, единомышленников, много. Год назад десятитысячные митинги собирал Антимайдан, а теперь мы все в загоне. Выйти на улицу с георгиевской ленточкой, значит, рисковать жизнью. Да, могут и убить, причём безнаказанно.

Что-то я растеклась мыслью по древу. Думала написать коротко, да слово за слово...

Дорогой Станислав Юрьевич, вот пишу вам, и вспомнила... В 2007 году я впервые приехала на большой литературный праздник в Белгород. Николая Переяслова – он приезжал к нам в Харьков, его я знала, – спросила: “А нет ли здесь Станислава Куняева?” А он вдруг сразу закрычал: “Стас, иди сюда, здесь с тобой познакомиться хотят!” Так я впервые вас узнала лично, потому что “знакома” с поэтом Куняевым я была ещё с середины 70-х годов. Мои ровесники тогда восхищались Евтушенко, Рождественским, Вознесенским, Ахмадулиной, а вот меня они как-то не волновали. Мне нравился Дмитрий Кедрин, Олжас Сулейменов, Евгений Винокуров, испанские и латиноамериканские поэты. Но вот я познакомилась с будущим мужем, который только приехал в Харьков из России, и он просто открыл для меня целый пласт других поэтов: Николая Рубцова, Василия Фёдорова, Владимира Соколова, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева... И я поняла: вот оно, моё!

А вы, Станислав Юрьевич, сразу стали моим самым любимым поэтом. Именно ваши строки так созвучны моей душе, эмоциям, чувствам. Ещё с тех лет я многие стихи знаю наизусть. И когда в Белгороде вы сказали в разговоре, что уже стихи не пишете, для меня это был почти шок. Как это — Куняев, и не пишет стихи? Но вот прошло несколько лет, и я поняла ваши слова: “Наверное, я в поэзии всё сказал, что мог”.

Всего вам доброго. С неизменной и давней любовью к вам

П. И.
25. 02. 2015.”

* * *

Нет-нет да и вспоминается мне дискуссия “Классика и мы”, выступая на которой в 1977 году я попытался доказать “городу и миру”, что творчество поэта Багрицкого, из которого местечковые идеологи двух революций — февральской и октябрьской — и гражданской войны делали чуть ли не классика русской литературы, на самом деле бесчеловечно и враждебно и пушкинским, и шолоховским традициям. Я цитировал садистские строки из поэмы “Февраль”, из стихотворений, посвящённых чекистам, из “Думы про Опанаса”... Но, как бы я ни горевал о судьбе украинского крестьянина, как бы ни ненавидел комиссара Когана, моё сердце сжималось от странного чувства, когда я читал:

*Тополей седая стая,
Воздух тополиный.
Украина! Мать родная,
Песня Украина!
На твоём степном раздолье
Сиромоха скачет.
Свищет перекаати-поле
Да ворона кричат.*

Какое-то дыхание сиротства, изгойства, одиночества печального восточнославянского племени, веками живущего в окружении других состоявшихся держав и народов, исходит от этих признаний не русского, нет, скорее еврейско-украинского русскоязычного поэта, одессита по национальности, которого сделала поэтом не Россия, а Украина. Отдадим ей должное.

Может быть, поэтому, выросший в Советском Союзе, я всегда принимал украинские беды и потрясения ближе к сердцу, нежели грузинские, армянские, азербайджанские, прибалтийские и прочие распри. Прямое родство русской и малороссийской души всегда было для меня роднее любых других исторических уз. Наверное, поэтому, возглавив “Наш современник”, я, в первую очередь, в разгар межнациональной сумятицы, в сентябрьском номере 1989 года напечатал в журнале вирши Бориса Олейника, рассказы Юрия Мушкетика и Миколы Хвильёвого с предисловием Виталия Ковалёва, рассказы Миколы Олейника, статьи Ярослава Берегового и Эдуарда Гончаренко.

А в 90-е годы мы не раз печатали отчаянные письма наших читателей с Украины о невыносимом засилье бандеровщины и русофобии во власти, в средствах массовой информации, в быту и в головах известных писателей, ещё вчера “радянских”, а сегодня ставших “руховцами” и “щирыми западенцами”. С демонстративной откровенностью мы отпраздновали в журнале столетний юбилей знаменитого украинского писателя Ярослава Галана, зверски убитого бандеровцами во Львове в 1949 году и посмертно награждённого в 1952 году Сталинской премией. В 2000 году опубликовали роман крымского писателя Владимира Бушняка “Стамбульский зазывала”.

А в 2007 году после переговоров с киевскими друзьями и с их помощью напечатали в июльском номере журнала стихи Бориса Олейника, Леонида Горлача, Станислава Минакова, Олега Тохтомыша, Юрия Каплана, Василия Бабанского, Геннадия Кириндясова, очерк “Над Днестром и Смотричем” нашей любимицы Марины Струковой, которая побывала по моему заданию в Киеве, в Хмельницком, во Львове, в Карпатах, а на прощанье завершила свой очерк

словами: **“До встречи, Украина! Десять антирусских настроенных субъектов в толпе и пять у власти не заставят меня относиться хуже к своему народу и песням, полям и храмам, великой истории и славянскому братству”**. А завершалась “украинская тетрадь” в журнале моей беседой с киевскими писателями Василием Бабанским, Геннадием Кириндясовым, беседой, которая сначала была напечатана в газете “Киевские ведомости” 21 декабря 2006 года...

Вот в какие человеческие времена, несмотря на все усилия украинских президентов и премьеров, несмотря на все конвульсии бандеровцев и апологетов “европейского выбора”, мы жили ещё несколько лет тому назад! Жили и надеялись, что наш здравый смысл и традиция многовековой истории постепенно перемелют искусственно насаждаемую вражду, что наши отношения, если и будут меняться, то в лучшую сторону.

Но Борис Олейник, которому в этом году исполнится 80 лет, смотрел в будущее дальше нас, когда писал в стихах, напечатанных в “Нашем современнике” о **“лабазно-инородном ворье”**, торгующем на его Украине **“святынями”** Отечественной войны, об **“ублюдке промальтийского закваса”**, забравшемся **“на державный трон всея Руси”**, о гуляющем по его родине **“панстве”**. Однако самое пророческое его стихотворение называлось “Марш пятой колонны”, когда вчерашние исполнители “Интернационала” поют “Ще не вмерла”:

*Спелся этот хор объединённый...
Глянь, жовто-блакитный и червонный,
как победным маршем там и тут
коммутанты всей своей колонной
в ногу с янычарами сплочённо
Украину на торги ведут.*

Надо признаться, Борис Олейник, знающий свою Украину лучше и глубже нас, в стихах 2007 года предсказал многое из того, что случилось в 2014-м.

А два письма киевлянина Василия Бабанского, который помогал нам составлять “украинский” номер, сохранились в моём архиве. Он писал, в частности, о подписке “Нашего современника” на Украине. Вот о чём, мы, наивные люди, думали ещё в 2008 году!

Дорогой Станислав Юрьевич!

С огромной радостью прочитал обе Ваши книги. Превосходная публицистика! Думаю, в России вряд ли найдётся литературный боец, равный Вам по остроте пера и глубине анализа. А главное: всё, что Вы пишете, так убийственно-доказательно. А название! “Мои печальные победы”. Даже под сердцем защемило. Так это мудро, глубоко... и печально.

А теперь по сути письма Вашего. Всецело разделяю Ваши огорчения по поводу подписки на журнал. Есть тут и наши недоработки. “Наши”, т<о> е<сть> тех, кого Вы так любезно представили в прошлом году на страницах “НС”. Но если б Вы только знали, как непросто сегодня в Украине пропагандировать что-то русское вообще, а тем более издание такого направления! Все идеологические институты государства, возглавляемого нынче “оранжевыми”, настроены таким манером, чтобы “вылепить” из России образ врага. Доходит до дикости. Вот один из образчиков подобного рода. На львовском телевидении рекламируется местное пиво. Мужик в национальном “жупане” спрашивает другого: “А як по-руські буде “пиво”? Тот отвечает протяжно-насмешливо: “Пи-и-и-во”. (Тут надо объяснить: “пиво” по-украински звучит через букву “ы”, т. е. “пыво”, а по-русски через “и”, т. е. “пиво”). И вот что отвечает “свідомий” украинец: “Вот проклятые москали. Убил бы”. Комментарий, как говорится, излишни. Правда, кто-то наверху всё же допёр, что это уже “занадто”*. И рекламу через месяц прикрыли. А привкус этой националистической мерзости остался.

Если добавить к этому, что из эфира одна за другой исчезают российские телепрограммы, что в судах всё судопроизводство переводится исключительно на украинский язык; что по итогам всеукраинского опроса “Великие украинцы” в первой десятке вместе с Ярославом Мудрым, Богданом Хмельницким,

* Слишком.

Тарасом Шевченко оказался (кто, Вы думаете?!) Степан Бандера, то даже этого краткого перечня достаточно, чтобы понять, “куда ветер дует”.

К счастью, надо сказать, что простые братья-хохлы обладают ещё иммунитетом против такой идеологии и по-прежнему сохраняют тёплые чувства к соседям. Но “ржа разъедает и железо”.

Словом, на душе неуютно и даже пакостно. Но унывать не стоит. Национализм может быть огромным, но великим — никогда. И долговечным — тоже.

...Мы поработаем, чтобы “НС” не терял той нити, которая ещё связывает его с украинским читателем. После 1 мая я поеду в Днепропетровск, попробую там навести мосты. Кириндясов пообещал поискать подписчиков в службах омбудсмана Украины (он там работает). Я поговорю с Ю. Капланом на предмет рекламы “НС” в возглавляемой им газете “Литература и жизнь”. Если у Вас найдётся короткий текст, пришлите. Хотелось бы поговорить ещё по душам. Возможно, это к лету удастся.

А пока сердечно жму Вашу руку.

Искренне Ваш В. Бабанский.

Р. С. Геннадий Кириндясов не просто просил, но даже умолял меня передать Вам свою просьбу прислать и ему пару книг. Он давний и, похоже, ревностный Ваш почитатель. А в Киеве Ваших книг днём с огнём не сыщешь. Если это возможно, уважьте”.

12. 2. 2010.

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

Поистине, неисповедимы пути Господни. Если бы три года назад, когда я появился в Вашем кабинете, Вы так благосклонно не отнеслись к моему столь запоздалому поэтическому творчеству и не посоветовали всерьёз подумать о собственной книге, у меня не было бы удобного случая ещё раз низко поклониться Вам за Ваше дружеское участие и покровительство. Ведь именно благодаря Вам я впервые напечатался в таком солидном издании, каким, несомненно, является “Наш современник”.

И вот Вы держите в руках мою первую книгу стихов. Издать её здесь, в Киеве, было непросто. Не говоря уже о материальной стороне дела, пришлось пойти на уступки издательству и включить в сборник несколько стихов и песен на украинском языке, чтобы тем самым поддержать национальный “процент”, от которого зависят государственные льготы (таковы, к сожалению, наши “демократические” реалии).

Слава Богу, всё это позади. Первые радости от лицезрения собственного детища уже омрачились трезвой оценкой и недовольством, что в сборнике есть случайные стихи и строфы, некоторые грамматические огрехи. Надеюсь, что если Вы хотя бы пролистаете книгу, Вы их заметите, как, может быть, заметите и оцените что-то стоящее.

Буду весьма благодарен Вам, если Вы дадите в журнале хотя бы аннотацию или отзыв, а по возможности — подборку стихов из презентуемой Вам книги. Разумеется, “НС” — журнал русский! И не только по метрике. У меня нет возможности (пока) издать что-либо в России, на моей духовной Родине, но я буду искать такие возможности. Сегодня же буду чрезвычайно рад, что хоть один (и какой!) русский читатель поддержит в руках бледное дитя моего стихотворчества.

Понимая всю Вашу занятость, не смею рассчитывать на пространный отзыв или ответное письмо. Прошу черкнуть лишь пару строк, дабы я знал, что книга Вами получена.

И дай Вам Бог здоровья и благополучия.

С глубоким и искренним уважением

Ваш давний читатель и почитатель В. Бабанский”.

Далее был адрес, в котором сообщалось, что автор письма живёт на улице “Героев Севастополя”. Неужели название улицы сохранилось до сих пор? Неужели мы больше не обменяемся с Василием Васильевичем письмами, не пожмём друг другу руки? А книжка его — честная и душевная — порадовала меня. Не знаю, что и делать. Как вспоминать о друзьях и знакомых, живущих на Украине? Они пережили такое, что неизвестно — выжили или нет. Хочется верить, что он жив.

Вскоре после выхода в свет “украинского номера” я отправил журнал в Киев Борису Олейнику с таким письмом:

“Дорогой Борис!

Посылаю тебе наш подарок — “украинский” номер “Нашего современника”. В нём поразительная по искренности и мужеству подборка твоих стихотворений, которую по нашей просьбе принёс в журнал Женя Нефёдов.

Я всегда знал, что ты человек честный и бесстрашный — со времён, когда ты издал брошюру о нашем “зраднике” Горбачёве, — но в этом цикле стихотворений ты поднялся на ещё большую высоту и заговорил и о своём народе, и о русском, как умели говорить правду древние пророки.

Номер этот мы издали по инициативе нескольких украинских хлопцев, которые приехали ко мне в прошлом году. Старшим у них был журналист и поэт Василий Бабанский. Не думаю, что всё получилось идеально, но все-таки первый блин не вышел комом благодаря твоим стихам. Даже моя строгая жінка Галина читала их и восхищалась, она жила на Украине, знает язык.

Может быть, после этого номера сделать нам выступления бригады “Н. С.” на Украине? Осенью... Правда, неизвестно ещё, какая у вас будет обстановка.

Я очень хочу увеличить число подписчиков на Украине (прости, так уж привык — “на”, а не “в”, поскольку в шевченковском “Заповідни” сказано: “на Вкраїні милій”). Сейчас Украина выписывает в месяц всего лишь 132 журнала. Для сравнения, на твоей любимой Беларуси, где населения в 5 раз меньше, чем на Украине, подписок библиотечных и личных около 500...

Как ты думаешь, возможны в Киеве встречи с читателями, если приедет бригада “Н. С.”: Ганичев, Распутин, Крупин, Куняев и, конечно, ты будешь в роли друга-хозяина? Без тебя нас ведь и освистать могут...

Давай подумаем, помечтаем, авось что-нибудь у нас на старости лет получится доброе и полезное для души, сердца и для нашей общей истории. Как бы нам переломить злую волю наших общих и, к сожалению, родных нам по крови “запроданцев” и русских, и украинских...

Посылаю тебе на память две своих работы, очень дорогих для меня. Я ведь стихов не пишу последние 15 лет — что-то после 1993 года во мне умерло, — но спасаюсь воспоминаниями и размышлениями над нашей общей историей...

Как бы нам подписку подвинуть на Украине?! Ведь журнал наш — дело очень серьёзное, он, в сущности, есть партия патриотов общих для России, Украины, Белоруссии. Нас немного, но правда — с нами. Обнимаю.

Твой Станислав Куняев”.

Я обратился к Олейнику, зная, что мы единомышленники, помня, что совсем недавно, к моему 75-летию, он прислал мне не казённое — сердечное поздравление, растрогавшее меня до глубины души:

“Высокочитимый, дорогой Станислав!

В День Вашего Ангела хотел бы “через головы поэтов и правительств” засвидетельствовать своё глубочайшее уважение к Вам, поэту от Бога. Яростному публицисту и блестящему знатоку родной словесности, который по существу первым проник в корневую систему трагедии, постигшей нашу великую Родину, и мужественно назвал поимённо её разрушителей. А названное зло — уже путь к его преодолению!

Восхищаюсь Вашей стойкостью и последовательностью в отстаивании нашего славянского братства. Да поможет Вам Господь в праведном деле и да благословит Вас равноапостольный Сергей Есенин! Слава всему Вашему роду!

По-братски, по-славянски, от сердца.

Борис Олейник”.

Однако обстановка в Киеве была уже такой антирусской, что даже Олейник с его именем, со всеми его орденами и званиями народного поэта, академика, лауреата Шевченковской премии, председателя Украинского фонда культуры был не в силах помочь нашему журналу. Скорее всего, потому, что все эти звания и награды были получены им при советской власти, ненавистной нынешнему киевскому режиму.

Но приближался 200-летний юбилей Тараса Шевченко. И что бы ни писали о нём иные историки и литературоведы, как бы ни выталкивали его за пределы мировой культурной жизни, в “хуторянство”, в племенное состояние, в художественную стихию, недостойную называться “имперской”, всё равно для украинского народа, в каком бы историческом времени он ни находил-

ся, — в российско-имперском, в общесоюзно-советском или даже в националистически-бандеровском, — Тарас был, есть и вечно будет великим поэтом своего народа. Есть только у этого культа одна слабость, о которой всё время забывают апологеты Тараса: в Европе, куда рвётся бандеровская Украина, в Америке, откуда управляют Украиной обама, байдены и маккейны, в Прибалтике, вообще освободившейся от всякой литературной жизни, никакой “великий Тарас” с его “Гайдамаками” и “Заповитами” не нужен. Ни в какой Варшаве, ни в каком Берлине или Париже, ни в каком Вильнюсе, Лондоне или Копенгагене в дни шевченковского юбилея никто о нём и не вспомнил. Вспомнили о нём в Киеве, да и то кое-как, наспех. Возложили венок к памятнику — и делу конец. Когда чёрный дым от покрышек вздымается к небу, когда факельные шествия высвечивают лужи крови, пролитые на майдане, никому, по существу, нет дела до великого Кобзаря, до его мечтаний о “семье вольной новой”... Вспомнили о нём лишь в России. Конечно, не так, как вспомнили бы в Советском Союзе — с торжественным вечером в Большом театре, с присутствием Генсека ЦК КПСС и всех членов Политбюро в Правительственной ложе, с телепередачей на 1-м канале, с портретами Тараса во всех газетах. Нет, конечно, не столь пышно, но вспомнили. Поскромнее. Международный литературный фонд и Международное сообщество писательских союзов с помощью Ивана Переверзина нашли средства для того, чтобы пригласить в Москву двадцать пять украинских писателей из всех областей “незалежной” — от Львовщины до Новороссии. Возглавлял делегацию Борис Олейник, который получил в дни шевченковского юбилея подарок от писателей России — книгу своих “Избранных стихотворений”, переведённых на русский язык.

К этой же дате нами был издан “Тихий Дон” на украинском языке в переводе Владимира Середина и впервые безо всяких цензурных сокращений.

Сначала мы провели в Переделкино творческий вечер, посвящённый великому Тарасу, на котором главные слова произнёс Борис Олейник:

“Дорогие побратимы, писатели России!

Мы глубоко благодарны россиянам за организацию и проведение встречи представителей двух народов в канун и в честь 200-летия великого сына Украины и светоча мировой величины Тараса Григорьевича Шевченко.

Надо ли доказывать, что значит для Украины Тарас?! Целые скирды наградили вокруг него словесной соломой, великих слов великую силу, а ведь предостережено: не поминай имя Господа всуе! Поэтому просто напомним истину: Шевченко — эта самая Украина и есть. И если мы чего-то и стоим, то этим в полной мере обязаны Тарасу Шевченко. Так вот, не надо прибедняться и впадать в мазохизм: народ, который породил такого гения, достоин, чтобы в полный рост стоять с открытым забралом, как равный с равным в семье наиболее уважаемых мировых наций.

Весьма печально, когда встречаешь особь, не помнящую родства, не менее сумрачно на душе, когда сталкиваешься с личинами, не помнящими добра. Мы, украинцы, никогда не забываем ту судьбоносную роль, которую сыграли лучшие сыны России в освобождении нашего Тараса из крепостной неволи, открыв гениальному самородку дорогу в бессмертие. Нам откровенно чужд национал-мазохизм меньшого брата, ибо за нашими плечами великая Киевская Русь, беспримерное мужество запорожского казачества, перед лицом которого за вашу и нашу свободу и донине с благодарностью склоняется мир.

Нам есть чем гордиться по праву, но нам абсолютно чужды любые варианты богоизбранничества. И в то же время мы горды своей принадлежностью к великому семейству славян.

У Шевченко было право выбора: не покидая родных низов, и себе кое-что приобрести на верхах. Для этого, принимая во внимание его могучий талант, многого и не требовалось: несколько подретушировать острые углы, подыграть властям... Тарас Шевченко ни разу не поступился ни своими взглядами, ни своим характером и ничего не приобрёл для себя лично, кроме преследования. Но обрёл Украину и весь мир. Ни разу его не издавали полностью, поскольку он не был удобен ни для царя, ни для Сталина, ни для Хрущёва, ни для Брежнева и Горбачёва. И, должен сказать, он становится неудобным и для некоторых ныне власть имущих, которые под его знаменем взобрались на Олимп власти.

Призывая к духовному союзу славян, он словно предвидел, что хозяева нового миропорядка станут коварно подбрасывать хворост в костёр раздора,

на котором испепелили великого Ивана Гуса и в пламени которого обуглились сотни сербов: “Эй, славяне, будьте бдительны!” Об этом мы обязаны напомнить именно сегодня.

Наиболее сердечная благодарность организаторам встречи, которые сделали всё, чтобы эту встречу превратить в праздник дружбы. Всем вам, братья и сестры, сердечное украинское спасибо!”

В этот же вечер о Тарасе говорили Василий Лановой и Валерий Ганичев, Михаил Ножкин и Леонид Горлач, Иван Переверзин и Станислав Куняев, жалевший в душе, что не всегда был справедлив в спорах с Мыколой Петренко, и потому вспомнивший, что в мартовском номере “Нашего современника” будет напечатана статья киевлянки, доктора филологических наук Людмилы Киселёвой, о духовном влиянии поэзии Тараса Шевченко на творчество выдающегося русского поэта Николая Крюева.

Старые липы и старые дачи Переделкино до сих пор помнят Павло Тычину и Александра Довженко, Андрея Малышко и Олеса Гончара, и под сенью этих лип, в этих легендарных стенах письменники Украины, все, кто попросил слова, выступали с предельной искренностью и признательностью к своим русским побратимам.

На второй день российско-украинская встреча писателей перетекла из Переделкино в Дом Ростовых и проходила при участии Посла Украины в Российской Федерации.

Вечер был не менее, если не сказать, более праздничным: наши братья уже отогрелись душой и тёплым приёмом и с большим удовольствием выступали по несколько другому поводу. В этот раз они собрались на презентацию тома “Избранного” Бориса Олейника. Выступающие по праву называли его продолжателем дела Великого Кобзаря, а он при этом смущённо взмахивал руками, тихо протестуя: “Да ну, что вы!”

А после литературной части вечера началась дружеская застольная, на которой мы все ударились в тосты-воспоминания, но в самый разгар праздника у наших гостей зазвенели, завизжали сотовые телефоны, после разговоров по которым сходили улыбки с их лиц, в глазах возникала тревога, тосты прерывались на полуслове. Родные и друзья из Киева, видимо, сообщали о том, что градус ярости и безумия, охвативших майдан, дошёл до предела, что они должны срочно возвращаться на родину. Это была ночь с 20 на 21 февраля.

Наши гости должны были ещё на пару дней задержаться в Москве, нами уже были заказаны для них автобусы — чтобы прокатить по столице, в которой многие из них не были по несколько лет. Но судьба распорядилась иначе: кто сумел в эту ночь, кто на следующий день — все они срочно уехали в родную украинскую тьму. А пока добирались до родимых мест, в Киеве произошёл государственный переворот, и они вернулись уже в другую страну.

Пророчества Бориса Олейника о том, что “пятая колонна” ведёт Украину “на торги”, сполна оправдались.

* * *

10 апреля 2015 года в чистый четверг на Страстной Седмнице вторая программа Центрального российского телевидения совершила ошибку из числа тех, которые, по словам Меттерниха, “хуже, чем преступление”. Десятки миллионов наших граждан увидели кадры кинохроники, на которых Иосиф Бродский своим монотонным лающим голосом прочитал стихотворенье “На независимость Украины”, написанное в 1992 году, когда украинское бандеровское братство, укрывшееся после войны от справедливого возмездия в США и Канаде, узнав о создании “незалежной”, впало от восторга в подлинное неистовство, на которое нобелевский лауреат ответил следующим образом:

*Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
время покажет: кузькину мать, руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.*

*То не зелёно-квитный, траченный изотопом, —
жовто-блакитный реет над Конотопом,*

*скроенный из холста: знать, припасла Канада —
даром, что без креста, но хохлам не надо.*

*Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.*

*Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы или на все четыре*

*стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще?*

*Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.*

*Не поминайте лихом! Вашего хлеба, неба,
нам — подавись вы жмыхом и колобом! — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.*

*Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
Вас родила земля: грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя.*

*Ой-да левада-степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди, теряли: больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьёмся. А что до слезы из глаза,
нет на её указа, ждать до другого раза.*

*С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придёт и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Когда я прочитал до конца, то первое, что поразило, — это запредельное косноязычие неряшливо зарифмованного текста, в которое впал Иосиф от негодования и гнева, охватившего его. Состояние вдохновенной пламенной страсти вообще было противопоставлено его холодному таланту. Свои незаурядные версификационные способности он мог проявлять лишь с помощью иронии, скепсиса, изысканного цинизма. А тут от нахлынувшей ярости поэт чуть не потерял дар речи, или если говорить его словами — “часть речи”. Но беда не в этом. Когда стихотворенье пишется по какому-то конкретному поводу, то он, этот повод, даёт старт вдохновению лишь вначале, а потом в работу включается вся энергия мировоззрения, если оно есть у поэта. У Бродского оно было.

Но, желая отхлестать бандеровцев “бичом Ювенала”, он вольно или невольно с первых строчек забыл о них, и выплеснул на бумагу жестокий и несправедливый приговор всему украинскому народу, его крайне своеобразному национальному характеру. Бродский отказал ему не только в уме, но и в здравом смысле, и в христианском терпении вместе с милосердием, и в простодушной наивности, столь глубоко прочувствованной Гоголем, и в способности к самопожертвованию, гениально изображённой в повести “Тарас Бульба”. . . Я уж не говорю о преданности русскому товариществу, воспетой в гоголевском эпосе столь убедительно, что я до сих пор не могу по-

нять, почему после того, как судьба Тараса Бульбы за целых полтора века вошла в сознание и чувства нескольких поколений России и Украины, почему после такой благодатной полуторавековой работы нашлись в мире силы, которые смогли расчленивать наше восточнославянское тело, разрубать палашом наш общий позвоночник и разорвать нашу единую душу. А причастность Искры и Кочубея к имперской судьбе России, угаданная Пушкиным в “Полтаве”? Куда её денешь? Да разве язык оды Бродского – порой приклатнённый, почти базарный, нарочито “интеллигентско-вульгарный” (“Как говорил картавый”, “по адресу на три буквы”, “пусть теперь в мазанке хором гансы с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы”, “плюнуть что ли в Днипро”, “прощевайте, хохлы”, “брехня Тараса” и т. д.) – разве это язык “имперского мышления”, как утверждают иные знатоки нашей общей истории?

Вот образец настоящего имперского стиля и в мысли, и в стиле “Александра”, якобы столь любимого Иосифом:

*Наш Киев дряхлый златоглавый,
Прапращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыни всех своих гробов?*

А у Бродского? Да он снизил до плинтуса не только “рейтинг” украинского, но и русского народа, когда весьма своеобразно объяснял причину развала советской империи:

*Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.*

Да, можно согласиться, что “не нам” их обвинять. Но утверждать, что русский народ (“кацапы”) в советское семидесятилетие только и делал, что “заливал глаза” и жил растительно-животной (“тарзаньей”) жизнью, может только литературный сноб или вульгарный русофоб. Но несколькими стихотвореньями о русской деревне, написанными в ссылке в 60-е годы, Бродский вроде бы оградил себя от подобного рода обвинений, хотя и эти стихи написаны человеком, не живущим “внутри” деревенской стихии, а глядящим на неё с интересом, но со стороны.

И вообще, можно ли считать его “русским” поэтом “имперского склада”, если Бродский, серьёзно повзрослев, через 10 лет после “деревенского цикла” – в 1972 году – написал следующее “мировоззренческое” стихотворенье:

*Холуй трясётся. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.*

*Се — вид Отечества, гравюра.
На лежаке — Солдат и Дура.
Старуха чешет мёртвый бок.
Се — вид Отечества, лубок.*

*Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей — куча на полу.*

*Луна сверкает, зренье муча.
Под ней, как мозг отдельный, — туча.
Пусть Художник, паразит,
другой пейзаж изобразит.*

1972

“Се вид Отечества” – державинским слогом вещает поэт. О каком же Отечестве идёт речь? О России?

Но читаешь “холуй трясётся. Раб хохочет” и вспоминаешь Достоевского: **“Европейски развитые любители народа русского всегда презирали народ. Они верили, что он раб <...>. Пушкин первый объявил, что русский человек не раб, и никогда не был им, несмотря на многовековое рабство”**.

Но зачем Бродскому откровения нелюбимого им Достоевского о якобы любимом “Александре”, если он сочиняет карикатуру мирового значения на Отечество, сочиняет с той же холодной злостью, с какой сочинял оду “о незалежности”, демонстративно не заботясь ни об исторической, ни о поэтической правде. **“Тиран кромсает каплуна”**, — но ведь вся эта фраза-картинка из европейской жизни, из Франсуа Рабле, из легенды о Уленшпигеле, в которых и присутствуют эти “каплуны” и “тираны”. **“На лежаке Солдат и Дура”** — и в этой “гравюре” нет ничего русского. **“Старуха чешет мёртвый бок”** — это вообще из старонемецкой “готической сказки”. **“Палач свою секиру точит”** — Иосиф в приступе снобизма даже забыл, что “секира” — не орудие казни, а военное оружие стрельцов, как меч или копье. И палачи в России пользовались не секирой, насаженной на длинное древко, а тяжёлым топором, плотно сидевшем на топорщице.

“В прихожей — куча на полу”... Может быть, это о цивилизованных немцах, которые во время войны, вселившись в русские деревенские избы на оккупированной территории, не считали хозяев за людей и справляли малую и большую нужду где попало, о чём имеется множество свидетельств.

Из “русского” в стихотворенье остаётся только **“сверкает зимняя луна”** и **“собака лает, ветер носит. Борис у Глеба в морду просит”**. Это — главные строки стихотворения. Но комментировать их я не могу из чувства брезгливости. Это — не “лубок”. И не “гравюра”. Это, скорее, “куча на полу”. А если говорить серьёзно, то по отношению к нашим святоумчикам круче православного Иосифа Бродского повёл себя разве что Святополк Окаянный. Бродский “изобразил на гравюре” наше Отечество таким, что, прочитав это стихотворенье, самый упёртый бандеровец со злорадством скажет: “Вот они каковы, кацапы и вся ихняя Россия!” — и простит Иосифу оду о “незалежности”... Одно лишь извиняет Бродского. Стихотворенье называется “Набросок”. То есть черновик. Был у него шанс передумать. Но не “срослось”, как говорят сегодня.

Ну, ладно, с Россией разобрались. Но за что он ненавидит национальную суть украинского человека? — За его исконную укоренённость в земле:

*Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
вас родила земля: грунт, чернозём с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не даёт вам, кавунам, покоя.
Ой-да левада, степь, краля, баштан, вареник...*

Вот она, сердцевина его манифеста, его приговора всем гоголевским героям, “ковыряющимся” в “чернозёме”, скачущим и блуждающим по “степи”, объясняющимся в нежных чувствах своим “дивчинам-кралям”, собирающим урожаи со своих “баштанов”. А что касается брезгливости поэта по отношению к “варенику”, то скажу, что он ничуть не хуже “мацы” или “фаршированной щуки”. Еврейство Бродского, от которого он демонстративно и небезуспешно отстранялся всю жизнь, время от времени прорывалось в нём. И не случайно он однажды всё-таки побывал на Западной Украине, в местечке Броды, откуда вышли его предки, “поковырялся в корнях”, в земле, по которой прошли батальоны Тараса Бульбы, “огнём и мечом” мстя “ясновельможным шляхтичам” и “жидам-арендаторам” за смерть Остапа и за неудавшуюся судьбу “неньки Украинь”.

Но если пораскинуть мозгами, то с такой же еврейской неприязнью “людей воздуха” (вспомним картины Марка Шагала!) относился Эдуард Багрицкий к “людям земли” — к своему антиподу хуторянину Опанасу, к “человеку предместья” из русского Подмосковья, тоже “ковыряющемуся в земле”.

Мифологическое понятие “Мать — Сыра земля” враждебно “людям воздуха”, как и всё, что рождается из её утробы: у Бродского это “семечки”, “хлеб”, “кавуны”, “жмых”, “колобы”, “вареники”, “курица из борща”, у Багрицкого — всё то же самое: “капустная благодать борща”, “колоды для пчёл”,

“мир дрожжевой, густой”, “воркованье щей”, “ушат топлёного молока”... И тому, и другому ненавистен “матёрый желудочный быт земли”. Я уверен, что Иосиф Бродский — поэт космополитического склада — возмущался бы, узнав, что я сравниваю его творчество с творчеством поэта революции Багрицкого. Но что делать! Еврейские комплексы до конца не изжил из своей генетической сущности и родовой памяти ни тот, ни другой. Такова ирония истории. Я уж не буду подробно говорить о том, что Иосиф, ненавидя антисемитскую Украину Бандеры и “вертухая” Демьянюка, в упор не видел Украину Александра Довженко, Сидора Ковпака, Ярослава Галана, Олега Кошевого, Богдана Ступки, Михаила Стельмаха, Владимира Сосюры, Ивана Кожедуба и многих десятков миллионов в полном смысле этого слова настоящих “имперских” русско-советских украинцев. Да, в конечном счёте, самого Бродского объединяло с украинскими вертухаями то, что он, как и они, выбрал себе изгойскую судьбу и эмигрантскую долю (что весьма странно для “патриота империи”). Разве что, в отличие от них, добровольно. Конечно, УПА и УНСО, и дивизию “Галичина” из истории не выкинешь, как и резню, которую бандеровцы устроили полякам на Волыни и евреям на Львовщине, как и способность “самостийников” служить всем режимам в роли лагерных охранников и “вертухаев”. Недаром в советское время в литературной среде была широко известна история о том, как делегация украинских писателей приехала в Минск на какой-то литературный праздник и во время дружеского застолья один из украинских гостей, крепко подпивший, произнёс тост, так расхвастался, говоря, что Украина богата всем — и антрацитом, и железной рудой, и чернозёмом, и пшеницей, и Чёрным морем, и ДнепроГЭСом, и великой литературой, и так неуместно и вызывающе все это выглядело по сравнению со скромной и небогатой белорусской жизнью, что белорусские писатели выслушали его похвальбу, и кто-то из них, чуть ли не Максим Танк, взял слово и добавил:

— Ну, да, у нас никаких украинских богатств нету, у нас даже своих полицаев не было, нам их с Украины привозили... — И верно: белорусскую Хатынь, как и многие другие партизанские деревни, сожгли вместе с людьми бандеровцы. И не случайно одесское жертвоприношение в пламени пятидесяти человек 2 мая 2014 года народная молва окрестила новой Хатынью.

Впрочем, Максим Танк был не до конца справедлив: в Белоруссии тоже имелись свои полицаи, как и в России власовцы. Но разница между русско-белорусской и украинской историей состоит в том, что Власова и нескольких его ближайших сподвижников повесили в Москве на Лубянке, что рядовые власовцы, как и белорусские полицаи, оттянули свои двадцатипятилетние срока в Норильске и Магадане. А самое главное заключается в том, что ни в Белоруссии, ни в России никогда и ни за что они не пройдут с почётом по улицам наших столиц, как проходят их “товарищи по оружию” по Риге и Киеву, и никто из них никогда не будет ни окружён почётом, ни возведён в герои.

И ещё несколько слов о финале стихотворения Бродского. “Брехня Тараса”... Поскольку для русского народа “Пушкин — это наше всё”, и потому любые попытки умалить его значение бесполезны, так и Тарас Шевченко есть “всё” для народа украинского, и потому любые оскорбительные и даже справедливые слова о Кобзаре будут сказаны о нём впустую.

* * *

А как мировое еврейство предало Одессу — любимый город русских евреев, город Багрицкого и Катаева, Бабеля и Кирсанова, Веры Инбер и Маргариты Алигер, Ильфа и Петрова!

Как советское еврейство славilo свой уголок Средиземноморья, город солнца, каштанов, солёных запахов моря, еврейских шуток и анекдотов, город жизнелюбивых аборигенов, город авантюристов, поэтов и торговцев, город Остапа Бендера!

Помнится мне мой первый приезд в Одессу. Я подхожу в гостинице к администраторше — пожилой еврейке, — протягиваю ей паспорт, и она с места в карьер обращается ко мне, словно к старому знакомому:

— Мой покойный муж, который заел мне жизнь, — и тут же рассказывает всё, что знал об Одессе её покойный муж.

А как самозабвенно одесситы славили свою Одессу в стихах и песнях! "Есть город, который я вижу во сне, // о, если б вы знали, как дорог // у Чёрного моря приснившийся мне // в цветущих акациях город...", "Недаром венюк ему свит золотой // и назван тот город героем", "Ты одессит, Мишка, а это значит, // что не страшны тебе ни горе, ни беда..."; "Одессу покидает последний батальон"; "Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону..."; "Фонтан черёмухой покрылся, // бульвар Французский весь в цвету..." Слова писали Кирсанов, Лисянский, Голодный, Матусовский; музыку — Ян Френкель, Никита Богословский, Михаил Блантер, Модест Табачников; песни исполняли Леонид Утёсов, Марк Бернес... Что случилось? Где это эхо? Но почему "одесситы всего мира", вставшие грудью на защиту французских евреев, миллионными вышедшие на улицы и площади Европы, держа в руках таблички, флаги и транспаранты со словами: "Я — Шарли", — не вышли на защиту одного из самых знаменитых еврейских городов мира?

Европейские евреи отстояли Париж от атаки исламистов. Но почему они сдали Одессу бандеровцам? Наверное, по той же причине, по какой израильский президент не едет в Москву на праздник Победы, "забыв", что само государство Израиль возникло лишь потому, что Советский Союз сначала разгромил Третий рейх, а через три года Сталин буквально заставил весь западный мир признать государство Израиль. Неужели вся память испепелилась вместе с одесситами, сгоревшими в Доме профсоюзов? Неужели всё вычеркнуто из истории лишь потому, что мировое еврейство приказало еврейству советскому предать свою великую родину? Неужели вольнолюбивая южная дерзкая душа Одессы ушла с клубами чёрного дыма в синее небо, а судьба города у моря отдана в управление слугам еврейского нациста, хабадника и гражданина мира Коломойского?..

* * *

Подводя итоги своей литературной судьбы, Владимир Маяковский говорил:

*Я в долгу
перед бродвейской
лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.*

Я тоже в долгу перед Новороссией, откуда 15 декабря 2009 года получил короткое письмо.

"Уважаемый Станислав Юрьевич,
беспокоим Вас из далёкого, но "своего" Донецка. Надеемся, что в это сложное для всех нас время Вы не забываете об осколках нашей общей Родины.

Предлагаемый Вам сборник, конечно, не полное собрание поэзии Донбаса, это только творчество отдельных авторов, разделяющих убеждения редакции журнала "Наш современник". Очень хотелось бы узнать Ваше мнение о нашей работе. Впрочем, лучшей оценкой будет публикация в Вашем журнале.

Ещё об очень многом хотелось бы Вам рассказать и об очень многом расспросить, но так же сильно не хочется злоупотреблять Вашим вниманием. Но мы не можем не поблагодарить всех НАШИХ СОВРЕМЕННОКОВ (как ныне здравствующих, так и тех, кого уже нет). Спасибо, Ваши труды были не напрасны.

Р. С. К стихам прилагаем номер нашего издания "Неродина" — "донецкий" взгляд на наши общие проблемы".

Когда я получил из Донецка эту бандероль, все мысли — и мои, и всего коллектива редакции — были об одном: тираж лучшего толстого литературного журнала снижается, потому что государство сокращает расходы на библиотечную подписку. Что делать? Просить помощи у губернаторов? Но их, знающих цену нашему журналу, остались в России единицы: Тулеев, да Савченко, да Артамонов. Московские власти повышают аренду за помещение редакции, на двенадцать номеров средств не хватит, разве что на десять... Не до украинских забот нам, не до Новороссии... С тяжёлым сердцем прочитал я стихи трёх поэтов — Максима Газизова, Артёма Маслова, Игоря Галкина — и закручинился. Тем более, что тоненькая книжечка Газизова с корешком, прошитым лишь одной скрепкой, открылась на странице со стихотвореньем, уколотившим меня в сердце:

*А в Москве всё же трубку не сняли.
Я в Донецке сказал: "Ну и пусть!"
Позабыл Станислав Куняев
Своей лирики позднюю грусть.
Позабыл, что бывают поэты
И в далёких донецких степях.
Только — русские светят рассветы
В тех, забытых Москвою краях.*

И дарственная надпись на титульной странице гласила: **"Станиславу Юрьевичу за всё, что он для меня сделал, сам того не ведая, декабрь 2009 года"**. А два альманаха "Неродины", выглядели, словно изданные на оккупированной территории: жёлтая бедная бумага, нет ни оглавления, ни главного редактора, ни списков редколлегии и сотрудников, ни адреса, ни телефонов, ни тиража, ни типографии...

Но содержание — наше! Рассказ о ельцинском расстреле Российского парламента, стихи Юрия Кузнецова из "Сошествия во ад":

"Ельцин с Чубайсом по глазки в смоле оказались, // те, кто под чёрным расстрельным письмом подписались, // в сорок два счёта гуртом угодили в дерьмо, // где-то над ними и плавает это письмо". И позорный список всех подписавшихся "российских письменников" приведён, и слова Максима Газизова завершают материал: **"Это был расстрел Родины. Кажется, Станислав Куняев о них сказал: "Помолиться бы за них, да Богородица не велит". Всей демократической мрази, всей сраной интеллигенции заявляю: мы помним!"** А на следующих страницах "Неродины" я увидел отрывки из книги митрополита Иоанна Санкт-Петербургского, очерк "Одоление смуты" под заголовком: "Анафема пролившим невинную кровь". В этом же номере — стихи о расстреле российского парламента Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, Александра Боброва, размышление поэта Артёма Маслова о романе Проханова "Красно-коричневый".

Как же случилось, что я их не напечатал, и даже, как помнится, радушным письмом не ответил, повторяя про себя пословицу — "не солнышко, всех не обогреешь"... Ведь у них уже нет ни Кожинова, ни Кузнецова, ни Панарина — остался один я...

Другой номер "Неродины" был ещё круче. Статья Газизова "Резня по-хазарски" — о преступлении израильских головорезов в палестинской Газе; "Горе от умников" — о провокаторской роли либерально-российской интеллигенции во всех бунтах и революциях; "Высокий порог гениальности" — о поэзии Юрия Кузнецова, а ещё материалы об избрании Патриархом Всея Руси Кирилла, рассказ о убийстве Милошевича в Гаагском трибунале, беседа Газизова с профессором Донецкого национального университета Владимиром Фёдоровым, учеником Вадима Кожинова, о том, что такое истинная поэзия, любопытные статьи о Ницше, о Вейнингере, о Василии Розанове.

Одним словом, "Неродина" была как бы дочерним изданием "Нашего современника" на Новороссийской земле, чего я не разглядел несколько лет тому назад. Но почему "Неродина"? Да потому что о жизни на ней Артём Маслов пишет так:

*Кто враг наш?
Ребята, откуда*

*грозит нам несметная рать?
С Востока завьюжит нас вьюга
иль с Запада молнии ждать?*

Потому что Игорь Галкин спрашивает:

*Мы его песни могли поорать бы,
но гложет одно и то же:
кто первый из бывших братьев
бросит в другого нож?*

Потому что Максим Газизов разбрасывает по страницам своей книжечки пророческие афоризмы: **“полурусской всё полно тоской”, “Крым с Донбассом — конечно, России, // — помечаю я вслух о войне”, “Небо серое — как не заплакать? // И такие же точно поля, // южнорусская зимняя слякоть, // тёплый запах родного угля”**... И он же, поставив к одному из своих стихотворений эпиграф из Юрия Кузнецова: **“Посмотри! Твою землю грызут // Даже те, у кого нет зубов”**, — продолжает Кузнецова своими словами: **“Посмотри! Нашу Родину сузили // до пределов мазепова княжества”, “разделили и мы неделимое // срифмовали с ладонью лезвие”**.

Нет, я был невнимателен к ним. Надо было их всех троих — и Газизова, и Маслова, и Галкина — напечатать, закрыв глаза на все наши великорусские журнальные заботы, на всю иронию, на всю жёлчность, на весь скепсис, на всё косноязычие их виршей, которые вопреки всем обстоятельствам дышат “странной любовью” к “неродине”. Им было тяжелее, нежели нам, потому что они жили и выросли в **“диком поле”**, в **“гуляй-поле”**, где **“холода, тревоги, да степной бурьян”**, где **“сиромаша скачет”**, где человеческая жизнь зависит то от Махно, то от Котовского, то от **“Когана-жида”**. Им было тяжелее, нежели нам... **“Я родину начал любить, // когда мы её потеряли”** (Максим Газизов). **“К чему воспоминанья напросились? // О том ещё напишут и споют — // как Родина навстречу проносилась, // которую предательски убьют”** (Игорь Галкин) **“Направим оружие друг в друга. // Мой брат, этот враг среди нас”** (Артём Маслов). Скифское “Гуляй-поле”, где “гулял” хуторянин Опанас, расстрелявший комиссара-Когана и получивший за свой естественный и утробный антисемитизм пулю от чекиста из “городка Балты”, до сих пор живёт по своим законам.

*Опанасе! Наша доля
туманом повита:
шли мы раньше в запорожцы,
а теперь в бандиты...*

Соплеменник Когана Эдуард Багрицкий предвидел в “бандите Опанасе” нынешних героев майдана, нынешних кошевых-атаманов карательных куреней — всяческих ярошей, мельничуков, семенченко... “Слава героям!”, идущим в новое время из “бандитов” в депутаты украинской Рады. Вот таким получается в современной истории “махновско-когановский” узел, где все повязаны друг с другом кровью.

И зачем я успокоил свою совесть русской пословицей “не солнышко, всех не обогреешь”? Отмахнулся, не написал подробного письма, чтобы молодые поэты не восхищались Ницше или Вейнингером, отравившим многие умы русского Серебряного века. А вот Розанов — совсем другое дело, потому что именно он завещал: **“Счастливую и великую Родину любить — не велика вещь. Мы её должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от неё...”** Но и это ещё не последнее: когда она, наконец, умрёт, и обглоданная евреями будет являть одни кости, тот будет “русский”, кто будет плакать возле этого остова... Конечно, немудрено молодым поэтам запутаться в собственных чувствах и прийти в отчаянье от того, что душа никак не может понять, кто им Новороссия: мать или мачеха? Или мать-и-мачеха одновременно. А тут ещё Багрицкий со своей “сиромашой”... В украинско-русском словаре сказано, что это “горемыка”, что “сиромашня” — это “чернь”, “простонародье”... Ну, как его

полюбить? Разве что вспомнить строки Александра Блока — любимого поэта Максима Газизова: **“Но и такой, моя Россия, // ты всех краёв дороже мне”**... Не зря же на обложке книжечки Максима, названной **“Лето пришло почти мёртвым”**, автор изображён прислонившимся к чёрному дощатому забору, на котором висит белая доска с надписью **“Улица Блока”**.

У любимого поэта новороссийской плеяды есть стихотворенье об их “не-родине”:

*А уж там, за рекой полноводной,
где пригнулись к земле ковыли,
тянет гарью горячей, свободной,
слышны гуды в далёкой дали...*

*Путь степной — без конца, без исхода,
степь, да ветер, да ветер — и вдруг
многоярусный корпус завода.
Города из рабочих лачуг...*

*Уголь стонет, и соль забелелась,
и железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
мне Америки новой звезда!*

Автором этого стихотворенья должен был стать Маяковский в эпоху советской индустриализации. Когда он писал стихи о Кузбассе, где **“будет город-сад”**, о вселении **“литейщика Ивана Козырева в новую квартиру”** и т. д. Но его написал Александр Блок аж 12 декабря 1913 года. И благодаря интуиции историка-провидец-поэт назвал стихотворенье “Новая Америка”, словно предвидя, что через столетие в Украине появятся самые разнообразные американцы. Не только Джозеф Байден, Джон Керри, Маккейн и Виктория Нундланд, но и с фамилиями Чумаченко, Наливайченко, Коломойский, да ещё какие-то официальные министры вашингтонского происхождения укоренятся в Киеве, глядишь и Лазаренко после отсидки в США вернётся и найдёт себе работу в правительстве рідной неньки. Имя всем этим “новым американцам” — “легион”, если вспомнить ещё о “легионерах” из частных военных компаний в пятнистой форме, пошитой для колониальных войн демократической Америки.

А с какой беспощадной точностью написал Газизов о том, как новое молодое поколение теряет память о великой войне, выигранной поколением дедов и прадедов:

*Третье уже поколение,
Памяти только на треть.
Снова троллейбусом еду
Через донецкую степь.*

*Бабушка старческой судорогой
Входит из прошлых лет,
Вот показала кондуктору
Красный военный билет.*

*Красный, по краю обугленный,
Страшно из памяти взять!
Весь изувеченный пулями:
Сорок один — сорок пять.*

*— В битвах стояли — присядьте!
— Вот уступили хоть раз...
Внучек, когда ж расстреляете
Эту буржуйскую мразь!*

*— Бабушка, нет нам прощенья, —
Стал я, запнувшись, немать.*

*Третье уже поколение.
Памяти — только на треть.*

*Сердце сквозь годы остудится,
Вечной не вспомнит вины.
Мчится троллейбус по улицам
К новым руинам войны.*

Я теперь понимаю, почему эти ребята называли свой журнал “Неродина”. Дай Бог, чтоб до них дошли эти мои слова. Лучше поздно, чем никогда.

Но есть у меня и некоторые заслуги перед Новороссией. 16 сентября 2010 года я получил письмо из города Свитово Луганской области.

“Дорогой Станислав Юрьевич

С огромным интересом прочитал Вашу книгу “Стас уполномочен заявить...”. Все высказанные в ней мысли совпадают с моими, хотя выразили Вы их, конечно, интереснее и содержательней, чем смог бы я.

Я тоже с горечью воспринимаю то, как “распинают Русь // иных времён иуды и пилаты”. В понятие “Русь” включаю и свою Украину, ведь все мы — из русичей, у нас общая история, общие победы и поражения. Но величайшим поражением стало преступное отсоединение Украины от России. Националисты воспользовались моментом в дни путча 1991 года и объявили “независимость”, а потом, коварно сформулировав вопрос, провели референдум. И народ, не осознавая до конца сути замысла, проголосовал “за” “незалежну Украину”. С годами становится всё яснее, что это была грандиозная афера и ошибка.

С воодушевлением читал я в Вашей книге страницы о Сергее Есенине и Николае Рубцове. Ведь мне посчастливилось посетить Вологодчину. Ещё в 2002 году мы, группа луганских поэтов, выступали в МСПС на Поварской в Москве. Я тогда принял участие в рубцовском конкурсе, организованном Ю. Кириенко, и как одному из победителей мне предложили поехать летом по рубцовским местам. Вместе с Владимиром Кучером и Эрнстом Любенко мы поехали в Вологду, где посетили могилу Николая Михайловича, побывали возле памятника, после этого приехали в Тотьму и оттуда в Николу. Жили в доме-музее Рубцова и даже выступали в местном клубе. И когда читал Вашу книгу, я очень зримо представил и село, и школу, и разрушенную церковь, и кладбище, и реку Сухону, и паром. Поездка по рубцовским местам по-настоящему осветила душу.

Книга Ваша как бы снова вернула меня в те времена. Хочу ещё сказать, что книга Ваша очень нужна для русского самосознания. Ведь, что греха таить, мы, к сожалению, не всегда умеем объединяться и бороться за самих себя. Вот и позволяем хитрым и шустрым ребятам пользоваться нашей разобщённостью. “Стас уполномочен заявить...” Я Ваше заявление поддерживаю. Чем больше будет таких книг, тем скорее славянство (в который раз!) объединится.

*По-братски жму Вашу руку.
С уважением, Сергей Кривонос”.*

Кроме того, мне помнится, что в начале двухтысячных годов в моём заочном семинаре Литературного института учились трое студентов с Украины — две девушки и один парень. Я сознательно взял их к себе, чтобы протянуть к украинской литературной жизни хоть какую-то новую ниточку, когда всё вокруг разрывалось.

Валерий Коростов из местечка Бровары был одним из лучших моих студентов. У меня сохранилось письмо, в котором он писал: “Украина очень обывательская и нелюбопытная к творческим людям страна, и я очень от этой атмосферы страдаю”. “Слава Богу, хоть был Литинститут, который, увы, подходит к концу”...

Я помню тебя, Валерий, и желаю, чтобы ты не зарыл свой талант в украинский чернозём. Не забывай всего, чему я тебя учил.

А Юлия Кадченко, родом из Вятки, на четвёртом или пятом курсе вышла замуж за киевского журналиста, фамилия которого не раз мелькала на российском телевиденье летом 2014 года. Он был одним из немногих журналистов “с той стороны”, который более или менее объективно излагал события

рокового года, не лгал, не выдумывал ничего лишнего. Надеюсь, что такая объективность была присуща ему и оттого, что его женой стала моя студентка, уехавшая в Киев с изданной книжкой стихов и членским билетом Союза писателей России.

Ещё одна моя выпускница — Оля Шеметова, — когда-то бывшая киевлянка, ныне живущая в Подмоскowie, недавно прислала мне стихотворный цикл. Среди прочих там было такое стихотворенье.

*Я помню Киев в гроздьях винограда.
Мне было десять лет, и до распада
Страны, что карту мира берегла,
Ещё дышала жизнь добра без зла.
Крещатик ждал каштановых теней,
И вдаль идущий не был на прицеле.
Купив пломбир, бродила я без цели,
Не ведая глубин грядущих дней.
Мне вдруг букетик подарил цветочник,
И взгляду, как ладонь, раскрылась площадь...
Что тридцать лет спустя горит на ней,
Не знаю я, но ясно вижу лица:
Какая-то безумная столица
Из Африки иль Папуа-Гвиней.
Как будто провели карандашом
Карикатуры из “За рубежом”
(Кто помнит эту давнюю газету?..)
Омега, альфа, гамма или бета —
О том вещает некий Тягнибок
И громко повторяет: “С нами Бог!”
Но плачет пожилой строитель БАМа,
Но глупо улыбается Обама,
И я смотрю безмолвно на экран —
Европа, Рада, доллары, майдан.
Вот кто-то грузит, подгоняя кузов,
Украшенное золотом джакузи,
А стоны умирающих от ран
Досадно отвлекают на минуту,
Вот двери человек с лицом Иуды
Берёт необоримо на таран...
И понимаю: никуда не деться
От поправных воспоминаний детства:
Там в дальних куполах играло солнце,
И Днепр был золотым, и крепким — чай,
И ветер так распахивал оконца,
Как будто вечный август обещал.
Как плод каштана, медленно крепчал
Вечерний Киев в восемьдесят пятом.
...Четырнадцатый год, удар плеча...
Кому и для чего нужна расплата?*

Благодарю тебя, Оля! Ты не зря слушала меня внимательнее других на наших семинарах.

* * *

Перечитываю письма, полученные с Украины не только в разрушительное время перестройки и гибели великой страны, но и гораздо раньше — в восьмидесятые, и даже в благополучные семидесятые годы, — письма, полученные мной не только от друзей-писателей, но и от незнакомых читателей, которые в советское время, прочитав какую-либо нашу книжицу, брали в руки перо или садились за пишущую машинку и сочиняли нам письма — трогательные, поучающие, благодарные, суровые — всякие. Что их толкало на это? Избыток чувств? Полученное школьное образование? Любовь к художественному

слову? Желание быть соучастниками таинственной обратной связи писателя и читателя? Гражданская совесть? Вера в могущество слова? Как бы то ни было, но в советском двадцатом веке на просторах нашей многонациональной Родины возникло сообщество людей такого склада, которых до советского XX века никогда не было в мировой истории и, видимо, никогда уже не будет. Вот письмо читателей из советского простонародья, из селянской Украины, свидетельствующее об их духовном мире, о равнодушии к жизни, душевном благородстве и ещё о многом.

“10 декабря 1982 года,
г. Киев.

Дорогой Станислав Юрьевич!

В электричке мы были свидетелями, как человек в рабочей спецовке читал Ваши стихи. Перед конечной остановкой он громко, на весь вагон, прочитал своё:

*Среди скотов и негодяев
Есть праведник один — Куняев!*

В Киеве мы с большим трудом приобрели сборник Ваших стихов, изданных почему-то ничтожным тиражом. Вернувшись домой, мы всю ночь читали Ваши стихи. Давно не получали такого удовольствия от поэзии, и нам стала понятна оценка, прозвучавшая в вагоне из уст человека в спецовке.

Многие Ваши стихи хочется выучить наизусть, как стихи Некрасова. Значит, Вы нашли ключ к уму и сердцу человека. От всей души желаем Вам новых успехов в Вашем суровом творческом подвиге!

К сожалению, в сборник не вошёл стих об Афродите, имя и тайну рождения которой забудет мир, погружённый в забвение. Этот стих читал наш попутчик, и мы согласны с ним, что никто лучше не сказал до сих пор о последствиях загрязнения окружающей среды. Если у Вас будет возможность, пришлите, пожалуйста, это стихотворение по адресу:

255032
Киевская область, Броварской район,
п/о Гоголево, хутор Заря,
медпункт, Устименко Петру Ивановичу.

С уважением и благодарностью!
Братья Устименко”.

Я, конечно, несказанно удивился, что именно стихотворение о богине любви и красоты Афродите так взволновало “человека в рабочей спецовке”. Я, честно говоря, думал, что такого рода стихи будут близки и понятны лишь читателям “заточенным”, говоря сегодняшним языком, на “изысканную”, на “интеллектуальную” поэзию, на “мировую культуру”, “креативным” читателям, усвоившим греческие мифы с их богами и героями. А тут простые хлопцы, украинские хуторяне! Я, конечно, послал им свою книжницу с этим стихотворением, написанным мною на берегу Средиземного моря, в Туни-се, куда я был приглашён в 1974 году на съезд писателей сражающейся Палестины...

*То время туманом покрыто,
когда на песок золотой
взошла босиком Афродита,
рождённая в пене морской.*

*А море шумит, как шумело,
но волны на берег несут
не чьё-то прекрасное тело,
а доски, бутылки, мазут.*

*Шуршат под ногами газеты,
струится обеденный чад.
В гигантских отелях клозеты
на всём побережье урчат.*

*Где некогда влажные косы
в горсти отжимала она,
щенок разгребает отбросы...
Но всё же бормочет волна,*

*что час неизбежно настанет,
и сам своей мощи не рад...
Наш род человеческий устанет
творить комфортабельный смрад,*

*иссякнут последние недра,
вся нефть испарится до дна,
и будет последняя жертва
природою принесена.*

*Вновь на берег выйдет богиня,
но мир, уходя в забвенье,
не вспомнит ни древнее имя,
ни тайну рожденья её.*

Что бы ни случилось с многострадальной нянькой Украиной, но если живы эти удивительные братья Устименко — кланяюсь им моим последним, земным, русским поклоном. На таких, как они, как Александр Сизоненко, как Борис Олейник, как Олесь Бузина и Олег Калашников, поэт из Николаева Владимир Пучков, как старший лейтенант советской армии Галина Савченко из Киева, как моя подруга-харьковчанка, как плеяда поэтов из Донецка, как нынешние ополченцы, — вся моя надежда... Как и на русскую пословицу: "Помирать собрался, а рожь сей".

Слава героям — истинным патриотам Украины и России!

1–10 апреля 2015 года

Послесловие от Владимира Бондаренко

ПАМЯТИ ОЛЕСЯ БУЗИНЫ

Один из лучших украинских писателей, бывший шеф-редактор украинской газеты "Сегодня", наш давний друг Олесь Бузина был убит 16 апреля в Шевченковском районе Киева. ЧП произошло на улице Дегтярёвской, во дворе дома № 58. Журналиста застрелили днём, в 13-00, возле подъезда его собственного дома. Олесь Бузина отдал журналистике более 20 лет: работал репортёром, ведущим телепередач, снял несколько документальных

фильмов, издал семь книг. Шеф-редактором газеты “Сегодня” он был с января 2014 года. Олесь Бузина был частым автором газет “Завтра” и “День литературы”, печатал у нас свои веселые и грустные истории. И вообще, был очень жизнерадостным человеком.

Факт убийства Бузины радостно подтвердил советник МВД Украины Антон Геращенко. Пресс-секретарь киевской милиции Юлия Мустах сообщила, что свидетели преступления утверждают, что Олесь Бузина был убит из пистолета. Преступники скрылись с места происшествия на автомобиле.

Информация об убийстве Бузины пришла во время прямой линии с президентом России Владимиром Путиным. Комментируя эти сведения, Путин заявил, что в Европе и в Северной Америке не замечают политические убийства на Украине. “Где убийцы этих людей? Их просто нет! Ни исполнителей, ни заказчиков. И это предпочитают не замечать ни в Европе, ни в Северной Америке”, — цитирует его РИА Новости.

Ранее в четверг сообщалось, что в Киеве убит журналист, соучредитель интернет-изданий ProUA и “Обком” Сергей Сухобок. Добавим, что 15 апреля в Киеве был застрелен депутат пятого созыва Верховной рады от Партии регионов, экс-соратник Виктора Януковича Олег Калашников. Убийство произошло около его дома. На Украине началась настоящая охота на независимых журналистов и политиков.

По словам Олесья, на него давно уже оказывалось давление сверху:

— Существовали негласные указания, что можно делать, что нельзя делать газете. Одним из таких указаний был запрет персональной критики премьер-министра Яценюка, запрет критики бывшего президента Кучмы, например. И ещё существовало несколько подобных распоряжений. Работать в этой ситуации было невозможно. — сказал в прессе Олесь Бузина. — Я не имел права даже говорить о том, что интернет-сайт газеты “Сегодня” официально не подчинён мне как шеф-редактору. Глупости выходили на сайте, ошибки фактические выходили. В этих ошибках обвиняли меня. С какой стати мне быть, извините, в этой ситуации крайним постоянно? Меня подставляли, а я должен был молчать? С какой стати? — задавался риторическим вопросом Олесь Бузина. После увольнения из газеты “Сегодня” он продолжал сотрудничать в прессе, часто выступал по российскому телевидению. 14 апреля в эфире “Радио Вести” он вновь прокомментировал текущую ситуацию в стране. На канале в Youtube этот ролик теперь назвали: “Слова, за которые убит Олесь Бузина”.

— В стране безработица, в стране огромное количество людей, которые попросту остались без денег, занять их нечем, просто невозможно. Все обещания майдана оказались брехнёй. Давайте называть вещи своими именами. Запад не будет покупать газовые турбины, вагоны — всё это у Запада уже есть. На майдане развели всю Украину на просто так, — заявлял Бузина, призывая помириться с Россией и “признать, что мы ошиблись”.

Слова, за которые убивают. Отрывки из публикаций Олесья Бузины.

“Я не хотел превращаться из журналиста в цензора. Ну, работать в этой ситуации было невозможно. Делать политическую часть газеты невозможно. Можно было просто сидеть, получать деньги и скатываться в развлекаловку. Я предпочёл уйти”.

“Посмотрите, какая грустная жизнь у украинских националистов. Посмотрите, какие тоскливые песни они поют. Всё их существование происходит на кладбище: от памятника Бандере на Лычаковский цвинтар и обратно. Разве нормальный человек захочет себе такой жизни? Разве русский человек будет молиться на Ленина в Мавзолее? Или на Дзержинского?”

“Война на востоке страны не приносит победных реляций. Министерство обороны признало более полутора тысяч погибших только среди солдат регулярной армии. Убитых из добровольческих батальонов в составе МВД никто даже не учитывал. Официально они не имеют статуса военнослужащих. “Небесная сотня” давно превратилась в трудно поддающиеся подсчету “небесные тысячи”. Всё чаще раздаются разговоры, за что же ведётся эта война? Страна словно сама выстрелила себе в ногу. И продолжает стрелять”.

“На мой взгляд, Украине нужен не хирург, а психолог. Человек, который погасит страсти, объяснив, что “еврочудо” не состоялось. И не состоится. Всё равно газ придется покупать в России. А теперь ещё и уголь из-за остановившихся шахт на Донбассе. И туда же продавать сыры, вагоны и рабочие руки.

По сути, создаётся диктатура. Но оттого, что диктаторов — не один, а трое, суть дела не меняется. Перед тем, как появилась диктатура Октавиана Августа, был триумвират. И гражданская война. Вот и всё. Помпей, Красс и Цезарь правили Римом. Но это была диктатура, хоть и триумвират. Диктатура трёх. Так тоже бывает в истории”.

“Когда народ заставит себя уважать? Заставить себя уважать можно только силой. Но власти народа побаиваются. И подтверждение моим словам — два забора: один забор вокруг Конча-Заспы, другой забор вокруг Верховной Рады. Эти заборы народу нужно сломать. Причём вокруг Верховной Рады в прямом смысле. Стране не нужен Литвин, забор вокруг которого построен за государственный счёт. Будьте активнее. Покажите власти кулак. Ведь вы же видите, что вас грабят”.

“Гимн и флаг Украины надо менять. Таким гимном только отпевать покойников. Тризуб я бы оставил. Это символ времён Киевской Руси. Националисты просто украли его на время. Флаг Украины нужно сделать малинового цвета. А вместо гимна надо исполнять марш запорожцев. Он весёлый”.

“Одни украинцы считают себя людьми глубоко не русскими, а другие, как я, людьми глубоко русскими. Рано или поздно украинцы вернутся в лоно триединого русского народа”.

“Настоящих левых у нас так же мало, как и настоящих правых. У нас вообще мало чего настоящего осталось. Все в основном прикидываются. Но я, как и Гоголь, как и Шевченко, человек русский. А мы, русские, победим. Мы — народ победителей!

Мне ведь тоже нужно было разбудить в себе русского. До 13 лет все меня уверяли в советской школе, что я — украинец, а я чувствовал какой-то подвох. Читаю “рученьки терпнуть, злипаються віченьки” — и прихожу в тоску, а послушаю “врагу не сдаётся наш гордый Варяг” — и всё во мне сразу поднимается”.

“Я живу в большом девятиэтажном доме. На первом этаже водочный магазин. Там на протяжении всех 90-х и начала 2000-х жизнь просто кипела. А теперь спокойно, как в морге, — все клиенты умерли. Последний — мой ровесник — отдал концы в прошлом году.

Пил три дня, а потом головой лёг на стол и остановился, как сломанные часы. Вот и Шевченко так остановился. От того же — от водки и неправильно понятой воли, которая без узды несёт нас, как бешеная лошадь, прямо в пропасть”.

“Я бы, наоборот, ввёл правило, чтобы оппозиция ходила только в вышиванках. Вышиванка дешевле, чем костюм от Бриони. Оппозиционер должен выглядеть ярко, но скромно. Шаровар оппозиции не хватает. И плахт. Чтобы было понятно: если в плахте, значит, это Фарион, если без плахты, значит, Анна Герман”.

“В принципе, я люблю Украину. Это прекрасное место для реализации активной личности. Хотя слабые здесь не выживают. Как в вестернах на диком Западе.

Людей объединяют только две вещи — ненависть к кому-то третьему и совместный проект будущего. Ненависть может только разделить украинцев. У нас огромная “внутривидовая агрессивность”. Граждане Украины боятся выбросить свою агрессивность вовне и тратят её друг на друга. Так что ненавистью нацию не объединишь”.

“У нас три государства. Но мы один народ. Бог нас избрал хранить светоч истинной православной веры. После отречения последнего царя мы живём в смуте. Царь отрёкся от своего народа. Народ отрёкся от своего царя. Сатана стал особенно силён в мире. Потому что православный царь — это “удерживающий”. Он не просто скипетр держит или плохого опричника за шиворот, он удерживает Святую Русь и весь наш мир от проникновения в него сатанинского начала, от бесовского беспредела.

Миссия нашего триединого народа, даже без царя, которого, надеюсь, Господь нам снова пошлёт, — по мере сил выполнять свой долг и бороться с чёртом внутри себя и вовне — в миру. Мы не можем быть плохими людьми. Мы можем просто плохо или хорошо выполнять свою миссию богоизбранного

русского народа. Богоизбранным народам всегда тяжело. Им многое небо даёт, но и жёстко с них спрашивает. Как только ты понимаешь, что украинец — это всего лишь такой русский, на тебя, не побоюсь этого слова, нисходит благодать. Ты успокаиваешься и несёшь свой крест. Вот и всё”.

“На днях попалась мне на глаза забавная картинка — Шевченко в каске и бронежилете, “мобилизованный” каким-то сильно “сознательным” пропагандистом на нынешнюю омерзительную войну. Почему она для меня омерзительна? Да потому, что не вижу я никакого смысла в том, чтобы люди, говорящие на ОДНОМ языке или на двух разных, но абсолютно ВЗАИМОПОНЯТЫХ, убивали друг друга во имя якобы каких-то “идей” и “ценностей”, а на самом деле — вообще непонятно ради чего.

При этом все, кто на самом верху (что в Украине, что в России), совершенно не спешат отдавать своих детей демону братоубийства. И сами в его пасть не лезут. Они охотно дискутируют на бесконечных ток-шоу, произносят высокоморальнейшие речи, нанимают продажных интернет-троллей, чтобы “мочить” всех, кто открыто выступает против войны, но на блокпосты не спешат. Им нравится, когда мужики дерутся — уже не до остервенения, а до смерти. Потому что почувствовали себя за последние двадцать лет большими панами и считают, что не барское это дело — гнить на фронтах. Барское — огонька в костёр подкидывать. И — людишек-дровишек, заводя их до одури телепропагандой.

Поэтому снова добрались и до Тараса, нацепив на него одолженный в Европе камуфляж. Видно, такая уж судьба у Кобзаря, что каждому хочется его приватизировать и перетащить на свою сторону, оправдав собственные безобразия. Всё-таки известный человек. К тому же мёртвый. А не записать ли его в собственный батальон? Не “отжать” ли Кобзаря, как чужую машину в зоне АТО, и поехать на нём к теще на вареники, хвастаясь разбойничьими подвигами? Он же не будет возражать?

Он-то не будет. Но я возражаю. Тарас Шевченко — самый неподходящий символ для любой войны. Он годится для пропаганды милитаризма, как бравый солдат Швейк для заманивания кандидатов в наёмную армию. Несмотря на то, что целых десять лет прослужил рядовым Русской императорской армии. Понимаете: Шевченко — РУССКИЙ СОЛДАТ. Никаким образом факт этот из его биографии не выкинешь. Попав в эту армию, он из неё не сбежал, не дезертировал, не занялся в ней вредительством или работой на британскую разведку, а просто предпочитал пить и есть с русскими офицерами в Оренбурге и форте Петровский, так как последние ценили общество выпускника Петербургской академии художеств и его “вместимость” при потреблении спиртных напитков. Они сами были не дураки выпить. А тут попал в гарнизонную глушь образованный человек, умеющий отлично рисовать картинки. Как не опрокинуть с ним бутылку-другую?

Шевченко мог бы и сам стать офицером. Согласно приговору Николая I, поэт был определён в армию “с правом выслуги”. Но никакого особого желания получить такие желанные для многих эполеты, а вместе с ними и дворянство, не имел. Как признался Тарас в собственном дневнике: “Я не только глубоко, но даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приёма”.

“Шевченко мог бы стать символом примирения и внутри Украины, и между Украиной и Россией. Две трети его произведений написаны по-русски. Все повести. Часть стихов. Дневник. Для Тараса русский был таким же родным, как и украинский. Не станет человек писать дневник, куда заносятся самые интимные переживания (Тарас рассказывал в нём даже о своих приключениях в публичном доме) на неродном языке.

Если двуязычие было естественно для автора “Кобзаря”, то почему мы должны отвергать его в себе? А ведь Шевченко был даже не билингом, а трилингом. С детства он разговаривал ещё и по-польски, усвоив этот язык во время проживания со своим паном в Вильно. Шевченко был общительным подростком. Он усвоил польский мгновенно, чтобы не чувствовать себя чужим в новом городе, куда попал из своего родного села. Тем более, что в дело вмешалась ещё и любовь к польской девушке. Языки сливались в прямом и переносном смысле. Девушка была пряная. И кто знает, не был ли один из последних фантастических проектов Тараса — создать единый литературный язык, понятный всем славянам (о нём упоминает Тургенев), — отзвуком той любви? Шевченко хотелось научить такому же пониманию всех славян. Дать

им инструмент для общения, то есть для примирения. И если тот же Тургенев отнёсся к задумке Шевченко иронически, как к утопии, то абсолютно чистую, без тени акцента русскую речь Тараса он отметил особо.

Из-за бурных событий прошлого года 200-летие Кобзаря прошло незамеченным. Всем было не до него. Теперь многим хочется призвать Тараса на войну. Снова превратить в рядового. Выдать ему вместо кремневого ружья автомат, нахлобучить каску “Шуберт”, бронежилет, берцы и научить не только ружейным приёмам, но и снайперской стрельбе. Не получится. Ему не нравилось убивать. Он больше по сочувствию, по доброте к простым людям. И всё у него просто сказано: “Обніміться ж, брати мої, бо лихо вам буде”.

Олесь Бузина

*За что стояли на майдане?
За что людская кровь текла?
За то, чтоб цены повышались,
и лились слёзы у хохла?*

*За то, чтоб Крым вновь стал московским
и чтоб донбасским стал Донбасс.
За то, чтоб долю Украины
решал брюссельский пидарас.*

ШАМИЛЬ СУЛТАНОВ

ПРОЕКТ СТАЛИНА: НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

“Кто мы? И где мы?”

Народ — совокупность, сообщество людей, которые осознают свою общую судьбу, и которые осознанно хотят оставаться хозяевами этой своей судьбы. Они вместе готовятся к неизвестному “завтра”, которое будет то ли в весенних цветах и запахах, то ли в болотных, сумеречных туманах, то ли в черных, нескончаемых штормах, то ли в безмятежности иллюзорного счастья.

Народ — это когда большая часть людей чувствует, ощущает свою кровную ответственность за это “завтра”. И не только перед своими детьми и внуками, но и перед совместным прошлым, перед своими ушедшими предками.

Ответственность за будущее и ответственность за прошлое. Вот что важно, прежде всего. Только тогда появляется ответственность за сегодняшний день.

Если есть такая ответственность, есть Народ. Нет ответственности, то и народа нет. А есть просто некое быдло.

Народ изначально не биомасса. А когда превращается в биомассу, то это уже не народ.

Сталин создал культ “великого народа”. Сталина уже давно нет, великого советского народа тоже нет, а незримый культ всё еще витает.

Всё, что рождается, обязательно умирает. Рано или поздно. Рождение и детство, юность и зрелость, старость и смерть. Это незыблемый закон.

Народы не исключение.

Если средняя продолжительность жизни среднестатистического человека — семьдесят-семьдесят пять лет, то средняя продолжительность жизни народа 350–400 лет. А потом очень многое меняется: язык, базовые архетипы и ценности, модель ответственности, тип доминирующей в социуме личности...

Вроде бы тот же самый народ, но нет — всё уже другое...

Обычно первая стадия становления народа — героический период. “Жизнь или смерть”. Другого варианта в постоянных боях за выживание просто нет. “Народ-орда” — это когда общая судьба или общая смерть. “Орда — это вооруженный народ-государство”, то есть органическое единство народа-государства. Нет противопоставления между высшими и низшими. Нет отчуждения между вождями и рядовыми. Всё определяется личными качествами — мужеством, умом, волей, неординарным опытом. Каждый может стать вождем и найти своё место среди лучших. Если он герой. Но вожди и наилучшие гибнут чаще, чем остальные. Ибо это орда. А орда, в конечном счёте, — это справедливость смерти.

Позднее, в официозных исторических хрониках, период “народ-орда” либо стирается вовсе, либо полностью извращается.

Вторая стадия — “народ-государство”. С одной стороны, высочайшее самосознание ответственности большинства за свою общую судьбу. Здесь народ не назовёшь толпой. С другой стороны, уже появляется противопоставление оформляющейся элиты, вождей. “Наилучшие”, опираясь на народ, сдерживают многочисленных тщеславных кандидатов в вожди и тираны. Хотя социальное отчуждение только намечается, народ (не толпа), так или иначе, в значительной степени по-своему и достаточно эффективно контролирует государственные институты. В обществе по-прежнему доминирует ощущение общей судьбы.

Третий период — “государство-толпа”. Формально и официально — самый длительный период жизни народа. Народ уже не контролирует государство и не может это делать. “Государство — это я”. То есть король, царь, хан, президент, генсек. “Государство — это организованное насилие”. Окончательно оформляется парадоксальный конфликтный треугольник: так называемые вожди — так называемая элита — народ-толпа. Именно здесь корень неизбежности дальнейшего системного кризиса. Но в любом случае большинство обречено на исторический проигрыш.

Качества элиты, её гомогенность, её способность сохранить ответственность за народ играют решающую роль. Но ответственность за режим вытесняет ответственность и за народ, и за государство. Далее следует неизбежная деградация элиты, превращение её в квазиэлиту неминуемо приводит к скорой деградации и режима, и государства. При этом абсолютное большинство народа постепенно, незаметно скатывается в скотское, рабское положение, постепенно теряя свои изначальные качества.

Наконец, последний, четвёртый период: системный кризис открыто выступает на историческую сцену, превращаясь в решающий фактор то ли окончательной деградации, то ли неожиданного скачка — через революцию — вверх, в Неизвестность. Главный принцип: “или-или”.

Исчезают окончательно остатки реального элитарного мышления и элитарного сознания. Власть переходит к антиэлитам, которые стремятся только к “личному обогащению”. Мелкобуржуазность, всеохватывающий партикуляризм воцаряется в общественном сознании. Происходит всеобщее нравственное разложение: “можно всё, лишь бы не попасться”. Тотальная деградация государства проявляется, прежде всего, в беспрецедентных формах коррупции и воровства. Население окончательно и бесповоротно превращается в народ-быдло.

Это не линейный и не заранее предопределённый процесс. В течение четырёхсот лет появляются исторические шансы. Некоторые, например, китайцы, римляне и византийцы, ими воспользовались. Другие — нет. В основном из-за низкосортности вождей.

Николай II и Сталин

К концу 1916 года в Российской империи вдруг резко обострился и забурлил весь копившийся уже долго сложнейший клубок противоречий: социально-экономических, классовых, политических, идеологических, этно-национальных, внутри-региональных.

Общенациональный системный кризис неуклонно и драматически приближался к своей финальной фазе.

Ещё вчера, казалось бы, гордый имперский народ как-то неожиданно скукожился, а потом парадоксальным образом куда-то взял и выветрился. Как писал В. Розанов в “Апокалипсисе нашего времени”: “Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая “Великого переселения народов”. Там была — эпоха, “два или три века”. Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего”.

С. Трубецкой приводит такой вот поразительный пример. Осенью того же 1916 года резко усилилось дезертирство из армии. Немногочисленные представители патриотической интеллигенции приходили на вокзал и, пытаясь

как-то воздействовать на толпы прибывающих дезертиров, взывали: “Вы же русские!”, “Вы должны защитить русский народ!”, “Русский народ надеется на вас!”.

А вот типичные ответы, которые приходилось тогда выслушивать этим интеллигентам-идеалистам: “Я не русский, а саратовский!”, “Я не русский, а казак!”, “Я не русский, а вятич!”, “Ты — русский? Вот и иди на фронт, кормить вшей!”

Всего несколько лет открытого системного кризиса вкупе с войной привели к победе регионального, провинциального самосознания над имперским духом, самоощущением большого народа. Империя рухнула, и вдруг куда-то неожиданно исчезло самоосознание принадлежности к общей большой судьбе.

И это была не сиюминутная эмоциональность, а страшная, глубинная, всё более разворачивающаяся социальная тенденция. В 1919 году, в самый тяжёлый год гражданской войны, страна фактически раскололась на 120 частей.

Вообще надо сказать, что гражданская война — это наилучшее средство вытравливания осознания национальной и государственной идентичности.

В 20-е годы, на фоне последствий страшной гражданской войны, массового голода 1921–1922 годов, резких колебаний во внутренней политике деградация и фрагментация социума продолжались. Улетучиванию правового сознания, резкому ослаблению нравственности, отчуждению социума от какого-то непонятого коммунистического государства способствовали многочисленные ультралево-эксперименты в культурной, образовательной и социальной сферах. Ожесточённая внутривластная борьба приводила к тому, что ещё вчерашние революционные кумиры, представители “ленинской гвардии” вдруг в одночасье превращались во “врагов партии”.

В 1921 году, в условиях действительного экономического одичания, в Советской России была провозглашена “новая экономическая политика”. Буквально за несколько лет в стране возродился класс, с которым, казалось, беспощадно боролись на протяжении всей гражданской войны и который, казалось, был уже уничтожен.

Но он не только быстро возродился, но и вновь быстро разбогател, особенно при поддержке соответствующих партийных и силовых кураторов. “Крыша” она и тогда была “крышей”. В октябре 1923 года Дзержинский в своём письме к Сталину выделяет основные методы воздействия нэпманов на высокопоставленных представителей советской власти: “подкуп и развращение”. Хотя понятно, что подкупить и развратить можно только того, кто хочет быть подкупленным и развращённым. Так стала формироваться коммунистическая коррупционная система.

Напряжение в стране росло, и массовая коммунистическая болтовня только усугубляла ситуацию.

Когда появилась непосредственная угроза перерождения революции, нэп был отменён. И вот тут появляется очень интересный, вплоть до нашего времени, вопрос: а куда же подевались эти пять или шесть миллионов “нэпманов”? Неужели они стройными рядами пошли на стройки и на заводы? Конечно, нет. Или их репрессировали, у них отняли спекулятивно нажитый капитал? Нет, таких оказалось всего лишь несколько десятков тысяч по всей стране.

Так вот, очень многие из этих нэпманов, которые прекрасно знали правило, что надо “делиться”, оказались либо в партийных и советских органах, либо в структурах, близких к таким органам. Короче, ближе к своим негласным коммунистическим кураторам по коррупционной системе. Между прочим, как раз в конце двадцатых — начале тридцатых годов вывоз коммунистическими бонзами за границу золота, драгоценных камней, произведений искусства и других ценностей достиг своего пика.

Летом 1928 года в основных промышленных центрах Советского Союза вспыхнул острый продовольственный кризис. Несмотря на хорошие урожаи последних лет, в крупные города медленно вползало ещё не забытое отчаяние массового голода. Генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин поехал в многомесячную поездку по стране, чтобы убедить крестьян продавать хлеб для голодающих рабочих.

В Красноярском крае высокопоставленная делегация из Москвы направилась на юг, в сторону Шушенского, одного из наиболее зажиточных и многочисленных сёл. Сталин сам выступил на импровизированном митинге. Он говорил о пухнувших в городах от голода детях, об их родителях, которые за

станками теряли сознание, говорил о том, что стране нужен хлеб, чтобы выжить... От имени высшей государственной власти он просил хлеба.

Сотни крепких сельчан, собравшихся послушать “нового красного царя”, шумно лузгали семечками и открыто посмеивались над странной, негромкой, с сильным акцентом, речью невысокого грузина. Когда Сталин закончил говорить, один из местных богатых и авторитетных мужиков, сплюнув шелуху от подсолнечника под ноги генсеку, громко сказал: “Вот лично тебе, рябой, я пшеничку дам. Целых четыре мешка. А? Ты вот только того, спляши здесь сейчас...”

Если бы в 1898 году в это же село приехал царь Николай II, эти крестьяне или их родители на коленях встречали бы царя и не осмелились бы поднять голову.

Историки говорят о действительно, глубинном противоречии, существующем в душе русского человека. С одной стороны, он обладает сильным государственным инстинктом. В условиях Великоорусской равнины ни семейные, ни родовые, ни племенные связи не могли дать безусловных гарантий безопасности человеческой жизни. Только мощное государство может стать таким гарантом.

Но, с другой стороны, русский человек одновременно есть анархист и революционер. Когда он постоянно сталкивается с “мерзостями каждодневной жизни”, с конкретными оскорблениями и унижениями со стороны представителей власти, с ужасающим воровством, аморальностью “государевых слуг”, коррупцией, беззаконием, он может стать и часто становится бунтовщиком, врагом мерзопакостного государства.

Как из населения сделать авангард истории?

Если совершенно честно, то к началу 30-х годов народа в стране как такового и не было. Ну, ладно, если он как социально-политическая общность все же и существовал, то, в лучшем случае, это было весьма жалкое, убогое зрелище. Определения “великий”, “героический”, “авангард исторического процесса” и т. д. в отношении советского народа сформулировал именно Сталин. В нескончаемых внутрипартийных дискуссиях 20-х годов такого пафоса в отношении народа практически не было. Да и в истории Российской империи образ “народа-героя” никогда не использовался. Великими были государи, сама российская монархия, династия, империя, но никак не подданные, которых с трудом можно было представить в виде некоего совокупного, единого народа.

Соответствует ли нынешний российский народ сталинским критериям “великого”, “героического”? Можно ли его назвать “авангардом исторического процесса”? Мог бы нынешний российский социум выиграть войну у фашистской Германии?... Ответ может быть только: “Нет, нет, нет!” Эти “нет” — лучшая иллюстрация к вопросу о роли личности в истории.

Но ведь именно “народ” в рамках марксистско-ленинской теории является главным историческим субъектом. И Сталин понимал, что есть население, а действительного-то народа в стране нет.

Что он тогда сделал в этом отношении, после того как все основные рычаги власти к середине 1929 года оказались у него в руках, и он публично, на пленуме ЦК заявил о неизбежности приближающейся войны и о категорической необходимости выработки и реализации мобилизационной стратегии?

Во-первых, Сталин, как истинный марксист и ленинец, начинал и политически, и пропагандистски, и идеологически, и организационно создавать “культ народа”. В той исторической ситуации это имело первостепенную важность. Нужна была новая опорная точка для качественно новой самоидентификации и консолидации разобщенного, расколотого социума. Начинает создаваться особое поле гравитации: само понятие “великий народ” приобретает неожиданный магический аромат: “я” нахожу свою сущность, когда сливаюсь с этим великим “мы”. “Мой личностный смысл жизни вдруг проясняется, когда я становлюсь частью великого народа”.

Причем Сталин как большевик в данном случае под народом имел в виду, прежде всего, не этно-национальный компонент, а социально-политический феномен, политическую нацию нового типа.

Во-вторых, если советский народ является “авангардом исторического процесса”, то соответственно он должен реализовывать кардинально новый цивилизационный проект — построение, созидание принципиально нового типа общества и государства как примера для всего остального человечества.

Это и есть грандиозное, великое “общее дело”. То есть не просто тупая, многословная пропаганда по поводу некоего великого народа, а “общее дело” через вот эту реальность, через этот огромный труд, через то, что может увидеть, пощупать руками каждый.

В-третьих, такое авангардное созидание социализма возможно только как совместное творчество и сотворчество миллионов и десятков миллионов советских людей. И именно через это каждодневное сотворчество в “общем деле” миллионы людей постепенно и осознанно превращались в новую социально-политическую общность — советский народ.

Вот это уже очень важный и политический, и методологический момент. Троцкий, будучи в эмиграции, многократно обвинял Сталина в том, что тот реализует курс на построение бюрократического социализма. Однако социализм для Сталина как идеологический идеал и практическая политическая цель отнюдь не являлся бюрократической игрой, чиновничьей показухой, бюрократической скукой, что произошло гораздо позднее — в 60-е и 70-е годы. Социализм являлся для него, прежде всего, каждодневным, совместным, творческим трудом абсолютного большинства советского народа. Причём, таким трудом, в котором и можно было найти и реализовать общенациональный, коллективный и личностный смысл жизни.

В-четвертых, народ — это не статистический факт, а дух ответственности, именно как живое, жизненное состояние. Поэтому необходимо было в рамках реализации нового цивилизационного проекта сформировать новую систему взаимной ответственности, которая могла бы преодолеть групповую, коллективную, ведомственную, личностную партикуляризмы.

Начиная с 1922 года, когда Сталин стал Генеральным секретарем, он целенаправленно стремился превратить компартию в “орден меченосцев”. Нужен был особый политико-организационный инструмент для преодоления тотальной общенациональной безответственности. Причём инструмент, укрепляющий сознательность, осознанность, среди, в основном, неграмотного или малограмотного населения страны. Поэтому “орден меченосцев” должен был, прежде всего, действовать, демонстрируя массовый пример: “Делай, как я, делай, как мы!” В этой стратегии Сталин опирался и на практический дореволюционный опыт ВКП(б) с её двухкомпонентной оргсистемой. На практике же общенациональная корпорация “народ-государство” под названием “СССР” стала трёхкомпонентной системой.

Члены партии как представители “ордена меченосцев” в каждодневной жизни несли гораздо бóльшую, и правовую, и политическую, и моральную ответственность, чем другие граждане страны. Ибо ещё одна стратегическая задача заключалась в восстановлении, укреплении массового правового сознания. Справедливость и ответственность реализуются не через лозунги и словесный понос высокопоставленных чинов, а через справедливые законы, обязательные для исполнения всеми.

Чувство ответственности советского народа в 30-е — 50-е годы многократно превышает ответственность расейского населения конца XX — начала XXI века. Это абсолютно несравнимые вещи.

В-пятых, ответственность предполагает, что “великий народ” имеет историческое право на использование всех законных средств для реализации стратегических целей, включая массовое, организованное насилие против своих врагов.

Так называемые массовые репрессии, по сути, представляли собой форму самозащиты нового советского народа, проявление своего рода инстинкта самосохранения накануне большой войны.

Хотя в самой Конституции 1936 года нет нормы, связанной с диктатурой пролетариата, тем не менее, в своём выступлении на Съезде народных депутатов Председатель Конституционной комиссии И. Сталин недвусмысленно подчеркнул бескомпромиссный классовый характер советского государства.

Почему десятки миллионов советских людей в тридцатые годы открыто и искренне поддерживали внутреннюю политику Сталина, в том числе и широкомасштабные репрессии против так называемых “врагов народа”? Почему

не было массовых социально-политических выступлений против этой жесткой сталинской политики? Почему бывшая так называемая “ленинская гвардия” во время открытых судебных процессов 37–38 годов соглашалась практически со всеми предъявленными, самыми абсурдными, казалось бы, обвинениями, даже отдавая себе отчёт в том, что они в любом случае будут расстреляны? Почему маршал Тухачевский сразу же после ареста признался в организации “военного заговора” и собственноручно на 143 страницах (!) подробно, чётким почерком, в деталях описал этот заговор? Почему именно в 1937 году, во время так называемого “большого террора” Исаак Дунаевский написал вдохновенную песню “Широка страна моя родная”, сразу ставшую своего рода народным гимном Советского Союза? Почему Молотов и Калинин продолжали работать в высшем политическом руководстве СССР, рядом со Сталиным, в то время как их жёны оказались в лагерях, осуждённые на длительные сроки? Почему Святослав Рихтер, отец которого был расстрелян, был награждён Сталинской премией и с благодарностью получил её? Почему...?

Говорят, кто-то, то ли Молотов, то ли Калинин, всё же однажды решился прийти к Сталину просить за свою арестованную супругу. “Вождь народов” ответил приблизительно так: “А ты зачем ко мне явился? Твою жену осудил советский суд, обращайся туда. У меня самого есть репрессированные родственники”.

Самый распространённый ответ — страх, люди боялись, и поэтому...

Во-первых, невозможно представить себе “подавленного страхом” Дунаевского, “дрожащей рукой” выводящую партитуру своей знаменитой, проникнутой вдохновляющим оптимизмом песни. Во-вторых, народ, переживший мировую войну, трагедию революции, страшную гражданскую войну, ужасы голода и политические качели 20-х годов, вряд ли можно назвать массовым сборищем трусов.

К началу Великой Отечественной совершенно немыслимое, казалось бы, чудо свершилось — советский народ как действительный исторический субъект реально появился. И он на деле доказал эту свою историческую субъектность, победив в Войне, которую по обычным рациональным меркам выиграть никак не мог.

Более того, никакой другой народ, кроме советского, не смог бы тогда победить действительно великого врага — фашистскую Германию.

Почему Отечественная — Великая?

Наиглавнейшим показателем зрелости данного народа, его величия, его осознания особой ответственности перед своим прошлым и будущим является способность массово порождать героев. Если же герои не появляются или же их число ограничено и случайно, то, скорее всего, данный народ уже совсем и не народ даже, а всего лишь булькающая биомасса.

Во время Великой Отечественной советский народ показал чудеса массового героизма — и на фронте, и в тылу. Никакой другой народ в мире, кроме советского, во время Второй мировой войны не проявил себя именно как “народ героев”.

Великая Отечественная продемонстрировала также, насколько глубоко идеология “общего дела” стала внутренним содержанием массового общественного сознания советского народа. “Борьба с беспощадным врагом”, “защита общей Родины”, действительный патриотизм стали зримым символом общего дела. Кроме того, именно в военный период, и на фронте, и в тылу, “общее дело” массово стало осознаваться “лично моим делом”.

Великая Отечественная выковала высочайшую дисциплину и самодисциплину советского народа. Казалось бы, по этому показателю германский народ, по историческим причинам, безусловно, всех опережал в Европе. Тем не менее, и в этом советский народ пересилил немцев.

Что такое дисциплина и самодисциплина народа? Проявление его исторической ответственности.

Так вот, к концу войны, а возможно, уже с середины 1943 года по этому показателю советский народ был на первом месте в мире. Да, были жертвы, огромные жертвы. Но, сейчас мы можем уверенно сказать, что эти жертвы исторически не были напрасны. В отличие от миллионов погибших, униженных и растоптанных в 90-е годы.

Великая Отечественная, как плавильная печь, завершила формирование героического советского народа. Здесь, на фоне реализации “общего дела” формировались и закреплялись нравственные принципы нового цивилизационного проекта — особое, братское отношение друг к другу, советская солидарность и гуманизм, взаимопомощь вплоть до “Сам погибай, а товарища спасай”.

Мой покойный отец — Султанов Загит Яруллович — оказался на действующем фронте в январе 1943 года. Ему ещё не было и восемнадцати лет. Он был три раза ранен, последнюю пулю, которая застряла у него слева в теле, недалеко от сердца, извлекли только в 1960 году.

Почему-то он не любил говорить о войне. Да и я мало его расспрашивал, в чём сейчас глубоко раскаиваюсь. Но некоторые его слова я помню до сих пор.

Он рассказывал, что немцы очень хорошо воевали. Когда я его спрашивал, почему же тогда мы выиграли, он отвечал так. На нижнем уровне — рота против роты — мы не только были равны, но, может быть, даже были сильнее, чем немцы. Но чем выше был военно-оперативный уровень, тем опыт и искусство германских офицеров и генералитета превосходил наших. Но до поры до времени. Когда же наш офицерский корпус перестал здесь уступать немцам, мы начали выигрывать.

Однажды я спросил его, кто же всё-таки сыграл главную роль в победе. Отец мне ответил, что Сталин, он его глубоко уважал. Он сказал: “Русские солдаты”. Он не сказал, “русские” или “русские офицеры”, а именно “русские солдаты”.

“Почему?” “Те, с которыми я встречался, умели воевать. Кроме того, многие из них потеряли своих родственников на оккупированных немцами территориях. Они хотели мстить. И жестоко”.

У моего отца — очень худого татарского юноши небольшого роста, почти не умевшего говорить на русском, — в первые месяцы на фронте оказался наставник. Его звали Николай. Он сам взялся опекать моего отца, которого на фронте почему-то прозвали Сашей. Так вот, Николай, рассказывал мой отец, научил его очень важным и нужным военным премудростям, которые помогли выжить.

“Сплошная линия немецкого огня. Как безжалостная бритва. “За Родину, за Сталина!”. Рота поднимается в атаку. Кто-то через несколько секунд погибнет. Рядом, всё больше и больше, падают наши, а мы вместе с Николаем идём в атаку и всё же остаемся живы... Если бы не Николай, я бы не выжил...”

Потом отца ранило, он оказался в госпитале, а через три месяца воевал уже в другой воинской части. С Николаем он уже никогда не встречался.

Мой отец, Султанов Загит Яруллович, умер, в том числе от последствий боевых ран, в 1988 году. И последние годы он часто вспоминал своего русского наставника на фронте, и иногда даже плакал. Я его не спрашивал, почему... Чувство ответственности моего отца проявлялось в том, что он никак не мог забыть о своём личном, так и не оплаченном долге перед легендарным русским воином — Николаем...

Когда народ действительно осознаёт себя великим народом, и не просто осознаёт, а массово проявляет своё величие в критической военной ситуации, в ситуации “жизни или смерти” с ним происходят удивительные вещи. Война учит выживать, и война заставляет быть умнее, чем противник.

Война объективно выдвигает на передний план самых изобретательных, самых творческих, самых жизнеспособных. В Великой Отечественной было много случаев, когда люди за несколько лет проходили путь от младшего лейтенанта до полковника.

В жизни, как известно, ничего не даётся даром. Тем более, в жизни народа.

Да, в Великой Отечественной было много жертв, может быть, даже слишком много. Но эта война не только позволила окончательно оформиться в истории принципиально новому советскому народу, но и позволила за несколько военных лет пройти историческую дистанцию, которую другие проходят за десятилетия, а может быть и столетия.

Самое главное, с моей точки зрения, заключается в том, что в советском народе в результате Великой Отечественной сформировалось новое ядро, объективно ориентированное на будущее, — важнейшая ключевая социальная группа — несколько миллионов пассионарных людей, способных к креативному, в том числе и технологическому мышлению, умеющих обращаться со слож-

ной техникой, способных принимать критически важные решения в условиях дефицита времени.

Именно благодаря этим нескольким миллионам советский народ получил возможность начать реализовывать свой цивилизационный проект. Именно благодаря этим людям в сороковые и пятидесятые годы великий Советский Союз стал действительным авангардом мирового развития, демонстрируя самые высокие темпы социально-экономического развития. Тогда не только “цены снижались”, но и советский человек первым оказался в космосе.

* * *

Но потом, на взлёте новый советский народ был безжалостно предан. Переродился “орден меченосцев”. И не просто переродился, а словно куда-то мистическим образом исчез: материальные ценности взяли вверх над вечными.

КПСС Горбачёва, Яковлева, Ельцина предала свой народ, прошлое и будущее своей страны.

Спустя 70 лет после победного мая 1945 года западные лидеры решали, ехать на торжества в Москву или нет. А в европейских СМИ кипит дискуссия: следует ли рассматривать Россию в ранге страны-победительницы или она утратила право считаться наследницей СССР. На этом фоне с особым интересом читаются едкие исторические заметки Бориса Куркина о вкладе в победу западных государств. И впрямь — доходит до смешного: сдавшийся в течение суток Люксембург гордо именуется государством-победителем... Об этом и других казусах — в завершающей публикации содержательной и актуальной работы нашего давнего друга и автора.

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ-3*

БРЮССЕЛЬСКИЕ КРУЖЕВА

*Вы были офицером моей Гвардии!
Как Вы могли опуститься до этого?!*

Из письма Императора Николая I
Леопольду Саксен-Кобургскому
по случаю избрания его Королем
бельгийцев

Невезучий король Леопольд

Бельгийцы — традиционный объект неpolitкорректных французских шуток и анекдотов. Но когда 11 мая 1940 года французское командование узнало, что немцам удалось взять твердыню королевства — форт Эбен-Эмаэль — очередной “бельгийский” анекдот вышел и впрямь скверный. Сквернее некуда. И для французов, и для самих бельгийцев.

Для успешного броска на Францию немцам требовалось взять под контроль мосты через Канал Альберт. Их прикрывал форт Эбен-Эмаэль — венец фортификационного искусства, “штука посильнее” линии Мажино. Форт считался неприступным, и это принималось и французами, и бельгийцами за аксиому.

Деваться немцам было некуда, и они взяли за основу другую — прямо противоположную — аксиому. Им оставалось лишь провести эксперимент, дабы убедиться в верности своего посыла. В роли экспериментаторов должны были выступить 80 (восемьдесят) немецких десантников. Для пущей чистоты эксперимента его готовили долго и тщательно, а самих экспериментаторов изолировали в карантине. Почти герметично. Учítывая убийственность опыта, набирали испытуемых из числа добровольцев, которые подписывали соответствующую бумагу.

В это непросто поверить, однако немецкая концепция строилась, в сущности, на очередном “озарении” фюрера, которому пришла в голову идея ис-

---

* Окончание. Начало в №5 за 2012 год, №6 за 2014 год.

пользовать планерный десант. Идея была оригинальна и по-своему блестяща. Именно что “по-своему”, поскольку фюрер не ведал, что и на такой нетривиальный аргумент у бельгийцев был припасён свой асимметричный ответ в виде картечи. А посему “блестящая идея” изрядно смахивала на несвойственный немцам русский “авось”.

... На заре немецкие планеры бесшумно приземлились в расположении форта и в считанные минуты пробили направленными взрывами проходы через основание крыши. Потом они вывели из строя вентиляцию. Нейтрализовав всех находящихся вне крепости и заперев всех прочих в казематах, немцы принялись методично уничтожать сами казематы. В ход пошло всё: специально созданные для этого кумулятивные заряды, огнемёты, гранаты и всё, что может стрелять и взрываться.

Не обходилось и без накладок. Но накладок у бельгийцев было в разы больше. В результате уже в течение первого часа форт потерял две трети своей огневой мощи.

К чести защитников форта надо сказать, что атаку группы поддержки с фронта они отбили и сдались лишь после невозможности продолжать полноценный (согласно их полевым уставам) бой. Утром 11 мая над фортом затрепетал белый флаг.

Нельзя сказать, что эта вошедшая во все учебники военной истории операция была кровопролитной: потери немецкой штурмовой группы “Гранит” составили 6 убитых и 18 раненых из 60 высадившихся (до места назначения добрались не все). Ещё двое их коллег были расстреляны в ходе годичной подготовки к постановке опыта за недостаточно строгое соблюдение режима секретности. Гарнизон форта потерял 21 человека убитыми и 61 ранеными.

Как и положено, после войны начались лихорадочные поиски виновных в катастрофе. Вину возложили на коменданта фортеции майора Жоттрана. Мало того, что он отсидел от звонка до звонка в немецком плену, так ему ещё и вменили после освобождения взятие неприятелем вверенного ему форта. То, что инициативы майора по усилению безопасности Эбен-Эмаэля были отвергнуты его высоким начальством, в расчёт принято не было.

Ныне форт превращён в музей, который открыт для посещения. Раз в месяц по воскресеньям в нём проводятся экскурсии, в том числе и на немецком языке.

Если уподобить бой за Эбен-Эмаэль карточной игре, то можно было бы сказать, что банкомёт раз за разом — тупо и методично — сдавал немцам сплошь козырные тузы, а бельгийцам — шестёрки. А когда выпадала шестёрка немцам, бельгийцам доставалась тройка, а то и двойка. Тот, кто занимался историей этого сражения, не мог не подивиться фантастическому наложению одной случайности на другую. Дерзнём сказать, что “казус Эбен-Эмаэль” стал вообще прекрасным поводом для размышлений об устройстве мира, а для кого-то он стал наглядной подтверждением правоты Ф. де Ларошфуко, полагавшего, что “миром правят судьба и прихоть”.

Как всё там ни было, но всё, что было и казалось прежде всесильным и неприступным, оказалось вмиг бессмысленным и бессильным. А через шесть дней — вечером 16 мая — немецкие войска вошли в Брюссель.

Так внезапно закончилась “странная война”, а для бельгийского королевства его второй по счёту (и последний) нейтралитет, и началась война настоящая, “всамделишная” со всей её неизбежной атрибутикой. Не спасло бельгийцев и то, что их военное руководство вовремя разгадало немецкие планы.

Отчаянно не везло и пришедшим им на помощь французам, в результате чего уже через две с половиной недели остатки бельгийской армии были прижаты немцами к морю, на участке не более полусотни километров шириной. Король бельгийцев Леопольд III, находившийся вместе с остатками своей армии, поскорел над картой и во избежание дальнейшего кровопролития отправил 27 мая к немцам парламентёра. Через восемь часов он подписал акт о капитуляции. Почти полмиллиона бельгийских солдат и офицеров сложили оружие. Несколько тысяч военнослужащих всё же переправились в Англию. В их числе оказались десяток-другой лётчиков и фузилёры (стрелки), часть которых пополнила ряды британского спецназа.

Но прежде того королевство покинули правительство во главе с премьер-министром графом Ю. Пьерло и парламент. Потери бельгийской армии составили 6 тысяч убитыми и 200 тысяч пленными. Какой урон бельгийцы нанесли

немецким войскам — неизвестно. Бельгия, храбро и упорно сопротивлявшаяся германскому нашествию в Первую мировую войну, вторую войну с немцами провела до неприличия вяло и как бы нехотя.

Несмотря на уговоры своего премьера, король Леопольд бежать из страны отказался, заявив, что такой поступок недостойн монарха и что он останется в своей стране со своим народом, за что тут же был ославлен бежавшими в Лондон министрами и членами парламента в качестве “предателя”.

Леопольд уже был один раз во время Первой мировой войны в отрочестве в эмиграции и повторять свой английский опыт не захотел. Обосновавшись на Альбионе члены кабинета и парламента тут же взяли на себя всю полноту законодательной и исполнительной власти, хотя властвовать им оставалось разве что над самими собой, да и сами они находились под юрисдикцией британской короны. Этим, однако, дело не ограничилось: чтобы как-то занять себя, “парламент в изгнании” проголосовал ещё и за лишение Леопольда III трона за “неспособность к правлению”, хотя лишить его трона никаких конституционных полномочий он не имел. Что сказал по сему поводу несчастный король Леопольд, окутано тайной.

Разумеется, пребывание монарха в стране создавало фюреру известные политические удобства, и Леопольд это прекрасно понимал. Однако встанем на его место: альтернативой плену было попросту бросить свою прижатию к морю армию, главнокомандующим которой он являлся, и бежать за границу, “чтобы продолжать борьбу ТАМ”. Именно так поступили, прихватив с собою золотой запас, стойкие борцы с нацизмом норвежский король Хокон и голландская королева Вильгельмина. Одним словом, пусть бросает в Леопольда камень тот, кто сам без греха!

... Король бельгийцев (именно так звучит официальный титул бельгийского монарха) Леопольд III был действительно невезучим королём. В детстве ему пришлось уехать вместе с родителями в Англию и пережить на вилле лорда Керзона мировую войну. Леопольд закончил Итон, а затем Королевскую военную школу, из которой был выпущен в 1922 году в звании лейтенанта. Он делает быструю карьеру и уже через десять лет становится полковником и начальником генерального штаба бельгийской армии. А в двадцать шесть женится по любви на шведской принцессе Астрид, ставшей любимицей его поданных, — племяннице сразу трех скандинавских королей. “Я никогда не забуду, — писал впоследствии Леопольд, — долгое томительное молчание Астрид после моего первого признания”.

В феврале 1934 года он неожиданно для всех и для себя самого получает служебное повышение: при восхождении в Арденнах погибает его отец — король бельгийцев Альберт Первый, и молодому принцу волей-неволей приходится надевать на свою голову корону. Время для страны выдалось нелёгкое: Бельгия вместе со всем капиталистическим миром переживала острый экономический кризис. Однако уже через год — в 1935 году, — благодаря усилиям премьер-министра Поля ван Зееланда, стала осуществляться “Бельгийская новая экономическая политика”, положившая начало экономическому возрождению страны. Правда, через два года удачливому премьеру пришлось уйти в отставку (после предъявления ему обвинения во взяточничестве в деле с Национальным банком).

В том же году Леопольда постигает великое горе: в автомобильной катастрофе погибает его жена, беременная четвертым ребенком. Но горе — горем, а работать королю и принимать ответственные решения все равно приходится.

Это было время и серьёзных изменений во внешней политике. Тут надобно напомнить, что по Версальскому миру Бельгии, претерпевшей немалые обиды от кайзеровской Германии, были возвращены её восточные округа Эйпен и Мальмеди, однако лакомый кусочек — Великое герцогство Люксембург — так и остался формально независимым нейтральным государством. К тому же энергичный Альберт I, памятуя о коварстве Германии, отказался в сущности и от нейтралитета своего королевства, подписав в 1920 году военное соглашение с Францией, вместе с которой Бельгия оккупировала в 1923 году Рурскую область и поощряла местных сепаратистов, даже провозгласивших в октябре 1923 года в Аахене “независимую Рейнскую республику”. Франция даже горяча признала её.

А тут ещё и маршал Ф. Фош стал выставять свои резоны о необходимости захвата Рейна и Рура. “Франция не может довольствоваться разоружением

Германии, — писал маршал, — безразлично, будет ли это разоружение произведено добросовестно или нет. Слабость Германии ещё не означает силы Франции. Военная безопасность, построенная на такой зыбкой основе, была бы иллюзией. Для Франции и для Бельгии существует только одна гарантия против германского нападения — постоянное обладание переправами через Рейн. Линию Рейна можно удерживать сравнительно небольшими силами, если рейнская провинция будет освобождена от пруссаков... Если случится война, то победит та сторона, которая раньше завладеет переправами через Рейн”.

В 1925 году Бельгия подписала Локарнские договоры. Согласно последнему из них, так называемому “Рейнскому гарантийному пакту”, западные границы Германии, определённые Версальским договором, были подтверждены главами Великобритании, Франции, Германии, Италии и Бельгии. Это был ещё один нож в сердце Германии.

Но всему прекрасному приходит когда-нибудь конец, и в марте 1936 года Германия вышла из Локарнского договора и в тот же день ввела свои войска в Рейнскую область. И хотя Совет Лиги Наций осудил Германию за нарушение ею международных обязательств, однако реакции со стороны европейских держав не последовало. Вскоре премьер-министр Великобритании С. Болдуин вообще заявил, что вступление германских войск в Рейнскую область “не содержит угрозы военного конфликта”. Такое заявление фактически означало признание ликвидации Рейнской демилитаризованной зоны. В этих условиях в декабре 1936 года Бельгия денонсирует свои соглашения с Францией и заявляет об отказе от своих обязательств по Локарнским соглашениям, возвращаясь, таким образом, к политике независимости и нейтралитета. Такой разворот событий больно ударил по Франции, надеявшейся на совместные действия с бельгийцами по защите их северной границы. Следствием этого стало то, что линия Мажино так и не была продлена до Атлантики.

Германия укреплялась и точила зубы, а в соседней с нею Бельгии бурлила вся политическая жизнь: как грибы после дождя, плодились ультраправые политические группы. К тому же произошёл раскол основных политических партий на фламандскую и валлонскую фракции, что не сулило королевству ровным счётом ничего хорошего.

Впоследствии решение короля Леопольда III стать немецким военнопленным и его вынужденное отсутствие в стране в момент её освобождения вызвали резкое осуждение его действий, особенно со стороны валлонских социалистов.

С этого момента каждое лыко шло королю Леопольду в строку. Особенно испортила репутации Леопольда его встреча с Гитлером, состоявшаяся в ноябре 1940 года в Берхтесгадене. Собственно говоря, состоялась она благодаря исключительно сестре Леопольда Марии-Жозе — принцессе Пьемонтской — члену итальянской королевской фамилии, ловко и чисто по-женски поймавшей фюрера на слове и буквально вынудившей его встретиться со своим августейшим братом-пленником. “Если Вы не желаете обсуждать эти вопросы со мной, — сказала она с чисто женской изобретательностью, — потому что я простая женщина и ничего не понимаю в политике, не могли бы Вы поговорить о них с моим братом Леопольдом? Все эти тяготы, которые вынужден нести его народ, очень его угнетают”.

Галантный австриец хотя и отказал даме в просьбе улучшить участь бельгийских военнопленных, а заодно и снабжение Бельгии продовольствием, однако не рискнул выдвигать аргументы против беседы с королём бельгийцев.

Эта встреча породила массу слухов и кривотолков как в самом королевстве, так и за его пределами и опять-таки крайне негативно отразилась на репутации Леопольда, которому стали инкриминировать чуть ли не сотрудничество с фюрером. Англичане и вовсе обвинили короля в “германофильстве и симпатиях к Гитлеру”.

Переводчик Гитлера П. Шмидт, слова которого вряд ли стоит подвергать сомнению, описывает её так: “Он шёл рядом со мной, высокий и стройный, и казался мне студентом, который идёт на дополнительные занятия, чтобы понравиться своим родителям, хотя и не видит в этом смысла. По ступенькам знаменитого Бергхофа он поднялся медленно, с неохотой, не проявляя тех упований, которые отличали таких посетителей, как царь Борис, Ллойд Джордж, Чемберлен и герцог Виндзорский”.

Гитлер, встречая Леопольда, избрал тактику некоего холодного дружелюбия. По воспоминаниям Шмидта, выражение лица короля, когда он сидел в кабинете Гитлера, представляло собой смесь недовольства и выжидательности, и я почувствовал, что он втайне сожалел об инициативе своей сестры. Гитлер попытался разрядить атмосферу несколькими вопросами личного характера. Любезные фразы, которые он использовал в таких случаях, выдавали его австрийское воспитание. «Я сожалею об обстоятельствах, в которых Вам приходится навещать меня. Нет ли у Вас каких-либо личных пожеланий, которые я мог бы выполнить?»

«У меня лично нет никаких пожеланий», — ответил Леопольд снисходительным тоном монарха, беседующего с революционным диктатором. Этим замечанием он явно давал понять, что собирается изложить другие, не личные просьбы, правда, для начала Леопольд постарался, чтобы Гитлер выслушал их, пребывая в более благосклонном настроении, поэтому поблагодарил его за то, что тот уже сделал. Среди прочего он выразил благодарность за разрешение бельгийским беженцам вернуться домой и добавил личную благодарность за оказанные ему услуги, особенно за возвращение его детей из Испании. Но Леопольд не был хорошим дипломатом: он произносил слова благодарности, но они звучали не очень убедительно».

Гитлер же начал один из своих бесконечных монологов о политической ситуации. В середине своего выступления он вдруг спросил Леопольда, как тот оценивает будущие отношения между Бельгией и Германией. Леопольд ловко ответил вопросом на вопрос: обретет ли Бельгия свою независимость после заключения мира? Фюрер, не любивший конкретных вопросов, пустился в длинные рассуждения о будущем Европы. Король Леопольд стоял на своём: попросил дать более точное определение независимости Бельгии, добавив, что думает, в частности, о независимости во внутренних делах (прозрачный намёк на поддержку фламандцев со стороны немцев). К тому времени Гитлеру явно надоела такая настойчивость, и он яростно напустился на предвоенную позицию Бельгии, нарушение ею своих обязательств нейтральной страны и так далее. В будущем Бельгия должна ориентироваться на Германию в политическом и военном отношении.

«Должен ли я понимать, что политическая независимость Бельгии будет гарантирована в обмен на военное и политическое соглашение между Бельгией и Рейхом?» — упорствовал Леопольд, напоминая своему confidentу о любви бельгийцев к независимости. При этом независимости он требовал безоговорочной, используя в качестве довода то, что Великобритания её уже давно официально признала, и что бельгийцы, вне всякого сомнения, станут на сторону той страны, которая гарантирует их безопасность при любых обстоятельствах. Тут надобно сделать комплимент британскому радио, больше, чем когда-либо, влиявшему на бельгийское общественное мнение в этом большом для подданных Леопольда вопросе.

Гитлер был совершенно глух к просьбам Леопольда и не скрывал досады на то, что король Бельгии, в отличие от глав других государств, не соглашается с большой охотой на предложение сотрудничать с Германией. Более того, среди просьб Леопольда прозвучала просьба о возвращении бельгийских военнопленных. «Нам самим нужна рабочая сила, — вспыхнул Гитлер, — офицеры, само собой, останутся в плену до конца войны». Леопольд в очередной раз приложил отчаянные усилия, чтобы получить хоть какие-нибудь, пусть и небольшие уступки в отношении поставок продовольствия и внутреннего управления в стране. Однако фюрер остался неумолим. Взаимный антагонизм, как отмечает Шмидт, нарастал. Леопольд всё меньше разговаривал и после отказа, казалось, иногда переставал внимательно слушать. С надменным выражением лица, отделяваясь лишь официальными репликами, позволял он потоку гитлеровских слов протекать мимо него. Как случалось видеть мне прежде, беседа потеряла всякий смысл».

Гитлер, вероятно, хотел бы сразу положить конец этому визиту. Но предусматривалось подать чай королю и всем остальным, поэтому, хотя разговор и иссяк задолго до намеченного времени, Леопольда задержали для чаепития. Чай подали в той самой комнате, где несколько недель тому назад сестра короля с надеждой просила об этой встрече, так и не принесяшей удовлетворения её брату и разочаровавшей фюрера.

За чаем тот использовал последнюю приманку, чтобы убедить короля рассмотреть ещё раз его предложение о более тесном сотрудничестве между двумя странами. В длинном монологе о новом порядке в Европе он указал, что если Бельгия повернётся лицом к Германии, он не только полностью гарантирует ей военную защиту, так что вряд ли Бельгии понадобится армия в будущем, но Бельгия сможет также расширить свою территорию до Кале и Дюнкерка. Однако король промолчал. “Да и слушал ли он? Не потерял ли он интереса к беседе? Я не мог понять. Я видел перед собой лишь совершенно апатичного, разочарованного человека, похожего на мальчика, который хочет, чтобы быстрее закончился урок в школе. Но конца не было видно, потому что Гитлер сел на своего конька и надолго, повторяя одно и то же снова и снова”.

Больше с Леопольдом Гитлер никогда не виделся, а в Бельгии всё осталось по-прежнему. Администрация не сменилась, а положение с продовольствием осталось таким же плохим; бельгийские военнопленные не были освобождены до конца войны; сам Леопольд оставался пленником и был даже вывезен в Германию, несмотря на его протесты, незадолго до окончания войны. Гитлер никогда не простил ему отказа от его предложений в Бертерсгадене. “Он не лучше, чем остальные короли и принцы, — случайно услышал Шмидт реплику шефа, — хотя до того визита он отзывался о нём с уважением: “Король Леопольд предотвратил ненужную бойню в 1940 году”.

Если Леопольд и не был хорошим дипломатом, то, во всяком случае, вёл себя более чем достойно и пытался всеми возможными способами вынудить своего “партнёра по переговорам”, которому ничего не стоило лишить короля жизни, к ясным и недвусмысленным ответам.

Любопытно, что затерялась — в отличие от прочих — запись именно этой беседы, и союзники продолжили третировать Леопольда и после окончания войны.

В результате посещения Бертерсгадена Леопольд III был заключен под арест и содержался в замке Лаакен близ Брюсселя под усиленной охраной офицеров СС. Впрочем, заключение короля не было слишком строгим и ему позволяли некоторые вольности. Так, в сентябре следующего — 1941 года — Леопольд III женился.

Это произошло в Брюсселе. Его супругой стала Мари Лилиан Балс — дочь видного фламандского политического деятеля, бывшего министра Анри Балса. Сказать, что бельгийское общество её не приняло, значит не сказать ничего: эта красавица-фламандка стала наиболее ненавидимой в Бельгии персоной. Добавим от себя, совершенно незаслуженно.

В ходе гражданской церемонии бракосочетания был обнародован брачный контракт, который объявлял, что новая жена короля не будет иметь ни титула, ни положения королевы. Она была наречена принцессой Рети. Этим же документом закреплялось и положение, при котором дети от брака короля с принцессой Рети лишались всякого права на престолонаследие. Учитывая условия оккупации Бельгии и характер брака, Леопольд III распорядился провести свадьбу в кругу самых близких родственников и без традиционных публичных манифестаций.

7 июня 1944 года — на следующий же день после высадки союзников в Нормандии — короля с супругой вывезли в Германию, в крепость Хирштейн-на-Эльбе, а затем в Австрию, в Штробль близ Зальцбурга, где его и освободили американцы.

Но вернуться сразу же после освобождения в свою страну ему было не суждено. Леопольд ещё оставался пленником, а 20 сентября 1944 года парламент по настоянию правительства ван Акера принимает на основании статей 82 и 85 конституции, предусматривающих право введения в стране института регентства (в случае, если король оказывается не в состоянии править Бельгией) закон о лишении короля Леопольда III прерогатив суверена. Помимо этого, ему запрещалось возвращаться в страну, а власть передавалась регенту, родному брату короля принцу Шарлю графу Фландрскому. Принц Шарль сам чудом избежал ареста: с помощью патриотов из движения Сопротивления ему удалось тайно бежать из Брюсселя, он скрывался в партизанском отряде в Арденнах.

За период регентства Шарля в королевстве страна вступила в НАТО, сменилось девять правительств, и причиной смены правительств стал острый

конфликт, развернувшийся в бельгийском обществе по поводу судьбы Леопольда III как короля бельгийцев.

Особенно обеспокоились деятельностью короля во время войны валлоны, в частности, валлоны-социалисты, обвинявшие короля даже в сотрудничестве с нацистами. Их можно было понять: женился-то Леопольд во второй раз на фламандке, а не на валлонке. По этой причине Леопольд III после освобождения из германского плена обратился к принцу Шарлю с просьбой “продолжить миссию, которая на него была возложена в интересах Родины”. Сам же он вместе с семьёй отправился в своё имение в Швейцарию.

Однако популярность короля была все же велика. И доказательством тому является хотя бы то, что в течение пяти лет бельгийцы обсуждали право Леопольда III вернуться на родину. Не будь у него многочисленных сторонников, не мог бы состояться и референдум (носивший, впрочем, консультативный характер), предметом которого стало право короля вернуться в Бельгию в качестве её законного монарха.

Такой референдум состоялся в марте 1950 года, и по его итогам 57,68% бельгийцев высказались за возвращение короля. На основании этого решения в июле 1950 года Леопольд III, успевший побыть изгнанником в собственном королевстве, вернулся с семьёй на родину. Его родной Брюссель встретил монарха не слишком приветливо: на улицах бельгийской столицы начались ожесточённые столкновения сторонников и противников Леопольда, а всех их вместе — с полицией и войсками.

30 июля 1950 года представителями Социал-демократической и Либеральной партий было подписано соглашение с правительством об отречении Леопольда III от престола ровно через 1 (один) год. Ровно через год — 30 июля 1951 года — король Леопольд III отрёкся от престола в пользу своего сына Бодуэна Первого.

Интересно всё же, за что его так не любили англичане и американцы? Может быть, за его неуступчивость, о которой они были хорошо осведомлены, и желание видеть свою страну, как и прежде, нейтральной?

Леопольд стал частным лицом. Он поселился со своей семьёй в родовом имении. Свободного времени теперь у него было много, и он занялся наукой, совершив несколько экспедиций в тропическую Африку и опубликовав несколько научных работ. Предметом его изысканий стали энтомология и социальная антропология. Летучими букашками и тараканами, а также законами существования традиционных обществ Леопольд Саксен-Кобургский занимался в Бельгийском Конго. Как утверждают специалисты, его работы внесли существенный вклад в развитие энтомологии, а коллекция, собранная Леопольдом III, заметно обогатила экспозицию королевского музея истории природы Брюсселя.

Почему он вдруг решил заняться насекомыми? Может быть, оттого, что слишком хорошо узнал людей?..

В 1957 году он возглавил правительственную инспекторскую комиссию по изучению форм внедрения достижений научного прогресса в экономику и общественную жизнь в Бельгии и Бельгийском Конго (ныне Заир). Однако вскоре бывший монарх полностью отошёл от дел и зажил уединённо, не появляясь на публике. 25 сентября 1983 года он тихо скончался в возрасте 82 лет в одной из больниц Брюсселя.

Его вдова пережила его на девятнадцать лет.

Интересное наблюдение: чем достойнее ведёт себя монарх и чем благороднее он, тем больше стараются вылить на него грязи. Случайно?

Такие разные подданные

...У фюрера была феноменальная память, позавидовать которой мог бы и современный компьютер. Оттого-то и “зло” — реальное или мнимое, — причинённое его Германией Бельгией, он помнил хорошо. Помнил он и оккупацию Рейнской области, и отобранные у Германии Бельгией Руанду-Урунди, и майское 1940 года сопротивление бельгийской армии — пусть не вполне “яростное и ожесточённое” — он тоже хорошо помнил.

Вероятно, потому и не спешил определиться со статусом королевства. Забегая вперёд, скажем, что определиться он в этом вопросе так и не смог до

конца войны, хотя планы ему на сей счёт предлагались самые разнообразные.

Как ни странно, но именно Гиммлер пытался организовать в оккупированной Бельгии гражданское управление, однако вплоть до 7 июня 1944 года — до высадки англо-американцев в Нормандии — Бельгия и северная Франция находились под управлением военного командования.

Главой оккупационного правительства Бельгии стал генерал Александер фон Фалькенхаузен, в обязанности которого входило не только установление порядка на вверенной ему территории, но и наиболее эффективное использование человеческого и экономического потенциала страны на пользу Третьему рейху. С этой целью генералу, помимо собственно оккупационных войск, были приданы силы полевой жандармерии, секретной полиции, вспомогательные войска, а также бельгийская полиция. Кроме этого, в Бельгии действовали службы СД и гестапо, прямо с колёс взявшиеся перебирать масонские архивы и досье (с 1784 по 1940 годы), упаковывать их в ящики и вывозить в фатерлянд. В 1946 году американцы вернули бельгийским масонам целых девять ящиков из 179 вывезенных немцами.

Свой план предлагал фюреру и лидер профашистской партии “рексистов” Л. Дегрель. Согласно ему, германские военные власти должны ограничиться исполнением полицейских функций, предоставив “политическое перевоспитание бельгийского народа” обeim официально разрешённым политическим партиям (во франкоязычной валлонской части страны — партии “Рекс”, а в германоязычной, фламандской части — “Фламандскому Национальному Союзу”). По утверждению Дегреля, его “Валлонская гвардия” совместно с полицией была в состоянии самостоятельно поддерживать общественный порядок.

Власть старых партий, крупных финансистов и политическое влияние католической церкви предполагалось ликвидировать. После войны Германии следовало сконцентрировать свои усилия на охране внешних границ новой единой Европы, предоставив входящим в неё странам заниматься вопросами своей внутренней политики. Будущая Бельгия должна была включать в себя нидерландские провинции (Голландию и Зеландию) и некоторые области Франции, в своё время отторгнутые ею у Фландрии и Брабанта, достигнув размеров Бургундии времён Карла Смелого (XV в.) и простираясь от Амстердама до Дижона. Как в своё время бургундцы (или бургунды) “Песни о Нибелунгах”, так и граждане этой новой “Великой Бельгии”, которых Дегрель считал германцами, говорящими по-французски, должны были служить германским форпостом на Западе. Как писал сам Дегрель: “По крови мы происходим от германцев. По почве мы также происходим от германцев... Поэтому мы не являемся коллаборационистами, сотрудничающими с внешним врагом. Один германский народ не может коллаборировать с другим германским народом, а мы являемся частью германского мира”.

Но, несмотря на все заверения Дегреля в принадлежности его народа к германскому миру как по крови, так и по почве, у германских оккупационных властей были иные планы в отношении Бельгии, предполагавшие включение Фландрии в состав рейха. И Дегрелю надо было быть совсем уж недалёким и влюблённым по уши в фюрера идеалистом, чтобы пытаться как-то воздействовать на его планы. Что ж, фюрер, как известно, умел очаровывать людей! Тем более, простачков.

Как бы то ни было, но конкретных решений “по Бельгии” до окончания войны с немецкой стороны не последовало. При этом Гитлер и Гиммлер всецело одобрили идею создания “новой Бургундии” между реками Соммой и Рейном, по примеру Бургундского королевства времён “Песни о Нибелунгах”.

Одним словом, фюрер, судя по всему, Бельгию очень не любил, а та отвечала ему взаимностью. Бельгийцы — вне зависимости от того, валлоны они или фламандцы, — любили свою независимость и свой нейтралитет. Любили и... терпели немецких оккупантов.

Поведение немцев в Бельгии было на первых порах было вполне корректным, однако начиная с 1942 года, когда была введена обязательная трудовая повинность в Германии, многие бельгийцы стали тяготиться оккупацией, что привело постепенно к росту недовольства и даже к формированию движения сопротивления.

А началось всё, как это часто случается, с малого.

5 мая 1941 года, в годовщину нападения Германии на Бельгию, в Льеже прошла 100-тысячная забастовка металлургов Льежского промышленного

района под руководством лидера коммунистов Ж. Ляо. Забастовка прошла успешно: рабочие добились повышения заработной платы на 8%. Отечественная и бельгийская историографии относят сию забастовку именно что к “сопротивлению”.

Нет, сопротивление в Бельгии всё же было. Правда, создавалось оно, хотя и частично, всё теми же вездесущими англичанами. Так, после эвакуации остатков бельгийской армии в Англию её командование начало подготовку к созданию собственных сил специального назначения. Бельгийские десантники-диверсанты приняли участие в рейдах и операциях на территории Бельгии и Франции, а с октября 1944 года спецназовцы участвовали в качестве разведчиков в Голландской операции. К концу апреля 1945 года в 1-й парашютном полку Специальной авиаслужбы насчитывалось 350 человек. Ещё одна группа бельгийских командос, сформированная в 1942 году, воевала с 1944 года в Италии.

Сопротивление

В общем и целом, можно сказать, что партизанская война в Бельгии шла. Трудность заключалась, однако, в том, что движение Сопротивления было связано по рукам и ногам директивами лондонского эмигрантского правительства, грозившего прекратить поставки оружия в случае ослушания. В итоге тем, кто воевал, что называется, на “земле”, а не в лондонских кабинетах, приходилось постоянно держать в уме не столько военную, сколько политическую целесообразность.

Так уж получилось, что сопротивление немцам оказывали в Бельгии в значительной мере русские. К их числу можно отнести архиепископа Александра (Немоловского), арестованного гестапо в 1940 году и вывезенного затем в Германию), и других представителей (хотя отнюдь не всех) русской эмиграции.

Известен и подвиг представительницы первой послереволюционной волны русской эмиграции Марины Шафровой-Марутаевой (1908–1942) — “бельгийской Жанны д’Арк”, как называют её в Бельгии. Отважная подпольщица была приговорена к расстрелу, однако Гитлер, взбешённый “мякотелостью” командующего войсками в Бельгии генерала Фалькенхаузена, приказал отрубить ей голову.

О ней написана книга, снят в 1982 году фильм. После окончания войны бельгийская королева Елизавета приказала найти могилу Марины Александровны, и в 1947 году её прах был перевезён в Брюссель, где его торжественно похоронили на кладбище Иксель. По свидетельству исповедовавшего её перед казнью священника, узница заявила: “Я счастлива отдать свою жизнь за Сталина, за советский народ”.

Интересно, как бы развивались события, если бы бельгийская армия дралась с таким же мужеством, как и эта молодая русская женщина?

В августе 1943 года на северо-востоке бельгийской провинции Лимбург была создана русская партизанская бригада “За Родину!” во главе с подполковником Красной армии К. Шукшиным, которая осенью 1944 года участвовала в освобождении Брюсселя и в боях под Антверпеном. Кроме того, под руководством Н. Зубарева в Арденнах сражался ещё один русский отряд численностью 10–12 человек, а сам Зубарев был награждён тремя медалями Фронта независимости Бельгии.

Бельгийцы и сейчас чтут память наших воинов, похороненных на их земле.

К лету 1944 года в Бельгии действовало до 50 тыс. партизан. Участвовали в Сопротивлении все политические силы, в том числе и беспартийные бельгийские военнослужащие. Кстати, одним из руководителей Сопротивления стал социалист ван Акер, один из инициаторов и вдохновителей закона о лишении короля Леопольда прав суверена и о запрещении ему возвращаться в страну.

Сопроtingались бельгийцы по-разному: передавали в Англию разведданные, помогали сбитым пилотам британских ВВС, убивали коллаборационистов, издавали подпольно газету “Свободная Бельгия”, занимались посильным саботажем. Однако сколь-нибудь значимые военные акции были осуществлены в немецком тылу лишь во время боёв за освобождение Бельгии. Порой бойцам бельгийского Сопротивления удавалось освободить некоторые районы ещё до подхода американских войск.

Тут надобно учесть то, что партизанская война возможна лишь при наличии в стране гор: успешно партизанить на равнине весьма затруднительно,

если вообще возможно. Бельгийские горы — Арденны — в Валлонии. Фландрия же являет собой подобие качественного бильярдного стола. Оттого-то в партизанской борьбе преуспели в основном валлоны. Не следует, однако, забывать и то, что многим бельгийским солдатам и офицерам — валлонам и фламандцам — удалось бежать из плена, и Арденны стали им вторым домом.

Ряд авторов включают в номенклатуру действий Сопротивления ещё и спасение евреев. Так, однажды был перехвачен эшелон со 115 евреями, направлявшийся в Освенцим (Аушвиц).

Здесь, правда, следует отметить один тонкий момент. Евреи, как известно, если они не носили пейсы и лапсердаки и не ходили регулярно в синагоги, чувствовали себя в оккупированной Бельгии вполне вольготно. И доказательством тому является деятельность советской резидентуры, известной на Западе под названием “Красная капелла” и состоявшей, в том числе, из лиц с фамилиями Треппер, Кац, Райхман, Гроссфогель. Глядя на портреты этих людей, трудно принять их за истинных арийцев, однако ж фирма, образованная ими, действовала легально, сами коммерсанты имели обширные связи в вермахте, давая высоким чинам полагающиеся им взятки. Так что вопрос о положении евреев в Бельгии в период оккупации ещё ждёт своего исследователя.

Известен и такой случай: имущество директора Брюссельской оперы, успевшего до прихода немцев в Брюссель бежать из Бельгии за океан — выходца из местечка под Житомиром, — было конфисковано немецкими оккупационными властями. Однако находясь уже за океаном, он снёсся с руководителями еврейской общины Брюсселя, которые выдали его представителю в бельгийской столице СПРАВКУ о том, что тот евреем не является, поскольку не состоит в зарегистрированной еврейской общине. Имущество было данному лицу ВОЗВРАЩЕНО. Возможно, дело не обошлось без “откатов”, но это тоже свидетельствует о многом.

Случай, на первый взгляд, совершенно феерический, однако, надо полагать, вполне рядовой для того “места и времени”. Вот и думай теперь, кто определял, еврей ты или нет очень: сами евреи или гестапо? Разумеется, система распознавания “свой — чужой” развита у евреев несравненно лучше, чем у гестапо. Да и сам Л. Треппер был арестован не как еврей, а как резидент советской разведки. В общем, историку есть ещё что исследовать.

Освобождение

Бельгия была освобождена фактически за одни сутки. Случилось это 3 сентября 1944 года. Немцы сопротивлялись, но больше для вида. Основное дело сделали партизаны, не позволившие взорвать заминированные и подготовленные к полному разрушению стратегически важные мосты через канал Альберт и Шельду, по которым прошли английские танки. В целости и сохранности достались англичанам и портовые сооружения Антверпена, ставшего главным портом снабжения англо-американцев, вторгшихся на территорию рейха.

Тут-то и начались для Бельгии главные неприятности: фюрер дал волю своей нелюбви к этой стране и велел бомбить её что есть мочи самолётами-снарядами Фау-1. Особой рьяно немцы рушили страну бельгийцев во время своего контрнаступления в Арденнах в декабре 1944-го. Крепко досталось тогда и Антверпенскому порту. Бомбёжки продолжались до конца марта 1945 года, пока на складах элементарно не “кончилось” “оружие возмездия”. Всего за шесть месяцев на страну было выпущено более 5000 самолётов-снарядов, потери от которых достигли 8000 убитыми и 23 584 ранеными. Наиболее сильным ударам подверглись провинции Антверпен и Льеж. В Антверпене пострадало две трети зданий. Пятая часть зданий была серьёзно повреждена или полностью разрушена. Ещё тяжелее пришлось Льежу. Все ж таки прав был нераскаянный Рылеев, вопросивший однажды в порыве испуга:

*Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

Сразу же после освобождения Бельгии хозяином её стал британский пол-сол Хью Монтгомери Нэтчбалл-Хьюджессен, исправно командовавший бельгийским правительством. Скажем пару слов и о нём.

Бакалавр искусств сэр Хью пользовался в политических кругах Лондона весьма специфической репутацией, однако с работы его всё же не выгоняли. А ведь было за что “забить ему пропуск” в Форин оффис! Посол был известный мужеложец, хотя ничего необычного в том не было, а по нынешним либеральным временам, тем более. Беда, однако, заключалась в том, что как минимум два его протеже оказались на поверку агентами спецслужб рейха. Так было в Риге, где его юный и смазливый секретарь, уличённый в “греческих вкусах”, стучал в абвер, так было и в Анкаре, где его камердинер (не то албанец, не то турок) по кличке “Цицерон” воровал, словно чайные ложки, сверхсекретные документы из посольского сейфа, а потом передавал, точнее, продавал их ведомству В. Шелленберга.

Слухи о “кроте” в британском посольстве в Турции дошли до Лондона, и сэра Хью “бросили” на только что освобождённую Бельгию, в которой он прежде уже служил. Тут-то старый содомит и развернулся вовсю, устраивая недовольным кровавые бани в центре бельгийской столицы. Одна из таких историй случилась 26 ноября 1944 года, когда английские войска сначала обнесли центр Брюсселя колючей проволокой, а затем расстреляли из автоматического оружия вечно недовольных чем-то привередливых бельгийцев. И лишь после этого, выждав необходимую паузу, личное дело сэра Хью “положили на лёд”, как говорят англичане, когда отправляют кого-то в отставку.

А уже после окончательной победы над Германией в Бельгии начался разбор полётов коллаборантов и им сочувствовавших. Фемида сняла повязку с глаз долой и засучила рукава. Главная трудность в её работе заключалась в том, чтобы соблюсти необходимый паритет между фламандскими и валлонскими обвиняемыми, дабы не создавать впечатление о расправах на национальной почве. Однако удавалось это не всегда. Тем более, что стучали все на всех с частотой ткацких станков.

В итоге было заведено 600 000 судебных дел на граждан, подозреваемых в сотрудничестве с немцами. К суду было привлечено 57 000 бельгийцев. 23 584 из них были осуждены за “политический коллаборационизм” (*Collaboration politique*), 31 831 — за “военную помощь врагу” (*aide militaire*), остальные — за разного рода “политические преступления”. Кроме того, 20 652 обвиняемых были лишены гражданских прав. Было вынесено в общей сложности 1 247 смертных приговоров, многие из которых были приведены в исполнение публично. Среди отправленных в мир иной насчитывалось 105 фламандцев, 122 валлона и 15 граждан Брюсселя; среди приговорённых к пожизненным каторжным работам — 1 022 фламандца и 817 валлонов. 3 542 фламандца и 2 591 валлон были приговорены к тюремному заключению сроком от 15 и до 20 лет. Таким образом, из каждых 100 000 бельгийцев были приговорены к различным наказаниям 596 человек. Для Европы то был весьма значимый показатель. Попали в это число “законно репрессированных” и бойцы бельгийских легионов — “Валлонии” и “Лангемарка”. Сидя в Испании, Дегрель комментировал это так: “Эти герои Восточного фронта, каждый из которых был ранен, и не один раз, были отданы в лапы свирепой бельгийской политической полиции, подвергнуты публичному проклятию, брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, как обычные международные преступники.

Сотни были приговорены к смерти, а несколько тысяч — к заключению в тюрьме на 10 и более лет. Это была работа чрезвычайных трибуналов, чья глупость, вопиющая предвзятость граничили с сумасшествием”.

Да. Кто бы из этих добровольцев, включая самого Дегреля, мог подумать 22 июня 1941-го, что дело обернётся именно таким образом?

Борцы с большевизмом

Если бы мы ограничились перечислением подвигов бельгийского Соппротивления и умолчали о тех бельгийцах — фламандцах и валлонах, — которые ДОБРОВОЛЬНО воевали в составе частей вермахта и Ваффен-СС на советско-германском фронте, это было бы глубоким искажением истории.

Самым неожиданным образом дух храбрых белгов, о которых с уважением писал в своих “Записках о Галльской войне” Г. Ю. Цезарь, вспыхнул во фламандских и валлонских добровольцах, пожелавших поучаствовать в “крестовом походе против большевизма”. И здесь нельзя не упомянуть Леона Дегреля —

организатора и вдохновителя бельгийских “добрармий”, любимца германского фюрера, ревностного католика, отлучённого от причастия католическим архиепископом за службу богопротивному ордену СС. Это был суший enfant terrible бельгийской демократии, которую он величал не иначе как “диктатурой гнили” (dictature des pourris).

Его называли “фашистом”. Это было неточно: он был нацистом. Однако в фашистскую Италию наведывался регулярно и не раз бывал в гостях у “великого дуче”, ежемесячно получая от него солидное вспомоществование на нужды “движения”. Правду сказать, дуче было в кого инвестировать: Дегрель был артистичен, уверенно держался на трибуне, был красноречив, зато не был умен. Особенно заметно это стало с возрастом, когда он засел за воспоминания. Но он был напорист и постоянно лез на рожон. Многим в Бельгии это нравилось. Дегрель был молод, свеж и энергичен. Это был фанфарон, сильно смахивающий на барона Мюнхаузена. Но не реального исторического, а литературного. Его антилиберальные, антибольшевистские, антипарламентские и антимасонские лозунги и аргументы шли “на ура”, и Дегрелю это показалось вполне достаточным для того, чтобы конвертировать свои бенефиты в нечто большее, нежели бурные и продолжительные аплодисменты слушавшей его публики. Вдохновение переполняло душу героя, и в октябре 1936 года он дерзнул совершить свой “поход на Брюссель” по образцу и подобию марша чернорубашечников. Однако коррупционеры, масоны и гнилые либералы взяли свои меры, и дело, задуманное вождём в качестве судьбоносного, обернулось пшиком. Вслед за этим лопнула воздушным шариком и его партия.

10 мая 1940 года на Дегреля надели наручники и, невзирая на его депутатский иммунитет и диплом юриста, препроводили в острог. Затем его перевели для пущей сохранности в “зندان” французской контрразведки. По мере продвижения немцев Дегреля увозили всё дальше в тыл, в результате чего он поменял ещё девятнадцать застенков, пока не очутился в Виши. Новая власть решила выместить свою досаду от поражения на Дегреле и лишний раз подчеркнуть правопреемство Франции “бывшей” и “преображённой”. Гнить бы молодцу на нарах и дальше, но тут за него вступился немецкий посол фон Абетц. Выйдя на волю, лихой агитатор и пропагандист тотчас же принялся сколачивать свои “ударные батальоны”, а затем отправлять их на Восточный фронт.

После нападения Германии на СССР в Бельгии спешным порядком стал формироваться легион “Фландрия” (“Legion Flandern”), состоявший из фламандских добровольцев, включённый вскоре в состав войск СС (Waffen-SS). Видя, что его опережают, Дегрель решил ковать железо, пока горячо, и начал вербовать добровольцев в свой собственный легион “Валлония”, который планировалось включить в состав германской армии (вермахта).

В первую партию добровольцев-франкофонов, которых Дегрель предпочитал именовать “бургундцами” (“бургиньонами”), входил и он сам. Отправился на Восточный фронт в составе “Валлонского легиона” и контингент русских белоэмигрантов (“кирилловцев”). Часть русской эмиграции восторженно встретила приход Гитлера к власти, наивно полагая, что тот освободит Россию от большевизма.

Оба формирования, звонко называвшиеся легионами, были в сущности батальонами. Логично было бы объединить бельгийцев в единое войсковое формирование, однако сливать фламандцев и валлонов в единую воинскую часть посчитали легкомысленным: лихие ребята, соревнуясь в своём региональном патриотизме, могли перестрелять друг друга ещё до отправки на фронт. Даже в России, до которой они добрались осенью 1941 года, фламандцы и валлоны были разведены подальше друг от друга: фламандцев отправили на Волхов, валлонов — в Ростов-на-Дону, затем на Кубань. Вместе фламандцы и валлоны не могли воевать даже против большевизма.

Поначалу вербовка добровольцев шла исключительно удачно и была поставлена на поток. Казалось, вмиг помолодевшая старушка Европа только и ждала часа, чтобы сразиться со своим настоящим “врагом” — РОССИЕЙ. И куда девалась только прежняя вялость в отстаивании “своей свободы и независимости”? Добровольцы заключали контракт сроком на один год, немецкие власти были щедры на обещания, а также всевозможные бонусы и льготы. Правда, по ходу войны с Россией срок контракта увеличивался, а с бонусами

дело пробуксовывало и стопорилось. Легионеры почувствовали себя обманутыми вкладчиками, а после Курской битвы стали откровенно роптать. Весьма распространённым явлением стало бегство в Швецию тех, кто получил отпуск или был отправлен в родную Бельгию “для излечения от ран”.

После пополнения в июне 1943 года оба легиона были переформированы в бригады войск СС (по два полка в каждой). Фламандский — в добровольческую бригаду войск СС “Лангемарк”, валлонский — в добровольческую штурмовую бригаду тех же самых войск СС “Валлония”. В октябре — очевидно для пушей убедительности — обе бригады были переименованы в дивизии. Однако ввиду явного некомплекта личного состава дивизиями они были условными: то был самообман “комплектующих органов”. Ещё забавнее складывалась ситуация в 1944 году, когда “Валлонию” пришлось формировать в качестве “дивизии” в очередной — и последний — раз. Наскрести людишек для неё удалось лишь на два недоукомплектованных полка, а пушек — на две батареи.

Любопытно, что Дегрель яростно бился в начальственных кабинетах за переподчинение белгов СС (он и будущее милой своему сердцу Бургундии связывал исключительно с этим “чёрным орденом”!), в то время как его извечный оппонент Л. Липпер, командир “Валлонии”, — в прошлом лейтенант бельгийской армии — не менее активно выступал за сохранение бельгийских формирований в составе вермахта. Даже этот убеждённый враг России и большевизма, официально и реально командовавший бельгийскими легионами, не желал повязывать себя и своих боевых товарищей кровью с эсэсовцами. Добавим от себя, что после перевода легионеров из вермахта в СС, “Валлонию” покинуло 200 человек. Впрочем, отказ служить в СС мог служить и недурным поводом для того, чтобы отправиться домой из опустылевшей России. А в следующем 1944 году “Валлония” установила рекорд для соединений вермахта: за календарный год она была трижды уничтожена советскими войсками. Восстанавливать её в третий раз было некому: желающих повоевать с русскими уже не было.

Не везло и бельгийцам-фламандцам из легиона “Лангемарк”. В начале 1943 года их вновь перебросили под Ленинград, где по ним лихо прошла огненная коса. Лишь за одну неделю боёв у Красного Бора легион потерял убитыми и ранеными более 1000 человек. В конечном итоге, в живых осталось лишь 60 голов. Уцелевших отозвали с фронта и в мае 1943 года отправили в Польшу. После всех случившихся неприятностей никто из легиона не изъявил желания продлевать двухлетний контракт, и легион был расформирован. Лишь небольшое число отчаянных молодцов всё-таки пошли служить во вновь сформированную добровольческую бригаду СС с одноимённым названием.

С оперативных карт Красной армии и вермахта обозначения фламандских и валлонских частей окончательно исчезли в 1945 году в Померании, в которой фламандцы и валлоны оставили свои невезучие кости. Последние бои с участием этой дивизии прошли под Штеттином, после чего одна часть дивизии отступила в Данию, чтобы сдаться союзникам, а другая часть препоручила свою судьбу Красной армии в Бранденбурге.

Комиссар Дегрель

Если бы у бельгийских эсэсовцев родились свои “речистые былинники”, то Л. Дегрель непременно стал бы главным героем их сказаний. Да он и сам немало способствовал распространению о себе легенд. То был, судя по всему, сказочный богатырь, не признававший ничего, кроме атак в полный рост. А однажды, по словам самого Дегреля, прямо в поясицу ему угодил русский снаряд. Однако герой не убили, а рассмеялся. Впрочем, в личной храбрости ему было не отказать.

Весьма любопытна его военная карьера. Началась она со звания рядового. Многие поклонники Дегреля ставят это ему в заслугу. Глядите, мол, экий молодец! Пошёл добровольцем и начал служить с самых низов, точно фюрер. Дело, однако, объясняется просто: дипломированный юрист в армии не служил, а военной кафедры в университете не было. Учитывая, что немчура любит созданный ею же орден, ничего иного и быть не могло, будь ты хоть генеральный секретарь своей же партии. В рядовых Дегрель тянул лямку целых два года, пока его не пожаловали ефрейтором. Дальше начинается самое

интересное: за один месяц — с 1 по 28 февраля 1942 он проскакивает 6 (шесть) званий, а уже в мае того же года становится лейтенантом. Наверняка выдавшие виды ветераны, читавшие табель-календарь с вестями о Дегреле, чесали затылки. Может создаться впечатление, что немцы попросту решили “пропиарить” нужного им Дегреля как “нацкадр”.

Закончил же свою воинскую службу Дегрель в звании... тут источники расходятся. Иные говорят, бригаденфюрера и генерал-майора войск СС, другие — оберфюрера (третьи утверждают, что на деле Дегрель был оберштурмбанфюрером (по-нашему, подполковником), что скорее всего. В общем, до звания Штирлица политбургиньон не выслужился, а звания присваивал себе в эмиграции сам. Это служило поводом для многочисленных скандалов: лихой “бургундец” любил покрасоваться и попозировать для фотосессий в мундире и с немецкими крестами (разумеется, тогда, когда это стало совершенно безопасно)

Любопытно, что до февраля 1944 года Дегрель не покомандовал ничем: ни отделением, ни взводом; за него это делали другие. В армии и на фронте он был чем-то вроде “главно вдохновляющего”, политического комиссара. И лишь после того как погиб, выбираясь из очередного котла под Черкасском, Л. Липпер, было решено, что Дегрелю можно поручить водить полки.

Он был хват, однако отцом своим солдатам из “Валлонии”, относившимся к нему весьма скептически, если не сказать, неприязненно, не стал. Зато он был всегда впереди. И там, где не могла пройти по русской грязи и русскому снегу пехота, где не мог проползти угрюмый танк, пролетал его штабной “фольксваген”. Это тоже было частью легенды о Дегреле, созданной им самим. Куда менее известны подвиги его “бургиньонов”, сгинувших без следа в русских лесах и болотах. Так, в феврале 1944 года из Черкасского котла сумели унести ноги 632 валлона, а ведь ещё четыре месяца назад их прибыло целых 2000. Куда подевались остальные? Бог весть.

А куда подевались их соотечественники и соплеменники, увязавшие по пояс в русском снегу и ходившие в атаку, с криками “Да здравствует Бургундия!” в Демянском котле? Разумеется, то был всего лишь боевой клич, но всё же было непонятно, то ли Россия — временно оккупированная часть Бургундии, то ли она всю жизнь её, вольнолюбивую, как могла, душила.

Дегрель был везунчиком и авантюристом в первозданном смысле этого слова, то есть искателем приключений. Части, в которых он служил, регулярно размлачивались Красной армией в пух и прах, а сам он оставался жив. Повреждения же телесному здоровью компенсировались наградами фюрера, сказавшего на церемонии награждения, что если бы он имел сына, то желал бы, чтобы это сын был похож на Леона Дегреля. Впрочем, чего не скажешь, чтобы поощрить лихого бойца, тем более, что конец их обоих был уже близок?

Сказать, что всё это шло Дегрелю на пользу, было бы преувеличением. И доказательством тому может быть решение бельгийского военного суда, заочно приговорившего Дегреля 14 декабря 1945 к смертной казни. Но в этот день Дегрель пребывал уже в бегах (в Испании), и все попытки западных союзников принудить испанское правительство выдать им беглеца успеха не возымели. Выдачей его озаботилась даже ООН, обвиняя Испанию в том, что та, укрывая у себя Дегреля, “угрожает безопасности держав-победительниц”. Однако в этой политической корриде каудильо набычился и своего поделника Дегреля не выдал, как не выдал он и другого любимца фюрера — О. Скорцени. Свой отказ Ф. Франко мотивировал состоянием здоровья “последнего бургундца” после катастрофы, в которую тот якобы попал. Обстановка между тем все более накалялась, и Дегрель счёл за благо перебраться в 1946 году за океан — в Аргентину. Но и там дела у него пошли не лучшим образом, после чего лихой бургундец решил тайно перебраться обратно в Испанию, всецело уповав на то, что с “Гвадалквивира выдачи нет”. Здесь его приютили монахи-доминиканцы, у которых он и отсиживался до 1955 года, не ощущая уверенности в завтрашнем дне. Неожиданно в нём приняла участие некая испанская герцогиня, усыновившая 48-летнего монаха. Так он разжился натуральным испанским паспортом на имя Леона Хосе Рамиреса Рейны.

Его пытались выкрасть агенты израильских спецслужб, чтобы устроить ему нечто вроде образцово-показательного “процесса Эйхмана”. Однако заболтаться в петле новоявленному сыну герцогини было не суждено. Напротив,

один из горе-похитителей, Цви Алдуби, работавший под крышей израильского журналиста, был арестован испанскими властями и приговорен к тюремному заключению.

И всё ж таки рука испанской Фемиды до него дотянулась. Правда, уже после смерти каудильо — и “последнего бургундца” осудили. Но не за прошлые тяжкие грехи, а за отрицание Холокоста. И тут ему снова повезло: он отделался денежным штрафом. Для владельца успешной строительной фирмы, каковым числился Дегрель, битие песетой оказалось чем-то вроде “постановки на вид”.

Но всему положен предел, и в 1994 году Дегреля хватил удар, от которого он не оправился. Ему было на тот момент 88 лет. Живуч был экземпляр, что и говорить!

И везуч. Один его летучий побег на личном самолёте А. Шпеера из Норвегии в Испанию в ночь с 8 на 9 мая 1945 года чего стоит! Лететь пришлось на предельную дальность над территорией, занятой противником. И спасло его лишь то, что личный состав ПВО союзников в тот момент с размахом праздновал победу, и им было не до какого-то невесть откуда взявшегося самолёта, с экипажем которого они пытались связаться заплетающимися языками.

В конце 1993 года — за полгода до своей смерти — Дегрель дал интервью известному ныне российскому философу А. Дугину, в котором сделал комплимент украинцам: “Вся Украина, прекрасная Украина с её бескрайними золотыми полями, с её белыми и голубыми деревнями, расположенными среди полей подобно корзинам цветов, Украина, богатая пшеницей и кукурузой, получившая за два года сотни новых заводов, эта Украина была накрыта ревущей волной монголов и калмыков с висячими усами и стальными зубами. Они несли тяжёлые автоматы с дисковыми магазинами, одуревшие от длинного марша от Волги до Галиции и Бессарабии, совершённого за полтора года. Их карманы были полны золотых колец, они хорошо ели и убивали множество “фрицев”. Они были счастливыми людьми”.

У читающего воспоминания лихого бургиньона может создаться впечатление, что строгий комиссар Дегрель лично выворачивал карманы красным мародерам, одновременно унося от них ноги. Да, борзо было его перо, а лёгкость в мыслях с возрастом становилась и вовсе необыкновенной. Было в его рассказах нечто от водевиля, что-то ноздрёвское, а может и хлестаковское.

Трудно удержаться, чтобы не процитировать ещё: “Переводчиками у немцев, во всяком случае, на юге России, как правило, служили активисты-украинцы из Галиции. Они ненавидели местное “кацапское” население, а население их совершенно не понимало, так как пресловутая “рідна мова”, на которой они говорили, была искусственно, нарочито очищена от всех обычных русских слов и выражений. Изобретённая А. Розенбергом “со товарищи” пресловутая “восточная политика” проводилась немецкими оккупационными властями с “чисто германской тупостью, несмотря на катастрофические результаты”.

Далее в своём интервью А. Дугину Дегрель заявил, что воевал не с русскими, а с большевизмом, а посему ни в чём не раскаивается. “Я сожалею, что мне не удалось достичь намеченного, — сказал он в заключение, — но будь у меня шанс, я бы всё повторил сначала”.

Мотивы поведения человека порой не менее интересны, нежели его деяния. В записках сего лихого человека мы находим ответ и на этот вопрос: “За что сражались все мы, если не за честь каждый день представлять нашу страну на фронте общеевропейской борьбы? Напомнить о гордом прошлом наших отцов!” О своём же вечном оппоненте Л. Липпере Дегрель прямо сказал, что тот “присоединился к антикоммунистическому крестовому походу, как всякий истинный рыцарь Христа”.

А ещё Дегрель со товарищи защищал, по его собственным словам, родные бельгийские “деревушки с их синими крышами”. Правда, защищал их в русских степях и болотах.

И что же мы имеем в итоге? А имеем мы пару неких сугубо идеальных мотивов: “честь быть представленным на фронте общеевропейской борьбы с коммунизмом” и отдавание долга памяти “гордому прошлому отцов” в качестве “рыцарей Христа”.

Нет, чего-то в своём интервью русскому философу Дегрель явно недоговаривал. Простофилей Дегрель не был, и ответы его на “основной вопрос фи-

лософии” выдают в нём человека, “балующегося литературой”, по-своему артистичного, но не шибко остроумного. И... лукавого.

“Нераскаян человек и неисправим”, как мог сказать бы о нём некий страдающий от безработицы принц датский.

* * *

А теперь подведем итоги.

В войне против СССР погибло от **5 до 6 тысяч бельгийцев (2 тысячи бельгийцев были взяты в советский плен)**.

4 бельгийца были награждены немецкими Рыцарскими крестами, в том числе один получил и Дубовые листья к Рыцарскому кресту.

Потери бельгийской армии в войне против Германии **составили 6 тысяч убитыми и 200 тысяч пленными**.

Вот и получается, что воевала Бельгия сразу на два фронта и проиграла почти что с одинаковым счётом. Такие вот “брюссельские кружева”. Вы спросите, отчего же мы причисляем Бельгию к числу стран “тоже-победителей” во Второй мировой войне?

А дело обстоит весьма просто: 1 января 1942 года правительство Бельгии в эмиграции присоединилось к антигитлеровской коалиции. Коалиция победила, а значит, победила и Бельгия. Хотя бы и символически. “Вопреки” Дегрелю. Или “благодаря” ему.

Бурёнка-диверсант

(или Сказ о том, как Великая герцогиня Люксембургская Шарлотта Вторую мировую войну выиграла и германского фюрера одолела и посрамила)

Невелико Великое герцогство Люксембургское – всего-навсего две с лишним тысячи квадратных верст. Раз в двадцать меньше нынешнего Подмосковья (ближнего вместе с дальним).

Помнится, герой романа Г. Грина “Комедианты” – американский посол на Гаити, – в преддверии нежданного отзыва из страны утешал себя тем, что уж “меньше Люксембурга ему не дадут”. Посол тот был, конечно же, шутник: бывают страны и поменьше: Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино, а вот сыскать державу более славную – мудрено.

Отчего, спросите вы? А если я скажу, что Люксембург выиграл Вторую мировую, что вы мне на это возразите?

Конечно, иной кухонный мыслитель начнёт в ответ крутить пальцем у виска. Покрутит-то он, конечно, повертит, однако окажется, как говорят знатоки преферанса, “с десятью взятками на мизере”, то есть в полном ауте.

Так что наберись, любезный читатель, терпения и не перебивай и без того взволнованного Автора. А вот как дошёл Люксембург до жизни такой, что превзошёл, затмил и посрамил своим подвигом многие великие державы, – тема отдельной диссертации. И не какой-нибудь чахлой кандидатской, а полновесной докторской.

... Кто только не желал прикарманить себе этот Люксембург! Но выходило этим авантюристам всё это как-то боком. Бонапарт включил его в состав своей империи, да сгнил заживо на о. Св. Елены. Порывался выкупить Великое герцогство у нидерландского короля племянник Бонапартия Луи Наполеон (тот, который Третий). И хотя негоция сия была по сути куплей-продажей родового имения, но тому воспротивился железный Бисмарк, грубо встряв в торги и пригрозив французу войной. Тот смалодушничал, а затем и вовсе сбежал, прихватив казённые деньги, в Лондон.

Исхитрились, однако, оттяпать кусок Люксембурга коварные бельгийцы. Да и голландцы были ох как не прочь попридержать этот кусочек земного парадиза за собой, хотя бы в качестве вотчины дома Нассау. Но пресёкся мужеский род на нидерландском троне, и осиротели люксембуржцы – некому стало их наследовать. И тянулась тяжба за землю люксембургскую и души, за ней закреплённые, меж великими и просвещёнными нациями до тех пор, покуда не завершилась подписанием в 1867 году в Лондоне трактата, возвестившего “вечный” нейтралитет. И признали корону Великого герцогства Люк-

сембургского наследственным владением дома Нассау, и обрело оно статус “вечно нейтрального”. И уже государства, а не личного имения.

Проживают в Люксембурге в основном люксембуржцы, прозывающие себя лётцебургерами. Живут представители этого редкого и в меру славного роду-племени и в Германии, и во Франции, достигая числом до полумиллиона душ. Однако же большая часть их — 300 000 человеко-единиц — прописана в самом Люксембурге. Говорят лётцебургеры на своём исконном люксембургском наречии. Правда, учёные люди прибавляют, что сей редкий говор относится к германской группе индоевропейской семьи.

Прижились в Люксембурге и французы, и говорят они вполне по-парижски, ну, да число их невелико и считаются они у себя на родине “нацменами”. Так что национальное лётцебургское самосознание было у люксембуржцев вполне на высоте.

Вторая мировая война началась для Люксембурга неожиданно и почти что нагадано. Конечно, можно сказать, что все войны, даже те, которых ожидают со дня на день, начинаются неожиданно, но случай с Великим герцогством — “из ряда вон”.

Начала боевые действия — задолго до того, как Великая герцогиня Люксембургская Шарлотта, разбуженная вестью о вторжении вермахта, начала экстренный самовывоз себя и своей семьи во Францию, — тихая и мирная люксембургская ...бурёнка. Начала, как нетрудно догадаться, безо всякого объявления войны — так ничего и не промывав.

... “Странная война” (“Drôle de guerre”) разгоралась уже не на шутку: немец демонстративно гоготал, радостно окатываясь водой на виду у французского пулемётчика, а тот смолил свою сигарку и показывал немчуре язык, а порою даже делал ему “козу”.

Однажды, “в один из голубых и мягких вечеров”, как писал Артюр Рембо, заплутавшая, как гармонь, люксембургская коровёнка, перебираясь на немецкую сторону, зацепила рогом провод, ведущий к упрямому фугасу, и мост, заминированный германскими сапёрами, взлетел на воздух.

Если учесть, что учинять натиск французы не только не собирались, но так и не собрались, а немчура — совсем наоборот, то получается, что нейтральная лётцебургская бодёнушка ещё задолго до начала войны выступила против будущего оккупанта — Германии — на стороне будущего победителя — Франции.

Этим, однако, дело не ограничилось: находясь под впечатлением случившегося, один из славных бойцов фюрера забрёл на минное поле и подорвался насмерть. Наблюдавший всё это другой боец, потрясённый двумя следовавшими друг за другом эксплозиями, хватил для успокоения нервов шнапсу и побрёл на ватных ногах до своих, но от пережитого и употреблённого запамтовал пароль и был застрелен своим же часовым. Так в один день 16-й пехотная дивизия генерал-майора З. Хенрици (“лихого Зигги”) потеряла (перед броском на Францию) стратегический мост и двух ратников. На том неприятности в этой жизни для него не закончились: 9 мая 1945 наши возьмут Зигги в плен, и он отсидит за колючей проволокой десять с половиной лет.

Понёс ли хозяин (хозяйка) рогатой коровы гражданско-правовую ответственность за деяние своей кормилицы, о том история умалчивает. А ведь хозяину (хозяйке) можно было бы вчинить вдобавок публично-правовой иск за развязывание войны, однако пусть над этим казусом разбирают себе головы вьедливые правоведы-международники.

Той корове, — имя её так и осталось безвестным, — можно было с полным правом присвоить звание Героя Люксембурга, поскольку храброе тевтонское воинство заняло позднее Люксембург **без потерь**, а те двое незадачливых во-як стали единственными жертвами нечаянного **коровьего** Сопротивления будущей агрессии.

Однако формально-юридически лётцебургская бурёнка грубо нарушила извечный нейтралитет Великого герцогства, что, скорее всего, и побудило злопамятного и мстительного фюрера поквитаться с путающимся под ногами Люксембургом, а заодно и с его венценосным топ-менеджером Шарлоттой.

... Прекрасная Франция, употреблявшая бургундское и абсент прямо из горлышка, продержалась на ногах недолго и держаться на них, похоже, не очень-то и порывалась, а посему уже в июне 1940 года, подхватив в охапку мужа, Великая герцогиня бежала вместе с правительством в “нейтральную” Испанию. Лукавый каудильо, несмотря на изнурительную жару, принял

Шарлотту весьма прохладно и всякие разговоры о предоставлении убежища ей и её правительству пресёк на корню. Это понудило Шарлотту попытаться в ещё более нейтральной Португалии, диктатор которой А. Салазар — ещё более осторожный и хитрый, — вогнал её окончательно в тоску и уныние. Однако же сей мудрый профессор-монах обошёлся с дамой милостиво и усадил её на пароход, отправлявшийся в Англию.

Туманный Альбион уже изрядно потряхивало — донимали немецкие бомбёжки. И тогда Великая герцогиня Люксембургская решила перебраться в Новый Свет, однако на море-океане рыскали голодными волками стаи подводников Дёница. Страшен чёрт, да милостив Бог — обошлось и на сей раз. Позднее одна часть правительствующих непонятно над кем люксембургских чинов разместились в Канаде, другая же — менее удачливая — так и осталась в Лондоне.

Вы спросите, что стало причиной метаний Великой герцогини? Тут следует прокрутить ленту назад.

Как мы уже говорили, по приснопамятному Лондонскому трактату корона Великого герцогства Люксембург признавалась наследственным владением дома Нассау, а само герцогство определялось “вечно нейтральным” государством.

Понятие же “вечности” в теории и практике международного права не определено до сих пор, а потому и не может быть однозначно истолковано. Так что когда 2 августа 1914 года, на 47-м году пресловутой “вечности”, в Люксембург вошли, распевая “Вахту на Рейне”, войска германского кайзера, никто этому особо не подивился. Именно оттуда — из вечно нейтрального Люксембурга — и исходила директива своему войску во Франции германская ставка, в том числе во время битвы на Марне. А 6 сентября ставку посетил сам кайзер Вильгельм, радушно принятый Великой герцогиней Люксембургской Марией Аделаидой.

20-летняя энергичная красавица Аделаида отнеслась к приходу германских войск с радостной беспечностью. Грубым нарушением нейтралитета своей страны она его, скорее всего, не считала, а если и считала, то особой беды в том не видела, изредка — явно из приличия — напоминая “городу и миру” об этом досадном международно-правовом казусе. Тем дело и ограничивалось. Во всяком случае, связей с германскими княжествами юная правительница не прерывала, а в самый разгар войны даже согласилась на обручение одной из принцесс с наследником баварского престола. Это был ЖЕСТ. И его оценили и запомнили по обе стороны линии фронта.

Сразу же после окончания войны отношения между Марией Аделаидой и парламентом вдруг ни с того ни с сего обострились, а в обществе как-то само собою и к немалому изумлению самого же общества возникло движение за провозглашение республики. Чуть позже было объявлено о проведении плебисцита.

Термина “оранжевая революция” тогда ещё, правда, не существовало, однако 14 января 1919 г. государственный министр Э. Рейтер на заседании палаты парламента уже зачитывал декрет об отречении Великой герцогини. А на следующий день родная сестрица Аделаиды — Шарлотта — приняла великогерцогскую присягу. Присяга присягой, но ей ещё предстояло утвердить своё право на престол в ходе вселюксембургского голосования. Новая Великая герцогиняотреагировала на сигналы и импульсы, исходившие из Парижа и Лондона **правильно**, и “сим победила”. Ей было на тот момент 23 года.

В первые же дни своего правления Шарлотта опубликовала декларацию, провозглашавшую “коренную переориентировку политики” Люксембурга с Германии на державы Антанты. Одновременно Великая герцогиня провозгласила принцип народного суверенитета: “При исполнении высочайшей власти конституция и законы страны должны быть для меня руководством, моим наставником и советником должно быть правительство, пользующееся доверием народа. Демократическая реформа нашей конституции, которую осуществит Законодательное собрание, найдёт моё полное одобрение”. Так Шарлотта перестала быть “матерью” лётцебургеров, ставших в одночасье “политически совершеннолетними”, и превратилась разом в “топ-менеджера”, хотя и венценосного.

28 января 1919 года были подведены итоги победного для Шарлотты плебисцита, и в тот же день её родная сестра — Мария Аделаида — навсегда по-

кинула страну. Она скончалась в возрасте 29 лет в замке Хоенбург в Баварии 24 января 1924 года. После выигранной политической битвы Великой герцогине Шарлотте можно было вздохнуть с облегчением и подумать об обустройстве семейного очага, и 6 ноября 1919 года она вышла замуж за принца Феликса Бурбон-Пармского (1893–1970).

В стране было введено всеобщее избирательное право, пропорциональная избирательная система, а с 15 мая 1919 года Люксембург, после внесения поправок в конституцию 1867 года, стал конституционной монархией. Можно даже сказать, что монархия в Люксембурге — в отличие от своих могущественных аналогов в Австро-Венгрии, Германии и России — отделалась лёгким испугом.

Но вернёмся в год 1940-й.

Всего несколько часов понадобилось бравым солдатам вермахта, чтобы они, грохоча сапогами и распевая “Хорста Веселя”, вошли в Люксембург и принялись проводить опрос лётцебургских пейзажей на предмет наличия у них сала, курок, млека и яек.

Немцы стали входить в половине седьмого утра 10 мая 1940-го, а через полтора часа в Великое герцогство вошла, цокая копытами, французская кавалерия. Приползло на подмогу Шарлотте и несколько танков. Постояв пару часов без дела, французы ретировались, весьма галантно уступив немцам право занять страну. Монаршая семья и правительство Люксембурга бежали во Францию.

За несколько часов немцы оккупировали Люксембург. Без неприятных инцидентов, правда, не обошлось: в казармах была заблокирована рота волонтеров, а дежурившие на улице жандармы открыли огонь. В итоге было ранено 7 человек (6 жандармов и один волонтер), а 75 было захвачено в плен. В общем, обошлось без жертв. Зато повезло остальным жандармам и волонтерам (всего в корпусе их служило соответственно 246 и 425 человек), прохладившимся в тот день за стенами казарм: в плен они не попали и были отправлены напрямик в рейх... для прохождения службы в полиции. Фюрер проявил к лётцебургерам неслыханную милость, разрешив записывать их наравне с гражданами Австрии в вермахт и посылать на Восточный фронт.

Вот и всё сопротивление, которое смог оказать “вечно нейтральный” Люксембург, не считая коровы-диверсанта. И оказать его по большому счёту не мог. Да и не хотел. По условиям Лондонского трактата, Великое герцогство вправе было иметь лишь пограничную стражу численностью до 300 штыков.

Конечно, при желании можно было бы и “поупираться”, тем более, что крепости Люксембурга издавна считались неприступными, и исторически “сложилось мнение”, что сие невеликое Великое герцогство проще обойти и не связываться с ним, чем завоевывать. Однако уже с давних пор неприступные фортеции превратились в памятники архитектуры и фортификационного искусства и жертвовать ими непонятно ради чего было бы сущим варварством. Тем более, что сопротивление, наподобие Брестской крепости, означало бы для “лётцебургеров” лишать себя привычного уклада жизни с его арденскими ококами, форелью, эклерами и мозельским. Это был тот редкий в жизни человека и государства случай, когда желания совпадают с возможностями.

Справедливости ради отметим, что соседи Люксембурга — Франция, Бельгия и Голландия — “упирались” из расчёта по шкале “оборонный потенциал/время сопротивления” не более люксембургского, а то и менее того. Хотя, как известно из курса арифметики, в делении на ноль смысла не так уж и много.

Разумеется, пускать к себе на постой чужие войска — дело малоприбыльное и хлопотное, но всё ж лучше, чем война. Особой радости лётцебургерам приход незваных гостей, конечно же, не доставил, однако и не шибко опечалил: в конце концов, в гости к немцам (хотя и без спросу) заявились такие же немцы. Или почти такие же. Причём во второй раз за последние четверть века.

Попытаемся встать на место “лётцебургеров” и прикинуть в уме, что бы мы подумали на их месте? “Ну, диковаты, конечно, говорят на каком-то варварском наречии, масло сливочное кусками заглатывают (не ели они его никогда, что ли?), зато у нас, лётцебургских, масла этого хоть завались, а в каждой деревне — ещё и по оркестру. Да и то: с какой такой стати трудяга Крупп столько пушек отлил? Чтобы немец кашу машинным маслом заправлял?”

“Ладно, переживём как-нибудь и это, нам не привыкать!” — вздохнул люксембургский мужик и принялся за своё привычное вековечное и богоугодное дело.

Конечно, для нашего брата, русака, все они немцы. Не то для самих немцев! Попробуй, “обзови” баварца “немцем”, что услышишь в ответ? “Сам ты немец, свинья ты прусская! Я — баварец!” То же и со швабами, умнеющими, как язвит вся остальная “немчура”, лишь после сорока, и с шепелявящими саксонцами — вечными жертвами Карла Великого. Об австрийцах и подавно умолчим. В целом... те же немцы. Лётцебургцы же так не считали. Для крутого великогерманского патриота австрийца Гитлера они тоже были родные немецкие дети, оттого-то и присоединил в августе 42-го Люксембург (не виртуальный — в лице Великой герцогини Шарлотты, а реальный) — к своему рейху, запретив попутно в своём новом владении употребление французского языка как официального.

А самое-то главное — заставил лётцебургских парней тянуть солдатскую лямку. И познали они тогда неизреченную радость боевого задора. А те, кому особенно повезло, прокатились за казённый счёт ещё и в Россию, наигравшись досыта в футбол-волейбол в советских лагерях для военнопленных. Это вам не пиво с мозельскими раками, и даже не грушевый ликер потягивать, любуясь закатом в родных Арденнах.

В ответ, как утверждают люксембургские источники, ***“население страны объявило всеобщую забастовку, на которую немцы ответили массовыми репрессиями”***.

А 1 января 1942 года Люксембург в лице своей Великой герцогини записался в антигитлеровской коалиции, учинив свою подпись под знаменитой Декларацией Объединённых наций. Записались в неё и другие, в частности, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Куба, Доминиканская Республика, Гаити, Никарагуа, Панама, Ливан. Чуть позднее они стали учредителями ООН. Здесь уместно будет напомнить, что правительства ряда стран-подписантов (бельгийское, норвежское, польское, югославское, чехословацкое, греческое, голландское) числились “правительствами в эмиграции”, т. е. управляли своими странами лишь на бумаге.

Есть, правда, некий маленький нюанс. То, что мы называем обобщенно “Люксембургом”, представляло собой две неравные части единого прежде целого: одна часть — это сама Великая герцогиня Шарлотта со своим мужем, прислугой и правительством, другая часть — все остальные лётцебургеры. Однако ЮРИДИЧЕСКИ она в своём суверенном, вернее, полусуверенном лице (поскольку делила власть с НАРОДОМ) и была “сражающимся Люксембургом”. Сражавшимся и победившим. Но, как сказал некогда поэт, “это многих славный путь” — и голландцев с бельгийцами, и гаитян с либерийцами, и саудитов с иракцами, и даже французов!

“Ай, да Шарлотта! Ай, да... Главковерх!” — воскликнем мы вслед за Пушкиным. И суди теперь, любезный читатель, как именно победил Люксембург — “вопреки” или всё же “благодаря” своей славной герцогине Шарлотте?

О годах, проведённых в неволе, лётцебургские летописцы пишут весьма обтекаемо и скупно, отмечая, что “во время Второй мировой войны находившийся в руках немецких оккупантов Люксембург пережил насильственную германизацию”.

“Насильственная германизация” немцев — это, конечно, звучит для русского уха так же загадочно, как, скажем, “русификация” ярославцев. Или воронежцев. Из этого, правда, можно сделать вывод о том, что сами лётцебургеры немцами себя не считают. Но даже если и не считают, представить себе, в чём выразилась эта пресловутая “германизация”, мудрено. Заставляли говорить на “ходдойч”? Но “ходдойч” они изучали и в школе, и пользовались им в беседах с иностранцами, иначе их лётцебургский говор мало кто бы понял. Так же мало, как и швейцарский немецкий — знаменитый “швицердюч”.

И ещё: из материалов Нюрнбергского процесса явствует, что за время оккупации Люксембурга “500 человек были убиты; кроме того, ещё 521 человек был незаконно казнён по приказу специальных трибуналов, так называемых “зондергерихте”. Многие в Люксембурге были подвергнуты гестапо пыткам и жестокому обращению”.

Советские источники говорят, что “было казнено и погибло в концлагерях более 1700 люксембуржцев. Было разрушено свыше 59 тысяч построек, а общий материальный ущерб, нанесённый Люксембургу, составил 500 млн долл.” (Всемирная история. Т. X. М.: “Мысль”, 1965 с. 369).

Не обошлось, как водится, и без Холокоста. Как же без него-то? По подсчётам еврейских исследователей, в частности, Робинзона, число жертв среди люксембургских евреев достигает 700 (семисот) человек.

Люксембургские официальные источники выделяют и ещё одну группу пострадавших от оккупации — призванных на службу в вермахт.

Повестки о мобилизации на борьбу с “жидобольшевизмом” получили 12 (двенадцать) тыс. человек. Справедливости ради надобно отметить, что в Люксембурге было весьма велико и число тех, кто хотел бы “уклониться от призыва”, что можно было бы рассматривать и в качестве рудимента психологии “вечной нейтральности”. Таких пацифистов набралось в новоделном “рейхсгау” 3000 (три тысячи) голов. Всего за время оккупации в вермахт было призвано 10 211 люксембуржцев. Из них 2 848 погибло, 96 пропали без вести.

Фюрера, “откосившего” в мирное время от службы в австро-венгерской армии, но пошедшего добровольцем в воюющую германскую армию, педагогические наклонности родных и близких новоявленных “уклонистов” весьма заинтересовали, и летом 44-го он решил познакомиться с этой публикой поближе, собрав и переместив её поближе к Берлину — под Потсдам, в местечко Заксенхаузен. Этим он существенно увеличил число лётцебургских, пострадавших за правду.

Теперь о войне, которую вёл Люксембург на чужой территории

Итак, на своей земле Люксембург понес потери приблизительно 1700 (одна тысяча семьсот) человек, а на Восточном фронте, то есть в России, бойцы Красной армии отправили в бессрочную увольнительную 3 000 (три тысячи) лётцебургских человеко-голов. “Отметились” вольные люксембургские стрелки и в Словении, где новая демократическая власть даже установила памятник люксембургским жандармам, которых “насилно вдали от родины заставляли бороться против югославских партизан”.

Иными словами, воюя на стороне фюрера за Великую Германию, лётцебургеры потеряли людишек вдвое больше, нежели защищая свою собственную маленькую родину от той же Великой Германии, хотя благодаря герцогине Шарлотте был Люксембург юридически с СССР-Россией союзник, а Великой Германии и её фюреру столь же юридически противник. Одним словом, воевали лётцебургеры фактически на стороне своих (юридически) противников против своих (юридически) союзников. Короче, был Люксембург живое и неубойное свидетельство тому, что его, как и Россию-матушку, ни умом не понять, ни аршином общим не измерить.

Помимо этого, по данным ГУВПИ, в советском плену находились 1652 (одна тысяча шестьсот пятьдесят два) лётцебургера (кстати, больше, чем голландцев, датчан, шведов, норвежцев, испанцев и цыган вместе взятых, но несколько меньше, чем бельгийцев). Число 13 считается несчастливый. Может, оно таковым для многих есть и было, но только не для 720 лётцебургеров, отпущенных товарищем Сталиным 13 августа 1945 года с миром из Тамбовского лагеря. Последние же 17 “несчастненьких” были отпущены на волю в апреле 1949-го.

“Отчего так “поздно”?” — спросит иной читатель. Да всё оттого, что сидеть они могли не за участие в боевых действиях, а за преступления, совершённые во время боевых действий, а также в местах, не столь уж и отдалённых. В том же тамбовском лагере, например.

Одним словом, если во время Второй мировой кто и выполнил знаменитый наркомовский завет “воевать малой кровью на чужой территории”, так это Люксембург, превзошедший и затмивший в том даже англишменов и янки.

И ещё одно наблюдение: если главным в Олимпийских играх является участие, а не победа, то Люксембург исхитрился побеждать, не участвуя. Ну, практически не участвуя.

А те четыре с лишним тысячи лётцебургских, коих нелёгкая занесла на Русь, можно было при желании рассматривать в качестве “сирот, оставшихся без материнского — великогерцогского — присмотра”.

Именно об этом и писала Великая герцогиня Шарлотта великому и ужасному товарищу Сталину, умоляя его простить великодушно заблудших малых сих, пошедших на Русь подневольно, а посему разрешить их, “несчастненьких”, от уз. И капала горячая слеза на черновик письма.

Уж не знаю, не ведаю, какие доводы она при этом приводила: поминала ли она при этом династические связи между царствующими домами России

и Люксембурга или дочь же А. С. Пушкина — Наталью Александровну, — вышедшую замуж за принца Нассауского. Сказать что-либо точно сейчас затруднительно.

Товарищ Сталин по неизреченному милосердию своему мольбам герцогини внял. Не исключено, что вспомнил он и о поздравлении с очередной годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, которое направила ему в ноябре 1944 года Велика герцогиня Шарлотта. Есть смысл привести его полностью: “Я счастлива воспользоваться случаем в связи с этой годовщиной, чтобы выразить чувства дружбы и благодарности освобождённого люксембургского народа народу СССР, его славной армии и вождю, чьи победы в столь огромной степени способствовали освобождению моей страны от ненавистного ига” (См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. II, с. 372.).

И пусть не смущает читателя дата: дело было ДО “Арденнского казуса”.

По этой, а, может статья, и по какой-либо иной причине, “отметившиеся” на советско-германском фронте вольные люксембургские стрелки вышли из-за проволоки (вместе с французами) прежде остального цивилизованного люда, чинившего на Руси великие злодейства.

Лишь несколько “особо отличившихся” лётцебургеров загремело потом по этапу в Сибирь “по вновь открывшимся обстоятельствам”. Ну, да товарищ Сталин никого даром не сажал.

И когда он умер, то послала Шарлотта на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР т. Н. М. Шверника телеграмму такого содержания:

“Его Превосходительству Господину Николаю Швернику Председателю Президиума Верховного Совета СССР

МОСКВА

По случаю огромного горя, постигшего Правительство и народы Союза Советских Социалистических Республик в связи с кончиной Премьер-министра Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина, я посылаю Вам выражение моего самого глубокого соболезнования.

ШАРЛОТТА Великая Герцогиня Люксембургская”.

А в апреле 1945-го сестёр Шарлотты: Марию Аделаиду, Марию Габриэль, Алису — и принца Шарля встретили на площади перед ратушей давно заждавшиеся их жители “вечно нейтрального” Великого герцогства.

“Вот она, Государыня наша, Победительница!” — кричали радостные лётцебургеры, а прижимистые кабатчики выкатывали на радостях бочонки “пенного”.

И уселась вновь Великая герцогиня на отобранный было у неё фюрером трон и сидела на нём вплоть до 1964 года, покуда не отреклась от престола в пользу сына своего Ивана (Жана), притомившись за сорок пять лет от трудов державных и праведных. Задумаемся, читатель: начала Шарлотта править своей страной почти одновременно с Лениным, пережила (во всех смыслах) Хрущёва, став свидетелем торжества триумвирата Брежнева-Подгорного-Косыгина, пережила (физически) Брежнева, Андропова, Черненко, дожив аж до самой — не к ночи будь помянутой — “перестройки”, став мимоходом Победителем во Второй мировой. Много ли сыщется в мире таких правителей? Да ни одного!

Ещё в 1923 году на центральной площади столицы Люксембурга города Люксембурга был возведён монумент “Свободы” в честь тех лётцебургеров, что отдали за неё, родимую, жизнь. Венчает его “Cello Fra” (Золотая женщина), изображающая богиню Победы. Правду сказать, всем видом своим напоминает сия “Свобода”, она же “Золотая женщина”, судя по её легкомысленному и весьма откровенному одеянию, даму недвусмысленного и конкретного поведения. И норовит она обрушить на вашу голову тяжеленный венок — символ Преславной Виктории. Но не будем слишком строги к автору монумента люксембургскому скульптору К. Сито. Чай, не на Церетели он учился!

А на постаменте горит чистым золотом надпись вот такого содержания:

“Я горжусь нашими добровольцами, которые по примеру своих предшественников присоединились к армиям союзников в деле защиты нашей маленькой родины.

Я преклоняюсь перед жертвами и героями нашей Родины и скорблю вместе с их семьями. Их кровь была пролита не напрасно. Они утвердили своей смертью подлинность присущего всем нам идеала, возвышающегося над

партийными, классовыми и конфессиональными различиями Нашей Люксембургской Родины.

Великая герцогиня 16 апреля 1945”.

Писано сие, прошу заметить по-французски. А не по-лётцебургски! И не по-немецки, что весьма символично. Но и то: лётцебургские, как известно, дома разговаривают по-люксембургски, законы пишут по-французски, а газеты читают на немецком.

А у подножия мадам “Свободы” — двое в античном стиле: один (со щитом) сидит, а другой лежит (поверженный, словно на столе у патологоанатома). А все вместе олицетворяют они жертвы, принесённые на алтарь победоносного лётцебургского отечества и его “вечного нейтралитета”.

Но недолго суждено было наслаждаться им Люксембургу: в 1949 году “вечный нейтралитет” вновь прекратил течение своё, когда за великие заслуги в деле защиты западной цивилизации, а пуще за умение “воевать малой кровью на чужой территории” Великое герцогство вступило в НАТО.

А ещё через год рота лихих люксембургских стрелков в составе ограниченного воинского контингента ООН отправилась выполнять свой интернациональный долг по защите “свободного мира” в далёкую Корею. Правда, война та закончилась суровой боевой ничьей, однако американцев на ней поубивало немало, зато лётцебургских — всего лишь двоих: одного — в самом начале кампании, в 1950 году, а другого — словно для симметрии — под самый её занавес, в 1953-м. Имена героев выбиты на том же Монументе борцам за свободу и независимость. И кто знает, если бы не эти два бойца, может и скинули бы “ооновских”, как прежде Врангеля, в сине-море? Ведь “и крыло мухи имеет вес”, как учили нас Старцы.

А теперь спросим себя под занавес:

Кто малой кровью на чужой земле воевал?

Кто Вторую мировую войну выиграл?

Кто германского фюрера одолел-посрамил?

То-то же.

Подведём итоги.

При защите Люксембурга погибло 7 человек, 75 было захвачено в плен.

За время оккупации казнено и погибло в концлагерях более 1700 люксембуржцев.

В вермахт за время оккупации было призвано 10211 люксембуржцев. Из них 2 848 погибло, 96 пропали без вести.

В советский плен попало 1 653 люксембуржца, воевавших на германо-советском фронте (из них 93 умерло в плену).

В это же самое время в Люксембурге оказалось около трёх тысяч советских военнопленных, пригнанных немцами для работы на заводах страны. В 1957 году в городе Эш-сюр-Альзетт был открыт памятник 56 советским гражданам, погибшим в Люксембурге.

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

ЯЛТА–70

Не историк задаёт вопросы

Не надо быть историком, чтобы понять и оценить результаты встречи лидеров великих держав – стран антигитлеровской коалиции – и их значение для судеб народов мира в Ялте 70 лет тому назад. 70 послевоенных лет не были безоблачными. Была “холодная война”, атомная гонка, локальные военные конфликты с участием бывших союзников по антигитлеровской коалиции, но мировых войн человечеству удалось избежать. Удалось избежать благодаря тому мощному фундаменту, построенному в Ялте 70 лет тому назад, на котором стоял и продолжает стоять наш мир.

Любая конструкция, в том числе и политическая, нуждается в периодической проверке. Ялтинский фундамент мироустройства исключением не является, пришло время посмотреть на ялтинские договорённости с точки зрения их соответствия политическим реалиям сегодняшнего дня. Конференция “Ялта-1945: прошлое, настоящее, будущее”, которая проходила в Ливадийском дворце 4 и 5 февраля 2015 года, может рассматриваться как такая попытка. Организаторами конференции были Международная ассоциация фондов мира (президент А. Карпов), Фонд развития гражданского общества (председатель правления К. Костин), Фонд исторической перспективы (президент Н. Нарочницкая).

Учитывая высочайший уровень организации мероприятия, легко предположить, что без участия в проекте такой серьёзной организации, как Администрация президента, не обошлось. Приветствие президента В. В. Путина участникам конференции, участие в конференции Председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина, участие в конференции депутатов Госдумы, известных политиков, ведущих российских историков, многочисленных участников из Англии, Франции, Германии, других европейских стран является тому подтверждением. Очень сильный политический ход российской Администрации.

Память о войне, о военном братстве для ветеранов Второй мировой войны, их потомков, а этих потомков миллионы – война коснулась большей части населения земного шара, – является священной. Хорошим подтверждением этому является тот размах, с которым мировая общественность праздновала 70-летие высадки союзников в Нормандии. Ялтинская встреча “Большой тройки” по своему значению для послевоенного мироустройства, как минимум, сопоставима с высадкой в Нормандии, и то, что администрация США не нашла приемлемую для себя форму вспомнить Ялту и встречу “Большой тройки” и тем самым продемонстрировать всему миру верность принятым там принципам, её не украшает. “Мир, который мы строим, не может быть аме-

риканским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместном усилии всех стран”.

Эти слова президента Рузвельта и сегодня актуальны так же, как и 70 лет тому назад. Вспоминая встречу “Большой тройки”, мы протягиваем руку дружбы нашим бывшим союзникам. Официальные власти пожать эту руку отказались, не уверен, что народ с ними согласен. История рассудит.

Но вернёмся в Ялту 2015 года. Тема конференции “Ялта-1945: прошлое, настоящее, будущее”. Заявка более чем серьёзная. Кто владеет прошлым, владеет настоящим. Кто владеет настоящим, владеет будущим. Кто сказал, не знаю, прочитал у Льва Гумилёва, понравилось. Предлагаю поговорить о прошлом, настоящем и будущем.

* * *

В своем первомайском приказе 1944 года, отмечая успехи Красной армии, Сталин писал:

“Этим успехам в значительной мере способствовали наши великие союзники, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьём и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней”.

Сталин добавил, что освобождение Европы и разгром Германии на её собственной территории — задача, которую можно решить “лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки, путём совместных ударов с Востока... и с Запада... Не может быть сомнения, что только такой комбинированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию”. Признаюсь, приказ я не читал, позаимствовал из книги Александра Верта “Россия в войне 1941–1945 года. Книга блестящая, жаль, что у нас малоизвестная.

В подтверждение серьёзности сделанного Сталиным заявления приведу несколько цифр. В 1944 году на Восточном фронте Красной армии противостояли 257 дивизий, 207 из них были немецкими, 50 — дивизии союзников Германии. На Западном фронте Германия имела 119 дивизий. К началу 1945 года действующая германская армия насчитывала 5,3 млн человек. Против нас воевало 3,1 млн, против союзников 2,2 млн. Наши невозвратные потери за последний год войны составили 1,1 млн человек, потери союзников — 750 тыс. Последний год войны не был прогулкой ни для нас, ни для наших союзников.

Враг был силен, и заявление Сталина о необходимости совместных с союзниками действий в достижении Победы — не просто дань вежливости, помощь союзников была совсем не лишней. Почему мы сейчас не говорим об этом так, чтобы наши бывшие союзники нас слышали? Это было бы и справедливо, и правильно. Нас не захотят услышать американские ястребы, но нас с благодарностью услышат миллионы американских, и не только, граждан, которым дорога память о войне и военном братстве наших народов. Мы хотим благородства и благодарности по отношению к себе, но этого же хотят и наши бывшие союзники.

“Мы никогда не делили Победу на свою и чужую и всегда будем помнить помощь союзников и о антигитлеровской коалиции, участников движения Сопротивления...” Так сказал Президент России на встрече по случаю 70-летия освобождения Белграда от фашистов. Сигнал был подан, но наша пропаганда, наши масс-медиа этот сигнал как бы не заметили. Почему?

Тему союзников и правды о войне хотел бы рассмотреть совместно. На ум приходят слова Бисмарка: “Больше, чем на войне, врут разве что на охоте”. Читая мемуары практически любого военачальника или политика, начинаешь понимать, кому мы обязаны победой. Понять это можно, человек слаб, каждому хочется хорошо выглядеть в глазах потомков. Так как же приблизиться к правде? В математической статистике есть закон, называемый законом больших чисел. Смысл закона состоит в том, что различные случайные факторы, противоположно направленные, взаимно нейтрализуются, и в результате мы имеем объективную картину того или иного явления. Другими

словами, если один немножко приврал в свою пользу, другой — в свою, а третий — в свою, то, сложив мнения всех, получим более или менее объективную картину.

Понятно, что число наблюдений при этом должно быть достаточно большим. Маршалов на войне было несколько десятков, генералов несколько тысяч, а рядовых тружеников войны — миллионы, и именно они являются носителями правды о войне. Но они не писали мемуары, не любили рассказывать о войне. Почему? Думаю, потому, что о войне как о покойнике, либо хорошее, либо ничего. Поэтому ничего. Но это не значит, что им нечего сказать, просто им слова не давали, а может, их время просто не наступило. Послушать ветеранов и познакомиться с ними поближе мне посчастливилось, настаивая на этом слове, в процессе работы над документальным фильмом “Союзники. Верой и правдой”, автором идеи, соавтором сценария и генеральным продюсером которого я являюсь.

Идея фильма очень простая. Ветераны Второй мировой из США, Великобритании, Франции, Германии, России рассказывают о своей войне. В те далёкие времена они были простыми солдатами и матросами и хватили лиха, что называется, по полной. Мы сняли более 100 часов, героями фильма могли бы быть десятки ветеранов, но временные ограничения заставляли делать выбор, фильм идет 62 минуты, и лишь небольшая часть наших потенциальных героев показана в фильме.

Проблема выбора была связана не с тем, что говорили ветераны. Они говорили более или менее об одном. Трудности выбора были кинематографического характера. Нашим героям под 90 лет, и тут важно, как они говорят, как они будут смотреться на экране, законы жанра есть законы жанра. Режиссёр фильма Сергей Зайцев сделал правильный выбор. И, как результат, фильм получил Гран-при на международном кинофестивале “Золотой витязь”, с успехом демонстрировался в разных странах и разных, дружественных и недружественных, аудиториях. Показал этот фильм и наш канал “Культура”.

О чём же говорят ветераны в нашем фильме? О военном братстве, о союзническом долге, о мужестве русского солдата. Уильям Картер, американский матрос, участник знаменитого конвоя PQ-17, говорит следующее, цитирую почти дословно: “Я никогда не был силен в статистке, но, насколько я знаю, русские потеряли в войне 27 миллионов человек. Страшная цифра. И об этом должны помнить те, кто благодаря русским сохранил свой образ жизни, свою культуру, свои традиции”. Английский матрос Джок Демпстер, в 16 лет он был участником северных конвоев, ему довелось пережить атаки и немецких подводных лодок, и немецких бомбардировщиков: “Я восхищаюсь русскими”.

И Уильям Картер, и Джок Демпстер ушли из жизни, царство им небесное и благодарность за добрые слова о бывших союзниках. Правда, для них мы никогда не были бывшими. “Я никогда не думал, что между русскими и английскими военными существовало такое военное братство, они были, как одна семья, которую сейчас разделили”. Так написал мне в своём письме один молодой англичанин, посмотрев наш фильм. Во время съёмки фильма в Нью-Йорке мы делали блиц-интервью. Случайным образом останавливали прохожих и спрашивали их о войне, о союзниках, о русских. И должен сказать, что американцы знают о войне гораздо больше, чем у нас принято думать.

Ветераны — это народное достояние, их сердца — это кладовая памяти. Наблюдая ветеранов, общаясь с ними, я пришёл к парадоксальному выводу. Они немощны физически, но они сильнее нас морально. Они знают то, чего мы не знаем. Они смотрели смерти в глаза, и смерть отступила. Понятно, что на время. В назидание нам Бог сохранил им жизнь. Глядя на них, мы можем видеть, что старость может быть прекрасна, а может быть ужасна. По мере возможности мы стараемся их облагодетельствовать, время от времени показываем по телевидению, но не как людей посвящённых, а как экспонаты. Не это им надо. Им надо, чтобы мы восприняли их мудрость, за которую они заплатили дорогую цену, чтобы мы поняли, что высшая ценность — это человеческая жизнь.

У меня перед глазами стоит солдат вермахта из фильма “Союзники”. Он рассказывает, как немецкие ветераны ухаживают за могилами русских солдат. “Люди, перестаньте воевать, научитесь договариваться”, — призывает нас немецкий ветеран со слезами на глазах. Услышим ли мы его сейчас? Историческое значение Ялтинской встречи лидеров стран антигитлеровской ко-

алиции состоит в том, что и Сталин, и Рузвельт, и Черчилль услышали голос и чаяния своих народов и принесли им мир. При том, что их геополитические интересы кардинальным образом отличались друг от друга и каждый из них играл свою игру.

Наступать на одни и те же грабли — наша народная забава. Рисую схему. Плохой царь, плохое правительство, плохое государство, революция, большая кровь, разрушение страны. Усилиями нескольких поколений выстроили страну, победили в страшной войне. И опять — плохой Сталин (Хрущёв, Брежнев), плохое правительство, плохое государство, революция, разрушение страны. На этот раз обошлось без большой крови, худо-бедно — выкарабкались. И опять — плохой Путин, плохое правительство, плохое государство. Что дальше, и доколе мы будем так забавляться? Может быть, “что-то в консерватории поправить”?

“Wrong or right it's my country”. Эти слова американского солдата стали в США поговоркой. Почему мы такая непатриотичная нация? У нас была страна на зависть многим. Сейчас её разрушители, вольные и невольные, без конца напоминают нам о сталинских репрессиях, о том, что в магазинах не было колбасы — больше сказать не о чем? Колбасы, действительно, не хватало. Но так ли это важно? Нормальная хозяйка семью колбасой не кормила, да и без колбасы с голоду никто не умирал, наоборот, численность населения увеличивалась, и продолжительность жизни росла. Сейчас колбасы вволю, ешь — не хочу, а работников мы вынуждены приглашать из наших бывших республик по причине демографической недостаточности.

Наш гениальный соотечественник А. А. Зиновьев был выслан из страны как диссидент. Вот пример, который он приводит в одной своей книге “Русский эксперимент”. Интереснейшая книга, жаль, что купить её сейчас практически невозможно. Зиновьев даёт интервью иностранным журналистам после высылки из СССР. Какая у вас была зарплата, господин профессор? 500 рублей в месяц, отвечает профессор. Досушие журналисты сделали свои вычисления, получили в пересчете 100\$ и объявили, что это месячная зарплата американского солдата. Но, господа, у меня была практически бесплатная квартира, бесплатное медицинское обслуживание достаточно высокого качества, мои дети получали бесплатное образование, мне не надо было инвестировать в их будущее. Когда социальный пакет посчитали, то оказалось, что зарплата у советского профессора была выше, чем у американского генерала. Известно, что А. А. Зиновьев не сильно жаловал Сталина, но он был честным и справедливым человеком. Мало кто в то время получал 500 рублей в месяц, но социальный пакет был у всех, у кого больше, у кого меньше, но достаточно весомый. Мы имели социально ориентированное государство.

Пару лет тому назад довелось мне посетить Китай. Моё самое сильное впечатление от увиденного там — это единство китайского народа. И это не только моё впечатление, специально интересовался у знакомых, посещавших Китай. Китайцы не мононация, но это не мешает им быть единым народом. “Не злословь уходящего царя”. Эту восточную мудрость китайцы хорошо усвоили. Думаю, что Мао Цзэдун по масштабу личности, по его вкладу в создание современного Китая сопоставим со Сталиным. Уверен, что китайцы относятся к Мао по-разному, кто-то хорошо, кто-то плохо. Но при всём при том Мао Цзэдун остаётся в истории вождём китайского народа, и китайцы никому и никогда не позволят оплёвывать своего вождя и свою историю. Отсюда и единство нации, и успехи в экономике, и авторитет страны на мировой арене.

Знаковым событием “Ялты-2015” было открытие памятника лидерам антигитлеровской коалиции Сталину, Рузвельту и Черчиллю. Общественность восприняла это событие, мягко скажем, по-разному. Не по причине художественных достоинств или недостатков работы Зураба Церетели. В год 70-летия Победы вокруг имени Сталина страсти закипают, имеет место раскол общества, что плохо, особенно сейчас. Неслучайно то, что компрометацию и охаивание Сталина на Западе начали тогда, когда увидели, что Советский Союз вопреки всему становится великой державой.

Как это делалось и чем это закончилось, многие помнят и знают, ещё живы свидетели прошлого и настоящего. В истории нашего народа, да и других народов, были светлые страницы, были и тёмные. Но говорить только о тёмных, сыпать соль на раны и заниматься историческим мазохизмом, — может,

это и по-русски, но не думаю, что это правильно. Американцы не терзают себя воспоминаниями о временах рабства, да и геноцид коренного американского населения не мешает им жить. Потому что “Америка всегда права”. Немецкая нация признала свою вину за злодеяния фашистов, но это не мешает им жить нормальной жизнью и спокойно строить своё будущее.

А чтобы давать оценку личностям уровня Сталина, надо вернуться в сталинское время, владеть информацией, на основании которой тогда принимались те или иные решения. Оплёвывая Сталина, мы оплёвываем свою историю. Кто нас будет уважать, если мы сами себя не уважаем?

Россия под руководством Путина стала подниматься с колен. Не без проблем, не без трудностей, хотелось бы большего, но стала подниматься. Запад работает на опережение. Запад — это не Обама и не Меркель, это гораздо серьёзнее. Это транснациональные корпорации (ТНК), которые уже поделили богатства России. Медведь ещё жив, а шкуру его уже делят, большой риск. Станет ли Россия великой державой, ещё вопрос, но наш президент уже объявлен врагом человечества. Запад волнуется правильно: Россия либо будет великой державой, либо исчезнет. Третьего не дано. Это хорошо понимают наши внешние враги, и их действия, по крайней мере, логичны.

Что считают враги внутренние, явные и неявные, не знаю. Мы чего-то стоим, пока за нами стоит государство. Привожу эпизод из мемуаров одного русского жителя Харбина, заимствовал из книги А. И. Казинцева “Возвращение масс”. До революции 17-го года русские чиновники подзывали китайцев пренебрежительным окликом “ходя”! Те услужливо отвечали: “Да, капитана!” С падением империи китайцы перестали подбегать на оклик и с насмешкой отвечали: “Теперь твой — ходя, а моя — капитана”. Английский эквивалент “понаехали тут” звучит примерно так: “go back where you came from”, что в переводе означает пренебрежительное “иди, откуда пришёл”.

Разрушая государство, мы рубим сук, на котором сидим. Казалось бы, в такой непростой период, который переживает наша страна, все силы общества и, в первую очередь, его образованной части должны быть направлены на консолидацию общества, сплочения народа вокруг лидера. В конечном счёте, и историю, и вождя делает народ. Глава государства становится вождём своего народа тогда, когда он понимает сокровенные чаяния своего народа.

Путин присоединил Крым. Крым наш, народ этого хотел, и он поддержал своего президента. Путин пока не стал вождём, но кандидатом в вожди он стал. И стал личным врагом Обамы, потому что Обама никогда не станет вождём американцев. Запад хорошо понимает, что русская нация может получить вождя, понимает, что это значит для русских, и поэтому атаки на Путина усилились многократно. Нашей страной всегда правили самодержцы, и не важно, назывались ли они царями, генеральными секретарями или президентами. Отличие последних в том, что они не наследовали власть. Про передачу власти умолчу. Но самодержец как руководитель всегда присутствовал и присутствует в нашей генетической памяти как носитель высшей справедливости.

В старое время царей учили царствовать с детства. Кто-то эту науку усваивал лучше, кто-то хуже. Царей-президентов царствовать учит жизнь. Наука эта непростая. С точки зрения Запада, царь Михаил (не Романов) и царь Борис были хорошими учениками. А вот царь Владимир не очень хороший ученик и для нашего же блага его надо заменить. Спасибо вам, благодетели. Уже только поэтому мы должны Путина поддерживать.

Вопрос, кем войдёт Путин в историю: вождём нации или вожаком стаи? Не приходится сомневаться, что законы стаи ему известны. В стае не бывает союзников, разве что стая объединяется, когда надо порвать вожака. Но это не наш случай. Стая должна понимать, что поражение Путина означает приход назначенца ТНК и передел собственности в пользу ТНК. И кто был всем, станет никем. А кто был никем, никем и останется.

Обстоятельства в данный момент таковы, что Путин нужен всем, за исключением, может быть, контрэлиты и так называемой “пятой колонны”. Но и те, и другие не могут не понимать, что их услуги нужны для того, чтобы свалить Путина. Потому — спасибо, все свободны. Незавидная судьба диссидентуры, работавшей на развал СССР, должна бы чему-то их научить. Даже по 30 сребренников заплатили не всем. Но что бы ни говорили и ни писали историки о роли личности в истории, история делается народом либо при его активном участии, либо с его молчаливого согласия. А для этого народу

нужен вождь, и вождю нужен народ. Народ поддержит своего президента и его команду, если увидит в них защитников своих интересов.

Кстати, о команде. “Кадры решают всё!” “Хотели, как лучше, получилось, как всегда...” Первое сказал Сталин, Председатель Совета Министров СССР, второе – Черномырдин, Председатель Правительства России. Они были коллегами. На этом, правда, аналогии заканчиваются. Почитайте книгу “Говорят сталинские наркомы” Куманева. Под руководством этих наркомов люди творили чудеса. Туполев, Ильюшин, Королёв, Курчатов... Список можно продолжать. Это ведь все сталинские кадры. А что нам расскажут современные наркомы? Не могу удержаться и не привести пару примеров.

Н. К. Байбаков стал наркомом нефтяной промышленности в 30 лет. Когда возникла угроза Бакинским нефтепромыслам по причине наступления фашистов на Кавказе, Сталин пригласил Байбакова. Состоялся примерно такой разговор. Существует угроза захвата нефтепромыслов фашистами. Чтобы это предотвратить, их надо взорвать. Если вы этого не сделаете, мы вас расстреляем. Но если вы их взорвёте, а враг их не захватит, мы вас тоже расстреляем. Не думаю, что в той ситуации у Байбакова был выбор. Он сделал свой выбор, когда согласился стать наркомом, он знал, на что шёл. Он знал, что за порученное дело отвечают головой. Н. К. Байбаков проработал в Правительстве 40 лет. Кто за что у нас отвечает сейчас? И чем отвечает?

Второй пример. В мае 1941 года на Ходынском аэродроме приземлился немецкий военно-транспортный самолет “юнкерс-52”. По мнению П. А. Судоплатова, одного из руководителей советской иностранной разведки, человека, безусловно, информированного, это была провокация с целью проверить нашу противовоздушную оборону. Событие имело серьёзные последствия, руководители ответили головой. У нас бы сейчас виновным объявили водителя снегоуборщика. “Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность”. Шекспир сказал. Сказать легко, сделать вождь может, будучи уверен, что за ним стоит народ. Элита и контрэлита сдадут вождя тот час же, как почувствуют угрозу своим интересам.

Вопрос профессионализма и ответственности власти и носителей этой власти приобретает особое значение в критические моменты истории. Приказ №1 Временного правительства об отмене единоначалия сделал развал русской армии необратимым. Постановление Правительства Горбачёва о выборе директоров предприятий ускорило развал экономики Советского Союза: “Хотели, как лучше...” И в первом, и во втором случае к власти пришли не профессионалы, а демагоги, которые умели красиво говорить и давать невыполнимые обещания. И в первом, и во втором случае результатом был развал страны. Насколько профессиональна современная российская власть? Ручной режим управления, о котором довольно часто говорит наш президент, доверия к власти и её представителям не добавляет.

“Почему имеет место такая нелепость? Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, и обстоятельство таково, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать?” Ф. И. Тютчев написал это почти 150 лет тому назад. Тот самый, который сказал: “Умом Россию не понять...”. В результате “двоечники” привели страну к революции и развалу.

Попытки компенсировать слабость власти призывами к демократии и свободе слова контрпродуктивны. Демократичный по сути приказ № 1 Временного правительства об отмене единоначалия привёл к необратимому развалу российской армии. Аналогичные последствия имело не менее демократичное постановление Правительства времён Горбачёва о выборе директоров предприятий. А вот совсем недемократичный сталинский приказ № 227 “Ни шагу назад!” внёс перелом в ход войны. Но наша сегодняшняя проблема не в приказах. Приказы можно написать любые. Вопрос, кто их будет исполнять. Понимает ли это президент?

Другая проблема, которая требует от президента непростого решения, – это проблема социальной справедливости. В. В. Путин, к примеру, неоднократно говорил, что зарплата руководителей наших госкорпораций должна быть на уровне их западных коллег. По форме справедливо. **А какая зарплата должна быть у простых служащих этих корпораций?** И работников других предприятий? Не многим подфартило стать акционером “Газпрома”, не всем повезло работать в “Газпроме”, а “Газпром”, между прочим, созда-

вали всем миром в те времена, которые сейчас называют застойными. Справедливо ли, что народным достоянием, созданным трудами многих поколений, пользуются избранные?

* * *

Рассуждать о будущем очень легко, потому что никто не знает, какое оно, наше будущее. “Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах”. Хорошо сказано. Наша история, да и не только наша, полна чудес. Чудо, что мы выиграли войну, чудо, что мы создали сверхдержаву. Античудо, но тоже чудо, что мы эту державу потеряли в несколько дней.

Увидим ли мы очередное российское чудо? Хотелось бы. Мы потомки тех людей, которые выиграли войну, построили супердержаву. Мы не глупее наших отцов и дедов, у нас та же самая генетика. Наш главный недостаток — легковерие. Мы верим власти, но власть не всегда использует это доверие нам во благо. Народ это видит, впал в протрацию и потерял кураж. Но должен наступить момент, когда нация консолидируется, и страна начнёт возрождаться. Готов ли Путин повести за собой народ, и готов ли народ пойти за Путиным? Думаю, что да. “За Волгой для нас земли нет”. Сейчас именно такая ситуация. Не морочить народу голову, как хорошо мы живём. Самое время обратиться к нему со словами “Братья и сестры...” и вспомнить об исторических корнях и славных страницах нашей истории. Народ поймёт.

Часть наших граждан, по статистике их около 10 миллионов, о своём будущем уже позаботилась. Думает, что позаботилась. Понятно, о ком и о чём я говорю. “Заграница нам поможет!” Наивные люди! Не поможет, никакого будущего у них там не будет! Более или менее комфортная жизнь у них, может быть, и будет, и то не факт. Прецеденты того, как у русских отбирают заграничную собственность, имеются. Но даже комфортная жизнь — это не будущее. Это эволюционный тупик. Не о такой жизни для себя, своих детей и внуков они мечтали, когда делали свои миллионы и миллиарды. “Как перед ней ни гниётся, господа, вам не видать признания Европы, в её глазах вы будете всегда не слуги просвещения, а холопы”. Тот же Тютчев.

Миллионы русских людей волей судеб оказались в эмиграции, по разным причинам. Среди них были гениальные люди, были просто умные, хорошо образованные люди, были и представители известных аристократических фамилий, люди умные и образованные, генетически заточенные служить государству. Многие наши бывшие соотечественники получили блестящее образование за границей. Кто из них вошёл в элиту западного общества? Назовите хоть одну фамилию. Уроженцев Одессы прошу не называть, это, как там говорят, две большие разницы. Киссинджер, к примеру, он и в Африке Киссинджер.

Рискну предположить, что русский человек генетически устроен так, что свой талант, свои способности он раскрывает на родной земле, он районирован в той среде, что называется Россией. Не удивляюсь, что потомки даже первой волны эмиграции возвращаются в Россию, начинают историю своих фамилий в каком-то смысле заново. Здесь я мог бы назвать немало известных фамилий. Но этого не требуется. Они, придёт время, о себе сами скажут. Непростое время переживает страна, и мы вместе с ней. Можно по-разному относиться к Путину, но если мы сейчас его не поддержим — потеряем страну.

В завершение, что сказать о будущем? Любимец американцев президент Кеннеди в своё время заявил: “Не хотите учить русский, учите физику”. Это было время, когда “мы делали ракеты и перекрыли Енисей”, — результат ошеломляет! Нечего смеяться.

Американцы послушали своего президента, подучили физику, а мы учим английский. Остаётся вспоминать, что было время, когда половина мира учила русский. А слова американского президента я бы перефразировал так: не хотите учить китайский, учите историю. Предлагаю поднажать на историю, пока не поздно. К тому же, наш президент — любитель и знаток истории.

ВЛАДИМИР ВЕЛИЧКО

БУГ В ОГНЕ

*Ночь на заставе Брестской. Мне не спится...
И пуща Беловежская не спит...
Ах, знали б вы, что на душе творится...
Со мною наша Память говорит.*

Михаил Поздняков

Древний Брест, который в 2019 году отметит свое 1000-летие, в последнее время значительно расширил свои владения. Он перешагнул полноводный Муховец и устремился в сторону Государственной границы. Изумительно красивые жилые кварталы, сказочные коттеджи усадебного типа вытянулись вдоль Московского шоссе.

Город вырос и возмужал на перекрестке огненных дорог. Здесь оставили свои следы напыщенные магнаты Речи Посполитой, мрачные, закованные в сталь крестоносцы, крикливые и плотоядные татары из Орды, каменные шведы Карла Великого, наполеоновские войска...

С Брестом связано много славных имён. Он хранит память о великих русских писателях и поэтах Александре Грибоедове, Фёдоре Решетникове, Петре Чаадаеве, Вильгельме Кюхельбекере, Кондрате Рылееве, знаменитом общественном и церковном деятеле Афанасии Филипповиче. И, конечно же, о выдающемся генерале Дмитрие Карбышеве, утверждавшем в крепости своё военное искусство, а позже стойчески принявшим мученическую смерть в фашистском концлагере близ австрийского городка Маутхаузен.

Строительство оборонительной твердыни на берегах Буга, Муховца и каналов диктовалось целесообразностью укрепления западных рубежей Российского государства. Война 1812 года ускорила реализацию этого замысла. И уже 1 июня 1836 года на Центральном острове развернулась работа. Спустя шесть лет крепость, представляющая собой не только оригинальное военное инженерное, но и интересное архитектурно-художественное сооружение, вступила в строй действующих. По периметру её прикрывали Волынское, Кобринское и Тереспольское укрепления с высокими земляными валами, подвальными казармами и пятьюстами казематами, в которых могло разместиться почти 12 тысяч солдат с большим запасом продовольствия и боеприпасов.

Впоследствии цитадель основательно обновляли, усиливали мосты, форты и опорные пункты. Были у неё взлёты, случались катастрофы. 5 ноября 1914 года по чьей-то оплошности взорвались снаряды, унесшие немало человеческих жизней. Происходили исторические события. 3 марта 1918 года в Белом дворце кайзеровская Германия и Советская Россия подписали Брестский мирный договор. Однако он оказался недолговечным.

На рассвете 22 июня 1941 года гитлеровцы, уже завоевавшие или подчинившие себе 11 европейских стран, вероломно обрушили на приграничный гарнизон из крупнокалиберных орудий 4 тысячи выстрелов в минуту. В планах фашистов значилось: занять крепость сходу к двенадцати часам дня. Поднимались фонтаны земли. Плавился кирпич подземелий. Кто мог выдержать такое? Доблестные защитники выдержали. Горстка патриотов, отрезанная от своих войск, больше месяца оказывала яростное сопротивление врагу, нанося ему большой урон. Каждый, у кого чиста совесть и крепка память, обязательно скажет: “Это был величайший в истории подвиг, на который способны только святые”.

Враг дивился стойкости красноармейцев. 30–31 июля в Бяла-Подляску привезли 4 человек из Брестской крепости. Немецкие солдаты в знак уважения сняли перед ними каски.

26 августа в цитадель над Бугом прибыли Гитлер и Муссолини. Осмотрев развалины, фюрер взял осколок опалившегося кирпича, который всю войну пролежал на его столе, и признался ближайшему окружению: “22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится”. В непокоренном Бресте он понял, что допустил роковую ошибку, напав на СССР.

Наряду с доблестными защитниками крепости над Бугом счёт героическим деяниям открыли летчики 33-го истребительного авиаполка. Поднявшись по команде “Воздух!” в тревожное небо на боевой машине, старший лейтенант Степан Гудимов смело атаковал группу немецких бомбардировщиков и сходу уничтожил вражеский самолёт. Отважный сокол пристроился ко второму стервятнику, чтобы с короткой дистанции свалить его. Однако юркий “ястребок” был подбит и загорелся. Тогда лётчик на большой скорости протаранил Хе-III, ценой своей жизни уничтожив вражеский самолёт. Это был один из первых таранов в истории Великой Отечественной войны, совершённый над Пружанами 22 июня 1941 года в 5 часов 30 минут утра.

Мощное сопротивление превосходившему силами врагу у деревни Чадель оказали воины 208-й механизированной дивизии. Когда боеприпасы были на исходе, рядовой Геннадий Кожевников взобрался на дуб и, скрытый густой листвой, метким огнём косил гитлеровцев. Дуб со всех сторон обстреливали немцы, но не брали витязя вражьи пули. С последней гранатой он вышел к фашистам и подорвал себя вместе с ними.

Не дрогнули перед вражеским натиском части 22-й и 25-й танковых дивизий. Заняв оборону на холмах у г. п. Ружаны, они упорно дрались до 30 июня 1941 года. Гитлеровские генералы бросали в бой свежие мотобронированные силы и авиацию, но их атаки захлёбывались. На огненном поле дымились десятки уничтоженных немецких танков. Многим солдатам вермахта уже тогда стало ясно, что нелегким окажется их поход на Восток.

Ожнее Бреста на бой священный, правый поднялись пинские партизаны. Сугубо гражданские люди, среди которых были рабочие, служащие и крестьяне, уже 26 июня 1941 года обнаружили и задержали немецких разведчиков-парашютистов. Через два дня подбили 2 лёгких танка.

Настоящее сражение произошло 4 июля. Первый действующий в Великой Отечественной войне партизанский отряд, заняв выгодный рубеж в районе населённых пунктов Галево и Заполье, внезапным ружейно-пулемётным огнём скошил до двух десятков появившихся фашистских конников. До подхода основных гитлеровских эскадронов отважные бойцы незаметно отошли на окраину Пинска. В этом бою отличились И. Чуклай, Э. Нордман, Ш. Беркович и другие.

Вскоре под командованием полесского пастуха, партизана гражданской войны, а впоследствии генерал-майора Героя Советского Союза Василия Захаровича Коржа отряд перерос в крупное партизанское соединение, в рядах которого сражалось 7 тысяч бойцов.

Умело маневрируя на хорошо знакомой местности, партизаны беспощадно громили врага в его тылу. Особенно дерзкими были их налёты на полицейские гарнизоны в деревнях Червонное Озеро, Осово и Забродье.

Коржевцы вместе с отрядами Минщины провели успешный рейд, ставший первым не только в Беларуси, но и среди партизан Советского Союза. Рейд охватил значительную территорию Минской, Пинской и Полесской областей. По их границам прокатилась мощная народная волна возмездия. Она очистила многие районы от вражеских “гнезд”, вселила в людей веру в грядущую

победу. А ведь все это происходило тогда, когда немцы готовились захватить Москву.

За период вооружённой борьбы пинские партизаны истребили тысячи гитлеровцев и их пособников, разгромили 59 гарнизонов противника, пустили под откос 468 железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой врага, уничтожили 770 автомашин, подбили 86 танков, сбили 3 самолёта, порезали 519 км телефонно-телеграфной линии связи, взорвали десятки железнодорожных мостов.

Проживающий в Могилёве историк Иван Мартынов особо указывает на то, что соединение «ещё до подхода Красной армии вывело из строя важнейший стратегический объект — Днепро-Бугский канал, заблокировало более 200 пассажирских и военных катеров. Военное командование «успешную операцию» с богатыми трофеями приписало себе, за что 11 моряков получили звания Героя, а партизаны Коржа даже ни одной медали» (Белая Вежа. 2011, № 1. С. 159).

В Прибужье стремительно разворачивалось подпольное движение. Первые антифашистские организации возникли в Ружанском районе уже осенью 1941 года по инициативе председателя поселкового Совета Иосифа Урбановича. Это был чрезвычайно интересный и невероятно мужественный человек, преданно служивший своей стране.

И. П. Урбанович вместе с М. Е. Криштофовичем и И. Ю. Лабудой организовали три подпольных антифашистских комитета. Из разрозненных партизанских групп в январе 1942 года образовался мощный отряд имени И. В. Сталина в Гутто-Михалинских лесах под командованием лейтенанта А. А. Журбы. Ряды народных мстителей росли, две партизанские бригады громили врага днём и ночью. Западно-белорусский поэт Микола Засим из деревни Шени, чьё творчество для русского читателя открыл Александр Твардовский, в стихотворении «Заклік» вдохновенно писал о товарищах по оружию:

*А кулак наш, як жалеза,
Грудзь шырокая, што печ,
Дый пад бокам Белавежа,
Можна ўдарыць, можна ўцец.*

Чудеса смелости, решительности, смекалки проявляла допризывная молодёжь. Она объединялась в подпольные группы, тесно взаимодействовала с партизанами. Одна из таких групп под руководством учителя Евгения Гордея в августе 1941 года была создана в Заполье. Деревня, от которой до Ружан рукой подать, стояла поблизости магистральных дорог, по которым наступали вражеские войска. Ребята скрытно вели наблюдение за их передвижением, передавали ценные сведения командованию партизанских отрядов.

Возвращаясь однажды с задания, патриоты заметили среди высоких зарослей некошеного луга подбитый танк. Приоткрыли люк, а там полно снарядов. Обрадовались находке. Но как вывезти их через населённые пункты, где уже обосновались вражеские гарнизоны? Посоветовавшись с Евгением Гордеем, подпольщики пошли на хитрость. Они решили сыграть в «сваты». Приоделись получше и на двух санях, набитых сеном, с гармошкой и бубном покатали к «невесте». При въезде в деревню Словатичи их остановил вооружённый патруль. Не найдя ничего подозрительного, отпустил. Вечером «молодые» с песнями возвращались домой. Тот же немец попытался их задержать, однако увидев, что «пьяные» не обращают на него внимания, только махнул рукой. На сердце отлегло, хотя каждый понимал, чем могла закончиться эта увеселительная «прогулка».

Часто юноши и девушки совершали совместные операции с березниковскими сверстниками, наводя страх на оккупантов. Последние усиливали облавы. Не обходилось без потерь. Погибли И. Дейко, А. Куница, В. Предко и другие. Молодёжь уходила в партизанский отряд имени С. М. Кирова, пополняя мощную роту подрывников.

Суровые испытания и смертельная опасность не сломили смолянскую группу. Её организовала красивая и молодая Мария Дмитрукович. Девушка не теряла боевого духа в самых сложных ситуациях. Даже тогда, когда с сестрой и подругой Надей Панасюк незаметно пробрались к городской тюрьме и потребовали у коменданта освободить связанных, иначе его родственникам

несдобровать. Тому пришлось выполнить предъявленный ультиматум. Подпольщики оказались в партизанской бригаде имени П. К. Пономаренко.

Немцы за Марией установили слежку, обещали вознаграждение тем, кто её выдаст. К сожалению, мерзкий предатель нашёлся. Патриотку схватили и заточили в фашистский застенок. Она стойко переносила мучительные пытки. Перед расстрелом заявила:

– Не позор, а счастье умереть за свою Отчизну. На наше место придут сотни!

И пришли. Среди них – 12-летний Тихон Баран из деревни Байки, повторивший подвиг Ивана Сусанина. Из рассказов краеведов перед глазами зримо встаёт короткая, но яркая жизнь партизанского разведчика. Отец Максим Иванович и мать Дарья Ивановна поначалу не раскрывали Тишке “тайны партизанской войны”. Но цепкий детский ум быстро разгадал, где старшие братья Володя, Василь и Павел доставали оружие, зачем родители в “чернику добавляют золу”, а затем её несут в выкопанную во дворе землянку, где располагалась типография Брестского областного антифашистского комитета и где было напечатано 168 тыс. экземпляров газет, сводок Совинформбюро на белорусском, русском, польском и немецком языках. Вскоре ему поручили боевое задание: разбросать по окрестным деревням листовки, начинавшиеся словами: “Смерть немецким оккупантам!”

Тишка стал вездесущим партизанским связным, обладавшим недюжинным характером, выдержкой и храбростью. Большое влияние на формирование его мировоззрения оказал дядя Лявон, командир партизанского отряда Александр Иванович Самуйлик. Он знал Иосифа Павловича Урбановича, Мирона Емельяновича Криштофовича, Алёшу Дурейко, Руту Руткевич, радиста Матвея, машинистку Любу. “Какими-то необыкновенными, особенными казались ему эти люди, жившие в землянке”.

Узнав, что немцы готовятся окружить партизанские базы, находившиеся в Ружанской пуще, Тишку отправили в деревню и сказали:

– Переждёшь там блокаду, а потом вернёшься.

Это было 21 января 1944 года.

Тишка отыскал родных сестрёнок-близнецов Женю и Нину, которых не видел после возвращения из фашистского плена. Сидя на тёплой печи в хате бабки Меланьи, он рассказывал им волшебную сказку. Когда же девочки уснули, перебирал в памяти сюжеты своего беззаботного довоенного детства, вспоминал школу, в которой успел закончить три класса с отличием.

Это была для него последняя ночь. Днём он погибнет как настоящий герой, и его имя станет символом мужества и непокорённости.

Утром в деревню слетелись каратели, откуда уже насильно увезли в рабство 40 человек. Нависла грозная туча кровавой бойни. Разъяренные изверги расстреляли и живыми сожгли 987 стариков, женщин и детей. Погибли Женя и Нина.

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились свидетельства местного жителя Н. С. Шабуня об ужасных зверствах фашистов в тот день:

“В 2 сараях и в доме Жижко Александра были собраны женщины и дети деревни Байки и закрыты. В это время немцы забрали весь рабочий и продуктивный скот, птицу, продукты питания, хлеб, муку, мясо, и все ценные вещи и домашнюю мебель, которую отправляли в город Ружаны. И после этого начали свою расправу, стали рыть две большие ямы другими гражданами других деревень, ибо наши граждане были закрыты в сараях. Когда я лично находился в сарае, мы с другими молодыми ребятами в крышу смотрели, что ямы роются для нас. Немцы стали выпускать маленькими группами по четыре, по пять человек и вести в ямы на расстрел, организовали коридор из вооружённых солдат и офицеров от сараев к ямам, то есть немцы стали один к одному, организовали стену, чтобы не было побегов. Когда стали отправлять в ямы группами, стали происходить автоматические выстрелы и поднялся шум, плач детей и другие ужасы. Когда в сарае, в котором находился я, уже стало мало людей, подлежащих расстрелу, то я решил зарыться в землю под бочку. Все граждане были выведены к ямам и расстреляны. Немцы проверили весь сарай и пошли к другому сараю, в это время и выбежал из сарая. Сарай уже горел, я посмотрел на всю деревню, деревня вся была охвачена пожаром. После чего я выбежал в огород и там прилёг, где и встретил своего отца Шабуню Степана. Когда ушли немцы из деревни, я со своим

отцом подошёл к ямам, ям было две размером по 50 кв. метров, в одной были зарыты мужчины, в другой яме — женщины и дети. Особенно яма, где были зарыты женщины и дети, вся земля дрожала, потому что много было зарыто живьём. Деревня догорала, и я ушёл в деревню Молочки к знакомым". (НАРБ. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2727. Л. 53–55. Подлинник. Рукопись.)

А Тихон Баран? Когда людей согнали к свежевырытым ямам, немецкий офицер отозвал парня в сторону и потребовал:

— Веди к партизанам.

Он молча кивнул головой.

Позже писательница Галина Василевская в документальной повести "Рисунк на снегу" так опишет дальнейшие события:

"Лес кончился. Впереди невысокий кустарник, за ним начинается белое поле. Тишка знает: это не поле. Это болото, засыпанное снегом. Ещё немного пройти, ещё. Дальше, в болото. Он не чувствует уже усталости. Пусть скорее темнеет. Пусть крутит метелица.

Уже один немец провалился в трясину. Другой начал его вытаскивать и сам провалился по пояс. Ледяная корка, покрывавшая болото, стремительно подламывается под ногами остальных".

Из отряда карателей, в котором насчитывалось до сотни человек, только одному войке удалось спастись. Он долго плутал по лесу, пока не попал в руки партизан. В дневнике немецкого солдата они прочитали такие слова: **"Мы никогда не победим русских, потому что даже дети у них сражаются и погибают, как герои"...**

Руководство области и республики трепетно заботилось о том, чтобы те, кто положил жизнь на алтарь борьбы с фашизмом, были достойно увековечены. Погибших за Отчизну, за "друзья своя" испокон веков чтили на славянской земле. Еще работая в Бресте, Пётр Машеров встретился с Сергеем Смирновым, возвращавшимся из зарубежной поездки, и попросил его рассказать о том, как в грозные дни 1941 года гарнизон яростно оборонял цитадель на границе, когда фронт ушёл далеко на восток, и сражался дольше, чем многие поверженные страны Европы. Это вдохновило писателя и, собрав письма-исповеди защитников, он выступил по Всесоюзному радио. Резонанс был огромным. Сергей Сергеевич отправился на поиски своих героев, возвращая из небытия их добрые имена. В 1964 году издал свою главную книгу "Брестская крепость", которая через год получила Ленинскую премию, а цитадели на Буге присвоили почётное звание "Крепость-герой".

— Представление ЦК КПБ подписал я, а обосновал его своими книгами ты, — признался Пётр Миронович Смирнову.

Не могу не вспомнить тут один интересный эпизод. После окончания Белгосуниверситета я работал в брестской областной газете "Заря", и редакция заблаговременно готовила тематический номер, посвящённый открытию в цитадели мемориала. Мне было поручено организовать выступление на страницах издания Сергея Смирнова. Позвонил в Москву, в Союз писателей СССР. Там навели справки и ответили:

— Сергей Сергеевич в отпуске, совершает путешествие на теплоходе по реке Лена.

Я приуныл, призадумался и рискнул отправить письмо с пометкой на конверте: "Сибирь, речное управление реки Лена, писателю С. С. Смирнову". И надо же! Вскоре от него пришла рукопись на нескольких страницах, которую храню по сей день. Статья стала украшением спецвыпуска. От души порадовались мы и за советскую почту. Настолько чётко, ответственно она работала.

25 сентября 1971 года при большом стечении народа состоялось открытие величественного памятника. На торжества приехал и Сергей Смирнов. Вместе с сотрудниками редакции Петром Сутько, Анатолием Гараем я подошёл к нему и вручил красочный номер "Зари". Сергей Сергеевич, пробежав глазами свою публикацию, обратил внимание на то, что в ней не оказалось абзаца, в котором говорилось о преследованиях Берией чудом выживших немногих защитников цитадели. Он глянул вдаль и заметил:

— Скажите редактору, что не надо страшиться правды.

К микрофону подошёл Машеров. Слушал его взволнованную речь, и мурашки по коже. Первый секретарь ЦК КПБ воздал должное рыцарям беспри-

мерной битвы, всем участникам Великой Отечественной войны, и в заключение подчеркнул:

— **Крепость-герой над Бугом, её боевые реликвии, поднимающийся в небо штык-obelisk и другие монументальные сооружения ансамбля увековечивают один из поучительных уроков в истории, уроков, которые служат грозным предостережением любому агрессору.**

Мемориал достойно увековечил бессмертный подвиг солдата, заложившего первый камень в фундамент грядущей Победы. Свыше 20 млн человек из 130 стран мира побывали уже здесь. Затаив дыхание, они слушали обжигающие сердце рассказы экскурсоводов, фотографировались у израненных руин зданий, у Вечного огня и увозили с собой частичку мужества павших героев. К сожалению, ловцы скандальных сенсаций из Си-эн-эн в канун 70-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков оклеветали созданный по воле народа величественный памятник, в котором воплощён образ легендарных защитников твердыни на Буге. Эта отвратительная выходка вызвала недоумение у широкой общественности Беларуси и России. Американская телекомпания вынуждена была извиниться за свою бестактность.

А вот бизнесмен и меценат Владимир Микулик, движимый высоким патриотическим долгом, инициировал к предстоящему 1000-летию юбилею родного города осуществление уникального проекта «Брест-2019». Цель концепции, кстати, единогласно поддержанной сессией городского Совета депутатов, — сохранение историко-культурного наследия крепости, освоение её нереализованного потенциала, обустройство всей территории, активизация туризма и деловой жизни Прибужского края.

Брестчане выразили признательность Александру Котту за фильм «Брестская крепость», снятый в наши дни. Как в своё время искренне поблагодарили коллектив Московского театра имени Ленинского комсомола за осуществление постановки спектакля «В списках не значился» по роману лауреата Государственной премии СССР Бориса Васильева. Картина, с документальной точностью передающая первые сражения Великой Отечественной войны, — дань негасимой памяти. Этот удачный совместный проект Союзного государства Беларуси и России демонстрирует мощное единство братских народов, разрушивших планы «блицкрига» гитлеровской Германии. Свою стойкость защитники запечатали в выцарапанных на стене каземата словах: «Прощай, Родина! Умираем, но не сдаёмся!»

На встрече со зрителями у священных руин режиссёр-постановщик Александр Котт заявил:

— Я почувствовал себя гражданином Советского Союза. Надо сказать, что это приятное чувство. Мы — счастливое поколение.

Актёр Андрей Мерзликин добавил:

— После просмотра ленты становишься другим человеком. В цитадели творился настоящий ад. Мы стремились кинематографическими средствами показать ратную доблесть солдат 33 национальностей, сражавшихся «не ради славы, а ради жизни на земле».

Российские предприниматели, космонавты, деятели науки и культуры, имеющие этнические корни в Беларуси, в своё время обратились с предложением построить всем миром памятник героям-партизанам в г. Пинске.

Их благородный призыв получил живой отклик в сердцах многих людей. Нашёл он понимание и у Президента Республики Беларусь. «Я полностью разделяю мнение его авторов о том, — подчеркнул в ответном письме Александр Григорьевич Лукашенко, — что строительство этого памятника — дело важное и нужное, и, прежде всего, для живущих ныне и для будущих поколений. Наши дети и внуки должны знать и помнить о подвигах своих предков, на их примере учиться мужеству, стойкости и патриотизму».

Глава государства перечислил часть своей зарплаты на строительство этого монумента. «Пусть будет в нём и частица моего труда», — отметил он.

Пинский горисполком место для памятника подобрал красивое, в самом центре нового жилого массива. На конкурсной основе отобрали и реализовали лучший проект. Тем самым воздали должное первым белорусским партизанам.

В милом, тихом городке Ружаны в каких-то трёхстах метрах от местного Колизея — замка-резиденции магнатов Сапегов в зелёном сквере — возвышается бюст Иосифу Урбановичу. Комбриг погиб в неравном бою за неделю до освобождения области от гитлеровских оккупантов. Его подвиги «тянули» на

звание Героя Советского Союза. Но не было своевременно оформлено представление. Секретарь обкома партии С. Сикорский в самом начале войны сбежал в Москву и вернулся на Брестчину только в апреле 1943 года. Поэтому он не владел всей информацией. Правда, мы знаем немало случаев, когда спустя десятилетия заслуженная награда находила своего героя.

На развилке дорог у посёлка Ружаны насыпан Курган Славы в честь 127 погибших воинов-танкистов. Рядом на бессменную вахту встал танк Т-34. Вершина Кургана увенчана пятиконечной звездой. Летом ухоженные клумбы и газоны надевают радужный наряд.

В возрождённых Байках, недалеко от двух братских могил, над которыми возвышается памятник, восстановили деревянный домик, в котором жил Тихон Баран. Сюда приходят школьники, оставляют живые цветы.

Всего в Пружанском районе в его нынешних границах варвары предали огню 58 деревень, семь из которых так и не возродились. Они увековечены в монументе в виде высокого креста, высеченного в плите из чёрного гранита. Деньги на сооружение мемориала добровольно вносили местные жители, трудовые коллективы, организации и учреждения.

По ходатайству учащихся Пружанского совхоза-техникума, собравших под руководством директора Владимира Тура и преподавателя Михаила Шульмана необходимые экспонаты, архивные документы, старший лейтенант Гудимов и рядовой Кожевников награждены орденами Отечественной войны II степени, а на родине — в Волгограде и Ставрополе — их именами названы улицы. Не забыты другие защитники Родины, жертвы фашизма.

“Память — это единственный рай, из которого нас нельзя выгнать”, — сказал классик. Она скрепляет связь времён, пробуждает духовное и патриотическое самосознание народа, не позволяет сбросить славную Победу, дошедшую в великих муках и сражениях, с корабля истории.

*г. Минск,
Белоруссия*

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

доктор философских наук, профессор

НЕИМОВЕРНАЯ СИЛА

Поколение победителей в романе К. М. Симонова “Живые и мертвые”

*Святая ярость наступленья,
Боев жестокая страда
Завяжут наше поколенье
В железный узел, навсегда.*

К. М. Симонов (1938 г.)¹

Необъяснимая стойкость русских

Дневник 1941 года, по признанию Константина Симонова (1915–1979), стал для него отправной точкой для создания романа “Живые и мертвые”². Оглушенность “бестолковщиной” и ужасом первых дней войны, когда он, двадцатипятилетний батальонный комиссар, несмотря на свой военный опыт Халхин-Гола, “был наивен, как мальчишка”³, зафиксирована в дневниковых записях, которые почти буквально воспроизводятся в первой книге трилогии, придавая ей особую – экзистенциальную – достоверность. Подобно своему кумиру – Льву Толстому – Симонов изображал человека в пограничных ситуациях: “перед лицом смерти”⁴. В своем стремлении донести до современников и потомков правду о “громадной и страшной войне” он выводил на первый план повествования ее живых (невыдуманных) участников, самоотверженные действия которых с восхищением наблюдал в тяжелейших боевых условиях. Один из них – командир 388-го стрелкового полка Семен Федорович Кутепов, бойцы которого в июле 1941 года с беспримерной стойкостью сдерживали на тиски и технически, и численно превосходившего противника под Могилевым. Панорама тридцати девяти немецких танков и бронетранспортеров, разбитых и сожженных перед позициями и на позициях полка, не отступившего в бою ни на шаг, запомнилась Симонову на всю жизнь, а упрямый и бесстрашный командир полка, отказавшийся отступать, стал для него прообразом Серпилина. Возвращаясь к поразившему его эпизоду в послевоенных воспоминаниях, писатель так воссоздавал логику поведения старого служаки, прапорщика в Первую мировую войну, настоящего солдата, полковника Кутепова: “Мы так уж решили тут между собой: что бы там кругом ни было, кто бы там

¹ В этом стихотворении 1938 года (“Однополчане”) К. М. Симонов за семь лет до событий пророчески описывал бои под Кенигсбергом.

² Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М., 1977. С. 4.

³ Там же. С. 6, 20.

⁴ Симонов К. М. Живые и мертвые. Роман в трех книгах. Книга первая. М., 1989. С. 51.

ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы. Вы походите, посмотрите, сколько накопано. Какие окопы, блиндажи какие! Разве их можно оставить? Не для того солдаты роят укрепления, чтобы оставлять их. Истина-то простая, старая, а вот забывают ее у нас. Роят, роят. А мы вот нарыли и не оставим. А до других нам дела нет”⁵. В лице таких людей, как Кутепов, немцы, по мысли Симонова, в самом начале своей запланированной *молниеносной войны* столкнулись с “незапланированной ими силой сопротивления”⁶, с необъяснимой **стойкостью** русских, так и не понятой ими, судя по тому, что долгое время после своего полного краха продолжали списывать свои военные неудачи 41-го года на “суровый русский климат”, “грязь и распутицу”⁷ и т. п., не желая признать собственное недоумие и непреодолимое духовное превосходство противника. Исследуя истоки и природу “сверхъестественной” силы бойцов Красной армии — *солдатами не рожденных*, — писатель, возможно, неожиданно для себя пришел к пониманию религиозной основы нашей скрытой, непостижимой для врага духовной мощи. В самом деле, его любимые персонажи — политрук Синцов, комдив Серпилин, военврач Овсянникова, подполковник Климович — **люди веры**, живые носители исконно русского религиозного сознания, под давлением богоборческой идеологии принявшего нелепую форму атеистического мировоззрения. И во что бы они ни верили — в Советскую власть и ее “святое и незапятнанное дело” (коммунизм), “в свою армию, в своих товарищей, наконец, в самого себя” (как Синцов) или в ставшего для них *богом войны* Сталина (как Серпилин и его друг из Генштаба Иван Алексеевич) — именно вера помогла им выдержать “страшную тяжесть первых дней войны”, перестрадать их в “сумятице и панике прифронтовых дорог”⁸, преодолеть состояния бессилия, тоски и отчаяния при виде лавины беззащитных соотечественников-беженцев и, главное, достойно пройти через испытание *абсолютным страхом*, страхом насильственной смерти, нередко превращающим человека в животное, в предателя или раба. Заметим, между прочим, что вера, в понимании Симонова, представляет собой нечто большее, чем “сила жизни” (как у Толстого): завязывая в “железный узел” сражающееся за Родину **поколение сталинцев**, обретая, таким образом, статус ударной *духовной силы* мировой истории, вера наращивает свою мощь и действенность за счет связи ее живых носителей с миром *мертвых*. “Он не пережил бы тех дней без этой веры, с которой незаметно для себя, как и миллионы других военных и невоенных людей, втянулся в четырехлетнюю войну”⁹, — читаем о Синцове в первой же главе романа.

Имя воющего народа — СТАЛИН

Любопытно, что в трилогии Симонова нет и тени так называемого “культа личности”, сфабрикованного ненавистной Сталину бюрократией вопреки воле вождя, зато есть явные признаки символической реконструкции *культа мертвых*, без которого немислимо существование народа в качестве *соборного субъекта* исторического действия. Поколения, теряющие духовную связь со своими отцами, дедами и прадедами, забывающие о великих предках, превращаются в пыль, в этнографический материал для губительных социальных экспериментов, инициируемых всякого рода самозванцами-авантюристами или просто недоумками. Одно из самых сильных потрясений запечатленного в романе “великого и трудного времени” было связано с поездкой Симонова осенью 1941 года в смоленскую глушь в поисках наших вышедших из окружения дивизий. “По проселкам шли только мобилизованные, — вспоминал Симонов. — В деревнях оставались женщины. Они выходили на дорогу, останавливали машину, выносили из погребов крынки с холодным молоком, поили нас, крестили и вдруг, как-то сразу перестав стесняться, что мы военные и партийные, говори ли нам: “Спаси вас господи. Пусть вам бог поможет”, — и долго смотрели нам вслед. ... Деревни были маленькие, и около них, обычно

⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. С. 122.

⁶ Там же. С. 40–41.

⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 36.

⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 39.

⁹ Там же. С. 37.

на косогорах, рядом с покосившейся церквушкой... виднелись большие кладбища с одинаковыми, похожими друг на друга крестами. Несоответствие между количеством изб в деревне и количеством этих крестов потрясло меня. Я понял, насколько сильно во мне чувство родины, насколько я чувствую эту землю своей и как глубоко корнями ушли в нее все эти люди, которые живут на ней. Горести первых двух недель войны убедили меня в том, что и сюда могут прийти немцы, но представить себе эту землю немецкой было невозможно. Что бы там ни было, она была и останется русской. На этих кладбищах было похоронено столько безвестных предков, дедов и прадедов, каких-то никогда не виденных нами стариков, что эта земля казалась русской не только сверху, но и вглубь, на много саженей"¹⁰. Пережитое тогда **потрясение** вскоре нашло свое лирическое выражение в волнующих и по сей день строках, написанных в ноябре 1941 года:

*Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.*

Казалось бы, что еще прибавить к сказанному о поразившем поэта будничном эпизоде военного времени? Тем не менее Симонов через четырнадцать лет возвращается к захватившей его тогда мысли о неразрывной мистической взаимосвязи живых и мертвых, увековечивая и в прозе, и в публицистике героев своего "великого и трудного времени", собирая в художественном слове бесценные крупницы их уникального духовного опыта, обретенного в смертельной схватке с нацизмом. Мертвые не уходят, не оставляют наш мир навсегда, продолжая так или иначе поддерживать живых в противоборстве с силами разрушения и смерти. Без магической связи с русским миром, включавшим в свой состав и живых, и мертвых, вряд ли Сталину удалось бы стать для воюющего народа человеком-символом, более того — Верховным "богом войны"¹¹, запустившим механизм мстящей справедливости, а для узкого круга "знающих людей"¹² — исполнителем грандиозного "религиозного задания" (используем термин евразийцев), продолжателем Великого Дела противостояния красной России экспансии романо-германской цивилизации, выдвинувшей на этот раз в качестве своего авангарда черный орден СС. Сталин понимал скрытый, инфернальный смысл нового нашествия "тевтонцев" и знал, как защитить страну в этой "войне мировоззрений"¹³ — на уровне духовного противоборства рас и народов, хотя в его кремлевском кабинете вместо иконописных ликов русских святых мы (вместе с автором романа) видим лишь портреты Суворова и Кутузова¹⁴. Благодаря Сталину испытанные и закаленные в борьбе с Западом Александр Невский, Суворов, Багратион и Кутузов словно восстали из мертвых, став незримыми участниками неожиданного для гитлеровцев по своему упорству сопротивления. С воодушевлявшей воюющий народ решимостью Сталин использовал символику русского духовно-исторического сознания и в психолого-идеологическом, и в военно-политическом противодействии эзотерическому гитлеризму. Символы русской святости использовались накануне и в ходе нашего контрнаступления под Москвой, в битве за Сталинград (Красный Царицын), победа в которой предопределила исход всей Второй мировой войны. Подвиги бойцов и командиров Красной Армии были отмечены наградами с ликами наших выдающихся полководцев.

¹⁰ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. С. 84–85.

¹¹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Роман в трех книгах. Книга вторая. Солдаты не рождаются. М., 1989. С. 668–669.

¹² Там же. С. 661.

¹³ Водолагин А. В. Собрание духа. Пути и беспутство русской мысли. Саарбрюкен, 2013. С. 154–167.

¹⁴ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 169. О портретах Маркса и Ленина Симонов даже не упоминает.

И совсем не случайно капитуляцию германской армии в Карлсборге по поручению Сталина принимал 70 лет назад Г. К. Жуков — **русский Георгий Победоносец**. Присутствовавший при подписании акта о безоговорочной капитуляции Константин Симонов вспоминает в дневниках красивое, сильное, *сияющее* лицо Жукова, которое было совсем другим шесть лет назад после победы над японцами на Халхин-Голе — насмешливо-спокойным и холодным¹⁵. Теперь же в его лице — сияние русского духа — Победителя, получившего “венец жизни”. И на Параде Победы в Москве 24 июня 1945 года мы видим тот же русский дух *верхом на белом коне* и *взирающего на действо с высоты своего сверхчеловеческого величия “бога войны” Сталина*.

Внизу же, где многого не знают, но верят и пытаются думать, апокалиптическая схватка совершалась в кровавых, чудовищно-зримых проявлениях. Комбат Синцов, превозмогая страх смерти, бил ненавистных врагов под Москвой и Сталинградом, исполняя неписаный **закон возмездия**, мстя за миллионы замученных и убитых соотечественников; и, как кажется, уже не знавший страха Серпилин накануне контрнаступления под Сталинградом ощущал “у себя за спиной толпу мертвых... ”¹⁶, призывавших оставшихся в живых к свершению *всемирного суда* над нацизмом. При этом для обоих, как и для огромного большинства участников “незапланированного” агрессором сопротивления, была крайне важна прямая связь с *Верховным*, “железная воля” которого воспринимается как нравственная сила, освобождающая народ от иллюзий, восстанавливающая справедливость. Нужно сказать, что в изображении Сталина мы не находим у Симонова и следов “социалистического реализма”: реальная историческая фигура Верховного Главнокомандующего вырисовывается в романе в контексте *переживаний сознания* того или иного персонажа, то есть феноменологически. Это, скорее, некий *идеал-реализм* в захватывающих художественных образах, — способ мышления, сформировавший философский подтекст романа. Посмотрим, к примеру, как политрук Синцов (*alter ego* автора) выходит из состояний *потерянности*, “ужаса и недоумения”, вспоминая во всех подробностях речь Сталина 3 июля 41-го года, его “пронзившее душу обращение”: “Друзья мои!”, которое потом целый день повторял весь госпиталь... “Как, отдал бы я свою жизнь за Сталина, если бы мне вот просто так пришли и сказали: умри, чтобы он жил? Да, отдал бы, и сегодня проще, чем когда-нибудь!” “Друзья мои...” — повторяя слова Сталина, прошептал Синцов и вдруг понял, что ему уже давно не хватало во всем том большим и громадным, что на его памяти делал Сталин, вот этих сказанных только сегодня слов: “Братья и сестры! Друзья мои!”, а верней — чувства, стоявшего за этими словами. ... Главным же, что оставалось в душе после речи Сталина, было напряженное ожидание перемен к лучшему. И это ожидание как будто начало оправдываться даже скорей, чем думалось, — в первую же неделю”¹⁷. Такова исцеляющая **магия религиозно фундированной политической воли**. В поразившем Синцова обращении тот, кого привыкли считать недостижимым в своем могуществе и величии вершителем судеб мира, обращается к соотечественникам, как к равным себе, “как человек, связанный со всеми ними общим горем, которое вместе хлебать”¹⁸, обрушивая (пусть на мгновение) все условности социальной иерархии, отменяя непреодолимость дистанции между властвующим и подвластными. В результате исчезает пугающая атмосфера отчуждения и возникает неформальная, прямая духовно-практическая **связь служащего своему народу вождя** (служащего, а не господствующего над ним) **с каждым доверяющим ему, верящим в него индивидом**, связь, которая до поры до времени не может быть нарушена раболепствующей перед правителем партийной бюрократией — *проклятой кастой*. По сути, одним своим живым, искренним словом Сталин разрушил типичную для авторитарных режимов модель отношений господства и подчинения, положив начало иной форме властвования, ассоциировавшейся для него с *духовным братством* стражей платоновского “идеального государства”, о котором он узнал еще в юности, в период обучения в Тифлисской духовной семинарии. При этом в “рабском сознании” холуйски прислуживавшего вождю “жречест-

¹⁵ Симонов К. М. Разные дни войны. Т. II. М., 1977. С. 777.

¹⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 13.

¹⁷ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 67.

¹⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 673.

ва” он так и остался тираном. Оценивая эпохальный масштаб исторической фигуры Сталина в его все еще неразгаданном *в-себе-бытии*, важно учитывать, кем он был в своем *бытии-для-другого*, для соратника по борьбе, который видел в нем *товарища* Сталина (как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. Х. Баграмян и многие другие), а не *господина*, и, с другой стороны, для затаившегося врага, опасную близость которого Сталин ощущал постоянно более трех десятилетий (*Иудушки* Троцкого, “красного Бонапарта” Тухачевского, замаскированного троцкиста *подхалима* Хрущева и др.). При этом важно понять, что так называемый “культ личности” – **фантом рабского сознания**, взращенный жрецами сталинизма, всякого рода “инженерами человеческих душ”, *богостроителями*, изобретателями *религии человекобожества*¹⁹ – теми, кого терпеть не могли *лучшие люди* в окружении Сталина, кто готовил ему – своему Хозяину и Господину – “смерть вторую” в 1956 году. Размышляя вместе со своими героями о мере сверхчеловеческого величия Сталина, Симонов не отрицал в нем ни явных признаков деспотического самовластья, ни проявлений “нечеловеческого презрения к людям”²⁰, свидетельствовавшего, между прочим, о том, что в эпоху “**крушения гуманизма**” он, ради спасения “не на жизнь, а на смерть воевавшей страны”²¹, с которой себя отождествлял, был вынужден стать выше человеческого, *слишком человеческого*, в том числе и в отношениях к своим ближним, с которыми был довольно-таки жесток, а иногда и чрезмерно жесток. Это не мешало ему – *сверхчеловеку* в формате мировой истории, казалось бы, полностью освободившемуся от человеческих привязанностей, – в повседневных обстоятельствах совершенно искренне проявлять понятную людям и восхищавшую их человеческую теплоту. Примечательно, что в сцене общения Верховного Главнокомандующего с приехавшими к нему в Кремль партизанами Сталин не проявлял никаких признаков *харизматического лидерства*, и гости его, по словам Симонова, радовались “отеческому вниманию Сталина ко всем подробностям их партизанской жизни” и тому, как он отмахнулся от вошедшего с докладом генерал-лейтенанта²². Многочисленные документальные подтверждения простоты и благожелательности Сталина в сочетании с поражающей эрудицией и прозорливостью, граничившей с ясновидением²³, находим в мемуарах наших выдающихся полководцев-победителей, совершенно свободных от каких-либо элементов раболепия в отношении к Верховному Главнокомандующему, не боявшихся оспаривать его мнение по тому или иному вопросу стратегической значимости. Маршалу Г. К. Жукову запомнился ноябрьский эпизод 1941 года, когда, после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта, Сталин позвонил ему и спросил: “Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист”²⁴. И Жуков говорил, как всегда, честно и прямо, отвечал первому среди равных, в чем-то не соглашаясь с ним, споря. Это было нормой в общении с *Верховным*. И страна побеждала, была на подъеме, пока во главе ее был человек “с болью в душе” – за Родину.

Москва в понимании ритуала-нестяжателя Сталина – град Божий, Новый Иерусалим, центр мировой истории, и его “боль в душе” за Москву в ноябре 1941 года таила в себе планетарный смысл. Взрывая Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой, гитлеровцы уничтожали символ русского “Царства Небесного” (= коммунизма), низведенного Сталиным с небес на землю. В романе “Живые и мертвые” Константин Симонов возвращает нам то понимание русского коммунизма как “святого и незапятнанного дела”, которое было отвергнуто раболепствовавшей перед вождем партийной бюрократией – *проклятой кастой*.

Но и в нижних эшелонах власти, среди настоящих *русских коммунистов* (подобных Синцову, Серпилину и Малинину) никакого явного раболепия и низкопоклонства не было, хотя, как говорит один из персонажей Симонова,

¹⁹ Самым выдающимся среди них был русский ницшеанец М. Горький.

²⁰ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 669.

²¹ Там же. С. 672.

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 664.

²⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 31.

везде и всегда *сволочей хватало*²⁵. Было иное, восторженно-доверчивое, в чем-то инфантильное, отношение к гению “непререкаемой власти”. Обнаружилось оно и в провидческих словах двадцатилетнего поэта-фронтовика, писавшего в том же критическом для страны ноябре 1941 года:

*Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем. <...>
Товарищ Сталин, сердцем и душою
С тобою до конца твои сыны,
Мы твердо верим, что придем с тобою
К победному решению войны. <...>
Там в день победы мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.*

Двумя десятилетиями позже Симонов, уже очистивший свое сознание от элементов авторитарной психологии, пишет о том, как Синцов “с жадным любопытством” расспрашивал о Сталине у бывшего штабного офицера Артемьева, допытывался: “Объясни, какой он?..”²⁶ “Синцову хотелось знать это. Ему всю войну хотелось знать про Сталина как можно больше, потому что в глубине души ответ на вопрос — какой он, Сталин? — связывался с ответом на другой, главный вопрос: почему только сейчас, на второй год войны, наступает начало настоящей расплаты с немцами? Вопрос этот как бы ставил под сомнение меру величия Сталина и меру безошибочности его решений. А в то же время, когда комбат Синцов, полтора года проживший на переднем крае, всё еще искал ответа на вопрос: “Почему война шла так, а не иначе?” — в том, какой Сталин, — это было молчаливым признанием того места, которое занимал Сталин и в его мыслях о прошлом, и в его надеждах на будущее, да и вообще во всей его жизни”²⁷. В завершающей трилогию книге “Последнее лето” автор снова привлекает внимание читателей к загадкам той “громадной и страшной войны”, одна из которых так или иначе связана с нашим иррациональным отношением к мертвым: “И все ли верно потом разгадают, тоже вопрос, — подумал Синцов, незаметно перейдя от мыслей о настоящем к мыслям о будущем. В этом будущем занимали свое место и люди, которых уже не было. Но хотя их уже не было, что-то сохранившееся от них переходило в будущее. Какая-то часть их прижизненной силы и нравственного значения, оказывается, не умерла вместе с ними, а продолжала существовать и влияла сейчас на мысли Синцова о его собственном будущем и о будущем вообще, о том, что после войны все должно быть хорошо и справедливо. ... Была твердая вера в это. И частью этой веры в будущее была неумершая вера в умершего человека — в Серпилина”²⁸.

Хотя герой Симонова и не доходит в своем вопрошании-разгадывании до ослабляющего, а порой и парализующего скептицизма, оставаясь человеком веры, он в качестве *мыслящего существа*, во всяком случае, уже не чувствует себя “песчинкой” в снова обрушившейся с запада на восток лавине мировой истории, не считает себя “мелкой сошкой”²⁹ или *винтиком* в “бешеном колесе войны”³⁰. Мы видим, как *сталинец*, считающий, что “на войне надо думать. И, очевидно, все время”³¹, склоняется к довольно-таки необычному для коммуниста решению известного “вопроса о роли личности в истории”, чуждому как толстовству, так и западному марксизму. Изображая **движение мысли героя, рост его самосознания в ситуациях смертельной опасности,**

²⁵ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. С. 29, 172.

²⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 475.

²⁷ Там же. С. 476.

²⁸ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга третья. Последнее лето. С. 583.

²⁹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 476.

³⁰ Там же. С. 579.

³¹ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга первая. Там же. С. 65.

Симонов разворачивает перед читателем свое собственное мышление о мышлении, то есть настоящую, ни у кого не вычитанную философию, в частности, предлагает и свое решение одной из ключевых проблем историософии. Его суть сформулирована во второй книге трилогии устами генерала Генштаба, друга загнанного в лагерь в 1937 году “за пропаганду превосходства фашистского вермахта” и вернувшегося в строй в 1941-м Серпилина: “Да, Сталин — это Сталин! И этим всё сказано, хотя ты знаешь о нем больше многих других, знаешь и то, что было перед войной, и то, что было в начале войны... А в то же время в его непререкаемом авторитете, даже просто в самом его имени, невероятная сила. Как-то уж так с годами вышло, что **все, во что верим: в партию, в армию, в самих себя, все, как жилы в трос, заплетено в это имя** (выделено мной. — А. В.). И на этом тросе тянем всю тяжесть войны. Все выбивающимся из сил народом тянем, а имя на всех одно: Сталин”³². Иосиф Сталин — не просто выдающаяся личность, и о себе он неспроста говорит “в третьем лице” или “мы”³³, словно навсегда отказался от своего “Я”. Не это ли увидел Серпилин в “безжалостно-холодных глазах Сталина”, когда пришел к нему с просьбой об освобождении своего друга и соратника по обороне Царицына в 1918 году, где и познакомился с членом Реввоенсовета И. В. Сталиным? “Увидел эти глаза и понял то, о чем до сих пор всегда боялся думать: жаловаться некому!”³⁴ Перед ним был человек, научившийся переступать через свои воспоминания, свободный от человеческих привязанностей, ничего не творивший от себя и для себя.

Сталинское “отрицание отрицания”

Таким образом, проблема не в личности Сталина и ее “роли в истории”. Мол, послушались бы большевики своего сраженного insultом Ильича, приняли бы во внимание подмеченные им “некоторые личные черты” присущие Сталину и, глядишь, не случились бы “необоснованные” массовые репрессии. Так ли? По верной мысли одного из персонажей романа, **Сталин отождествил себя со страной** и тем самым (добавим от себя) **обрел статус “субстанционального деятеля”**, отбросившего всё личное. В его лице Россия-Евразия как подвижная, внутренне хаотичная историческая субстанция (Континент-Океан) получила субъекта упорядочивающей, “непререкаемой власти”, носителя коллективной воли к мощи и, таким образом, стала субстанцией-субъектом, ведущей силой мировой истории, *сверхдержавой*. Вот почему Сталин — не имя лица в его единичной субъективности, а имя “симфонической личности” — России, так что суть “сталинизма” не может быть сведена к “культу личности” Сталина и его последствиям, как это было сделано на XX съезде КПСС бывшим троцкистом³⁵, выдвиженцем Лазаря Кагановича Хрущевым и делается до сих пор его бездарными последышами — лакействующими перед США ельцинистами — с их жалкими проектами “десталинизации”. Суть сталинизма — в том *Великом Деле*, которому самоотверженно служил И. В. Сталин, практически отказавшись от “личной жизни”, забыв о “личных интересах”, став чем-то большим, чем просто личность, — орудием “железной воли” борющегося за выживание *сверхнарода*, создающего сверхдержаву — основу нового, справедливого миропорядка — наперекор привыкшему доминировать в мировой истории Западу.

“Он с раздражением вспомнил о последнем, особенно уклончивом совместном послании Рузвельта и Черчилля, — читаем о Сталине во второй книге симоновской трилогии. — Сегодня он был еще бессилён заставить их поступить так, как это нужно ему. Иногда это чувство бессилия, соединенное с чувством одиночества, доводило его до холодного бешенства. Он был один против них двоих в этой сложной и утомительной игре, один против двоих сейчас, в этой переписке, и будет один против двоих, когда они наконец встретятся”³⁶. И далее — о “холодном усталом бешенстве”, которое Сталин

³² Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 134–135.

³³ Там же. С. 671, 663.

³⁴ Там же. С. 664.

³⁵ Рыбас С. Ю. Сталин. М., 2015. С. 324.

³⁶ Симонов К. М. Живые и мертвые. Книга вторая. С. 670–671.

уже в 1943 году испытывал при мысли о союзниках — англосаксах, представлявших лишь одну половину на время разорванного войной западного мира, “но в конечном-то счете все равно единого в своем неприятии нас”³⁷.

Перечитывая трилогию Константина Симонова сегодня, невольно начинаешь смотреть на Сталина глазами любимого персонажа писателя — командарма Серпилина, верящего в солдатское *братство во Христе, полурусского-полутатарина*, то есть и по крови своей, и по духу *евразийца*, готового (как и Синцов) отдать свою жизнь за Сталина, несмотря на четыре года, проведенные на Колыме. Хотя *точка зрения* Серпилина и не определяющая в романе, именно она позволяет приблизиться к разгадке духовно-исторической миссии Сталина как *Правителя красных земель*, призванного — подобно Александру Невскому и Михаилу Кутузову — к тому, чтобы остановить экспансию нигилистической, смертоносной, по своей скрытой сути, *романо-германской цивилизации*, которая до сих пор не может отказаться от идеи колонизации России-Евразии, предаваясь грезам уже не только об украинском черноземе и донбасском угле, но и о природных богатствах Сибири и Арктики. Практически Сталин противопоставил западной воле к ничто русскую волю к жизни. В этом и состоял глубинный, жизнеутверждающий смысл сталинского “отрицания отрицания” — принципа, усвоенного юным Иосифом в Тифлисской духовной семинарии в ходе штудирования Маркса, вскрывшего агрессивновампирическую природу западного капитализма, под “железной пятой” которого, в конце концов, оказались все народы Земли без исключения. Сталин и противопоставил этой “железной пяте” свою “железную волю”, то есть был вполне адекватен духу времени (*железному веку*).

До тех пор, пока русский народ сохраняет “ясный ум, стойкий характер и терпение”³⁸, о котором Верховный Главнокомандующий говорил 24 мая 1945 года в Георгиевском зале Кремля, он будет благодарен Сталину, по меньшей мере, за три исторические свершения: за нанесение удара возмездия по троцкизму, проводившему политику геноцида по отношению к коренному населению России и ее элитам, за организацию разгрома военно-политической машины Третьего Рейха и предотвращение атомных бомбардировок СССР нашими “союзниками” англосаксами — путем реализации советского атомного проекта. В нынешней обстановке сталинский опыт выстраивания отношений с Западом (Тегеран, Ялта, Потсдам, Нюрнберг и т. д.) самым неожиданным образом становится остро актуальным для России, трижды преданной и распятой в минувшем веке и воскресающей из мертвых в веке нынешнем. Настало время, когда и слепые прозревают: Сталин остается в недостижимом для политических карликов сонме великих, среди мертвых, которые не мертвы, постоянно напоминая о себе нам — живым, доводя до истерики бесноватых адептов “десталинизации”. Имя Верховного Главнокомандующего — маршала нашей Великой Победы — никогда не изгладится из книги жизни.

---

³⁷ Там же. С. 671.

³⁸ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 599.

ЕКАТЕРИНА ТЮШИНА

МИХАИЛ БОРИСОВ — ЛИЧНЫЙ ВРАГ ГИТЛЕРА

9 мая 2015 года наша страна отметит важную дату — 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Сегодня мы обращаем слова благодарности и чтим память тех, кому обязаны счастьем жить на Земле, тех, кто отстоял наши жизни на полях войны. Многие фронтовики, пройдя военными дорогами, писали стихи о мужестве, стойкости, любви и верности родной стране. Особое место среди них занимает фронтовик, поэт, Герой Советского Союза Михаил Федорович Борисов. О героическом подвиге Михаила Борисова во время Курской битвы написано много, но вся его жизнь не уместится и в целую книгу.

Родился поэт 22 марта 1924 года в посёлке Михайловский Баевского района Алтайского края в крестьянской семье. Детские и юношеские годы прошли в г. Камень-на-Оби. В школе Михаил активно занимался спортом и военным делом. К концу восьмилетки отлично знал устройство винтовки, револьвера, пулемёта. Впоследствии эти знания ему очень пригодились, поскольку воевать довелось много, причём в таких местах и таких сражениях, где мало кто оставался живым.

В первые же дни Великой Отечественной войны семнадцатилетний паренёк добился призыва на военную службу. Правда, на фронт не взяли, отправили учиться в Томское артиллерийское училище. После четырёх месяцев учёбы вместе с остальными курсантами был отправлен под Москву, а оттуда — в Краснодар, и зачислен в наводчики 50-миллиметрового миномёта. Боевое крещение Борисов принял в декабре 1941 года при высадке морского десанта под Керчью.

Ещё в проливе десантники подверглись массированному налёту вражеской авиации, несколько сейнеров, на которых они шли, были потоплены, однако Керчь всё-таки освободили. Оставшихся в живых бойцов распределили по разным подразделениям, а Михаила Борисова назначили наводчиком 82-миллиметрового миномёта. 22 марта 1942 года, в день, когда ему исполнилось 18 лет, он был ранен и тяжело контужен. Пролечившись в госпитале в Ессентуках, он в конце лета 1942 года был направлен в 36-й гвардейский стрелковый полк 14-й гвардейской стрелковой дивизии, где стал служить наводчиком 45-мм противотанкового орудия. В составе Донского фронта участвовал в Сталинградской битве. За четыре месяца боёв его расчёт пять раз полностью сменился, а его самого не задело ни осколком, ни пулей.

Зимой 1943 года при передислокации он был сильно простужен и с высокой температурой отстал от своей части. Шли ночью, в снегопад, он сам шёл,

вцепившись в повозку, и дремал на ходу. В какой-то момент рука отцепилась, он упал и остался лежать на дороге. Его заметили, подняли, он прошёл ещё немного и опять упал. Его подобрал автомобиль 58-й механизированной бригады. Позднее Михаил узнал, что расчёт его орудия полностью погиб на следующее утро при авианалёте противника. Его же зачислили наводчиком орудия ЗИС-3 в отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион. 11 февраля 1943 года в районе города Дебальцево орудийный расчёт 76-миллиметрового орудия, в котором служил наводчиком сержант М. Ф. Борисов, при отражении вражеской атаки уничтожил пулемёт противника, бронемашину и до 140 человек живой силы. Это был подвиг, в награду за который Борисов услышал от своего командира взвода слова: "Спасибо, ты хорошо стрелял". За этот бой Борисов был представлен к ордену Красного Знамени, однако документы на награждение затерялись.

Во время сражения за Харьков 22 марта 1943 года, уже во второй свой день рождения, он снова был контужен. После лечения, в должности комсорга артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады 28 танкового корпуса на Воронежском фронте, Борисов участвовал в Курской битве. Под Прохоровкой он совершил свой подвиг — лично уничтожил 7 немецких "тигров". 11 июля 1943 года батареею дивизиона, в которой был наводчиком Михаил Борисов, в районе села Прохоровка атаковало 19 немецких танков. В неравном поединке батарея была подавлена, и сержант Борисов продолжал бой один. Позже он вспоминал: "Я занимался обычным солдатским делом. К какому-то орудью подносил снаряды, относил раненых в сторону и перевязывал. Когда умолкла последняя пушка, кинулся к ней. Покрутил маховичками, всё оказалось в порядке, да и снаряд находился уже в казеннике. Поймал в перекрёстье панорамы борт ближайшего "тигра" и нажал на спуск. Танк задымил. Сбежал за снарядом. И второй выстрел оказался удачным. Дослав очередную снаряд, краем глаза увидел бегущих ко мне комбата и командира огневого взвода лейтенанта Красноносова. Полегчало. Опять бью по вражеским машинам, опять они полыхают, как факелы. Но тут тяжело ранило Павла Ажиппо и контузило Володю Красноносова. Я выхватил из рук комбата снаряд, щёлкнул орудийным замком и прильнул глазом к панораме. И ещё один зверь уткнулся рылом в землю. Новый бросок за снарядом и новый выстрел. Последний, восьмой по счёту танк подошёл ко мне метров на 60–70. Медлить было нельзя. Я грубо навел ствол пушки ему в лоб. Снаряд выбил только сноп искр. Лобовая броня "тигра" около двадцати сантиметров, была ему не по зубам. Но всё же что-то в танке, видимо, разладилось. Он остановился как вкопанный, успев ответным выстрелом разбить мою последнюю защиту". Борисову повезло. За его схваткой с "тиграми" следил со своего НП командир корпуса генерал Алексей Попов. Он-то и приказал вытащить его, уже раненого, из-под огня. В этом бою батарея погибла, но свою задачу выполнила: продержавшись несколько минут, уничтожила шестнадцать вражеских машин на неизвестном тогда ещё Прохоровском поле. Семь танков, а сам он считал — семь с половиной, — были укрошены Михаилом Борисовым. Через десять дней, сбежав из госпиталя и разыскав свою бригаду, Борисов узнал, что его представили к званию Героя Советского Союза. Узнал и о том, что на другой день после его поединка с "тиграми" там же произошло небывалое в истории мировых войн танковое побоище.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 года за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда" (№ 2358).

В числе таких выдающихся личностей, как Сталин, маршал Жуков, командир подводной лодки Маринеско, композитор Шостакович и диктор Левитан, Михаил Фёдорович Борисов был объявлен **личным врагом Гитлера**.

Много лет спустя, уже став известным поэтом, автором нескольких больших и малых книг, Михаил Борисов написал в одном из стихотворений:

*Сорок третий горечью полынной
На меня пахнул издалека —
Чёрною, обугленной равниной
Видится мне Курская дуза.*

*Те бои — как мера нашей силы.
Потому она и дорога,
Насмерть прикипевшая к России
Курская великая дуга...*

1 сентября 1944 года Михаил Борисов был отправлен на фронтовые курсы младших лейтенантов. После их окончания в марте-мае 1945 года участвовал в Висло-Одерской операции. 22 марта 1945 года, уже в третий свой день рождения, был опять ранен, но, зная о предстоящем наступлении на Берлин, чуть подлечившись, вернулся из госпиталя в часть. После следующего ранения в госпиталь уже не пошёл. После перевязки командовал взводом управления батареи на костылях. Форсировал Одер, штурмовал Берлин. 3 мая 1945 года Герой Советского Союза младший лейтенант Михаил Борисов расписался на стене Рейхстага, над которым уже развевалось наше знамя.

“...Вокруг известка, копоть, всё обгорелое, полугорелое. Везде надписи. Я не удержался, — вспоминал он, — тоже взял кусок известки и написал: “Я из Сибири”. И подписался — Михаил Борисов”.

После войны в звании лейтенанта продолжал службу в артиллерии в Группе советских войск в Германии. В августе 1946 года М. Ф. Борисов ушёл в запас. Послевоенная жизнь Михаила Фёдоровича была насыщенной и разнообразной. В 1948 году окончил Новосибирскую юридическую школу. Работал помощником прокурора и следователем, был депутатом городского Совета народных депутатов Новосибирска. С 1952 года служил в органах госбезопасности. Окончил Алма-Атинский юридический институт и Кузнецкий горный техникум. В 1958 году Борисова М. Ф. откомандировали в Главное управление внутренних войск МВД СССР. Служил инструктором политотдела Южно-Кузбасского исправительно-трудового лагеря, начальником отряда Абачурской исправительно-трудовой колонии, инспектором организационно-методического отдела Кузбасского управления лесных исправительно-трудовых учреждений. Участвовал в строительстве шахт в Кузбассе и строительстве Западно-Сибирского металлургического завода. Здесь, на Кузнецкой земле проснулся поэтический талант. Начал писать стихи, публиковаться в газете “Кузнецкий рабочий”. В 1965 году вышла первая книга стихов Михаила Борисова “Верность”. С 1975 года работал в Академии МВД и журнале “На боевом посту”. В отставку ушёл в 1981 году в звании полковника.

Шестьдесят лет своей жизни Михаил Фёдорович Борисов посвятил военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Много раз выступал по радио и по телевидению, печатался в центральных и местных газетах, в журналах. С его участием снято два документальных фильма: “Первый салют” и “Поле под Прохоровкой”. Был членом правления Московского клуба Героев Советского Союза, Героев России и полных кавалеров ордена Славы. Но главным делом его жизни всегда оставалась литература. В 1976 году он стал членом Союза писателей России. Стихи ветерана войны публиковались почти во всех центральных газетах и журналах, а также в Болгарии, Венгрии и Польше. Он автор более 30-ти сборников стихов, в их числе “Земные высоты”, “Край мой отчий”, “На линии огня” и др. Его произведения отмечены престижными литературными премиями им. А. Фадеева, К. Симонова, Н. Скоморохова, “Прохоровское поле”. Борисов был удостоен звания лауреата премии “Золотой венец Победы”. Являлся действительным членом Международной академии духовного единства народов мира. Его книга “Эхо на рассвете” удостоена диплома Министерства обороны СССР.

Юность, война, огромный пласт впечатлений, чувств, фронтовых переживаний отпечатком лежат на стихах Михаила Фёдоровича Борисова.

*На фронте мы не думали о нервах —
Война кроила землю под погост,
А из траншей бойцы в шинелях серых,
Бывало, поднимались в полный рост.
Он так и встал
Однажды в сорок первом,
Мой командир, почти ровесник мой,
И поднял роту собственным примером
В последний и решительный наш бой...*

Последние годы Михаил Фёдорович Борисов жил в Москве. Ушёл из жизни 9 марта 2010 года.

Военно-патриотическая и литературная деятельность поэта-ветерана Михаила Фёдоровича Борисова не забыта. В Москве на доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска, в белгородском музее-диораме "Огненная дуга" установлен бюст М. Ф. Борисова.

Помнят его и в Сибири, на Кузнецкой и Алтайской земле. В качестве почётного солдата М. Ф. Борисов зачислен в списки личного состава воинской части, дислоцированной в Новокузнецке. С 2011 года Центральная городская библиотека в городе Камень-на-Оби носит имя М. Ф. Борисова.

Ежегодно 22 марта, в день его рождения, на Алтае проходят Борисовские чтения, в завершении которых на районной аллее Героев города Камень-на-Оби торжественно возлагается венок к бюсту Героя Советского Союза, поэта Михаила Фёдоровича Борисова.

*Я возвращаюсь всякий раз туда
В окопный быт,
В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.
Тогда ни ночи не было,
Ни дня,
Тогда земля и небо цепенели,
И мы нередко различали цели
В пределах только сектора огня.
Без выси, широты и глубины
Казался мир в винтовочную прорезь.
Он и сейчас спрессован,
Словно совесть
Мальчишек, не вернувшихся с войны.*